

Игна Золтерс

Бессмертные

Книга 2

Ничто не может остановить Рейн Купер, когда она чего-то хочет... Рейн, наконец, знает, что ее великолепный сосед Торин Сент-Джеймс — легенда из скандинавской мифологии, и что ее чувства к нему сильны. Торин без ума от Рейн, но нарушил одно правило, которым жил: никогда не поддавайтесь Смертному. Проблема в том, что он больше не помнит ее, его воспоминания стерты Норнами — норвежскими судьбоносными божествами, чтобы наказать девушку за то, что она бросила им вызов. Так что Рейн придумала план... Она сделает так, чтобы Торин забыл свое правило во второй раз и влюбился в нее снова. Но Рейн быстро узнает, что хорошо продуманные планы не работают, когда имеют дело с божествами и сверхъестественными существами. Отчаявшись, девушка делает выбор, который может не только разлучить ее и Торуна в дальнейшем, но и привести к уничтожению всего и всех, кого она любит.

Эдна Уолтерс

Бессмертные

Серия: Руны — 2

Асы — группа богов в скандинавской мифологии.

Асгард — страна богов-Асов.

Один — отец и предводитель всех богов и людей. Вождь Асов. Половина погибших солдат/воинов/атлетов отправляется в его чертог — Вальгаллу.

Ваны — ещё одна группа богов в скандинавской мифологии.

Ванахейм — страна богов-Ванов.

Фрейя — богиня любви и плодородия. Происходит из рода Ванов. Другая половина погибших воинов/солдат/атлетов отправляется в её чертог — Фалькванг.

Фригг — жена Одина, покровительница брака и материнства.

Норны — божества, определяющие судьбы людей и богов.

Вёльва — могущественная пророчица.

Вёлур — группа пророчиц.

Бессмертные — люди, переставшие стареть; могут самоисцеляться при помощи запечатлённых на коже магических рун.

Валькирии — Бессмертные, собирающие души павших воинов/солдат/атлетов и переправляющие их в Вльгаллу или в Фалькванг.

Биврёст — радужный мост, соединяющий Асгард с Землей.

Рагнарёк — финальная битва между богами и злыми великанами, за которой последует гибель мира.

Артавус — магический нож или клинок для нанесения рун.

Артаво — мн.ч. от артавус.

Стило — вид артавуса.

Глава 1

Начать заново

Стоянка напротив школы была забита учениками, пытающимися найти пустое место для парковки. Я втиснула свой седан сбоку от одного грузовика, заглушила мотор и так и осталась сидеть, наблюдая за снующими мимо школьниками. Я ожидала, что в любой момент кто-то заметит меня и выкрикнет: «Ведьма!»

Быть ведьмой не так уж и плохо по сравнению с тем, кто я есть. Точнее, кем стану после завершения своего обучения. Валькирией. Жнецом душ. От одной мысли по коже пробежали мурашки. Всего шесть недель назад я была обычной школьницей, голова которой была забита началом очередного скучного учебного года и парнем, в которого я была влюблена, как мне казалось, всю свою жизнь. Мой лучший друг — Эрик Севилль.

А затем в мою жизнь ворвался на своем черном Харлее, сияя хулиганской улыбкой и яркими голубыми глазами, Торин Сент-Джеймс. Он с ног на голову перевернул мой мир, открыл те участки моей души, о которых я не подозревала, заставил пересмотреть мое отношение к жизни и любви. С ним я чувствовала себя самой красивой девушкой в мире. Центром его существования.

Однако стоило мне только распробовать на вкус прелесть любви, как все тут же рухнуло, словно картонный домик. Уничтожено существами настолько могущественными, что даже боги трясутся в их присутствии. Меня передернуло. Прошло две недели, но образы того вечера до сих пор преследуют меня во снах.

Двенадцать пловцов из моей школы погибли ужасной смертью. Для всего мира их убило разрядом молнии во время соревнований по плаванию. В СМИ это назвали несчастным случаем, но я знала правду. Эту молнию вызвали злые Норны.

Норны — богини судьбы в скандинавской мифологии, были реальны и настолько отможены, насколько только возможно. Они блаженно проходят мимо, принося с собой бедствия, стихийные или вызванные человеком, ничуть не заботясь о жизнях, которые они разрушают. Хуже всего то, что я знала об их планах, но не остановила их. Не смогла остановить, хотя и пыталась. Валькирии, или в моем случае будущие Валькирии, не могут предотвратить смерть. У всего есть последствия.

Норны, в свою очередь, вершили судьбами богов и Смертных и творили, что хотели. Моя неповторимая, технически обделенная мама, может когда-то и могла спасти моих друзей по команде, но ее клубную карту Норны заблокировали, когда она влюбилась в моего Смертного отца и предпочла им его. Это случилось, когда она должна была стать хорошей Норной; хвала богам, не стала. Об этих пикантных подробностях из жизни моей мамы я узнала всего лишь две недели назад. Я все еще пыталась уложить это все у себя в голове. Сейчас меня больше занимала школа, друзья, которых я не видела две недели, и товарищи по плаванию, которые наблюдали за моими действиями отчаявшейся сумасшедшей во время тех соревнований.

Я все еще смотрела на спешащих школьников и пыталась собраться с духом: «Ты сможешь, Рейн. Кончай ныть и вытащи свою задницу из машины. Ты сможешь сделать это... Ты сможешь...»

Я резко выдохнула и открыла дверь.

К счастью защитных рун, которыми моя мама разрисовала всю машину, чтобы отвести

от аварии, теперь уже не было. На этом настояла я. Один их вид напоминал бы мне о том, что смогла избежать смерти, а мои друзья нет.

Я закинула на плечо рюкзак и потянулась за папкой на соседнем сиденье, когда в воздухе раздался рев Харлея. Грудь сдавило спазмом, и сердце забилося, как сумасшедшее.

Торин.

Меня охватило предвкушение и боль. Вчера вечером, когда мы с родителями вернулись домой, в окнах его дома не было света. Я беспокоилась, что он снова исчез, что его забрали мстительные Норны в качестве наказания за то, что я отказалась примкнуть к ним. Будто им было недостаточно стереть малейшую частичку его воспоминаний о нас. Я даже не знала, что лучше: не видеть его вовсе или видеть его, каждый раз осознавая, что он не помнит, что любил меня.

Он припарковал байк, снял шлем и откинул со лба прядь черных волос, открывая точеное лицо. Такой знакомый жест вызвал у меня улыбку. Он выглядел точно так же, как в тот день, когда впервые постучался ко мне в дом и лишил дара речи. Те же черные джинсы, футболка в тон к ним и кожаная куртка. И сапфировые глаза такие яркие, что было больно в них смотреть.

В темных уголках моих мыслей зародилась фантазия.

Я подбегаю к нему, обнимаю руками за шею, а он обхватывает руками мою талию и придвигает ближе к себе. Порывисто дышу, мускатный запах наполняет легкие, а от близости его тела становится тепло. Он говорит, что любит меня, голос проходит сквозь меня, разнося по телу волны желания. Я слышу, как громко бьется его сердце, в такт моему. Он наклоняет голову, мои губы покалывает от предвкушения. Но он не целует, заставляет меня ждать, желать большего. Наглый и дерзкий, он дразнит меня. Горячее дыхание ласкает мои губы, разжигая желание, такое же естественное, как и дыхание. Мое тело дрожит и тает, а потом он целует меня. Две половинки становятся целым.

До слуха начали доноситься смешки, и реальность подкралась так же незаметно, как вор в ночи, унося с собой мою фантазию. Только это мне и осталось. Фантазировать о том, что могло бы быть. Две хихикающие девушки чуть не споткнулись, уставившись на Торуна, сидящего на байке. Он поднялся. Двухметровая мечта любой девушки.

Мне хотелось прикоснуться к нему, поцеловать его снова, сказать, что он мой, как сделал он, когда Норны еще не вмешивались. Как я могу уступить им? Отказаться от Торуна? От нас?

Нет, ни за что. Не тогда, когда речь идет о Торине. Даже если мне придется напомнить ему обо всем, что между нами было, каждое прикосновение, поцелуй, я заставлю его вспомнить.

Как будто почувствовав мой взгляд, он обернулся и посмотрел прямо на меня.

Я резко опустила голову и выронила из рук папку, которая с глухим стуком упала на сырую землю. Я крепко зажмурилась и нагнулась, чтобы поднять ее.

«Так держать, Рейн. Это самое глупое, что могло случиться. И как я собираюсь помочь ему вспомнить, если даже не могу смотреть ему в глаза?»

Трусость не была закодирована в моей ДНК, но что мне еще оставалось делать, если последний раз, когда мы с ним виделись, я по-крупному облажалась? Я кинулась ему в руки и поцеловала, счастливая, что он вернулся, что снова могу видеть его, когда думала, что потеряла навсегда. Я не заметила его первую реакцию- сомнение — слова, по которым я должна была понять, что он забыл меня. Но он поцеловал меня в ответ, незнакомую, глупую

Смертную девчонку, которая сама бросилась к нему — к Валькирии.

Как же стыдно...

Но это было две недели назад. Сейчас же у меня был безотказный план, который поможет все исправить. Точнее, два плана, чтоб наверняка. Мой папа всегда учил меня, что должен быть запасной вариант. В итоге Торин либо вспомнит, что мы предназначены друг для друга, либо снова влюбится в меня.

Я медленно поднялась и выглянула из-за капота.

Наши глаза встретились, и я снова зажмурилась. Он стоял позади моей машины в высокомерной позе, к которой я уже привыкла, со свисающим с плеча рюкзаком, спрятав руки в передних карманах джинс и изучая меня пристальным взглядом сверкающих глаз. Через меня будто прошел разряд. Этот блеск все еще имел надо мной силу, от которой подкашивались коленки.

— Снова прячешься от меня, Лоррейн Купер? — спросил он низким гипнотическим голосом, и мое тело тут же отреагировало на этот сексуальный тембр. Мне хотелось наслаждаться этим чувством вечно.

— Нет. Не видишь, папку уронила, — я очистила красную обложку от грязи. Он улыбался так сексуально, что мое предательское сердце чуть не выскочило из груди. Я слишком хорошо знала эту улыбку. Она говорила, что он знает, что я лгу, но я решила оставить все, как есть. — Откуда ты знаешь мое имя?

— Миссис Ратледж сказала.

Мне всегда не нравилась наша болтливая соседка, но в этот раз я была готова ее простить. Я была все еще зла на нее из-за сегодняшнего утра. Стоило ей только увидеть меня, как она перекрестилась и побежала домой, словно я была порождением дьявола. Видимо, о том, что произошло в тот злосчастный день, знает уже весь город. Надеюсь, они не начнут охоту на ведьм. Сожжение у столба как-то не входит в мои планы.

Затем до меня дошел смысл слов, сказанных Торином.

— Что ты имеешь в виду под «снова прячешься от меня»?

— Ты исчезла сразу после того, как поцеловала.

К лицу прилила кровь. Надо, чтобы он продолжил эту тему.

— Думаешь, я ушла, потому что мы... эм... поцеловались?

— Ты поцеловала, — поправил он. Теперь мое лицо было красным, и он, видя это, расплылся в своей сногшибательной ухмылке.

— Мы с семьей уехали тогда в круиз, чтобы оказаться подальше от...

— Меня?

— От всего, — я посмотрела на него. Мама решила, что нам нужен перерыв от Кейвилля и бесконечных трагедий, поэтому мы уехали в десятидневный круиз на Гавайи. — Это никак не связано с тобой.

— Да. Конечно.

Разумеется, он не поверил мне. Я ждала следующего вопроса. Давай же. Спроси, почему я поцеловала тебя. Он продолжал изучать меня взглядом, теперь на его лице читалось не самодовольство, а любопытство, но он так и не спросил.

— Пойдем? — спросил он, показывая на вход в школу.

Мне понравилось, как старомодно это звучало, в его голосе слышался британский акцент.

— Не спросишь меня почему? — спросила я, подходя к нему ближе.

— Что почему?

— Почему я это сделала, — мое лицо горело, но надо было продолжить разговор. Слишком многое на кону. — Почему я поцеловала тебя.

Торин моргнул, будто его удивила моя дерзость. Он тихо засмеялся.

— Нет, я уже знаю почему. Женщины всегда находят предлог, чтобы накинуться на меня. Меня больше интересует, почему ты заплакала. Никто не плачет после поцелуев со мной.

Иногда его высокомерию нет предела.

— Ладно, я, эм, я заплакала, потому что была зла.

Его брови поднялись так высоко, что чуть не исчезли за, спадающими на лоб, прядями волос.

— На меня?

Он спросил так, будто я сказала что-то совершенно неслыханное.

— И да, и нет. Ты забыл меня.

Он медленно проговорил:

— Не думаю, что смог бы забыть тебя, Лоррейн Купер. Ты, в свою очередь...

— Могла забыть тебя, потому что Норны стирают Смертным воспоминания, после того, как те встретились с Валькириями, — я выпалила все это так быстро, что чуть не сломала язык. Надеюсь, план А сработает. Я набрала воздух и продолжила уже медленно. — Они не стерли мою память, Торин. Вместо этого, они стерли твою.

Торин остановился, его лицо выражало беспокойство:

— О чем ты говоришь?

— Мы познакомились чуть больше месяца назад, когда вы с друзьями пришли за душами моих друзей из команды. Ты даже спас мне жизнь пару раз, но не стоило так напрягаться, ведь мне не было предназначено умереть. Норны всего лишь пытались переманить меня на их сторону. Но, когда я отказалась, они решили наказать меня и стерли твои воспоминания. Поэтому ты не помнишь меня.

Торин смотрел на меня, будто я сбежала из психбольницы. Но он тут же взял себя в руки.

— Слушай, я впервые увидел тебя только две недели назад. Если мы встречались раньше, я бы этого не забыл.

— Но я говорю правду. Откуда бы я еще узнала, что ты Валькирия? Мы были соседями, и я видела тебя каждый день.

Он затряс головой.

— Ты не могла. Наверное, кто-то рассказал тебе обо мне, — он поднял голову и, прищурившись, посмотрел за мое плечо. — Я сверну ему шею и навечно оставлю гнить в Туманах Хель.

Я проследила за его взглядом. Эндрис выходил из своего внедорожника.

— Эндрис ничего не говорил мне. Я не видела его с тех пор, как он забрал души моих друзей на соревнованиях. Ты тоже должен был там быть, но...

— Я должен был собрать души школьников после автобусной аварии в Сиэтле. Ты одна из его подружек, признавайся? Я уже говорил ему оставить Смертных в покое, но он снова взялся за свое. Он обещал обратить тебя?

Такого поворота я не ожидала.

— Я не позволила бы Эндрису коснуться меня, даже если бы мне заплатили. Ты дал мне

пару подсказок, Эндрис лишь подтвердил остальное, — его лицо не предвещало ничего хорошего, я облажалась. — Я знаю о тебе, потому что ты рассказал. Ты родился во времена правления короля Ричарда. Ты со своим братом Джеймсом сражались на Священной войне, тогда тебя и обратили в Бессмертного. Когда твой брат погиб, ты в его честь сменил свою фамилию Де-Клейр на Сент-Джейс.

Торин пристально смотрел на меня, уголок его красиво очерченных губ медленно поднялся в ухмылке. Но в его сапфировых глазах не было и тени улыбки.

— Вот оно что, теперь я знаю, кто ты.

Сердце пропустило удар.

— Правда?

— Ты новая протеже Лавании. Это слишком на нее похоже, — он продолжил путь.

Я последовала за ним. Я была так разочарована, что хотелось кричать. Какая еще к черту Лавания? Уверена, мой наставник еще не появлялся. Мне совсем не хотелось учиться. Сначала надо помочь Торину вспомнить меня. Надо провести с ним больше времени. Наедине.

— Целовать меня она тоже просила? — спросил он через плечо.

— Нет, эта потрясающая идея принадлежала мне, — неважно, что я скажу, все равно он мне не поверит. План А провалился. Чувствуя опустошенность, я добавила: — Я целую всех новых парней в нашем переулке.

Торин засмеялся.

Глупое вышло объяснение. В нашем переулке все были либо слишком старыми, либо женатыми. Лучше, соврав, сохранить лицо и перейти к плану Б — снова влюбить его в меня. Проблема в том, что я понятия не имела, почему он влюбился в меня в первый раз. Я совершенно обычная, в то время как он супергоряч.

Молча, мы пересекли бульвар Риверсайд, улицу, на которую выходила наша школа. Я следила за ним уголком глаз и заметила, что он тоже смотрит на меня. Что выражали его глаза? Жалость? Я ненавидела, когда меня жалели.

— Вообще-то, я перепутала тебя с другим человеком, — ложь так легко сорвалась с языка, что я удивилась, почему я с этого сразу не начала.

Торин замер, вынуждая меня тоже остановиться. Его брови взлетели до небес.

— Ты перепутала меня с кем-то другим?

Негодование в его голосе вызвало у меня ухмылку.

— Ага, с моим бывшим.

— Твой бывший выглядит так же, как и я? — улыбка исчезла с его лица.

— Нет, это ты выглядишь, как он. Черные волосы, голубые глаза, даже байк. Ты можешь сойти за его двойника.

— Двойника? — он произнес это так, будто я обозвала его троллем. Он прищурился и сжал свои рельефные губы в сексуальной ухмылке, которую я так любила. — Хорошая попытка. Никто не может выглядеть, как я, Рейн. Мир бы этого не перенес.

Его высокомерие снова подняло свою уродливую голову, но я никак не отреагировала. Он сказал Рейн. Скоро он вспомнит, как называл меня Веснушкой, особенное прозвище, которое он повесил на меня из-за веснушек на моем носу.

— Как его зовут? — спросил он.

— Кого?

— Твоего бывшего.

— Голубые Глаза, — сказала я, ухмыляясь. Я называла его так, когда мы только встретились. Он должен вспомнить.

Торин фыркнул:

— Что за идиотское имя?

— Хей, попрошу без оскорблений. У него были ослепительные глаза, — Торин нахмурился, пока я продолжала подогревать тему. Может, я смогу вызвать у него ревность. — Они были, как сапфиры. Еще у него потрясные черные волосы — чернее твоих, а его улыбка... — я начала обмахиваться руками, — такая сексуальная. Но знаешь, что мне нравилось больше всего?

— Не интересует, — проворчал он.

Это было раздражение в его голосе?

— Он был совершенно без ума от меня.

— И что случилось? — спросил он. Я не могла сказать, что выражал его тон.

Я посмотрела на него и увидела, что он сердится.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты все время говоришь о нем в прошедшем времени. Он бросил тебя?

Я остановилась. Неожиданно мне совершенно расхотелось дразнить его. Вместо этого на меня накатила злость, я даже не знала, на кого злюсь: на Норн, за то, что стерли его память, на него, за то, что даже не вспомнил мою особую кличку, которую сам же и дал, или на себя, за то, что не придумала нормальный план и теперь чувствую себя беспомощной. Я ненавидела это чувство.

— Он. Не. Бросал. Меня, — выдавила я из себя. — Его забрали у меня, — прошептала я дрожащим голосом, затем развернулась и побежала в школу.

Я не видела взглядов, направленных в мою сторону, пока не добежала до шкафчиков. Люди скрывали шепот руками и украдкой бросали на меня взгляды. Другие смотрели на меня широкими глазами или неловко улыбались, когда наши глаза пересекались. Часть меня хотела уменьшиться, сбежать и спрятаться. Другая же заставляла отвечать на их взгляды. Я спасала жизни во время этих дурацких соревнований. Разве это ничего не значит?

Морган, девушка, с которой у меня была физика, попятилась от меня, словно от гигантского прыща. Другая девушка схватила свою подругу за руку и потащила ее в сторону, что-то шепча той на ухо. Один за одним, они отходили в сторону, пока вокруг меня не образовался островок пустого пространства, окруженный глазающими школьниками.

— Рейн! — через собравшуюся толпу протолкнулась Кора. В ее карих глазах плясали озорные искры. — Только посмотри на себя. Этот загар потрясающий. Надеюсь, он надолго останется, — она потерла мою руку.

Я засмеялась, совершенно забыв, что на меня все смотрят. Я скучала по ее странным шуткам.

— Дурёха.

— Ты должна была разносить любовь, гавайское солнце и привезти парочку горячих пляжных мальчиков, — она крепко обняла меня. — Улыбнись. Не обращай на них внимание. Они неудачники, — прошептала она на ухо.

Перед моим отъездом, она не смотрела мне в глаза. Я была удивлена и счастлива, что теперь она не боится меня, и я обняла ее в ответ.

— Ох, ребра сломаешь, — сказала она, и я выпустила ее из рук. — Когда ты вернулась?

— Вчера вечером.

Она сердито посмотрела на меня.

— И ты не написала мне?

— Было поздно.

— Как будто это тебя когда-либо останавливало. У вас в круизе что ли не было телефонной связи? Хотя можешь не отвечать, ты ведь была занята своим пляжным мальчиком. Хочу подробности, — она забросила вещи в шкафчик, достала папку и пару учебников и толкнула меня плечом. — Ну же. Рассказывай.

Толпа расступилась, пропуская нас, но по-прежнему следила за нами и шепталась. В коридоре, стоило им только увидеть нас, они тут же жались к стенке, словно я нечто заразное. От их отношения на душе становилось плохо.

— Каким еще пляжным мальчиком?

— С которым вы вместе сбежали из-за любви великой. По крайней мере, так я отвечала, когда меня спрашивали, есть ли от тебя какие новости. Когда Рейн вернется? Она поменяла школу? Правда, что она в психушке? Она ведьма? Что за чушь! Людей порой так легко одурачить. Они сами придумывают истории, и, чем дольше тебя не было, тем невероятнее они становились, — Кора посмотрела на компанию девушек и спросила. — На что уставились?

Те отшатнулись.

— Все знают, что произошло, — прошептала я.

— Да, знаю. Мы говорили, что из-за твоей травмы головы у тебя открылись паранормальные способности. Зацени только, — сказала она, цепляясь за мою руку. Она остановилась возле двух девушек, с одной из них я ходила на математику. — Хотите узнать свое будущее?

Девушка так сильно затрясла головой, что я думала, что та отвалиться. Мне стало не по себе.

— Кора...

— Хочешь узнать, что твой парень — тот самый единственный? — спросила она вторую девушку и заухмылялась, когда та кивнула. Кора получала от этого большое удовольствие.

Я схватила ее за руку и оттащила в сторону.

— Перестань. У меня нет никакого дара предчувствия. Эта штука была одноразовой.

— Ты этого не знаешь, — она обняла меня одной рукой. — Ладно, сначала я была чертовски напугана, но, когда тебя не было, я кое-что поняла для себя. Ты ведь герой, Рейн. Если бы ты тогда не прыгнула в бассейн и не закричала, всем убираться, погибло бы еще больше людей, — она остановилась у группы футболистов. — Привет, Джейден, если хотите выиграть в пятницу, поменяйте свою тактику.

Джейден Грейнджер рассмеялся.

— Это правда, Рейн?

Я опустила глаза, мечтая, чтобы пол провалился и проглотил заодно и меня. Все хуже некуда.

— Встань за новым квотербек, иначе ты проиграешь, — ответила Кора, отбрасывая назад свои шикарные светлые волосы.

Я покачала головой.

— У нас новый квотербек?

— О, да. Он так горяч, что прямо дымится. Но во время тренировок парни устраивают

ему тяжелую жизнь. В любом случае, скажи мне, если у тебя будет еще одно предчувствие.

Я вздохнула, жалея, что не могу рассказать ей правду. Да и с чего бы я начала? Если бы я не встретила Торуна, то тоже бы не верила в Валькирий и Норн или в то, что они без проблем приходят из своего мира в наш. Ничто бы не могло подготовить меня к тому, как он использует руны, чтобы исцелять раны, становиться суперсильным, невидимыми или стоять порталы и исчезать в стенах и зеркалах. Может, притвориться, что после травмы у меня появились сверхспособности, лучшее решение, какое можно принять во всем этом кошмаре.

— Ты не видела Эрика? — спросила я.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Пару минут назад. Он был с группой новых учеников по обмену, которых спонсирует его отец. Один из них и есть квотербек, и он просто сногсшибателен, — Кора начала обмахиваться руками. — У него кожаная куртка, Харлей и сексуальные глаза. Не особо разговорчив, но он как магнит для всех девочек. Если бы я не была влюблена в другого, то прибрала бы его себе. Вот и они.

Я проследила за ее взглядом. В конце коридора стоял Эрик, а вместе с ним Торин, Эндрис, Ингрид и красивая темноволосая девушка в модном темно-сером вязаном платье, чулках в тон к нему и черных сапогах до колен. По тому, как она держала за руки Эндриса и Ингрид, можно было догадаться, что она Валькирия. Ее темные волосы были зачесаны в высокий конский хвост. Когда она поцеловала Эндриса в щеку и потянулась к руке Торуна, мне захотелось подойти к ним и отдернуть ее от него.

Глава 2

Девочки возвращаются

— Кто это? — прошептала я.

— Лавания и как-то дальше. Длинное иностранное имя, — объяснила Кора. — Она красивая, веселая, и все парни из кожи вон лезут, чтобы понравиться ей. Вроде хочется и ненавидеть ее за это, но не получается. Это невозможно, — вздохнула она.

— Почему невозможно?

— Потому что она такая лапочка.

Это и есть моя наставница? Какие у них с Торином отношения? Я уже ненавидела ее. Ненавидела, как она опирается на его руку. Ненавидела, что она может касаться его, а я нет. Так больно видеть его рядом с кем-то другим.

Будто почувствовав мой взгляд, он обернулся через плечо и посмотрел на меня. Я задержала дыхание в ожидании его следующего шага. Он поднял бровь.

К лицу прилила кровь, и я решила сосредоточиться на Коре. Если она и заметила наши переглядывания, то решила ничего не говорить. Слава богу, ее воспоминания о Валькириях были тоже стерты, иначе она бы вспомнила, каким взглядом Торин часто смотрел на меня.

— Так кто, ты говорила, твоя тайная любовь, Кора Джеймисон?

— Ну, она ведь неспроста называется тайной, любопытная ты наша. Вернемся к Лавании. Каждый раз, когда мы на нее натываемся, она приглашает нас к себе домой, но Эрик всегда отвечает, что у нас планы. Думается, она ему не нравится.

Судя по голосу Кору, она была довольна этим. Интересно, у них было что-то с Эриком, пока я находилась в отъезде. Надеюсь, что да. Из них вышла бы милая пара. Мы остановились у кабинета по математике, где у меня был урок. Торин все еще наблюдал за нами. Лавания, тоже заметив нас, улыбнулась и помахала рукой. Кора помахала ей в ответ. Эрик стоял к нам спиной, но тоже обернулся посмотреть, кто занимает всеобщее внимание.

Он улыбнулся. Но тут Лавания сделала нечто странное, что заставило меня нахмуриться. Она склонила голову к Эрику. При других обстоятельствах, я бы сказала, что она просто кивнула. Наверное, у меня разыгралось воображение.

— Хочешь подойти к ней? — спросила Кора.

Еще чего!

— Нет, спасибо.

— Она, правда, милая. А невероятно горячий парень с черными волосами — новый квотербек. Его зовут Торин Сент-Джеймс.

Если Торин в команде, значит, кому-то из игроков вскоре вручат билет в одну сторону до Вальгаллы. Почему-то, я никак не могла заставить себя беспокоиться об этом. У меня были свои демоны, требующие внимания.

— А что с Блейном Чэпменом?

— Они с семьей неожиданно переехали. Там все странно, -

Кора пожалала плечами и снова вернулась к Торино и их компании. — Парня с серебристыми волосами зовут Эндрис. Мне кажется, он гей или что-то типа того, он даже не смотрит в сторону наших самых секси черлидерш. Блондинка рядом, Ингрид, тоже черлидерша.

Эндрис гей? Крайне маловероятно. Скорее всего, он тоскует по своей бывшей, Малиине,

которая вышла из-под контроля и ушла со злыми Норнами после того, как чуть не убила меня. Туда ей и дорога. Я не слушала, что она дальше говорила, и перевела взгляд на Эрика.

Он шел в нашу сторону, его янтарные глаза лучились блеском. И выглядел по-другому, лицо стало острее. Будто во время моего отсутствия, успел в какой-то степени преобразиться.

Эрик обрезал свои длинные, неряшливые светлые волосы, с которыми я привыкла его видеть. Короткая стрижка, на удивление, ему шла.

Эрик и я были знакомы с самого детства, когда мы еще жили по соседству и играли в одной песочнице. Он был моим лучшим другом и знал меня лучше, чем кто-либо.

— Мне нравится твоя новая стрижка, — сказала я в приветствие и провела пальцами по его волосам.

— А мне твой загар, незнакомка, — не остался он в долгу. Мы обнялись. — Мы думали, тебя не будет всего неделю.

— Вيني во всем маму, — я уже и забыла, насколько уютны его объятия. Я вспомнила, как раньше уезжала на лето, и как мне не хватало его. Эрик всегда был рядом. Когда разбился самолет с папой, и мы думали, что он погиб, Эрик был первым, с кем я заговорила. Когда я начала узнавать о Валькириях и о том, как я связана с ними, Эрик был моей опорой и помогал не сойти с ума. Даже когда исчез Торин, и я думала, что больше никогда его не увижу, Эрик служил мне утешением, хотя он даже не подозревал о моих чувствах к Торину.

— Полегче с ребрами, — поддразнил он.

— Я так скучала по вам, — я отступила, застенчиво улыбаясь.

— Ну да, это объясняет бесконечные звонки и сообщения, — продолжал язвить он. — Разве на этих лодках нет связи?

Кора засмеялась:

— Я задала ей тот же вопрос. Мне пора. Увидимся позже, — она обняла меня еще раз и взяла Эрика за руку, на долю секунды их пальцы задержались. Эрик заметил, что мой взгляд направлен на их руки, и покраснел, но Кора уже убегала в сторону лестницы. Может, мне вовсе и не придется играть в купидона.

— Нам надо поговорить, — сказал Эрик, возвращая к себе внимание.

— Да, — мы никогда не заявляли себя официально парой. Пора мне отойти в сторону. Они с Корой будут хорошо смотреться вместе. — После школы?

— Я заскочу к тебе вечером, — улыбнулся он мне.

Я помахала ему рукой, обернулась и посмотрела в конец коридора, где в последний раз видела Торина и Лаванию, но их там уже не было. Фактически, в коридоре не было ни души. Я зашла в класс.

— Рада, что вы вернулись, мисс Купер, — сказала миссис Бейтс, мой учитель по математике. Она с прищуром смотрела на меня поверх своих очков. — Уверена, вы не забыли, как я не люблю, когда на мои занятия опаздывают.

— Не забыла, миссис Бейтс, — сказала я.

— Отлично. У нас двое новых учеников, поэтому занимай любое свободное место.

С передней парты, которую я раньше занимала, прямо мне улыбалась Лавания, и я улыбнулась ей в ответ. Второе пустое место было рядом с Ториним. Наши глаза встретились. Он смотрел на меня, будто я была новым видом насекомого, которое он раньше не видел.

— Не заставляйте класс ждать, мисс Купер. Пожалуйста, садитесь.

Выдохнув, я пошла в конец класса. Ученики поворачивались и провожали меня

взглядом. Сидевшие рядом, отодвигались в сторону, словно мечтали оказаться как можно дальше от меня. Вся красная, я проскользнула за мою парту и достала учебник. Я понятия не имела, сколько пропустила, но уверена, что очень много.

— И, мисс Купер, подойдете ко мне после занятия. У меня для вас папка с заданиями за дни, которые вы пропустили, и конспекты материалов, которые прошли без вас. Если будет нужна помощь, найдете меня после занятий в кабинете. Когда будете с этим готовы, у меня есть для вас пара тестов...

Никаких занятий в субботу? Да! Краем глаза я посмотрела в сторону Торина и увидела, что он тоже смотрит на меня. Как он может не вспомнить наши совместные занятия, как раз в этом классе?

Он поднес два пальца к своим глазам, а потом указал ими на учителя. Я снова покраснела и отвернулась.

Когда урок закончился, я начала собирать свои вещи и почувствовала тонкий аромат лаванды. Подняв голову, я увидела рядом Лаванию. Вблизи она была еще красивее, идеальная фарфоровая кожа, полные губы и большие серые глаза, как у лани. Какой парень устоит перед ней?

— Я Лавания Селестина Равилла, но можешь звать меня Лаванией, — сказала она мягким, мелодичным голосом. Но меня не так просто одурачить. Она Валькирия, а это значит, она может двигаться быстрее ветра и сбить машину одним ударом.

— Лоррейн Купер, но все зовут меня Рейн, — я посмотрела на Торина, желая увидеть его реакцию. Но по его лицу сложно было что-то сказать.

Лавания улыбнулась:

— Значит, ты та самая Смертная, о которой говорят и тут, и там.

— Там? — переспросила я.

— Рейн через Е, — пробормотал Торин.

Я повернулась к нему лицом, совершенно забыв о нашей с Лаванией беседе.

— Ты вспомнил.

Он высоко поднял брови.

— Вспомнил что?

— День, когда мы впервые встретились.

Его взгляд выражал сомнение в моем здравом уме.

— Конечно. Ты убежала из своего дома, затем накинута и по...

— Неважно.

— Разумеется, вы двое уже встречались, — улыбнулась Лавания. — Мы ведь соседи, — сказала она, словно это все объясняло.

Лицо Торина начало краснеть, что было очень любопытно. Я думала, он не умеет краснеть. Впрочем, я по-прежнему ненавидела тот факт, что у них двоих есть общая тайна, даже если она имеет какое-то отношение к моему дому.

— Ой, мне пора. Следующий урок в южном крыле и...

— У нас тоже там. Пойдем вместе, — Лавания взяла меня под руку, и теперь я не могла сбежать. Пока я не узнаю, что у них с Ториним за отношения, она останется в моем списке людей, которых я ненавижу. — Так как ты моя протеже, мы должны подружиться, — продолжала она. — Заходи к нам сегодня вечером. Узнаем друг друга получше.

Я еще не была готова становиться с ней подруженьками.

— Может, в другой раз. Мне надо многое наверстать по учебе за эту неделю.

— Но я настаиваю, — она надула губы, словно не привыкла получать отказы, и дотронулась до руки Торина. — Скажи ей, как мы хотим, чтобы она пришла. Ты можешь помочь ей с домашним заданием, — она улыбнулась. — Торин лучший во всем. Или был бы лучшим, если бы уделял больше внимания урокам. Он какой-то рассеянный с тех пор, как мы приехали сюда. Милый, возьми ее задания у учителя.

До меня дошло, что она назвала Торина милым, только после того, как он принес папку от миссис Бейтс. В голове пронеслись образы их двоих вместе, и в груди закололо от боли. Они больше, чем друзья. Я знала это.

— Мне надо идти, — я решительно отодвинула от себя руку Лавании и взяла папку у Торина. — Спасибо.

— Ждем тебя вечером, Рейн, — выкрикнула она.

Увеличивая расстояние между нами, я ничего ей не ответила. Бежать было бесполезно, ведь следующее занятие у нас вместе. Торин нес ее книги, они даже сидели рядом друг с другом. Я уговаривала себя, не смотреть на них, но ничего не могла с собой поделать. Каждый раз я натывалась на их взгляд. Я поняла, почему Торин все время следит за мной. Он любил меня. Может он и забыл это, но его чувства остались. Должны остаться. Прошу, пусть он вспомнит о нас до того, как Лавания окончательно вскружит ему голову. В классе почти все парни не сводили с нее глаз.

Интересно, сколько ей лет? Стареют ли Валькирии вообще? Торина обратили примерно восемь веков назад. Тогда ему было девятнадцать. Сейчас он выглядел, как обычный тинейджер. Как и Лавания, хотя она казалась увереннее и опытнее, чем любая девушка моего возраста.

* * *

Когда урок закончился, я увидела Эрика, махающего мне у двери. Я взяла папку с заданиями и направилась к выходу, но услышала, как Лавания выкрикнула мое имя. Я сделала вид, что ничего не услышала.

— Что она хочет? — спросил Эрик.

— Не знаю.

— Я подходил после первого урока, но вы двое о чем-то разговаривали.

В его голосе слышалось раздражение. Я пожала плечами.

— Она приглашала меня на соседские посиделки.

Эрик нахмурился.

— Пойдешь?

— Не думаю. Буду занята. Каждый учитель дает мне папку с заданиями за время, которое я пропустила, и конспекты. Мне придется поднапрячься, чтобы вернуться к социальной жизни. Она всегда такая настойчивая?

— Ага, и при этом она всегда улыбается, что жутко бесит.

Я взяла его за руку и притворилась, что не замечаю, как остальные относятся ко мне, как к сбежавшей из фрик-шоу.

— Знаешь, тебе не обязательно провожать меня до класса.

— Я не против, — он посмотрел на компанию школьников, мимо которых мы

проходили. — Идиоты. Кора сказала, что они полные придурки.

Я пихнула его плечом.

— Значит, ты решил побыть моим ангелом-хранителем?

— На полставки. На третьей перемене меня заменит Кора.

Я засмеялась, но была тронута. Мои друзья невыносимы.

— Вы двое пара сумасшедших.

— Кто-нибудь из них говорил тебе что-нибудь или еще нет?

— Нет, они просто глазют. Ничего, с чем я бы не справилась. День-два, и им станет скучно.

— Надеюсь, иначе мне придется сломать чей-то нос. Если кто-то посмеет что-то сказать или сделать, говори мне, — судя по выражению его лица, он решительно был настроен защищать меня, что не могло не удивить. Эрик — самый неконфликтный парень, которого я только встречала. У него взрывной характер, но он всегда старался уйти, прежде чем вспылить и наговорить всякого. Я бесчисленное количество раз видела, как он после давал выход накипевшему. Забавное зрелище.

— Это мило, но я сама могу о себе позаботиться. Кроме того, я не хочу, чтобы ты шел против своих пацифистских убеждений.

— Тот, кто говорит, что я пацифист, идиот, — возразил он.

— Тогда это...ты, — я высвободила свою руку из его. — Увидимся за ланчем.

Он наклонился для поцелуя. Я не знала, хотел он поцеловать меня в губы или нет, и подставила щеку, как раз в этот момент в конце коридора появился Торин. Он с любопытством наблюдал за нами. Раньше он ненавидел, что я целовалась с Эриком. Может, поцелуй встряхнет его память? Несмотря на то, что такая мысль возникла у меня в голове, я знала, что не смогу сделать этого. Больше не хочу использовать друга в качестве своего костыля. К тому же, это может испортить все между ним и Корой.

— Иди, со мной все будет в порядке, — я толкнула его локтем и поспешила на следующий урок.

* * *

Я ошибалась. Я не была в порядке. За пару минут до начала урока по истории, я уже с трудом сдерживала свою злость. Позади меня сидела группа девушек, обсуждавших меня. Они даже не потрудились говорить шепотом.

— Она вызвала молнию и стояла по середине этого проклятого бассейна, и ее даже ни разу не задело, — сказала одна из них; ко мне начали возвращаться воспоминания о том ужасном вечере. Я сжала кулаки, мне хотелось сказать, чтобы они все заткнулись.

Почему никто не помнит, как я предупреждала Дока, нашего тренера, и просила его остановить все? Где благодарность за то, что я спасла людей?

— Я слышала, она начала говорить сама с собой, — прошептала другая.

— Нет, она читала заклинание, — перебила первая.

Я сползла на стул, пытаясь не слушать их. Никогда не думала, как видели меня другие, когда в бассейне я разговаривала с Норнами или с мамой. На них были руны, скрывавшие их от глаз Смертных. Не удивительно, что все подумали, что я ведьма.

— Говорят, она поднялась в воздухе и исчезла.

Все еще хуже, чем я думала. Наверное, мама взяла меня на руки, и мы прошли через портал на стене. Так как она была невидима, всем показалось, что я парю в воздухе. Мне надо что-нибудь им сказать в свою защиту. Но что? Поверят ли мне?

Я повернулась, чтобы все сказать, и наткнулась глазами на Торина. Он покачал головой, будто предупреждая меня. Как он здесь появился? Опять создал портал? Или он следит за мной? Надеюсь, что так. Это бы значило, что его заинтересовало сказанное мной утром. С другой стороны, это был урок нашего обожающего дебаты историка, мистера Финнея, и, насколько я помню, раньше Торину нравилось спорить с ним. Прожив восемь веков и являясь очевидцем всех, произошедших в мире, событий, он знал историю лучше любого из нас.

Проигнорировав его, я снова обратила внимание на девушек, сплетничающих обо мне, и уже собралась высказать все, что о них думаю, но меня опередил мистер Финней:

— Лоррейн Купер.

Я развернулась.

— Да?

— Подойдете после урока.

На протяжении всего дня я наслушалась множества бредовых теорий обо мне. Многие считали, что я сошла с ума и последние две недели провела в психушке. Я даже не знала, какой из их домыслов нравился мне больше всего. Наверное, тот, где я ведьма. Меня боялись. Что касается учителей, они ничего не говорили, но я замечала любопытство в их глазах.

— Она знала, что ее папа не умер в авиакатастрофе, — прошептала после урока одна из девушек; всплыли болезненные воспоминания о прошлом лете, бесчисленные месяцы ожидания новостей от авиакомпании и беспокойства за отца.

— Но авиалиния не сообщала, что он погиб, — возразила ее подруга.

— Официально нет. Они не могли найти его тело. Я заходила на их сайт и прочитала, что они остановили поиски выживших сразу на следующий день.

Кора была права. Если они хотят видеть меня ведьмой, пусть ее и получают. Я повернулась, и на меня настороженно уставились пять пар глаз.

— Разве вы не знали, что это грубо говорить о ведьме, когда она вас слышит? Я могу разозлиться, вы же этого не хотите? — прищурилась я. — Плохие вещи случаются, когда я злюсь.

Они молчали, пытаясь спрятаться за своими партами.

— Ладно, что вы хотите знать? Хмм, да, мой отец. Я не только знала, что он жив. У меня было видение о том, где он конкретно находится. Я также знала, что самолет не сможет приземлиться, но не могла предотвратить этого. Так же как не могла предотвратить смертей в команде. Хотя и я пыталась.

Повисло молчание.

Я смотрела на их лица.

— Что вам еще хочется знать? Летаю ли я на метле? Или варю зелья?

Они покачали головой. Оливия Данн — черлидерша и редкостная стерва, с вызовом посмотрела на меня.

— И насколько далеко ты видишь?

— Насколько далеко ты хочешь? — я дерзко улыбнулась, надеясь, что она не начнет

спрашивать меня о своем будущем.

— На год вперед.

Я закрыла глаза, пытаюсь придумать, что сказать. Единственная проблема в импровизации. Я открыла глаза и спокойно спросила:

— Что ты хочешь знать?

— Поступлю ли я в университет? Буду ли в команде по черлидингу в колледже? Выйду ли замуж за...?

— Джейка, — прошептала одна из ее подруг. Джейк Гатри, двукратный чемпион по борьбе, был ее парнем.

Оливия скорчила лицо.

— Выйду ли я замуж за богатого и красивого?

Пока они смеялись, ко мне пришло вдохновение:

— Пять сотен. Приноси завтра, или никакой сделки.

У нее отвисла челюсть:

— Пять сотен?

— Мало? Как насчет восьми? Да, восемь — хорошее число. У меня голова начинает болеть, когда я вижу все возможные варианты будущего.

Они придвинулись ближе.

— Что за возможные варианты? — спросила одна из них.

— Понимаешь, решения, которые ты делаешь сегодня или завтра, меняют будущее, — сказала я.

Они переглянулись. Оливия смотрела на меня, словно догадалась, что я издеваюсь над ними. Я отвернулась от них и заметила на себе неодобрительный взгляд мистера Куиббла, учителя английского.

* * *

— Чему Чешир так улыбается? — спросила Кора, когда я подошла к ней после урока.

— Надоело, что меня мешают с дерьмом. Собираюсь подзаработать на предсказаниях.

— Не может быть. И сколько берешь?

— Восемь сотен баксов, — сказала я.

У нее отвисла челюсть:

— Таких денег ни у кого нет, Рейн.

В этом была вся суть.

— Значит, им не повезло.

— Да ты ужасный человек. Нет, ты лучшая. Можно я буду твоим бухгалтером?

Смеясь, мы зашли в столовую. Очередь за салатами, как обычно, была небольшой. Я взяла ланч и направилась к нашему столику, в то время как Кора стояла в очереди за пиццей и флиртовала с парнями из музыкальной группы. В этом вся Кора. Не постесняется воспользоваться ими, чтобы не стоять в очереди.

Как только я заняла место, в столовую вошли три девушки. По спине пробежала дрожь, не самое приятное чувство. Стало холодно. Жутко. Я слишком хорошо знала эти ощущения. Норны. Может, их прически, цвет кожи, рост и изменились, но это были те же старухи, в

чьих руках была моя судьба. Они, как и в прошлый раз, выглядели, как обычные подростки.

Видят ли их остальные? Я оглянулась, не смотрит ли кто на них. Я не могла что-либо сказать, ни в коем случае нельзя делать ту же ошибку и заговорить с ними перед всеми, не убедившись, невидимы они или нет.

Первой я узнала Мардж. Пусть теперь она и выглядела, как тайская стюардесса, но ей не обмануть меня. Вечно порицательное выражение на лице не изменилось. Джаннетт, с рыжими волосами и веснушками, первой заметила меня и что-то прошептала Мардж. Та пихнула локтем Кети, которая была миротворцем и самой милой в их трио. Теперь у нее были пышные кудрявые волосы и темная кожа.

Все трое повернулись в мою сторону, и меня охватила паника. Собравшись с духом, я уставилась прямо на них.

Глава 3

Ты нужна ему

— Не понимаю, почему очередь за пиццей всегда адски длинная, — сказала Кора, усаживаясь напротив меня; на ее тарелке лежал кусок пиццы.

— Да ладно. Ты соблазнила Сима и Рэнда, чтобы они тебя пропустили.

Она засмеялась:

— Не моя вина, что парни такая легкая добыча. Иу, выглядит отвратно, — посмотрела она на мой салат.

— На вкус еще хуже, — я потыкала вилкой в бедный листик салата; слушая Кору, я одновременно не сводила глаз с Мардж и остальных.

— Кого ты пытаешься убить взглядом? — спросила она, оборачиваясь через плечо.

— Никого, — переключилась я на Кору. — Насколько все было плохо после того, как я уехала?

— Все было ужасно. Одни похороны за другими. Иногда в один день сразу несколько. Многие ушли из команды, — она указала на себя, — включая вашу покорную слугу. Все говорили, что команда проклята или что-то вроде того, — она откусила кусок пиццы.

Я посмотрела на вход. Мардж со своими девочками что-то обсуждали, скорее всего, строили планы, как еще можно разрушить мою жизнь.

— Эрик тоже ушел?

Кора скривилась.

— Он слишком упрям, чтобы что-то бросать. Ты же его знаешь. К тому же, он не верит во все эти сказки. На прошлой неделе некоторые вернулись обратно, но, как раньше, уже никогда не будет. Иногда я прихожу посмотреть на них. Отчасти, я скучаю по этому духу товарищества, нашим вечеринкам, зависанию в классе Дока, — она потянулась за бутылкой с водой и открутила крышку.

— Не хочешь как-нибудь вернуться? — спросила я.

— Нет, даже если бы заплатили, — она резко дернула рукой, как раз когда собиралась отпить. Вода пролилась на ее майку и штаны.

— Черт! Она холодная, — она вскочила и швырнула бутылку на стол. Сутулясь, оттянула влажную футболку от тела. Я увидела, как на другой стороне зала, отводя в сторону руку, смеялась Джаннетт. Ее работа. — Я в туалет, — сказала Кора.

— Мне пойти с тобой?

— Твои новые способности могут высушить мокрые вещи? — она посмотрела на очередь школьников, ожидающих своей еды. — Еще Эрик искать начнет.

Я проследила за ней до выхода и вернулась к Норнам. Они подошли к моему столу и заняли места. Лучше бы им не говорить со мной. Сейчас я была в таком настроении, что была готова выцарапать им глаза.

Несмотря на эту мысль, я знала, что не могу закатить сцену. Хватало того, что на меня повесили ярлык ведьмы. Не стоило давать им повод считать меня, вдобавок, сумасшедшей. Кроме того, я не была уверена, что не одна их вижу.

— Здорово, что ты вернулась, Рейн, — сказала Кети; она сидела напротив меня, остальные расположились по бокам.

Я ничего не ответила, насадила листик салата на вилку и отправила его в рот. Эрик

стоял уже в начале очереди, и я помахала ему рукой. Затем он сделал то, что делал всегда. Он взял камеру, нацелил на нас объектив и сфотографировал.

Отлично, значит, другие их тоже видят.

— Он не безразличен тебе, так? — спросила Кети, указывая на Эрика.

Я посмотрела на нее.

— Не тронь его.

— Я рада, что ты переживаешь за него, потому что ты нужна ему, — добавила Кети; она говорила мягко, словно не желая сообщать плохие вести.

— Прости, что?

Она потянулась к моей руке, но я отпрянула. Она была самой милой и спокойной из них, но, похоже, сегодня она выступала в качестве представителя всего трио.

— Эрик нуждается в тебе больше, чем Валькирия, — сказала она.

— Его зовут Торин, а не Валькирия, — огрызнулась я.

Кети вздохнула:

— Я помню. Эрику действительно нужна твоя помощь, Рейн. Ты лучше его защитишь, будучи Норной, а не Смертной.

— Защищу от чего?

Они переглянулись.

— Я же говорила, что она не знает, — сказала Кети.

— Сейчас неподходящее место для таких разговоров, — нетерпеливо ответила Джаннетт.

Мардж кивнула.

— Согласна, но у нас нет времени, чтобы торчать здесь и обучать ее. У нас есть другие обязанности, и нам не разрешается выделять кого-то особенного, — она кинула взгляд на Кети и поднялась.

— Чего я не знаю? — спросила я, выходя из себя.

— Кто Эрик на самом деле, — мягко проговорила она. — Спроси у своей мамы. Когда узнаешь его историю, то поймешь, почему нужна ему, и почему тебе следует быть рядом с ним.

— Должна быть рядом с ним, — поправила Джаннетт.

— Почему я? — я переводила взгляд с одной на другую.

— Потому что ты у него в долгу, — с раздражением сказала Мардж.

Я подняла бровь.

— Что?

— Это из-за него мы спасли тебе жизнь, — добавила Джаннетт.

Кети вздохнула и посмотрела на своих подруг.

— Девочки, можете хотя бы попытаться быть немного помягче?

— Нет, ей нужно понять, насколько печально положение. Скоро мы придем за ответом, Лоррейн, — Мардж посмотрела на остальных и добавила: — Идем.

Я уставилась им в спины, меня переполняло удивление и злость. Мне нужен лишь Торин, а не очередной раунд с этими старушенциями. Но как я могу оставить все, как есть, после того что они сказали об Эрике? Я все еще смотрела на выход, когда ко мне подсел Эрик.

— Кто эти трое? — спросил он, положив камеру и свою тарелку на стол.

— Неважно, — что Норны имели в виду, когда сказали, что я жива благодаря Эрику? И

почему его надо защищать? — С твоими родителями все в порядке?

— Как обычно, — вместо того, чтобы начать есть, он взял камеру и начал копаться в ней. — Ты действительно собираешься отмахнуться и в этот раз?

Меня удивил его сердитый тон.

— Что?

Он развернул ко мне камеру и показал изображение на экране. На нем была я и три Норны. Однако камера засняла их истинное обличье, а не маски подростков, что они носили. Они выглядели такими же, какими я видела их в больнице: длинные густые волосы, морщинистая кожа, пронизывающий и мрачный взгляд. Рядом с ними я выглядела, как беспомощная овечка или щенок.

— Что тебя связывает с этими Норнами?

Я уставилась широкими глазами на Эрика.

— Ты знаешь?

— Конечно, знаю.

— Как...Когда... — бессвязно пробормотала я.

— Мои родители все рассказали в первый же день, когда я у них появился, — он жестом указал на противоположный конец зала.

В столовую вошли Торин, Эндрис и группа черлидерш. Одна из них, видимо, их предводительша, вцепилась в руку Торину. Мое сердце пронзили боль, ярость и желание убивать. Он что, собирается заставить меня пройти через это снова, со Смертной? Лавании ему не хватало?

Торин посмотрел на наш столик, наши глаза встретились. Он первым отвел взгляд. Я проглотила боль, и переключилась на Эрика, который с недовольство изучал меня.

— Я понимаю, многое случилось с тех пор, как он появился здесь, но помнишь ли ты тот вечер? — сказал он, хмурясь.

— Я помню. Ты пропустил тренировку по плаванию, не отвечал на мои сообщения и звонки, а когда все-таки пришел ко мне домой, то был очень зол на своих родителей. Они только вернулись из одной из своих многочисленных поездок и сказали, что собираются вернуться домой.

— Вот только Земля не наш дом, — он с яростью вгрызся в свой кусок пиццы.

— Что ты имеешь в виду? — я огляделась, затем придвинулась и прошептала. — Земля не ваш дом? Хочешь сказать, ты тоже оттуда? — прошептала я.

Он кивнул.

Я уставилась на него.

— Это...Воу, это слишком. Мама мне это говорила, но я думала, что ты не такой, как твои родители. То есть ты ведь родился и вырос здесь.

Он покачал головой.

— Вырос, но не родился. Я спрашивал их почему, но они не захотели отвечать. Чем больше я настаивал на ответах, тем больше они молчали. Все это жутко глупо, — выдавил он. — Я не понимаю, что в этом такого? К чему секретность?

— Норны сказали, что ты в опасности.

Он не смог сдержать усмешку:

— Какой же?

— Они не сказали.

— Пошли они. Они снова пытаются влезть тебе в голову, Рейн, — он открутил крышку

от бутылки с водой и сделал большой глоток. — Жаль, что они не подошли ко мне. Я бы тогда их лично послал, — он поставил бутылку на стол, крепко сжимая пластик.

Мне хотелось дотронуться до него, может, успокоить. Я смотрела на его неприкрытую злость и жевала очередной лист салата.

— Что с нами происходит, Эрик?

Он нахмурился:

— О чем ты?

— Мы никогда ничего не скрывали друг от друга. Почему в тот вечер ты не рассказал о своих родителях?

— Они сказали, что я не могу, потому что, понимаешь, ты Смертная, а я...неважно, кто я, — он снова откусил кусок, будто пицца была его злейшим врагом, и прожевал. Он смотрел в никуда, словно вел внутренний спор с самим собой.

— Они хотя бы сказали, кто твои настоящие родители?

— Нет, — он был рассержен. — Мама сказала, что я особенный. Просто класс, и что это значит? Я сказал, что не уеду никуда, пока не узнаю ответов. И знаешь что? Прошло шесть недель с того разговора, и я все еще здесь, — он избавился от пиццы в два укуса, выпил воды и взялся за другой кусок. — Не надо было их слушать. Если бы я все рассказал тебе, ты бы не молчала о Норнах, когда впервые узнала о них. Они чуть не убили тебя.

Я покачала головой.

— Ты не можешь винить себя за это. И эти Норны не единственные, кто хотят навредить мне. У них был свой интерес. Молнию вызвали злые Норны.

— Хочешь сказать, что эти хорошие? Выглядят подозрительно.

— Я не знаю. Давай, пообещаем, что больше никаких секретов?

Он усмехнулся и поднял большой палец. Но улыбка тут же исчезла с его лица.

— Почему он не защитил тебя?

Я скривилась от его тона и посмотрела в сторону Торина, который теперь сидел за столиком со своей свитой.

— Он пытался. Норны слишком могущественны. Это было безнадежно.

Он скептически посмотрел.

— Тогда, что с ним не так?

— Что ты имеешь в виду?

— Пока мы встречались, он на шаг от тебя не отходил, а сейчас ведет себя так, будто вы не знакомы.

— Он не виноват. Норны стерли его память.

Эрик нахмурился:

— Почему? Они ведь роются только в памяти Смертных.

— Они хотели наказать меня.

— Что? Зачем? — в столовую вошла Кора, и его взгляд теперь был нацелен только на нее. Она передела майку и штаны на платье, и выглядела в нем шикарно. Наверное, оно лежало у нее в машине, она не могла так быстро съездить домой и вернуться обратно. Эрик с трудом отвел взгляд.

— Неважно. Поговорим позже, — добавил он, как только Кора опустилась на сиденье рядом с ним.

— Поговорите о чем? — спросила Кора, переводя взгляд с меня на него. — Я что-то пропустила?

— Я рассказывала Эрику о своем психобизнесе и ставках.

Кора засмеялась.

Эрик растерянно смотрел на нас, так как понятия не имел, о чем я говорю, но тут же включился в игру.

— Да, блестящая идея.

— Я буду бухгалтером, — она пихнула его плечом. — А ты можешь быть нашими мускулами.

Эрик вспыхнул.

* * *

Оставшийся день я думала только об Эрике — кто он такой, и почему я должна защитить его. Ему, может, и плевать на предупреждение Норн, но мне нет.

Во время последнего перерыва, ко мне подошел парень из комитета помощи учащимся и передал мне записку от миссис Андервуд, нашего психолога. Я знала, что рано или поздно, она захочет меня увидеть.

Я собрала книжки и направилась в сторону ее кабинета. Всего в школе было три психолога, несколько учеников уже ждали у кабинетов. Единственное свободное место было между двумя парнями, один слушал музыку на своем айпode и играл на воображаемых барабанах, а второй выглядел так, будто не мылся лет десять.

Я выбрала место у двери, бросила рюкзак на пол рядом, туда же положила футляр с гобоем и достала телефон. Я собиралась надеть наушники, как открылась дверь в кабинет миссис Андервуд, и оттуда вышел ученик.

— Лоррейн, — позвала она, открывая дверь шире.

Я захватила свои вещи, вошла в кабинет и села, обняв свой рюкзак. Последний раз мы встречались в кабинете директора. Они беспокоились, что из-за несчастного случая с моим папой, я повредила рассудком. Я не винила их за это, но чувствовала себя униженной. Школьный охранник заметил, как я разговаривала с невидимым Торин, и подумал, что говорю сама с собой.

Торин. Я практически забыла о нем. Как мне решить нашу проблему? Я должна помочь ему вспомнить меня. Неважно, что говорят Норны. Он нуждается во мне точно так же, как и Эрик, потому что мы предназначены друг для друга.

— Ты слышала, что я только что сказала, Лоррейн? — спросила миссис Андервуд, склоняясь над столом.

Я моргнула и сосредоточилась на ней:

— Простите, что?

— Как ты себя чувствуешь?

Я пожала плечами.

— Нормально.

— Никаких осложнений после операции?

Я покачала головой. Интересно, она спросит меня о тех соревнованиях, и как я узнала об опасности?

— Я понимаю, что это твой первый день в школе, после того как ты потеряла своих

друзей, и тебе, наверное, нелегко. Просто знай, что, если захочешь поговорить, моя дверь всегда открыта.

— Спасибо, миссис Андервуд, — я начала подниматься, чтобы уйти.

— Пожалуйста, останься еще на минуту. Я хочу, чтобы ты всю оставшуюся неделю приходила ко мне каждый день после занятий.

Я застонала.

— Это займет всего несколько минут. Как прошел твой день? — улыбнулась она.

— Отлично.

— Были неприятности?

— Да не особо.

Она пристально посмотрела на меня, словно знала, что я вру, но затем кивнула.

— Ладно, можешь идти, — она встала и проводила меня до двери. — Увидимся завтра.

Она хотела как лучше, но ничем не могла мне помочь. Школьники все еще ошивались у главного входа, и, когда я проходила мимо, молча смотрели на меня. Как и утром, они шептались у меня за спиной и расходились в стороны, чтобы уступить мне дорогу. В этот раз я не особо злилась, потому что ожидала такой реакции.

Снаружи еще стояло несколько автобусов, остальные уже разъехались. Справа от меня была компания учеников, они смеялись и показывали на что-то или кого-то на восточной стороне парковки. Надеюсь, на какого-нибудь бедного ученика. Люди порой такие идиоты. Покачивая головой, я собралась перейти бульвар Риверсайд.

— Рейн! — кто-то позвал меня.

Я посмотрела налево. У внедорожника, на котором утром приехал Эндрис, стояли Лавания и Ингрид. Лавания махала мне рукой. Мне хотелось сделать вид, что не заметила ее, но она все же была моим тренером. Если бы не любовь к Торину, я бы сказала ей, что не собираюсь становиться Валькирией. Но мысль провести остаток своей жизни как человек, старея, в то время как Торин останется молодым бог знает сколько лет, не прельщала меня.

Вздохнув, я направилась к ним.

Подойдя ближе, увидела за рулем Эндриса, он смотрел на меня с выражением, которое не могла прочесть. Ему тоже стерли память? И где Торин? Его байк все еще стоял у обочины.

— Мы собираемся заскочить в Creperie, перед тем как поехать домой. Не хочешь присоединиться? — она указала на машину, и Ингрид поспешила открыть заднюю дверь для меня.

Я отрицательно покачала головой.

— Простите, не могу. Мне надо к папе в магазин.

— Твой отец может подождать.

Кто умер и сделал ее главной?

— Боюсь, что нет.

Лавания впиалась в меня взглядом и подошла ближе.

— Слушай, меня отправили сюда обучать тебя и помочь с переходом. Я думаю....

— Кстати, насчет этого, — прервала я ее. — Я еще не решила, действительно ли хочу стать Валькирией. Не можешь мне дать немного времени? Неделью-две? — или вечность.

Она засмеялась, но в ее глазах по-прежнему был холод.

— Нет, не могу. Я уже потратила здесь две недели своей жизни, пока тебя не было. Видишь ли, моя наивная подопечная, я уже как шесть веков не имела дел со Смертными, не

говоря уже о том, чтобы притворяться одной из вас. Две недели назад у меня была моя обычная жизнь — друзья моего возраста, с которыми мне нравилось проводить время, и высокое положение в чертогах Фрейи. Но затем она позвала меня к себе и сказала, что я должна опекать одну особенную Смертную. Смертную, которая может видеть Норн. Которая может остановить их. Может, для тебя это ничего не значит, но там это что-то сверх обычного, — прищурившись, она подошла еще ближе. — Если богиня ошиблась, и ты не та Смертная, то скажи это прямо сейчас, чтобы я не тратила зря свое время.

Удивленная таким поворотом, я уставилась на нее.

— Но я не останавливала Норн. Умерло двенадцать моих друзей.

— А должно было умереть больше, — сказала она. — Где-то еще пять... — она посмотрела на Эндриса.

— Семь, — сказал он.

Лавания улыбнулась.

— Спасибо, милый. Видишь, ты спасла семь жизней, включая жизнь Эрика и вашей блондинистой подружки. Ты знала, что оттолкнула Эрика с такой силой, что он пролетел через площадку, врезался в стенку так, что потерял сознание? Спрашивала ли себя, как ты, обычная Смертная, смогла сделать это?

Я вздрогнула. Я уже думала о том, как Эрик потерял сознание и очутился в сухом месте. Неужели, я защитила его и даже не заметила этого? Как у меня получилось? Только у Валькирий есть такая сила. Может, Норны не только отметили меня при рождении, но сделали что-то еще? Мне срочно надо поговорить с мамой.

— Мне надо идти, — сказала я. — Тонны домашней работы, и меня ждет папа. Я, эмм, присоединюсь к вам, как только все закончу.

Лавания покачала головой:

— Не пойдет. Ты должна пойти с нами.

Она собирается таким образом обучать меня? Делай все так, как ей захочется, иначе катись на все стороны?

— Ладно, я поеду за вами на своей машине.

— Нет, мы позже заберем ее.

Я посмотрела на Ингрид. Она выглядела обеспокоенной. Эндриса это все забавляло. Он пожал плечами.

— С ней бесполезно спорить. Все равно выиграет.

Я вздохнула.

— Ладно, тогда я оставлю рюкзак и гобой, — я развернулась, собираясь уйти, но она схватила меня за руку. Я зажмурилась от боли, когда ее ногти впились мне в кожу.

— У нас в машине достаточно места, Рейн, — сказала она. — Будь послушной девочкой и залезай.

Что с ней не так?

— Тогда я хотя бы захвачу кошелек. Я оставила его в машине.

— Я оплачу напитки, — она потянула меня за руку.

На меня накатило плохое предчувствие. Она не хочет, чтобы я подошла к моей машине. Почему? Я посмотрела в ту сторону парковки. У машины стояли Эрик с Торином. И тут до меня дошло, что толпа, которую я до этого видела, стояла как раз неподалеку.

Лавания усилила хватку.

— Хорошо, какие-то школьники покалечили твою машину, Торин обо всем

позаботится, — сказала она теперь уже мягким голосом.

Я освободила свою руку и побежала через опустевшую парковку. Сердце бешено колотилось. Торин и Эрик стояли на коленях у заднего колеса. Торин рисовал руны на спущенной шине, которую пересекал большущий разрез. Все стекла тоже были в рунах.

— Что они написали на окнах?

— Неважно, — сказал Торин. Он посмотрел на Эрика. — Уведи ее отсюда.

Как только Эрик встал, я в протестном жесте подняла палец.

— Нет, я никуда не уйду. Что они написали на моей машине, Эрик?

— Умри, ведьма, у...

— Заткнись, Севилль, — Торин, прищурившись, посмотрел на меня. — Мы найдем, кто это сделал, Веснушка. Они заплатят за все.

Глава 4

Недооцененный

— Ты назвал меня Веснушкой, — прошептала я, уставившись на Торина.

Он выглядел растерянным:

— Что?

— Веснушка, моя кличка, — я дотронулась до носа. Его недоумение росло, наверное, он что-то помнит на подсознательном уровне, но не понимает, что именно. Я вздохнула. Мне приходилось пройти через то же самое во время долгого и болезненного периода восстановления. Я должна быть счастлива, что через его подсознание просачивается информация, ведь так? Значит, воспоминания никуда не исчезли, а просто подавлены. Но еще рано было праздновать. — Неважно.

Я поймала на себе взгляд Эрика. Он рассерженно следил за нами. Затем его взгляд переместился на кого-то за моей спиной, и я повернулась. За мной стояли Лавания и Ингрид. Эндрис остался в своем внедорожнике.

— Ты должна была держать ее подальше отсюда, — резко сказал Торин.

Лавания сузила глаза. Очевидно, ей не понравился его тон. Она мельком взглянула на меня.

— У тебя появилась слабость, — она кивнула Ингрид. — Идем.

Они развернулись и ушли. Я ненавидела ее отношение и хотела сказать ей, что не хочу обучаться, хотя это было ложью. Мне хотелось этого, но в то же время я понимала, что это очень серьезный шаг. Пути назад не будет. Когда я думала, что буду с Торином, мне казалось, это правильное решение. Но сейчас я так не думала. К тому же, надо разобраться с Эриком.

Когда я повернулась, Торин работал над другим колесом. Его, кажется, не волновало, что их могут заметить. Эрик прикрывал его, но риск оставался, хотя на парковке находилось всего несколько машин. На стоянке рабочего персонала стояло больше машин, но она располагалась на западной стороне от школы, слишком далеко, чтобы заметить что-либо. Я открыла пассажирскую дверь, закинула на сиденье рюкзак с гобоем и вернулась к Ториному с Эриком.

Мое внимание привлекли руны, которые наносил Торин. Сдутые шины наполнились воздухом, и порезы затянулись. Я пыталась поймать его взгляд, но он перешел к последнему колесу. Я пошла за ним, радуясь тому, что могу находиться так близко к нему. Мне хотелось большего. Коснуться его. Поцеловать. Сделать так, чтобы он снова смотрел на меня. Тем самым взглядом.

Я прочистила горло.

— Что за руны ты используешь? Руны лети-воздух-в-покрышки или залатайся-колёсико?

Уголки его губ приподнялись в улыбке.

— Больше похоже на руну эти-чертовы-колеса-не-спустятся-минимум-вечность.

Я засмеялась. Его британский акцент выделялся сильнее, когда он был чем-то раздражен.

— Мне придется вернуть машину в магазин после этого? — спросила я.

— Неет. Руны продержаться, пока шины не износятся и их не заменят. Любого, кто

попробует теперь порезать колеса, будет ждать сюрприз.

Я нахмурилась.

— Думаешь, это хорошая идея?

— О, дааа, — он все еще не смотрел на меня.

Мне хотелось схватить его и притянуть к себе, но придется подождать. Я ненавидела его за это. Прежний Торин открыто посмотрел бы на меня и получал удовольствие от моей реакции на его выходки.

— Они и так считают меня ведьмой. Колесо, которое нельзя пробить, только больше их в этом убедит.

— Мне все равно, что они подумают, — заворчал он. — Твоя безопасность важнее.

По крайней мере, его инстинкт защищать меня никуда не делся.

— Но мне не все равно. Я хочу, чтобы всего этого, — я жестом указала на машину, — не было.

— Так и будет. Смертные держатся подальше от того, что их пугает. Скоро они отстанут от тебя, не так уж все и плохо.

— Так говорят только одиночки.

Он усмехнулся:

— Так и есть. Кстати, тебе надо больше брать за свои гадания с тех, кто осмеливается просить. Как насчет тысячи?

— Ах, ты коварный... Ты все подслушал?

— Не мог удержаться. Они верят всему, что ты говоришь и... — его голос сошел на нет, как только наши взгляды, наконец, пересеклись. Усмешка тоже исчезла с губ, а в глубине сапфировых глаз начало загораться синее пламя. Мы находились так близко друг к другу, что я могла пересчитать ресницы на его глазах.

«Как он мог забыть такие моменты, когда мы смотрели друг на друга и терялись в нашем собственном маленьком мире?»

Его взгляд опустился на мои губы, и я перестала дышать. Это было, как если бы он дотронулся до них. Губы закололо, и я приоткрыла их, словно приглашая. Стоило приблизиться на пару сантиметров, и мы бы поцеловались.

Наверное, он подумал о том же, потому что он приблизился ближе, его глаза теперь горели.

Над нами раздался голос, и я тут же подняла голову вверх. Эрик. Я совершенно забыла о его присутствии. Судя по хмурому выражению его лица, он догадался, и это ему очень не понравилось. Щеки запылали.

— У меня тренировка, увидимся позже, — сказал Эрик сквозь зубы и развернулся.

Торин не обращал на него никакого внимания и продолжал смотреть на меня с выражением, будто сам не знал, что хочет сделать, схватить меня и поцеловать или убежать. Мне хотелось проводить с ним больше времени, но теперь это казалось невозможным.

Вздохнув, я поднялась на ноги.

— Эрик, подожди, — он не останавливался. Я догнала его только, когда он остановился у своего джипа. — Эрик...

— Веснушка? Насколько ты была близка с Торином, пока не вмешались Норны? — он практически рычал.

Мне не хотелось, чтобы он так обо всем узнал.

— Мы общались иногда.

— Иногда? Он называет тебя по прозвищу, Рейн. По кличке, которую ты с детства ненавидела. Ты встречалась с ним у меня за спиной?

Теперь мое лицо горело.

— Все не так. Он был моим соседом, Эрик, поэтому мы разговаривали, и однажды он подвез меня до дома.

Он сощурился. Мне хотелось знать, вспоминает ли он сейчас те разы, когда Торин спасал меня, когда его не было рядом.

— Вы целовались?

— Эрик, — выдохнула я.

— Полагаю, это значит, да, — он стрельнул глазами на Торуна. — Ублюдок.

— Не надо. Ты не понимаешь.

Он рывком открыл дверцу джипа и задержался на секунду, прежде чем сесть внутрь. Он смотрел на меня и улыбался, но это была грустная улыбка.

— Вообще-то, я все отлично понимаю. Он соблазнил тебя. Тебе семнадцать, а он гораздо старше и опытнее. Исцелил тебя, хотя не должен был, и готов поспорить, он сказал тебе, что он Валькирия. Им нельзя рассказывать Смертным о таких вещах.

— Он не соблазнял меня, — возразила я. Я переглянулась через плечо и увидела, что Торин наблюдает за нами. Надеюсь, он не слышит наш разговор. — И это Эндрис, а не он, рассказал о Валькириях. Когда был выпускной бал. К тому времени Торин уже исчез.

Эрик нахмурился, уступая мне.

— Что ты хочешь сказать?

— Что все гораздо сложнее, чем кажется, — мне хотелось выложить ему всю правду обо мне и Торине. Я ненавидела хранить от него секреты. Но, пока я не узнаю, что Норны имели в виду, когда говорили, что Эрик нуждается в моей помощи больше, чем Торин, я должна действовать очень осторожно. В отличие от Эрика, я не сомневалась в Норнах. Должна быть причина, почему Эрик рос на Земле. — Давай, поговорим сегодня вечером. Я тебе все объясню.

Он смотрел то на Торуна, то снова на меня. На секунду, мне показалось, что он скажет «нет». Но я вздохнула с облегчением, когда он кивнул:

— Хорошо. Сегодня.

Эрик менялся, и мне это не нравилось. Мне не давало покоя, что он несколько раз сказал «Смертные», словно мы вовсе не росли вместе, не дрались за какую-нибудь мелочь в песочнице, лопатку и ведерко, будто не спали в одной комнате во время обеденного сна или ночевки. Мне хотелось, чтобы вернулся прежний Эрик. Он был более ласковым, самоуверенным, но очень милым.

Я подождала, пока он не уедет, и вернулась к Торину. Я не могла понять, что значило его выражение лица. Он стоял, спрятав руки в передние карманы.

— У него проблемы? — спросил он.

«Ты его проблема», — хотелось сказать мне.

— Он переживает за меня. Вот и всё. Спасибо, что починил мою машину.

— Пустяки. Он твой парень?

Я уставилась на него. Может, до меня, наконец, добрался стресс, потому что от этого вопроса стало больно. Мне хотелось накричать на него, сказать, что это он мой парень, хотя я понимала, что не его вина, что он не может вспомнить. Не надо было подходить к нему так близко. Я покачала головой, отвернулась, ничего не ответив, и рывком открыла дверь

машины; но он не позволил мне ее захлопнуть.

— Рейн, — мягко прошептал он.

— Не надо. Правда, я очень стараюсь быть понимающей, но это сложно, — на глаза навернулись слезы. «Нет, я не заплачу. Нет, нет, нет!» Я не такая. Я никогда не плакала из-за парня, пока не встретила Торина. Я отвернулась и проморгалась, пытаясь остановить слезы.

— Посмотри на меня.

— Нет, уходи, — я вставила ключ в замок зажигания.

— Пожалуйста, — он взял меня за подбородок и повернул лицом к себе. Его лицо поморщилось от боли, слово ему было трудно смотреть мне в глаза, в которых отражалось страдание. Он погладил меня по щеке. — Прости, из-за меня ты вечно либо плачешь, либо злишься.

— Я не плачу, — выдавила я из себя и заморгала еще сильнее. — И не злюсь.

Он приложил большой палец к моим губам, вынуждая замолчать. Эффект был мгновенный. Губы начало покалывать, а прикосновение отдавалось огнем. Глубоко в душе разразилась буря желаний, и я содрогнулась. Я ничего не могу поделать с чувствами, которые он у меня вызывает.

Он отдернул руку, словно ошпаренный, и нахмурился, голубые глаза потускнели. Какой-то миг мы не отрывали друг от друга взгляд. Он сам выглядел удивленным своей реакцией, чего нельзя было сказать обо мне.

— Я, — сказал он, нахмурившись.

— Ты что?

— Зол, но не знаю почему. Я уверен, что Лавания и Эндрис ничего не рассказывали тебе обо мне, и все же ты знаешь такие подробности моей жизни, которые известны лишь им двоим.

— Это потому что...

— Я не закончил. Я был здесь, когда Эндрис и еще пара Валькирий пришли в этот город за душами твоих друзей из команды.

— Ты был одним из них, — перебила я. — Ты жил здесь, но ушёл ещё до того, как всё случилось.

— Ты ошибаешься, — вздохнул он. — Я не помню, как жил здесь, но все выглядит знакомым, наверное, навещал их. Я собирал души одних ребят из колледжа, пока остальные были здесь. Мы тогда еще не думали делать Кейвилль нашей базой.

Я покачала головой:

— Норны вложили в тебя фальшивые воспоминания, Торин. Мы были соседями.

— Норны не изменяют память Валькирий. Им просто не зачем это делать.

— Но...

— Слушай, я не хочу спорить с тобой. Ты хочешь убедить меня в том, что я говорил и делал что-то, но я не помню ничего подобного. Я думал, Ингрид или Малиина могли рассказать тебе всё, но Эндрис клянётся, что ничего не рассказывал им обо мне. Может, Малиина подслушала и выложила тебе всё, до того как вышла из-под контроля. Не знаю. Но я уверен, что впервые увидел тебя только две недели назад, когда ты поцеловала меня. И эти две недели я все время думал о тебе, и мне кажется, я знаю, что могло произойти.

Его голос доносился, как будто издалека. С каждым произнесенным словом, во мне умирала надежда, пока не осталась гигантская дыра. Мне хотелось сказать что-нибудь, но язык не шевелился, и во рту пересохло. Поэтому я просто ждала, а сердце оглушительно

билось в груди.

— Должно быть, наши дороги каким-то образом пересеклись и вышло недоразумение, — мягко проговорил он.

— Недоразумение? — прошептала я.

— Да, касательно наших отношений, — он отпустил дверь и снова спрятал руки в передних карманах штанов. — Я никогда не завожу отношения со Смертными. Это мешает работе. Поэтому если я сделал что-то, что могло ввести тебя в заблуждение, то прости. Я этого не хотел.

Он замолчал, его лицо напряглось, а во взгляде была решимость. Мне хотелось отвернуться, но я не могла. Его последние слова эхом раздавались в голове, словно я попала в свой самый худший кошмар.

— Я не всегда буду Смертной, — прошептала я. — Я начну обучение, как можно быстрее.

Его брови взлетели.

— Почему?

В голове было пусто. Но через минуту в сознание ворвались спутанные мысли. То, что он не помнит, не даёт ему право взять и вычеркнуть наши отношения, будто их никогда не было. Внутри закралась злость, которая теперь шла об руку с болью. «Недоразумение? Отношения со мной мешают его работе?» Он даже не хочет выяснить правду или хоть немного поверить мне. Он просто решил, что не мог связаться со мной, со Смертной.

— Почему? Что это за вопрос? — сказала я сквозь сжатые зубы.

Он поднял бровь.

— Тот, что ты должна задать самой себе.

Я злилась на то, что приходится смотреть на него, и затем поднялась. Он даже не удосужился отойти. Жар его тела окутал меня, лишая всяких мыслей. Обычно, мне нравились чувства, что он пробуждал во мне. Но теперь, меня это жутко бесило.

— Я спрашивала миллиард раз. И я по-прежнему возвращаюсь к мыслям о себе, маме, обо всём моём существовании. Моя мама Валькирия. Норны, к какому-то дьяволу, отметили меня при рождении, выходит, в моих венах течёт магия Валькирий и Норн.

Он самодовольно улыбнулся.

— И? Это не значит, что ты должна становиться одной из них.

— Норны преследуют меня, Торин. Только потому, что ты ничего не помнишь, не значит, что и я забыла. В прошлый раз всё произошло ужасно. Но в этот я должна быть готова.

Он в удивлении поднял брови.

— Я слышал, ты дала им отпор и выстояла. Сделай это снова. Покажи им, что ты — единственная Смертная, которую им не запугать. У Валькирий одинокая и паршивая жизнь. У Норн ещё хуже.

Мне стало мерзко от его слов, хотя я знала о том, как он одинок. Я должна была избавить его от этого, дополнить его. Эта мысль питала мой гнев. Однако еще не до конца поняв свои намерения, я ткнула пальцем ему в грудь.

— Она паршивая, потому что ты слишком упрям, чтобы меняться. Ты сам выбрал одиночество, хотя все могло быть иначе. У тебя была возможность сделать меня Бессмертной, но в тебе моральные принципы заиграли.

Он схватил меня за палец.

— Я бы никогда в здравом уме не приговорил Смертного к такой жизни, даже такого милого, как ты.

Больно. Я выдернула палец из его хватки.

— Я бы не согласилась, даже если бы ты встал на колени и умолял.

В его глазах зажглось синее пламя, он перевел взгляд на мои губы, а потом пристально посмотрел мне в глаза.

— Я не умоляю, Веснушка.

— Ты потерял право называть меня так, Валькирия. И к твоему сведению, если бы я захотела, ты бы умолял.

Он приблизился, и у меня перехватило дыхание. Такая реакция вызвала у него самодовольную ухмылку.

— Стоит мне щелкнуть пальцами, и мы с легкостью поменяемся ролями, Веснушка.

Я вздернула голову.

— Оу, я должна была испугаться?

— Следовало бы. А теперь тащи свой милый зад в машину и уезжай, как можно быстрее.

Я сглотнула, во мне нарастало отчаянье.

— Я не боюсь тебя, Торин Сент-Джеймс.

Он придвинулся еще ближе, его дыхание опаляло мое лицо. Воспоминания о наших поцелуях будто насмеялись надо мною. Мне хотелось схватить его, притянуть к себе и заставить вспомнить, хотелось, чтобы он задрожал, чтобы у него перехватило дыхание.

— Только потому, что я не люблю кошмарных отношений с язвительными маленькими Смертными девочками, не значит, что я не могу взять то, что хочу или когда захочу, а потом уйти и спать спокойно, не мучаясь угрызениями совести.

Мысли о поцелуях смыло, как волной. «Язвительные маленькие девочки?» Мне хотелось врезать ему.

— Ты мудака.

Он засмеялся:

— Вот мы и сдвинулись с точки.

— Ненавижу тебя.

— Так даже лучше. Не забудь этого, когда придёшь ко мне домой за знаниями, — добавил он и улыбнулся той самой улыбкой, которую я когда-то считала сексуальной. Сейчас от её вида мне хотелось пнуть его. — Я постараюсь не попадаться тебе на глаза, но ничего не обещаю. Поэтому побереги свои едкие замечания. Что насчет твоей надуманной девчачьей влюбленности, она пройдёт. Всегда проходит.

— Она прошла уже после «недоразумения», — выпалила я, села в машину и захлопнула дверцу. Он самый мерзкий, безмозглый парень из всех, кого я когда-либо встречала. «Девчачья влюбленность?» Это была последняя капля.

Он смотрел на меня в окно, затем развернулся и медленно направился к своему харлею. С каждым его шагом, сердце пронзали острые иглы. Если я думала, что раньше было больно, то теперь все было хуже в раз так десять.

Я не знаю, сколько я так просидела в машине, упиваясь своей болью, пытаюсь найти способ, как стереть из сердца любой намёк на чувства, что я питала к нему. Надо было пнуть его. Готова поспорить, я бы отправила его в полёт через всю парковку. Или сама бы ударилась. В конце концов, он Валькирия и нечеловечески силен. Интересно, откуда у меня

взялась эта сила. Может, её в младенчестве дали Норны, когда исцелили меня. Что они еще сотворили со мной?

* * *

Через несколько минут я уже стояла перед «Миражом», нашим семейным магазином. Когда я открыла заднюю дверь, как обычно, раздался раздражающий звон, привлекая внимание Джареда. Он улыбнулся и помахал мне. Он был здесь единственным работником, помимо моих родителей. Теперь, когда папа вернулся, мама отпустила временного сотрудника. Я осмотрела основной зал.

— Где все? — спросила я.

— Твоя мама только что ушла, а папа в своем кабинете, — разъяснил Джаред.

— Он ведь там без клиентов?

— Да, можешь зайти, — я прошла мимо выставленных зеркал и картинных рам. Большинство товара хранилось в задней комнате, поэтому здесь было достаточно места, чтобы ходить и рассматривать все. Хотя мы изготавливаем картинные рамы для мебельных магазинов и делаем некоторые заказы для музея искусств в Портленде, основными покупателями остаются Валькирии. Надо близко присмотреться, чтобы заметить руны на рамах больших зеркал, которые Валькирии обычно используют в качестве порталов. Мы поставляем их по всему миру.

— Да? — послышался низкий папин голос после того, как я постучала.

Я просунула голову в кабинет и увидела, что он работал за своим ноутбуком.

— Ты занят, пап?

— Для тебя нет, — он жестом махнул, чтобы я вошла, и поднялся.

— Я хотела заскочить, посмотреть, как идут дела, — слезы грозились сорваться с глаз. Я подошла ближе и обняла его. Когда он попытался отступить, я только крепче сжала объятие.

— Котенок?

— Все хорошо, пап. Просто сегодня мне нужны крепкие обнимашки. Вот и все, — пробормотала я. Он еще был очень худой после крушения самолета и болезни. С загаром после круиза он уже не выглядел, будто его морили голодом, но до прежней формы ему еще далеко.

Он поцеловал меня в лоб.

— Все настолько плохо?

— Ужасно, — особенно недавняя встреча с одной упрямой Валькирией. Я выпустила папу из рук и, робко улыбнувшись, уселась в кресло, стоявшее напротив стола. — Мне надо сделать тонны заданий, чтобы всех нагнать. Прочитать горы конспектов, подготовительные тесты... Бррр, — я растеклась по креслу. Папа снисходительно посмотрел на меня. — Понимаю, я должна быть рада, что учителям не плевать на меня, и я буду, как только мои оценки поднимутся со дна. Но прямо сейчас, мне хочется просто кричать.

Он засмеялся:

— Ну, так вперед. Никто, кроме меня, не услышит, а я не против. Соскучился по твоим воплям.

Я закатила глаза. Всегда поддержит. Я качнула головой в сторону компьютера.

— Над чем работаешь?

— Счета. Скука смертная.

— Я думала, мама уже их сделала.

— Да, — он пролистал бухгалтерскую книгу. — Она проделала потрясающую работу, но не помешает иметь несколько копий в разных форматах.

— Где, кстати, она? — ее пальто не висело на вешалке у двери.

— Она пошла домой за еще парой книг. Должна вернуться с минуты на минуту, — он поднялся и потянулся за своим пальто. — Пошли на улицу. Куплю нам кофе.

— Ура! — подскочила я. — Думала, ты никогда не предложишь.

Он засмеялся:

— Я думал, ты пришла навестить меня.

— Так и есть, потому что знала, что ты не забыл нашу традицию, — сколько себя помню, всякий раз, когда я забегала в магазин после школы, мы ходили в Café Nikos вниз по улице и брали там горячий шоколад и пирожные. Когда мне исполнилось пятнадцать, горячий шоколад заменил латте без кофеина.

Я обняла его руку, и так мы вышли из магазина. На улице было холодно, сыро и немногочленно. В кафе сидели свои постояльцы, большинство из них местные художники и студенты. Некоторые, склонившись над своими ноутбуками, пользовались бесплатным wi-fi, который раздавал Николаус. Другие что-то оживленно обсуждали за своими столиками.

— Тристан, рад, что ты снова с нами, — сказал Николаус, обнимая папу.

— Рад быть снова с вами, дружище, — ответил папа.

— То, что с тобой произошло, просто ужасно. Хорошо, что авиалинии продолжали искать, — добавил Николаус. Он и папа выросли здесь и знали друг друга со старшей школы.

Папа улыбнулся.

— Хотелось бы отдать им должное, но все благодарности уйдут Сване. Это она никогда не сдавалась.

Пуская слюнки на пирожные, я только ухом слушала историю папиного чудесного спасения. Тоже самое он рассказывал мне перед нашим круизом, но эта история правдива только отчасти. Мама никогда не нанимала частную охранную фирму для поисков папы, и их сыщики не находили его две недели спустя в удаленной больнице в маленьком городишке Эль-Сальвадора и не отправляли домой. Мама никогда не теряла надежду, потому что поддерживала связь со своими сестрами Валькириями, которые заверили ее, что никто не забрал душу отца. Я много раз видела ее, разговаривающей с зеркалом, которое она использовала как портал для общения с ними. Они даже пытались узнать местонахождение папы, но именно Торин нашел его и вернул домой. Скорее всего, он воспользовался порталом.

Мы купили полдюжины пирожных и, попивая напитки, возвращались обратно. Воздух наполнил звук мотоцикла, и мое сердце пустилось в нервный пляс, тем не менее, я не обернулась посмотреть. Между мной и Торином все кончено. Я больше не позволю ему влезать в мою жизнь и в мысли.

Когда я уходила из магазина, мама еще не вернулась, но, завернув в наш переулок, я увидела на подъездной дорожке ее машину. Проезжая мимо дома Торина, я на автомате скосила взгляд в сторону его гаража, чтобы посмотреть, стоит там байк или нет. Гараж был закрыт. Я выругала себя за то, что посмотрела туда, за то, что мне было не все равно. Должно пройти много времени, чтобы я смогла забыть о нем, полностью стереть из моего сердца и выкинуть из головы.

— Мам? — позвала я, переступая порог.

Тишина.

Я проверила кабинет папы, затем поднялась наверх. Ее не было ни в своей спальне, ни в моей комнате. Я водрузила мой тяжелый рюкзак на стол и поставила у двери гобой. Как только собралась развернуться и уйти из комнаты, то спиной почувствовала, что за мной следят. Я посмотрела в окно и увидела Торина.

Сердце затрепетало. Глупое сердце.

Парень улыбнулся и по-шутовски отсалютовал, в ответ я послала его неприличным жестом. Он засмеялся и обернулся, в его спальне был кто-то еще. К Торину подошла Лавания и коснулась его руки. Она переоделась, и теперь на ней красовалось не серое платье, в котором она была в школе, а шелковое фиолетовое платье. Оно больше походило на нижнее белье. Сексуальное такое белье.

Она увидела меня и помахала рукой.

Чувствуя некоторую слабость, я отвернулась и вышла из комнаты. Это было официальное заявление. Мой наставник, тренер, или как они еще называют таких, как Лавания, теперь новая девушка моего парня. Не так, моего бывшего парня. Хуже всего то, что наши дома расположены настолько близко, что я могу заглянуть в его комнату, то есть, существует вероятность, что я увижу, как они целуются. Мне было больно представлять их вместе, почти так же как это было с Джесс пару месяцев назад. Он не должен быть с кем-то еще, кроме меня.

Отталкивая подальше такие мысли, я спустилась вниз, чтобы перекусить чем-нибудь.

— Ах, вот ты где, — сказала мама.

Я подпрыгнула.

— Откуда ты вышла? — в гостиной я заметила портал, он мерцал и менялся, пока не превратился в обычное зеркало на стене. — Ты только что пользовалась этим?

Она заулыбалась.

— Удобно, правда? Я была у соседей, разговаривала с Лаванией, но две секунды — и я снова здесь. Я так рада, что могу свободно им пользоваться, не прячась от тебя.

— Что если бы папа тебя увидел?

Она отмахнулась от моих переживаний жестом руки, на которой звенели браслеты.

— Милая, папа Смертный и не может видеть порталы. Подойди сюда, — она обняла меня, окутав ароматом своих духов, запах которых невозможно описать словами, затем отклонилась и окинула меня взглядом. — Выглядишь ужасно.

Я скорчила лицо.

— Спасибо. Почему я не видела порталы после того, как начала замечать руны?

Она взяла в руки мое лицо и поцеловала в лоб.

— Потому что завеса поднимается медленно, так она дает человеку привыкнуть. Если все произойдет быстро, что крайне маловероятно, он будет сильно перегружен и подумает, что это галлюцинация. Только представь, если кто-то увидит невидимых Валькирий со

святиющейся кожей, души мертвых, появляющиеся и исчезающие порталы. Да он с ума сойдет, — она нахмурилась. — Ты ведь еще не видишь души?

Я вздрогнула.

— Нет.

— Эта способность приходит со временем. Итак, Лавания рассказала мне, что случилось в школе. Завтра утром я первым делом позвоню вашему директору. То, что они обзываются, конечно, плохо, но проткнуть колеса? Разрисовать машину? Я никому не позволю издеваться над тобой.

— Не надо, мам. Я со всем разберусь сама. Пожалуйста.

Она покачала головой.

— Нет, я не могу все оставить. Твой отец... Ох, он не обрадуется, когда узнает об этом.

— Прощу, не говори ему. Просто оставь. Торин починил шины, так что никто не сможет порезать их снова. И я совсем не хочу привлекать к себе еще больше внимания.

Мама сжала губы, будто обдумывала все, что я сказала, и снова покачала головой.

— Не знаю.

— Пожалуйста, мам. Просто ничего не делай. Если мы из этого раздуем шум, они только больше разозлятся.

Она вздохнула и прижалась губами к моему лбу.

— Ладно, но, если это повториться, я заставлю их заплатить.

Я облегченно вздохнула.

— Конечно, — но затем я вспомнила, что в понимании Валькирий «заплатить» может слишком отличаться от человеческого понятия. — Заплатить как?

— Милая, такие случаи можно решить парой базовых рун. Обычная магия, — она взяла меня за руку и повела на кухню. — Я могу сделать так, что они окажутся без волос, между пальцев на ногах вырастут бородавки, могу обеспечить недельный понос, свиные уши, рыльца...

— Ладно, Моргана, успокойся, — я высвободила руку и взяла яблоко. — У меня и так забот много, помимо превращений людей в свиней.

Она щелкнула меня по носу.

— Я просто шутила. Твой папа уже приготовил ужин, поэтому заканчивай с домашкой и ни о чем не беспокойся. Ах да, как все прошло с Торинем?

Мне не хотелось говорить о Торине.

— Как и ожидалось. Он не помнит меня.

— Дай ему время. Он вспомнит. А если нет, то заново влюбится в тебя.

Я бы не раскатывала так губу. Во-первых, ему надо захотеть. А этого не произойдет, если он думает, что я влюблена в него. Во-вторых, чтобы что-нибудь произошло, я должна проводить с ним много времени. Но он предложил не появляться, когда я буду приходить к нему домой. Сволочь.

Мама потянулась за ключами, лежащими на стойке, и тогда я поняла, что она собирается уходить.

— Мам, у тебя есть минутка?

Она посмотрела на часы.

— Твой папа ждет, но минутой больше... В чем дело?

— Присядем? — указала я на сиденья в углу кухни. С любопытством смотря на меня, она выдвинула стул и села. Я сидела напротив нее и игралась с яблоком, пытаюсь собраться с

мыслями.

— Ты начинаешь беспокоить меня, милая. Просто скажи, что думаешь.

— Кто такой Эрик?

Она моргнула.

— Почему ты спрашиваешь?

— Он не Смертный. Ты говорила, что его родители выполняют здесь особое поручение, и он знает обо всем, что случилось со мной, а это значит, что Норны не стирали ему память. Поэтому, кто он такой?

Мама вздохнула.

— Хм. Это один из вопросов, на который ответит твой наставник.

— Но мне надо знать сейчас. В школе ко мне подходили Норны и наговорили всякого, — с ее лица исчезли краски. Она открыла рот, собираясь ответить, но я перехватила ее за руку. — Я еще не закончила.

Она крепко сжала губы, и зеленые глаза замерцали.

— Они сказали, что я нужна Эрику и, чтобы защитить его, я должна присоединиться к ним. Они также сказали, что, когда ты мне все расскажешь, я пойму, почему должна быть с ним.

— Подлые, мерзкие ведьмы. Если я скажу, то нарушу клятву и отправлюсь в один конец в Туманы Хель. Они не имеют права снимать ограничения, наложенные на меня Верховным Советом. Поверить не могу, до чего они могут опуститься, чтобы манипулировать тобой. Оставайся здесь, — она погладила меня по руке и встала. — Лавания все объяснит. Хорошо, что богиня Фрейя отправила кого-то, чтобы защитить от них.

Я проследовала за ней в гостиную.

— Что ты имеешь в виду?

— Лавания должна была появиться только через год, когда тебе исполнится восемнадцать, но она отправила ее раньше. Норны не знают о ее появлении. Злобные старухи думают, что мы у них в руках, — мама остановилась у зеркала-портала в гостиной и прикоснулась к его поверхности рукой. — Так как Лавания стала Бессмертной еще подростком, она с легкостью может смешаться со школьниками, — на ее руках появились руны, и зеркало отозвалось, мерцая и переливаясь, пока не сформировался портал.

Я подошла ближе, с любопытством заглядывая, куда он ведет. Небольшой проход был окружен туманом, больше похожим на клубящийся дым. На другой стороне прохода виднелась комната, обставленная в фиолетовых, белых и сиреневых тонах.

В комнате стояла Лавания. Она по-прежнему была одета в свое сексуальное белье.

— Свана? Ты что-то забыла? Привет, Рейн, — сказала она с широкой улыбкой на лице, заведя меня.

Я вяло махнула ей рукой, ненавидя ее и в то же время восхищаясь. Сколько ей лет? И что она делает, чтобы выглядеть настолько чертовски красивой?

— У моей дочери есть пара вопросов насчет юного Эрика. Не зайдешь ли ненадолго?

— Конечно, — она исчезла из виду и вернулась с накинутым на плечи халатом, на котором красовались большие фиолетовые цветы. Мы отошли в сторону, пропуская ее.

Она вошла в дом и осмотрелась.

Мне было интересно, как она отреагирует на мамин декор, который та обставила полностью в своем стиле — землистые оттенки и много цветастых подушек, картин, вещей, взятых из разных культур, цветов и свечей. Мама любила свечи. Папин минибар в вишневых

тонах был единственным уголком современности в комнате. Он построил его вместе с Эриком и очень гордился этим. Каждый раз, когда мама ставила на стойку свечи или какое-нибудь украшение, папа убирал их. Это была их своеобразная игра.

— Какая красивая комната, Свана, — в ее голосе слышалась искренность. — Такая теплая и уютная, прямо как дома.

Мама заулыбалась.

— Это и есть дом, спасибо. Присаживайся, пожалуйста, — мама указала в сторону дивана в гостиной. — Принести тебе чего-нибудь попить?

— Воды, пожалуйста, — сказала Лавания.

Когда мама ушла за стойку, чтобы достать бутылку с водой из холодильника, я тайком изучала нашу гостью. Она сидела с прямой спиной, руки покоились на коленях, одна нога перекинута за другую. Я тоже приосанилась, но спустя несколько секунд, снова начала сутулиться. Если буду копировать ее, лучше мне не станет. И Торин не вернется. Все кончено, и чем быстрее я приму это, тем лучше для меня.

— Держи, — мама поставила бутылку с водой на край столика и положила руку ей на плечо. — Будь милой с моей дочерью, Лавания. Не напугай ее, вылив слишком много информации за раз.

— Не переживай. Со мной она в безопасности, — она коснулась маминой руки.

— Ты уходишь? — спросила я, повысив голос. Я еще не была готова к разговорам тет-а-тет именно с этой Валькирией.

— Твой отец ждет, милая. Я, вообще, заходила домой за бухгалтерскими книгами, когда Лавания отвлекла меня новостями о том, что случилось с твоей машиной, — ее зеленые глаза заискрились, и я поняла, что она собирается снова ругаться на студентов.

— Это объясняет, почему он все время смотрел на часы. Я заходила в магазин, а потом мы пошли в Café Nikos.

— Вы двое и пирожные, — засмеялась она и обернулась к Лавании. — Сегодня в школе к Рейн подходили Норны. Будь осторожна. Если они о тебе узнают...

— Они сделают ход. Знаю. Не беспокойся. Я буду осмотрительной.

— Ты все еще думаешь, что ходить с ней в одну школу — хорошая идея? — спросила мама.

Лавания кивнула.

— Это отличное прикрытие. Твои соседи ни о чем не подозревают, а постоянная болтовня школьников скроет наше присутствие, — она посмотрела на меня и добавила: — Когда Норны не плетут судьбы людей, они обычно подслушивают разговоры.

— Увидимся позже, милая, — мама поцеловала меня в лоб и ушла.

Выдохнув, я посмотрела на Лаванию, которая наблюдала за мной со странной улыбкой на губах.

— Что сделают Норны, если узнают, что ты здесь?

— Много чего. Они непредсказуемы, но меня больше беспокоит, что они могут сделать с тобой, и как на это отреагирует твоя мама. Она многим пожертвовала, чтобы быть с твоим отцом, — изумленно сказала она.

Я ошетинилась.

— Тебя это удивляет?

— Не все могут отказаться от бессмертия ради любви.

— Хочешь сказать, моя мама больше не Бессмертная?

Она кивнула.

— Да. Она стареет, но из-за рун медленнее обычного Смертного. Так как она отдала свои рунные клинки, то больше не может нарисовать руну от старения, а если их не обновлять, действие ослабевает.

Я нахмурилась, сложно представить маму стареющей.

— Одно дело слышать о ней, но совершенно другое встретить лично, — Лавания откинулась на спинку дивана. — У нас на родине она практически легенда.

— Почему?

— Норны редко попадают в немилость. Даже обучающиеся Норны, как твоя мама, но, ради твоего отца, она бросила все. Более того, она была фавориткой богини Фрейи, могущественная, как и все Валькирии по вашей линии, и свирепая в бою.

«Моя мама — воин?» Учитывая ее бохо-стиль и дружелюбие, мне проще было представить ее скачущей с цветочной гирляндой и выступающей за мир во всем мире.

— И с кем она воевала?

— С другими воинами. Мы натаскиваем бойцов, души которых забираем. Я, кажется, ушла от темы. Когда ее пророчили в Норны, Фрейя очень расстроилось, но, когда Свана полюбила твоего отца и Норны захотели изгнать ее к Хель, богиня вмешалась. Фрейя выступила перед Верховным Советом и защищала право твоих родителей быть вместе.

Это имело смысл. Фрейя — богиня любви и плодородия, а также лидер Валькирий. Хотелось бы мне как-нибудь встретиться с ней.

— Почему она позволила им лишиться маму прав Валькирии и запретить рассказывать о вас или вернуться в Асгард?

Лавания улыбнулась.

— Потому что таковы правила, милая. Валькирии часто попадают в немилость и выбирают остаться на Земле со своими парами. Твоей маме еще повезло, она достаточно сильна, чтобы сохранить некоторые знания о рунах и защитить тебя. Большинство павших не так удачливы, — она сделала глоток воды, оставив в руках стеклянный стакан. — Итак, моя юная протеже, что ты хочешь узнать об Эрике?

— Я не против узнать больше о маме. Сколько ей лет? Живы ли ее родители? У меня есть бабушка и дедушка, тети, дяди, кузены?

Она засмеялась:

— Я думала, ты еще не определилась и тебе нужно больше времени?

Я поморщилась:

— Мне, правда, нужно время, чтобы обдумать все это и покончить с домашними заданиями, но...

Она подняла руку.

— Ладно, хорошо, я просто шутила.

— Я не всегда такая странная. И я, действительно, хочу научиться, — сердце быстро забилося от волнения и страха. Сейчас или никогда. А Торин с его всезнанием пусть пойдет погуляет. — Я хочу начать обучение прямо сейчас.

Лавания нахмурилась:

— Ты уверена? Твоя мама просила меня не давить или...

— Да. Я уверена.

Она улыбнулась, нагнулась ко мне и взяла за руки.

— Хорошая девочка.

Я выдохнула, чувствуя облегчение. Это именно то, чего я хочу. Я снова громко выдохнула.

Лавания засмеялась:

— Хорошо, какие у тебя планы на завтра?

— В 15:20 у меня назначено у врача. К четырем должна быть дома.

— Тогда начнем в пять.

Я кивнула.

— Теперь насчет твоей мамы. Я не знаю подробностей ее личной жизни, кроме того, что она старше меня, а я очень стара. Не спрашивай на сколько, иначе я воспользуюсь своим служебным положением. Однажды она сама сможет все тебе рассказать. А пока будь терпеливой и постарайся стать лучшим учеником, который у меня когда-либо был, — она отпила и отодвинулась назад. — Итак, что ты хочешь узнать о нашем молодом божестве?

Я моргнула.

— Божестве?

Ее глаза загорелись.

— Да. Эрик внук Одина. Как только я увидела его две недели назад, так сразу все поняла. Он выглядит в точности как отец.

Я не могла уместить у себя в голове тот факт, что мой лучший друг, с которым мы еще ползали, дурень, который любит пиццу и облизывает пальцы после куриных крылышек, на самом деле внук скандинавского бога.

— Тогда почему он рос здесь, как человек и сирота?

Глава 5

Кто такой Эрик?

Улыбка исчезла с лица Лавании.

— Парня воспитывали здесь ради его же безопасности.

Во рту пересохло. Норны были правы. А я так надеялась, что это их очередная уловка.

— Что ему угрожает?

— Давай, я начну с начала. У Одина и его жены, Фригг, был сын по имени Бальдар. Он не являлся единственным сыном, но был самым красивым из всех богов. Он мудр, как его отец, справедлив, как его брат, и добр, как его мать. Он сиял своей красотой ярче солнца, поэтому его сделали богом летнего солнца. Все любили его, но родительская любовь была сильнее всего. Однажды, ему с матерью было пророческое видение о его смерти. Один отправился к пророчицам, и они всё подтвердили. Бальдару предназначено умереть. Чтобы предотвратить это, его мать обошла все царства и взяла клятву со всех людей и элементов — земли, воздуха, воды и огня — что они никогда не причинят вреда ее сыну. Так оно и вышло. Говорят, молодые боги и богини для развлечения использовали его в качестве мишени. Они по очереди метали в него копья, стрелы, ножи и кинжалы — и все они отскакивали от него, не оставив и царапины, — Лавания засмеялась.

— Ты видела это?

Она покачала головой.

— Нет. Мы, Валькирии, часто слишком заняты с воинами, чтобы участвовать в придворных забавах, но его история записана в хрониках и отображена на стенах Вальгаллы, чтобы все видели и помнили, кто виноват в его смерти.

Она замолчала и снова отпила воды. Я сидела на краю сиденья, увлеченная рассказом, хотя на задворках сознания росло беспокойство за Эрика. Что-то или кто-то угрожает ему.

— Кто убил его? — нетерпеливо спросила я.

— Локи. Он узнал, что мать Бальдара, в своем походе за спасение жизни сына, просмотрела одно растение. Она забыла взять клятву с омелы. Омела, в отличие от других растений, растет ни на земле, ни под ней. Она считается непритязательным растением, потому что растет на дубах или яблонях, как паразит. Локи сделал из омелы стрелу и отдал ее брату-близнецу Бальдара, который был слеп как крот. Когда боги и богини забавлялись игрой, слепой брат Бальдара пустил в него стрелу и убил. От горя Один убил близнеца.

А еще говорят, это люди воюют ни за что. Эти боги мелочные, жестокие и беспощадные. Неужели один из них придет за Эриком из-за его отца? Может даже его брат или сестра?

— Надеюсь, Локи наказали?

Лавания покачала головой.

— Нет. Все подозревали, что это он направил стрелу. В конце концов, какой стрелок из слепого, пусть даже и бога? Однако, никто не мог доказать вину Локи. Ты что-нибудь знаешь о Хель?

Я кивнула.

— Она дочь Локи и правительница Страны Туманов, куда отправляются люди, умершие от старости или болезни.

Лавания одобрительно кивнула.

— Ты читала. Очень хорошо. Обычно я не использую книги, когда обучаю подопечных, но если ты предпочитаешь так, то...

— Нет, все нормально. Не надо. Я быстрее учусь на практике. Зачем ты спросила с Хель?

— Бальдар не умер в бою, поэтому его душа отправилась к ней, в чертоги Хель. Я никогда там не была, но, говорят, они огромны, там много дворцов, высокие стены, и везде туманы. Его мать в отчаянии вернуть сына, отправляла к Хель много послов и умалила отпустить Бальдара. Хель пообещала, что освободит его, если все, живые и мертвые, оплачат его смерть. Мы все скорбели, но одна великанша отказалась пролить хотя бы слезу. Поэтому, Бальдар остался у Хель. По крайней мере, так мы думали. Тем временем, Один узнал, что под маской великанши скрывался Локи.

— Прошу, скажи, что в этот раз его наказали.

Лавания ухмыльнулась.

— Да. Его заточили в пещере. Над его головой повесили ядовитую змею, яд которой капал на него. Справедливое наказание за убийство всеми любимого бога. К сожалению, зло неискоренимо, и его побег — всего лишь вопрос времени. У него много приспешников, выполняющих его приказы, не говоря о его детях, — она допила воду и отставила стакан в сторону. — Теперь тебе, наверное, интересно, как Эрик связан с историей Бальдара.

Я кивнула.

— Чуть больше семнадцати лет назад, три Норны принесли в Вальгаллу ребенка. Они утверждали, что это сын Бальдара. Как такое возможно, спрашивали все. Он сбежал? Хель освободила его? В каком из царств он живет? Норны ничего не сказали, но Одину и Фригг хватило лишь взгляда на ребенка, чтобы понять, что это сын Бальдара, их внук. Золотистые волосы, светлая кожа, красивые черты, и глаза, как капли солнца.

Она описала Эрика и его янтарные глаза.

Отовсюду приходили Вёлур, и все они подтвердили слова Норн.

— Вёлур?

— Пророчицы. Их немного осталось, но, когда они говорят, боги слушают. У Вёлур были видения о нашем юном божестве, который, когда вырастет, воссоединится со своим отцом. Но за мальчиком следовала тень. Они сказали, что ее нельзя остановить. Три Норны знали что-то, но никто не осмелился их спросить.

— Почему?

— Норны всегда просят что-то взамен, и это всегда то, чего твое сердце желает больше всего. Им неважно, от чего ты хочешь отречься. Они всегда знают, что отобрать. Даже боги не заключают сделок с Норнами. Я знала одну Валькирию...

Лживые, подлые старухи. Они не просто стерли воспоминания Торина и заставили меня страдать. Они забрали у него то, что больше всего желало его сердце. Меня. Он заключил сделку: моя жизнь в обмен на вечное служение Хель или злым Норнам. Но вместо служения, они отобрали его память. Хотя они знали, что я бы в любом случае не умерла. Всё было ложью. Придется подождать и встретиться с ними снова.

— Рейн?

— Да, прости, — виновато улыбнулась я. — Можешь повторить, что только что сказала?

Что-то промелькнуло в ее взгляде. Раздражение или разочарование, я не могла сказать наверняка.

— Что-то не так?

— Нет. Просто каждый раз, когда говорят о Норнах, я вспоминаю наши с ними отношения. Не самые счастливые воспоминания.

Она сжала мою руку.

— Понимаю. Я, может, и не знаю всех подробностей того, через что тебе пришлось пройти, но я знаю, как действуют Норны. Может, однажды, ты поделишься со мной своим опытом.

Сомневаюсь.

— Конечно.

— Ладно, вернемся к Эрику. Чтобы защитить его, Норны предложили отправить Эрика на Землю и воспитать как Смертного. Его местонахождение должно храниться в секрете ото всех, даже от его бабушки и дедушки. Норны пообещали, что он будет расти в любви и ни в чём не будет нуждаться.

Я засмеялась.

— Ты видела его родителей? Они холодные, как... — я вспомнила, о ком говорю и поморщилась. — Прости, прервала.

Она перестала улыбаться.

— Не извиняйся. Мне нравится, что ты говоришь, что думаешь. Твоя мама сказала, что вы с Эриком очень близки.

Я улыбнулась.

— Да. Для моих родителей он как сын. Наверное, он проводит больше времени с нами, чем у себя дома.

— Тогда Норны не ошиблись. Он получил любовь и заботу твоей семьи, а все остальное ему обеспечили его Бессмертные хранители.

Если она хотела вежливо намекнуть, что мы богаты любовью, но не деньгами, у нее получилось. Родители Эрика были очень богаты. У них был огромный дом на холме. Даже их старое жилище было в разы больше любого дома в нашем закоулке.

— Таким образом, — Лавания откинулась и улыбнулась, — наше юное божество оказалось здесь.

Теперь было понятно, почему мы с Эриком воспитывались вместе, и почему моя мама дружила с его замкнутыми родителями. Единственное, что остается непонятным, что подразумевали Норны, когда говорили, что я жива лишь благодаря Эрику.

— Торин и остальные знают, кем является Эрик?

— Конечно, нет. Я узнала его, потому что знала его отца.

Малиина, бывшая подружка Эндриса, подозревала что-то. Это единственное объяснение ее поведению. Когда она впервые встретила Эрика, то задавала ему много личных вопросов о его прошлом, словно догадывалась, что он не человек. А я-то думала, она пыталась ему навредить, чтобы добраться до меня.

— Кто мать Эрика?

Лавания покачала головой.

— К сожалению, никто не знает.

— Я знаю, — я обернулась на знакомый голос. В комнату через портал вошел Эрик. Много ли он услышал? По его выражению, сложно было понять.

— Что ты здесь делаешь? -

спросила я, поднимаясь. — Я думала, у тебя тренировка.

— Я не пошел, — он перевел взгляд на Лаванию. — Значит, это и есть большой секрет? Я внук Одина? И за мной охотится ужасный бугимен?

Лавания поднялась с места и подошла к нему. Она была обеспокоена.

— Если твои хранители не сказали тебе правду, Эрик, значит, им дали такой приказ. Ее слова наткнули меня на мысль.

— Лавания, у тебя будут неприятности из-за того, что ты нам рассказала?

Она вздернула бровь.

— Ты собираешься кому-то рассказать о нашем разговоре?

— Нет, — покачала я головой.

— Тогда этот секрет останется с нами. У тебя есть ко мне вопросы, Эрик? — спросила она.

— Не-а, — он пошел на кухню. Я заметила, что он был в носках.

— Если хочешь, я могу обучать тебя вместе с Рейн, — предложила Лавания.

— Нет, спасибо, — он исчез за дверцей холодильника в поисках еды.

— Не обращай на него внимания, — извиняюще сказала я. — Когда он всё это переварит, то засыплет тебя вопросами и присоединится к нам.

Лавания была настроена скептически.

— Надеюсь, — она посмотрела на Эрика, который появился с миской недоеденной с прошлого вечера еды. Он поднял крышку и заулыбался. Мы наблюдали, как он достал из ящика ложку и начал есть холодный суп чили. Гадость.

— Здесь, действительно, его второй дом, — нежно сказала Лавания.

— Да, — было что-то сюрреалистичное в том, что сын скандинавского бога поедает холодный чили у меня на кухне. Я отвернулась и увидела, что Лавания теперь стоит у зеркала и ждет, пока сформируется портал. Мне хотелось сказать, что она может воспользоваться дверью. Мама была не против использования порталов, но папа мог испугаться при виде исчезающих и появляющихся людей. К тому же, через дорогу жила миссис Ратледж, у которой свободного времени было больше, чем у любой домохозяйки в этом закоулке. Больше всего в жизни она любила следить за людьми и сплетничать. Она бы заметила, если бы кто-то из нашего дома в миг оказался в соседнем, при этом не пересекая двор.

Лавания на прощание помахала рукой и исчезла в портале. Я подождала, пока на место не вернется зеркало, и присоединилась к Эрику.

— Итак, мне следует смиренно кланяться тебе, — я склонилась в поклоне, — делать почтительные реверансы, — присела я, — или распинаться каждый раз при встрече с тобой? — я взяла его за руку и усыпала ее поцелуями.

— Замолкни, — он отдернул руку, но на его лице была улыбка.

— Тебе однозначно надо это подогреть, — указала я на чили.

Он прекратил есть и посмотрел на меня.

— Это, эмм, это был твой ужин?

— Нет, — я упала на стул, опираясь спиной о стойку, и следила, как он ложку за ложкой отправляет эту смесь в рот. — Значит, Норны были правы.

— Насчет чего? — сказал он в перерыве.

— Твоя жизнь в опасности из-за, эмм, мрачной тени.

Он пожал плечами.

— Без разницы.

— Не говори так. Может, тебе следует прислушаться к ним, Эрик. Смотреть в оба, потому что она придет за тобой.

Он засмеялся:

— Я не собираюсь все время оглядываться лишь потому, что так сказали какие-то старухи. Если эта тень, или что бы это ни было, хочет оттяпать от меня кусок, пусть приходит.

Это значит, что слезка и беспокойство теперь на мне.

— Ты, правда, знаешь, кто твоя настоящая мать?

Он кивнул.

— Ага. Сари Севилль. Может, она высокомерная и строгая, но порой она делает вещи, эмм...Как же сказать?

— Как мамочка?

Он ухмыльнулся:

— Да, как мамочка. Ты помнишь Джей Пи и Кайла?

— Придурки из четвертого класса. Я ненавидела их. Что с ними?

— Скорее всего, в колонии для малолетних. Одним летом они наезжали на меня. Но на следующий день оба пришли и извинились и больше никогда не лезли ко мне. Оказалось, мама приходила к их родителям. Не знаю, может, она их замагичила или обрушила все ужасы Хель. Когда ты была в больнице после того случая, она сидела рядом с твоей мамой и приносила всем нам напитки и сэндвичи, пока мы дежурили. Не только нам, но всем, кто пришел с нами в больницу после вечеринки у Торина, — он направил на меня ложку. — Это заслуживает премии Мать года.

— Однозначно.

— А «мама номер два» — это твоя мама. Надеюсь, ты не против поделиться.

Я улыбнулась.

— Нет.

— Отлично, — он облизал ложку и поставил пустую миску в раковину. — Они хорошо друг друга дополняют, поэтому я выбрал себе отличных мам, — он включил воду и помыл тарелку.

Он такой милый. Надо поблагодарить за это маму. Его родители часто путешествовали, оставляя его на попечении няnek, когда он был маленьким, и домработниц, когда подросток. Мои родители практически его воспитали.

Он оперся спиной о раковину, скрестил руки и ноги.

— Так, почему вы с Валькирией обсуждали меня?

Он сказал это таким тоном, будто Валькирия была чем-то отвратительным. Думаю, он был все еще зол на Торина за то, что тот «увел» меня.

— Я видела, как она поклонилась тебе в школе, и мне стало любопытно.

Он закатил глаза.

— Ладно, выкладывай. Я хочу знать все.

Опустив личные подробности, я рассказала ему все, начиная с того, как впервые увидела на Эндрисе руны, и заканчивая нападением в бассейне. Когда я закончила, Эрик очень странно смотрел на меня.

— Скажи что-нибудь, — прошептала я.

Он покачал головой.

— Торин — везучий ублюдок.

Был везучим ублюдком. Сейчас он пал ниже уровня слизняка. В голосе Эрика звучала грусть. Я подошла к нему, жалея, что не могу облегчить его боль.

— Прости меня.

— За что?

— За то, что делаю тебе больно. Я не хотела.

Он отошел от кухонной стойки и заложил руки в задние карманы штанов. Потемневшие янтарные глаза пристально изучали меня.

— Я думал, между нами есть что-то особенное.

— Так и было. Есть. Наша дружба особенная. Всегда будет такой.

— Но это не то, что между тобой и Торином. Я хочу сказать, что ради тебя он был готов пойти в рабство к Норнам и Хель... — он громко выдохнул и нахмурился. — Я и рядом с ним не стою.

Я выдохнула, его боль я ощущала так же, как свою. Если бы я могла пожалеть его, я бы сделала это. Неважно, сколько раз я убеждала себя, что между мной и Торином все кончено, я знала, что это было ложью. Я была зла на него, но мое сердце по-прежнему принадлежало лишь ему одному.

— Не сравнивай себя с ним. Я люблю вас обоих, просто по-разному.

Повисло молчание, Эрик еще больше нахмурился. Он достал из карманов руки, убрал у меня с глаз волосы и взял в руки мое лицо, я чуть не отшатнулась от его жеста. Так обычно делал Торин.

— Ты точно уверена в своих чувствах к нему? То есть, если бы я поцеловал тебя прямо сейчас, тебе бы захотелось сорвать с меня одежду и наброситься на меня?

Я замерла, но затем увидела, что скрывается за его дерзостью. Его гордость была задета, и теперь он пытается сделать все возможное, чтобы не показать этого мне, прячется за глупыми шутками.

— Сердце определенно собьется с ритма из-за всплеска окситоцина и дофамина.

— Попроще, пожалуйста, — сказал он, улыбаясь краем губ.

— Зрачки расширятся, сердце забьется быстрее, и я начну задыхаться, как кокер-спаниель, бегающий за своим хвостом, — он засмеялся. Я решила идти до конца. — Ты потрясно целуешься, а я всего лишь человек.

Он ухмыльнулся:

— Правда, потрясно?

Теперь он напрашивался на комплименты. В любой другой день, я бы его послала за такое, но сейчас он был слишком эмоционально уязвимым для таких игр.

— Да, и есть одна девушка....

— Нет, — он отошел от меня. -

Больше никаких отношений.

У него были сильные чувства к Коре. Я видела это в его глазах. Он просто еще не был готов их признать.

— Не говори так.

— Мне еще надо узнать, кто я такой, кто мои биологические родители. А призрак вместо отца и неизвестная мать не совсем то, чем захочется поделиться с девушкой, — он покачал головой. — Кроме того, первое, что сказала мне мама после рассказов об Асгарде и Валькириях, это не заводить отношений со Смертными.

Очень похоже на его маму. Я подсчитала в уме. Вечером, как раз после этого разговора,

он поцеловал меня.

— Тогда почему ты решил быть со мной?

Он закатил глаза.

— Будто я собирался ее слушаться. Я хотел поцеловать тебя с тех пор, как ты начала взрослеть. К несчастью, моя мама заметила, как я смотрю на тебя, одно повело другое...

Через несколько недель они переехали. Уверена, таким способом его мама хотела предотвратить наши отношения. Но переезд не остановил Эрика. Надеюсь, его желание узнать ответы о своих родителях не помешают растущим чувствам к Коре, иначе мне все-таки придется поиграть в Купидона.

— Я рада, что мы поговорили, — сказала я.

Он поморщился.

— Не уверен. Но я знаю, как ты можешь загладить свою вину.

— Все, что угодно, только скажи.

— Поцелуй меня, — он выглядел, как потерянный щенок, уголки губ дернулись в гримасе. — Это залечит мое разбитое сердце.

Какой же он дурак и чертов вран.

— Очень смешно. Тебе пора.

— Никаких поцелуев?

— Только в твоих снах.

Он сделал вид, что обдумывает.

— Ладно. Я смогу с этим жить. Значит, у тебя есть план, как заставить Торины все вспомнить?

Именно этот вопрос мне не хотелось с ним обсуждать.

— У меня нет плана.

— Да ладно. У тебя всегда есть план.

— Не в этот раз, — я чувствовала себя несколько побитой после той болезненной встречи на парковке и после того, как увидела Лаванию в его комнате.

— Хочешь, я поговорю с ним? — предложил Эрик.

— Нет, — если кто и ткнет Торины носом в то, что он забыл, так это точно буду я. — Так, ты все-таки будешь со мной тренироваться?

Он вздрогнул.

— Ни за что. У меня все под контролем, — он подошел к зеркалу в гостиной.

— По крайней мере, ты научился открывать порталы.

— Да, я везунчик, — он не оглянулся на меня, а смотрел в зеркало, после чего выругался.

— Что такое?

— Я не могу снова открыть портал.

— Почему? Я думала у тебя все под контролем.

Он состроил гримасу.

— Я, эмм, я забыл свой стилло.

— Твой что?

— Ножичек для рисования рун на твердой поверхности. Наверное, оставил его дома на полке, — он сконфуженно посмотрел на меня. — Можешь отвезти меня домой?

— Конечно, ваше королевское высочество.

Он сердито посмотрел на меня.

— Если продолжишь это, поцелую прямо на глазах у Торина. Посмотрим, как это ему понравится.

Ему будет все равно.

— Миссис Радледж будет сходить с ума из-за того, что не видела, как ты пришел сюда. А это значит, больше ты не будешь пользоваться этим зеркалом, — я ткнула в зеркало. — Или у моего папы случится сердечный приступ.

— Но если мне захочется поговорить с тобой? Нашего дерева нет, поэтому я больше не смогу пробраться к тебе в комнату.

— У тебя есть телефон.

Закатив глаза, он указал на себя пальцем, а потом перевел его на меня.

— Лично поговорить.

— Скайп или Фейс Тайм? Ну ладно, — уступила я после того, как он скривился, — можешь использовать зеркало в моей комнате.

Он улыбнулся, а в глазах появились огоньки.

— Напиши только сначала, извращенец, — добавила я.

* * *

Я пыталась не смотреть на дом Торина, когда мы проезжали мимо, но от дурных привычек сложно избавиться. На первом и втором этаже горел свет, а из открытых окон доносилась музыка.

Дом Эрика был в двух минутах езды, поэтому поездка не заняла много времени. Когда я заехала в наш переулок, то сразу увидела Эндриса. Он сидел на перилах на крыльце, в руках был стакан с прозрачной жидкостью. Его глаза следили за мной. Он был той самой Валькирией, встречи с которой я хотела избежать. Из-за меня его девушка ушла со злыми Норнами, и я знала, что не особо ему нравлюсь.

К тому времени, как я вышла из машины, он уже медленно пересекал мою лужайку.

— Какого к Хель ты делаешь?

Его враждебный настрой ничуть не удивил меня. Он пьян? Обычно он агрессивен, когда пьян. Именно Эндрис рассказал мне правду о Торине, о том, что он Валькирия. Правда, в тот раз он был немного не в себе. Его серебристые волосы были растрепаны, словно он несколько раз провел по ним рукой, но темно-карие глаза выглядели трезво.

— Чего тебе надо, Эндрис?

Он положил руки на машину, практически толкая меня. И наклонился, оставляя между нами слишком мало свободного пространства.

— Вы с Торном должны быть сейчас в его спальне, наверстывая упущенное время. Так какого ты сейчас со своим Смертным дружкой, а Торин сидит там, — он махнул в сторону их дома, — и изводит себя?

Это проясняло вопрос о его воспоминаниях. Они все еще у него.

— Он изводится?

— Избегает всех. Ходит мрачный. Называй это, как хочешь. Когда он не прячется в своей комнате, то срывается на остальных. Я думал, что теперь, когда вы вместе, все будет по-другому. Поэтому спрашиваю еще раз, — он не сводил с меня глаз. — Почему ты со

своим золотым мальчиком?

Если бы он только знал, кто такой Эрик. Значит, Торину не хорошо. Отлично. Надеюсь, ему станет еще хуже.

— Может, отойдешь в сторону?

— Нет, — возразил он.

Я проскочила под его рукой. Он с легкостью мог бы остановить меня. Валькирии двигаются быстрее обычных людей, стоит лишь активировать руны на теле.

— Поговори со мной, Рейн. Что произошло? Это потому, что Норны залезли ему в голову?

Я моргнула.

— Ты знаешь?

— Конечно, знаю. Я живу с этим парнем. Мне надо было объяснять ему дорогу до дома и школы. Ты ему уже рассказывала о вас двоих, о том, что было?

По спине пробежали приятные мурашки. Только один человек вызывает у меня такую реакцию. Торин. Я обернулась и посмотрела в его окно. Его не было видно, но я знала, он наблюдает за нами. Слышит ли нас? Даже если так, я не могу довериться Эндрису и рассказать ему о моих проблемах с Торинем. Мы не настолько близки.

Я пожала плечами.

— Это все не имеет значение.

— Дай, догадаюсь. Пока ты была в отъезде, он тебе разонравился, разлюбила его и решила вернуться к этому пресному Смертному, — сказал Эндрис.

Мне было больно от его слов.

— Нет.

— Тогда что? Очевидно, что Торину ты еще не безразлична.

— Мы решили оставить все в прошлом... — мой голос надломился. Я сглотнула и вздернула подбородок. -

Прошрое не имеет значение. Я решила идти дальше.

Эндрис презрительно усмехнулся.

— Ты должна помочь ему вспомнить, особенно после всего, что он сделал ради тебя. Даже сейчас, он многим рискует и жертвует ради тебя, а ты даже понятия не имеешь.

Меня охватила паника:

— О чем ты?

— Тебе не все ли равно? Ты же решила двигаться дальше, — он покачал головой. — Ты дурочка. Как мужчина Торин в десять раз лучше Севилля, — он отошел на шаг, затем подошел к крыльцу, поднял пустой стакан и, перед тем как зайти в дом, бросил в меня взгляд, полный ненависти.

Я громко выдохнула и снова посмотрела в окно спальни Торина. Его по-прежнему не было видно, но я чувствовала его присутствие. Что Эндрис имел в виду? Ненавижу загадки.

Вздыхнув, я зашла в дом и поднялась наверх, чтобы переодеться во что-нибудь удобное и засесть за домашку. Я уже было собралась занавесить окно, но увидела Торина.

Он сидел на своем подоконнике, уткнувшись носом в книгу, прядь черных волос спадала на лоб.

— Что ты делаешь и чем жертвуешь ради меня? — спросила я.

Он поднял взгляд на меня, вздернув брови. Забавно, сколько всего он может сказать одним лишь взглядом. Прямо сейчас он говорил, что я его достала.

— Ты это мне? — спросил он.

— Да.

Он самодовольно ухмыльнулся.

— Не можешь держаться от меня подальше?

Щеки покраснели.

— Я не слежу за тобой, если ты это подумал?

— А выглядит наоборот. Я сижу здесь, никого не трогаю, а ты...

— Просто ответь на этот дурацкий вопрос, и я оставлю тебя.

Он засмеялся.

— Я ничем не жертвую ради тебя, Веснушка. Эндрис ошибается.

Значит, он подслушал наш разговор. Зачем тогда Эндрису делать какие-то намеки, если это все неправда? Я не хочу, чтобы Торин снова подвергал опасности свою жизнь, ничего не сказав мне. Он вернулся к своей книге, полностью игнорируя мое присутствие.

Я смотрела на его, на острые скулы и волевой подбородок. Сердце сдавило. Я скучала по этим наглым сапфировым глазам, по лукавой улыбке, в которой гнулись его губы при любом поводе. Мне не хотелось оставлять его. Нас.

— Ты пялишься, — сказал он, не отрываясь от книги.

Мне хотелось промолчать, отойти от окна, спуститься вниз и там зализать свои раны, но язык работает быстрее мозга.

— Мечтай, — он посмотрел на меня и ухмыльнулся. — Я сижу на любимом месте, а ты просто попал в поле обзора, — добавила я.

Он поднял брови.

— Судя по выражению твоих глаз, ты что-то замышляешь. Неужели мою безвременную кончину?

Его прежние слова все еще эхом раздавались в голове...»твоя надуманная девчачья влюбленность, она пройдет».

— Мне бы хотелось посмотреть, как ты корчишься от боли, балда. Ты ничто для меня.

— Ты же знаешь, что говорят о людях, которые все отрицают, — его улыбка стала шире. — И, если тебе интересно, единственный способ убить меня, или любую Валькирию — это оторвать голову или, если ты достаточно сильна, вырвать сердце у меня из груди.

А затем растоптать его.

— Спасибо за информацию. А теперь уходи.

— Нет. Ты уходи. Я здесь раньше тебя, — его губы медленно растянулись в злобной усмешке.

Это было моё любимое место, и он отлично знал об этом.

— Ты полный придурок.

— Тебе понадобится что-то большее, чтобы вывести меня из себя, Веснушка. Пока, — он послал воздушный поцелуй и помахал кончиками пальцев.

Если его цель — заставить меня ненавидеть его, то скоро он ее добьется. Я задержала занавески, однако, книга в его руках напомнила мне об еще одной книге. Той, что много значила для него. Прошу, пусть она будет здесь, чтобы я могла запустить ее ему в голову.

Я быстро подбежала к шкафчику с полками. Под бельем, в самом конце верхней полки, я рукой нащупала конверт и облегченно выдохнула. Я распечатала его и достала старую книгу рун, которую когда-то дал мне Торин.

Вместо того, чтобы подойти к окну и запустить ее в Торуна, я поднесла ее к лицу и

вдохнула аромат. Она пахла кожей и его пьянящим запахом. На какой-то момент я крепко прижала ее к груди, словно этот простой жест приблизит меня к Торину. Может, если я верну ему ее, он поверит мне.

Нет, он сказал, что понадобится что-то большее. Мне нужен план получше. Что-то, что заставило бы его пожалеть о том, что бросил в меня эту чертову девчачью влюбленность.

Глава 6

Люди такие идиоты

— Куда-то собралась, юная леди? — позвал меня папа, когда я собралась выйти из кухни.

— Наверх, — он хотел возразить, но я быстро перебила: — Знаю, есть надо на кухне, но у меня тонны домашки. Пожалуйста, пап.

— Ладно, но завтра... — он вздернул бровь.

— Я буду есть внизу, обещаю. Люблю тебя, — широко улыбнулась я и поспешила наверх, пока ему не вздумалось задержать меня.

В комнате я поставила сбоку от себя тарелку, взяла один чесночный тост и начала потихоньку его грызть, не отрываясь от заданий по математике. По большей части мне нравилась математика, и я была не прочь выучить новый материал, если мне его объяснят, но попытаться понять все самой — было сущим кошмаром. Я решала второй набор задач, когда раздался стук в дверь.

— Можно зайти, котенок?

— Не заперто, — я не отрывала взгляд от конспектов, когда он зашел.

— Тебе нужно немного отдохнуть, — сказал папа.

— Знаю, я почти закончила.

Он сел на край стола, скрестив на груди руки.

— Твоя еда остыла, к кружке ты не притронулась, а масло от чесночного тоста красиво растекается по твоему красиво исписанному конспекту.

Взгляд переметнулся на бумаги сбоку от меня. Дерьмо! Я подняла тост, бросила его в мусорное ведро и стряхнула крошки с верхнего листа. Просвечивающееся пятно отпечаталось и на нижних листах.

— Черт возьми!

— Следи за языком, — строго сказал папа.

— Извини. В принтере закончилась бумага, а я хотела сдать все завтра, — в доказательство я достала лоток с бумагой. Остался только один лист.

— После ужина можешь взять пару внизу.

— Я уже все использовала. Думала купить, но... — я посмотрела на часы, было уже больше девяти. — Как думаешь, Кинко или Стэплс еще открыты?

— Мы обсудим твою проблему с бумагой после того, как ты поешь. Пойдем, — он взял тарелку с холодным мясным рулетом, пюре и бобами. Выглядело неплохо, опять же, он превосходно готовил. Мой живот заурчал, и он засмеялся.

Я отпила половину стакана с апельсиновым соком, встала и пошла за ним.

— Умираю с голоду.

Он фыркнул.

— Как маленькая. Ты забывала поесть, потому что не могла оторваться от книги. Надо насыщать не только ум, но и желудок. В здоровом теле — ...

— Здоровый дух, — закончила я. — Но это не совсем так.

— Ты пытаешься спорить со мной? — спросил папа, возвращаясь к привычному для нас шуточному спору. До катастрофы мы так часто делали.

— Нет, пап. Я опровергаю. Одно имя — Стивен Хокинг. Бэм. Спор окончен, — я

победно усмехнулась.

Папа засмеялся.

— Ты не можешь выиграть спор без аргументов. Кто этот Стивен Хокинг? Что он сделал?

Будто он не знает. Я закатила глаза.

— Ты заставил меня посмотреть документалку о нем. Тот самый Стивен Хокинг. Объяснения излишни.

— Расскажи о его достижениях, чтобы я смог привести контраргумент, — насмешливо ответил папа.

— Сдаюсь, — я подавила смех, когда он остановился у конца лестницы, высоко вздернув брови. — Боюсь, я не настолько тащусь по физике. Большинство этих теорий невозможно понять, не говоря об объяснении.

— Тогда ты проиграла, мой маленький полемист. Незнание — не довод, — папа подождал, пока я спущусь, обнял меня за плечи и поцеловал в висок. Ему не надо было говорить, как сильно он скучал по нашим горячим спорам. Я видела это в блеске его глаз. Судя по снисходительному взгляду, с которым из кухни за нами следила мама, она тоже скучала.

Папа поставил мой остывший ужин в микроволновку, положил сверху бумажное полотенце и нажал на кнопки. Я уселась в кресло в кухонном уголке и принялась ждать.

— Много заданий сделала? — спросила мама, протирая стойку.

— Я закончила сегодняшнюю математику и начала делать задания, которые пропустила. Написала пару докладов, но, к сожалению, в принтере закончилась бумага.

— У папы в кабинете должна быть.

— Уже нет, — папа поставил передо мной дымящуюся тарелку и подал вилку. — Я думал съездить в ближайший магазин и купить. В этих супермаркетах ведь продается бумага?

— Ты куда не поедешь так поздно, — строго сказала мама.

Папа поднялся.

— Я куплю, дорогая.

— Нет, Тристан. Я никого из вас не пущу в такую темень, — мама надавила на его руку, пока он не сел. — Я возьму бумагу у соседей.

Папа нахмурился:

— Соседей?

— Помнишь, я говорила тебе, что рядом поселились четверо подростков, которые ходят в одну с Рейн школу. Я уже была у них раньше и заметила, что у них есть принтер и полная коробка с бумагой.

Я затрясла головой, не желая быть обязанной чем-либо Лавании или Торину.

— Не надо, мам. Я куплю завтра.

— Уверена, Лавания не будет против. Кроме того, я хотела пригласить ее и остальных к нам поужинать на выходные и совсем забыла ей сказать. Хочу, чтобы твой папа с ними познакомился. А пока меня не будет, можете вернуться к своему спору, — она поцеловала папу и сжала мое плечо.

— Думаю, несчастные случаи с нами не на шутку ее напугали, — заметила я. — Она стала приставучей.

Папа засмеялся:

— Это слово никогда не ассоциировалось у меня с твоей мамой, котенок. Она любящая и заботливая, и ужасно привередливая. Ты уже видела этих новых соседей?

Я кивнула и закинула в рот большой кусок мясного рулета, чтобы не обсуждать с папой Валькирий, но совсем забыла, что рулет только что подогрели. Во рту все горело, я подскочила за водой. Когда я снова села, папа спрятался за газетой. Он читал, а я ела.

— Очень вкусно. Это новый рецепт?

Он опустил газету.

— Нет, старый.

— Видимо, я соскучилась по твоей готовке. Я пыталась сделать что-нибудь по твоим рецептам, но выходило не очень.

— Тогда я рад, что снова могу готовить для вас, — он сложил газету и отложил в сторону, наблюдая за мной, пока я промывала тарелку, стакан и приборы и положила их в посудомоечную машинку. Когда мы встретились взглядом, я слабо улыбнулась, но он не ответил на мою улыбку.

— Я, наверное, пойду в комнату.

— Посиди немного со мной, — он указал на кресло, на котором я до этого сидела, и подождал, пока снова усядусь. — Мы не говорили о том, что случилось с твоими друзьями две недели назад.

Внутри все упало. Во время круиза мы избегали разговоров на эту тему, и я надеялась, что, когда мы вернемся, все уже забудется.

— Я, эм, я, наверное, заеду на следующих выходных на кладбище, отдам дань уважения.

— Очень мило с твоей стороны, но не думаю, что кто-либо ожидает от тебя этого. Ты и так достаточно сделала.

Он знал.

— Все же я бы съездила. Я знала некоторых из них с начальной школы, когда мы плавали за Дельфинов.

— Хочешь, я поеду с тобой?

— Нет. Все хорошо. Я, наверное, возьму с собой Эрика или Кору.

— Ладно, — он продолжал пристально смотреть на меня; я знала, что кто-то должен был рассказать ему о том, что произошло. Ни мама, ни я так и смогли придумать объяснение, а папа не повелся бы на нашу ложь. Я ненавидела врать ему, но и не могла рассказать о Валькириях и Норнах. Это вовсе не моя обязанность. Мама должна была рассказать обо всем вечно назад, ведь она была одной из них.

— Мне надо закончить с математикой, пап.

— Уверена, что не хочешь поговорить о том, что случилось в тот день?

— Я не могу. Я все еще слишком хорошо помню, а когда говорю, то все будто заново переживаю. Может, позже, — я поспешила наверх, но от вины или выражения боли на его лице сбежать не получилось. Я никогда не хранила от него секретов. Когда у меня были проблемы, я всегда бежала в первую очередь к папе.

Я пыталась закончить с заданиями по математике, но без особого энтузиазма. Я все еще видела его лицо перед глазами. Почему мама не рассказала ему правду о том, кто она? Или я делаю поспешные выводы? Я склонила голову и прислушалась к звукам за дверью, но все было тихо, значит, мама еще не вернулась от соседей. Что ее задержало? Я посмотрела в окно.

В доме по соседству свет горел только на нижнем этаже. Сверху — темнота.

«Интересно, Торин уже спит?» Ко мне вернулись воспоминания о том, как он держал меня в руках, пока я не засну. Мне так хотелось поговорить с ним. Он бы понял мое желание не рассказывать отцу о другом мире. Его собственные родители думали, что он умер на войне, хотя он был жив. «Чувствовал ли он вину за то, что лгал им? Как он справился?»

Снизу послышались голоса. Когда они стали громче, я поняла, что мои родители спорят. Я никогда не видела их ссорящимися. Осторожно, стараясь не шуметь, я открыла дверь и прокралась в коридор. Я услышала только конец папиного вопроса.

— ... случилось? — он говорил резко, в его голосе слышалось разочарование.

— Все напоминало хаос, когда я пришла туда, все паниковали. Она стояла в воде, такая храбрая, — мама говорила мягко, словно пыталась успокоить его.

— Они называют ее по-всякому, Свана. Мне хотелось побить этих ублюдков. Что если Рейн была бы в магазине, когда они пришли? — он сказал что-то еще, но я не расслышала.

— Что сказал Николаус? — спросила мама.

— Он долго говорил о том, что мы ходили к нему, когда Рейн была совсем ребенком, что он наблюдал, как она выросла хорошей девушкой, и ничто не изменит его мнения. И если те люди хотят бойкотировать его кафе, значит, так тому и быть. Но что если они найдут ее, а нас не окажется рядом? Она будет беззащитна.

— Наша дочь сильная, умная девушка, Тристан. Она сможет за себя постоять. Кроме того, она никуда не ходит одна. Кора и Эрик всегда рядом.

Я на цыпочках пробралась обратно в комнату и тихо закрыла за собой дверь. Бесят секреты. От них только ссоры и несчастья. Папа казался опустошенным и расстроенным. Но, когда он узнает правду, ему будет в десять раз хуже. Бедный Николаус. Неужели люди, действительно, перестанут ходить в его кафе из-за нас?

Когда мама постучала в дверь, я уже приняла решение.

— Ты должна рассказать папе обо всем, что касается Валькирий, мам, — выпалила я, когда она закрыла за собой дверь.

Она покачала головой, когда я еще не закончила фразу.

— Я поговорю с твоим отцом, когда придет время.

— И когда это будет?

— Не беспокойся, милая. Держи, — она протянула нераспечатанную стопку бумаги.

Я взяла пачку, но в мыслях возвращалась к отцу.

— Я ненавижу что-то скрывать от него.

Мама вздохнула и присела.

— Мне тоже нелегко. Я ведь не хранила секретов от твоего отца до этого.

Я в удивлении моргнула, когда до меня дошло сказанное.

— Он знает о тебе?

Она кивнула.

— Конечно. Я же говорила тебе, что Норны заставили нас через многое пройти перед тем, как отпустить. Мне надо было ему объяснить происходящее. Прошли недели перед тем, как он примирился со всем этим. Недели расспросов, просьб продемонстрировать мои способности, лекций по скандинавскому пантеону богов и еще больше вопросов. В конечном счете, он принял меня такую, какая я есть. Он знает, что я происхожу из рода духовно одаренных женщин. Он также знает, что ты пойдешь по моим стопам и сможешь видеть сквозь завесу рун. Единственное, что он не знает, так это то, что тебе удалось сделать это в семнадцать, а не в восемнадцать, как я ему говорила. Надо подождать благоприятный

момент, чтобы рассказать ему, что произошло. Ему это не понравится.

— Думаешь, он не одобрит моих занятий с Лаванией?

Мама колебалась и со вздохом ответила:

— Да. Но я поговорю с ним до начала ваших тренировок.

— Они начнутся завтра.

Мама застонала.

— Тогда поговорю сегодня.

— Ты никогда не думала о том, чтобы обратить его и сделать Бессмертным? Я имею в виду, что он стареет, а ты выглядишь все так же.

Она засмеялась.

— Все же я старше его на тысячи лет. Если бы я могла обратить его, то уже давно бы это сделала, но по условиям не могу. К счастью, я рассказала ему о себе еще до того, как на нас ополчился Верховный Совет. К тому же, в свои сорок пять у твоего папы еще больше энергии, чем когда мы познакомились.

Я скорчила гримасу.

— Иу, без подробностей, мам.

Она засмеялась, потом поднялась и поцеловала меня в лоб.

— Спокойной ночи, милая. Не засиживайся допоздна. И я была рада снова увидеть Торуна, — добавила она. — Он не помнит меня, разумеется, но выглядит... — она вздохнула.

Я напряглась.

— Что с ним не так?

— Честно? Он выглядит ужасно.

Я вздохнула. Неважно, как сильно он меня бесит, но мне не хотелось, чтобы ему было плохо.

— Ты ведь не пыталась, ну, напомнить ему о прошлом?

Мама усмехнулась.

— Нет. После всего, через что прошел твой папа, я бы не стала лезть в голову человеку после того, как с ним поработали Норны. А ты пробовала?

Я сжалась и кивнула.

— Ох, милая, — мама взяла меня за плечи и покачала головой. — Нам следовало поговорить об этом еще до круиза, но тебе было так больно. А потом две недели мы провели вместе, восстанавливались после всего, поэтому я не упоминала имени Торуна.

Мама всегда избегала неприятных моментов, но некоторые вещи нельзя игнорировать.

— Тогда что ты делала, чтобы помочь папе?

— Я ждала, пока он сам не придет ко мне. Я знала, что он вернется, так и вышло.

— Долго тебе пришлось ждать?

— Несколько лет. Он начал ходить в места, где мы раньше вместе бывали, искал меня, хотя сам не осознавал этого. Мне запретили видаться или иметь дело с ним, но нам было суждено снова встретиться. В тот день одного взгляда на меня было достаточно, чтобы он понял, что я его единственная.

— Он хотя бы вспомнил, что вы и раньше были вместе?

Она кивнула.

— Да. Воспоминания медленно возвращались на протяжении нескольких лет после того, как он снова в меня влюбился. Они, может, и стерли его воспоминания здесь, — она

дотронулась до головы, — но отсюда им никогда не удастся, — она дотронулась до груди, к сердцу. — Сердце всегда помнит.

Мне не хотелось ждать Торины годы. В голове начал складываться план.

— Спасибо, мам.

* * *

«Можешь отвезти меня в школу?» — отправила я сообщение Эрику следующим утром. «Без проблем».

Реакция Эрика должна подсказать мне, удастся ли образумить одну упрямую Валькирию. Я заметила движение в его комнате, но он не подошел к окну. Он должен быть дома, так как я не слышала, как отъезжает харлей. Когда джип Эрика заехал в наш переулок, я схватила рюкзак и направилась к выходу.

— Вау, — Эрик смотрела на меня большими глазами, открыв рот. Когда он прошелся по мне взглядом и сглотнул, я усмехнулась. Я собиралась привлекать взгляды.

— Замри на минуту, — он достал из джипа свой верный Nikon и поднес камеру к лицу. Я спозировала, и он нажал на затвор. Опустив камеру, Эрик усмехнулся. — Ты выглядишь...

— Потрясающе? — узкие джинсы плотно обтягивали бедра, а лифчик пуш-ап и шикарный зеленый топ смотрелись очень сексуально. Что-нибудь зеленое, топ, платье или тени для глаз придавали этот оттенок моим карим глазам. Прическа и макияж, которые мне показало зеркало, были идеальны. Сапоги до колен завершали этот образ.

— Это само собой. Я имею в виду, ты так выглядишь, словно хочешь кого-то заставить страдать. И когда у тебя появилась грудь?

— Замолкни, — я, виляя бедрами, прошествовала мимо. Он обернулся, но это я увидела в отражении окна машины. — И перестань пялиться на мою задницу.

— Что ты там говорила насчет нету плана? — он посмотрел в сторону дома Торины и тихо добавил: — Несчастный ублюдок.

— Эй, наряд и макияж для тех, кто называет меня ведьмой, — слукавила я.

— Ну да, конечно, — он сел за руль и положил камеру на подставку между нашими сиденьями. — С такой внешностью, любому парню будет уже все равно, летаешь ли ты на метле и злобно хохочешь. А девчонки еще больше возненавидят.

Мне было наплевать. Реакция лишь одного человека интересовала меня. Поднялась дверь гаража Торины, и мое сердце ушло в галоп, но это всего лишь Эндрис выводил свой внедорожник. Он смотрел на нас, словно мы были мерзкими пришельцами, оккупировавшими его персональную планету. Но ему не испортить мое настроение. Я улыбнулась и помахала рукой. Выражение его лица не изменилось.

— Что не так с этим парнем? — спросил Эрик.

— Не обращай на него внимание. Он думает, что мы с тобой снова встречаемся.

— Какое ему дело, с кем ты встречаешься?

— Вчера вечером он спрашивал меня, почему я не с Торином. Я сказала, что у нас с ним разные дороги. Он думает, что я так легко отказалась от Торины.

Эрик усмехнулся.

— Полагаю, он не видел, во что ты одета. Значит, план — заставить Торины пускать

слюни и ходить за тобой следом, словно безумный идиот.

Эрик был прав. Мне хотелось, чтобы Торин заметил меня. Чтобы он не сводил с меня глаз. Думал обо мне. И, возможно, снова влюбился. Слюни он точно пускать не будет, но можно помечтать. Я вздохнула.

— Что не так? — спросил Эрик.

Я не могла сказать ему, о чем думала, поэтому просто повторила рассказ мамы об ее отношениях с папой и его стертых воспоминаниях.

— Напоминать Торину о прошлом — не вариант. Только представь, что тебе рассказывают о вещах, которые вы делали вместе, но ты ничего не помнишь? Я бы сошла с ума, пытаюсь вспомнить.

— А я бы нет. Лучше обрушить правду со всех сторон.

— Ага, я уже пыталась, но это никуда не привело, — Эрик молчал, словно обдумывал только что сказанное, а затем улыбнулся. — Что бы ты ни придумал, нет, — сказала я.

— Он украл тебя у меня.

— Неправда.

— С моей точки зрения, он — засранец, крадущий девушек, и заслуживает того, что с ним произошло.

Я вздохнула, сомневаясь, действительно ли он так думает, или это всего лишь шутка. Я смотрела на его профиль.

— Просто ничего не делай, Эрик. Хорошо? Ради меня. Пожалуйста.

Он пихнул меня локтем и засмеялся:

— Попалась! Я еще не потерял хватку.

Я пихнула его в ответ.

— Придурок.

— Серьезно, пока он отмазался, но, если он сделает тебе больно, я подправлю ему лицо. Торин уже сделал мне больно, но это моя проблема, и мне ее решать.

— Подправляй, что хочешь, только не тронь лицо.

Он посмотрел на меня, негодуя.

— Сменим тему. Не рассказывай Коре обо мне.

Я и не собиралась, но не могла удержаться и не подколоть его.

— Почему нет? Она, определенно, захочет поцеловать тебя, когда узнает, что ты бог.

— Не надо, — его руки сжались на руле.

— Я просто пошутила.

— Я жутко бешусь, когда думаю о них. Какими надо быть родственниками, чтобы послушать старух и отправить внука в другой мир? У меня, наверное, есть братья и сестры, которых я никогда не видел. Дяди и тети. Меня не было на семейных сборищах, — он пристально смотрел вдаль, но очнулся, когда я дотронулась до его плеча. — Знаешь что? Пошли они все. Моя семья здесь. Люди, которые были со мной с...

Всю оставшуюся дорогу Эрик сокрушался по поводу своей отсутствующей семьи. Он постоянно менял свое мнение, поэтому я не поняла, хочет он с ними встретиться или нет. Его слова были пропитаны злостью и ощущением предательства, прямо как вчера. Его злость не утихала, хотя обычно он быстро отходил.

Эрик остановился на бульваре Риверсайд, сделал глубокий вдох и добавил:

— И помни, много не ругайся.

— Посмотрите-ка, экс-бойфренд теперь официально мой большой братец.

Он фыркнул.

— Звучит ужасно. А вот и она, — он заехал на стоянку и, действительно, у своей машины, поджидая нас, стояла Кора. Она помахала. — Ни слова, — напомнил Эрик.

Я жестом застегнула рот на воображаемую молнию.

— Правда, что...? Ого, — восторженно взвизгнула Кора. — Что ты сделал с моей лучшей подругой? Ну, той, что никогда не красится в школу, — она коснулась моих волос. — Мне нравится, как уложены твои волосы, и макияж безупречен, — она дотронулась до моей груди и бесстыдно сжала. — Боже, благослови ПАБы, — добавила она, используя аббревиацию для пуш-ап бюстгалтеров.

— Что за ПАБы? — спросил Эрик.

Она засмеялась и шаловливо улыбнулась через плечо.

— Самый охраняемый секрет всех женщин, — она повернулась ко мне. — Правда, что какие-то вандалы испортили твою машину?

— Да, — я достала с заднего сиденья рюкзак. — Они написали «Умри, Ведьма, Умри». Кто рассказал тебе?

— Кикер. Аргх, люди порой такие идиоты. Им надо отомстить, Рейн. Стать стервой. Это, — она махнула на мою внешность, — отлично, но сработает только на парнях.

— И что ты предлагаешь?

Кора пожала плечами:

— Не знаю. Что-нибудь, что их до усрачки напугает. Где твоя машина теперь?

— Дома.

— Видишь? Оставила машину из-за них. Ты им слишком многое позволяешь. А ты, — она одарила Эрика откровенным взглядом, — почему ты не был вчера на тренировке?

— Ах, скучала? — он заиграл бровями.

Она мимолетно посмотрела на меня, и на ее щеках появился румянец.

— Нет, но Док спрашивал о тебе. Где ты был?

— У Рейн.

Из глаз Кору пропал весь блеск, и мне захотелось пнуть Эрика. Как можно быть настолько слепым? Он уже давно должен был понять, что Кора ходит на тренировки только из-за него. Мы молча шли, и между нами сквозило напряжение. Эрик будто ничего не замечал, а Кора продолжала украдкой следить за ним.

— Почему мне не сказали, что зависали вместе? — в конце концов, спросила она; ее голос был пропитан болью.

— Мы не зависали, — быстро ответила я, пока Эрик не открыл рот и не сделал все еще хуже. — Эрик забежал на пару минут, опустошил мой холодильник и ушел. Я, вообще, в это время разговаривала с Лаванией, она зашла еще до Эрика. Он был так груб с ней.

Эрик хмыкнул:

— Я еще был вежлив.

— Не понимаю, почему она так тебе не нравится, — обрадовавшись, сказала Кора. — И, да, я попросила Дока принять меня обратно в команду.

— Это здорово, — сказал Эрик. — Что он ответил?

— Он согласился, но я не буду участвовать в ближайших соревнованиях. Кикер тоже вернулась и уговорила Лекси...

Они полностью потерялись в своем маленьком мире, и я отдала им больше пространства, немного отстав. Они так мило смотрят вместе. Рев харлея я слышала до

того, как вошла в здание школы, но я решила не оглядываться. Это было нелегко.

Внутри все стояли, собравшись группками, и болтали. Один за одним они подталкивали друг друга и шептались с соседями, после чего на коридор будто обрушилась волна молчания. Они провожали нас взглядами. Я старалась не смотреть им в глаза, но со вчерашнего дня общая атмосфера как-то изменилась. Эрик и Кора заметили это, притормозили и стали по бокам от меня, Кора — слева и Эрик — справа.

Он остановился, поклонился и замахал руками.

— Спасибо всем. Никаких фотографий и комментариев. Ребят, вы слишком добры. Вы не обязаны, но спасибо.

Кора прыснула от смеха. Даже я не удержалась от улыбки. Он такой дурак. Когда мы прошли коридор, Эрик направился к своему шкафчику, а мы с Корой к нашим. Однако, подойдя к ним, замерли.

Кто-то коряво написал красной помадой: «Ведьма! Гори! Гори! Гори!». В этот раз удар был направлен на Кору.

— Мне жаль, — прошептала я.

— Ты не виновата, — она развернулась и прошла взглядом по ученикам, наблюдавшим за нами.

— Какой неудачник это сделал? Покажись, трус.

Я схватила ее за руку.

— Не надо. Это моя проблема, — я обернулась, всматриваясь в лица следящих за нами. Кто-то смотрел в пол. Другие стояли, натянуто улыбаясь. — Я не собираюсь распинаться тут перед вами. Хотите сжечь меня? Ну, так давайте. Но только попробуйте дотронуться до тех, кто ничего не сделал, а только был рядом. В этом и есть дружба, то, что многим из вас не дано понять. Сделаете что-то ей, — я указала на Кору, — и тогда я покажу вам все, на что я способна.

Толпа зашевелилась, пытаясь оказаться как можно дальше от меня. Гримасничая, я повернулась к своему шкафчику и поймала на себе взгляд Торина. Ухмылка исчезла с моего лица. Долго он здесь стоит? Кора набросилась на меня с объятиями.

— Я люблю тебя, Лоррейн Купер, — сказала она дрожащим голосом.

Я засмеялась. Ее слезные железы были напрямую связаны с эмоциями.

— Я тоже тебя люблю, Кора Джеймисон.

Она сжала мою руку. С другого конца коридора за нами наблюдал Торин. Я не обращала на него никакого внимания. Наконец Кора отпустила меня и протерла свои влажные щеки. Мы развернулись, изучая наши обезображенные шкафчики.

— У меня есть пачка салфеток, — сказала она, набирая комбинацию на замке.

— Нет. Пусть видят, что мы по-настоящему чувствуем.

— Точно, — она скривилась и добавила: — А что мы чувствуем?

— Нам все равно, что они о нас думают, — мы спрятали наши рюкзаки и взяли необходимые папки и учебники. Договорившись встретиться во время ланча, я направилась в сторону кабинета по математике, а она в корпус английского языка.

— Рейн, подожди, — позвал у меня за спиной Эрик. Я оперлась о стенку, поджидая, пока он догонит. Он встал между мной и учениками, пробегающими мимо.

— Тебе разве не в другую сторону? — спросила я.

— Почему?

— Одна веселая блондиночка была бы не против, если бы ее проводили до класса.

Он моргнул.

— Кора?

Я засмеялась:

— С чего ты взял, что я говорю о ней?

Он покраснел.

— Обычная догадка.

— Признайся же. Она тебе нравится.

Он фыркнул:

— Она язва и парни ей быстро надоедают. Я не хочу стать ее очередной жертвой. Кроме того, у меня в жизни появился новый девиз. Никаких Смертных.

— Ну, конечно. Все очень плохо. Думаю, ты ей тоже нравишься, — я начала подниматься по лестнице. Пройдя пару ступенек, я поняла, что он не сдвинулся с места. Я обернулась и улыбнулась, увидев его озадаченное лицо. — Ты идешь?

— Ты морочишь мне голову, — сказал он, подбегая.

Всего лишь сею семена.

— Не-а. Спасибо, что проводил.

— У меня урок на этом этаже, — напомнил он мне с тем же озабоченным выражением на лице. — Откуда ты знаешь?

— Что знаю? — спросила я, притворяясь, что ничего не поняла.

— Что я нравлюсь ей.

— Просто знаю. Считай это женской интуицией. Позже поговорим, — я проследила, как он уходит, и улыбнулась, увидев, как группка девочек пытались привлечь его внимание, а он прошел мимо, даже не заметив. Быть Купидоном забавно.

Первым, кого я увидела, зайдя в класс, был Торин. Он разговаривал с двумя качками — Дрю Кавано и Кейтом Полсоном. Один сидел на моем стуле, а другой на парте. Они смеялись и хлопали друг другу по ладоням.

Торин поднял взгляд, словно почувствовал мое присутствие. Я вздернула подбородок и заправила волосы за ухо, чувствуя под пальцами титановые болты, спрятавшиеся под кожей головы. Я начала поправлять волосы, пытаясь прикрыть этот участок, но потом вспомнила, что, завивая утром волосы, я умело спрятала короткие волоски.

Половина класса уже заняли свои места, но меня не беспокоили их взгляды. Меня больше заботил Торин. Он обладал странной способностью полностью захватывать мое внимание, так чтобы всё и все теряли свое значение. Словно поняв, что его внимание принадлежит не им одним, его друзья проследили за его взглядом и уставились на меня.

Чем ближе я к ним подходила, тем сильнее билось мое сердце. Кейт что-то сказал Торину, но тот не ответил. Вместо него это сделал Дрю. Мне было плевать, о чем они говорят. Было достаточно видеть восхищение в их глазах. Кора была права. Парни слишком примитивны. Стоит немного принарядиться, и они в твоих руках.

— Привет. Эмм, ты сидишь на моем стуле, Кейт.

— Правда? Прости, — он поднялся на ноги, протер стул, словно запачкал его, и отошел в сторону. — Ты ведь Рейн, так?

— Так, — я села и положила книги и папки на колени.

— Я видел тебя во время домашних матчей, — добавил он. — Ты играешь в оркестре.

— Да, точно, — Дрю всё ещё сидел на моем столе, что давало ему очень хороший обзор на мою грудь. Раньше я бы вся сжалась, но сегодня была благодарна своим формам за то, что

они есть, и надеялась, что одна Валькирия их заметит. — Можно мне вернуть мой стол, Дрю?

Его улыбка стала еще шире:

— Ты знаешь мое имя.

Я засмеялась, хотя внутри росла ненависть. Это все для тебя, Торин Сент-Джеймс.

— Как сказал Кейт, я играю в оркестре, а вы, парни, звезды на поле, — они заулыбались, выпятив грудь колесом. Ну, правда, примитивнее уже некуда. Я все еще не осмеливалась посмотреть на Ториана. Он молчал, хотя я чувствовала на себе его взгляд. — Так когда следующая игра?

— В пятницу вечером, в Портленде, — ответил Кейт.

— Придешь? — спросил Дрю.

Я не была фанаткой футбола, но им этого знать не обязательно. Я игриво улыбнулась.

— А вы выиграете?

Оба закивали.

— Тогда я подумаю.

— Парни, — вешался Торин, указывая на дверь, — вам пора.

Двое спортсменов запротестовали, но что-то в глазах Ториана заставило их подчиниться. Тем не менее, они продолжали перешептываться и оборачиваться на меня, и почти врезались в двух девушек в проходе.

— Идиоты, — пробормотал Торин, но я сделала вид, что не услышала. Я чувствовала его взгляд на себе. Чтобы лично в этом убедиться я обернулась несколько минут погодя.

— Что? — спросила я с напускным недовольством.

Что-то проскочило в его взгляде, но он продолжал молчать.

— Ладно, ты знаешь, что это грубо вот так пялиться? — добавила я, чувствуя, что становится жарко.

Он пожал плечами.

— И что?

— И мог бы ты этого не делать?

Он вздернул брови.

— Я все пытаюсь тебя понять, Лоррейн Купер. Ты всегда так ходишь по школе, угрожая всем, чтобы защитить своих друзей?

Я притворилась, что обдумываю ответ.

— Один раз перед первым звонком так точно.

Он засмеялся, и Лавания, разговаривающая с парой ребят, обернулась и посмотрела на нас прищуренными глазами. Я сделала вид, что не заметила. Вместо этого, я посмотрела в голубые глаза Ториана, пытаюсь убедить себя, что наши отношения не закончились, что он не придурок. Сердце зашлось галопом, словно табун лошадей.

— Кто бы ни разрисовал ваши шкафчики, он не остановится только потому, что вы отказались их очистить.

Я пожала плечами.

— Зачем нам чистить их? Мы их не разрисовывали.

— Они тебя не беспокоят?

Еще как.

— Нет. Каждый заслуживает хоть раз в жизни стать знаменитостью. Пришло мое время.

Он хмыкнул:

— Лгунья.

Я ненавидела, что он так хорошо меня знает.

— Нет. Нельзя заставить людей делать то, что тебе хочется, поэтому зачем заморачиваться?

Он перестал улыбаться, и, готова поспорить, он подумал, что я говорю о нем. Бедный парень. Он и понятие не имеет, что является исключением из правила. Я планировала заставить его увидеть все моими глазами.

Глава 7

Первое занятие

Когда вечером я шла на свое первое занятие, внутренности от нервного напряжения скрутило в узел. Что если Торин прав, и мне не обязательно становиться Валькирией, чтобы остановить Норн? Меня возмущало, что ему удалось посеять в моей голове зерна сомнения. Я все сделала правильно, выбрав тренировки. Я должна сбросить с хвоста Норн, узнать, что угрожает Эрику, и помочь ему. А потом займусь Торинем. Я не собираюсь отказываться от него, что бы он там ни говорил.

Лавания, одетая в свободное белое платье, открыла дверь, одарив меня широкой улыбкой:

— Проходи. Это так волнующе, правда?

«Ага, как визит к стоматологу».

— Что сказал врач? — спросила она.

Какой-то момент я находилась в ступоре. Но потом вспомнила, как говорила ей, что мне надо было в больницу.

— Он направил меня к физиотерапевту, но с головой все в порядке.

Я с любопытством огляделась вокруг. Торин даже не пытался обставить свою гостиную, не считая того раза, когда он закатил вечеринку. Сейчас из мебели здесь были коричневый диван и кофейный столик. В ночь вечеринки он очень расстарался: здесь были огромные плоские экраны, такие как в клубах, мощная аудиосистема и много кушеток. Сейчас же комната была выдержана консервативно в белых и серых тонах, с картинами природы на стенах. Все внимание привлекал аквариум на всю стену. Мириады искусственных кораллов в аквариуме добавляли ярких красок этой сурово выдержанной комнате. В доме было тихо, не было музыки, которую я слышала до этого.

— Где все? — спросила я.

— Торин на тренировке по футболу, а Эндрис и Ингрид собирают души.

— Как это работает? То есть они ведь почти всегда в школе, а люди все время умирают.

Она усмехнулась:

— Они выполняют только свою часть работы, и во всем мире тысячи Валькирий. Не забывай, что здоровые люди гибнут гораздо реже, чем люди от болезней и старости. У жнецов Хель обычно больше работы, чем у наших Валькирий. Пойдем.

Она приподняла подол своего платья и сбросила сандалии. Вместо кресла устроилась на мягком белом коврике и указала мне на противоположную от стола сторону.

— Присаживайся, пожалуйста.

Я разулась, оставшись в одних носках, засунула мобильный в задний карман штанов и присоединилась к ней. На столике стоял кувшин с водой и два стакана. Ни книг, ни ручек, ничего. Живот еще больше скрутило. Я робко улыбнулась Лавании.

— Ты нервничаешь, — заметила она.

— Немного.

Лавания нахмурилась:

— Почему?

Я не могла сказать ей правду, что Торин пытался отговорить меня от тренировок, и эта мысль засела у меня в голове.

Она положила свою руку поверх моей.

— Бояться естественно. Это все-таки важный шаг.

Я кивнула.

— Можно на чистоту?

— Конечно, — она отпустила мою руку, откидываясь спиной на диван, стоявший позади, и обняла согнутое колено.

— Что если я не должна становиться Валькирией?

Она нахмурилась:

— Кто заставил тебя сомневаться в своей судьбе? Мама? Или отец?

— Нет, — я налила в стакан воды и немного отпила. — Я просто беспокоюсь. Что если это не моя судьба?

Она улыбнулась.

— Может, твоя, а может, и нет. Тебе решать. Быть избранной, чтобы стать-таки могущественным существом, может ошеломить, это нормально сомневаться в такой ситуации. В Вальгалле мы часто вспоминаем, как познакомились впервые, — она сделала паузу, налила в стакан воды и сделала глоток. — Неважно, как называют себя наши наставники — верховными жрицами, шаманами, знахарками, прорицателями, медиумами, оракулами, колдуньями или какими-нибудь местными прозвищами, как, например, мачи, сангома, йемы, бабаяланы, матери святого — мы все обучались, чтобы стать такими, и сила, которую мы должны были получить, пугала. Знаешь, почему на протяжении тысячелетий Валькириями были женщины, а мужчины присоединились гораздо позже?

— Мужчины шли на войну, поэтому боги выбрали женщин собирать их души и провожать в Вальгаллу и Фалькванг. Мужчины Валькирии появились только, когда женщины стали воинами.

Лавания засмеялась:

— Который из моих мальчиков рассказал тебе это?

«Моих мальчиков?»

— Торин.

Она улыбнулась.

— Боюсь, это моя вина. Когда я выбрала их, мне надо было им что-нибудь рассказать.

— Когда выбрала их...? Ты обучала Торуна?

Она улыбнулась.

— Да, и еще бесчисленное множество парней и девушек после него, включая Эндриса.

— Ты была тем ангелом на поле боя во время войны?

Ее улыбка исчезла.

— Когда вы с Торином успели обсудить его обращение?

К лицу прилила кровь.

— Я, эмм, краем уха слышала, как он рассказывал Эндрису и Ингрид о вашей с ним первой встрече, — солгала я, надеясь, что мое лицо не настолько красное, как я это чувствовала.

Лавания улыбнулась, ее взгляд был устремлен в прошлое.

— Неделями я наблюдала, как он сражается, как ведет себя с ранеными, с соратниками и братом. Я просто не могла проигнорировать его сущность, он должен был быть с нами. Нелегко было говорить ему и другим после него, что он обладает духовностью и связан с природой и вселенной сильнее, чем молодые люди, которых я до этого встречала. Женщины

всегда были более духовными, чем мужчины, им легче принять свой дар, поэтому на протяжении долгого времени Валькириями были женщины. Но однажды нам повезло, и к нам присоединился мужчина.

— Духовный Эндрис?

Она усмехнулась.

— Не недооценивай моего младшенького. Он, может, импульсивен, но он гораздо глубже все ощущает. Просто прикрывает это насмешками и проделками. Если бы у меня было больше времени, я бы обучала его чуть дольше. Ему бы это, определенно, не помешало. Большинство ошибок, которые он совершил, можно было избежать. Торин, наоборот, всегда все делает правильно, — на ее лице проявилась забота. — Иногда, я жалею об этом.

Даже несмотря на то, что он отказался сделать меня Бессмертной, он пытался бороться со своими чувствами ко мне и проиграл. Можно считать, он нарушил несколько правил. Иногда мне хочется, чтобы он был больше похож на Эндриса. Нет, неправда. Мне нравилось, что он нарушил правила только ради меня.

Лавания продолжала рассказывать. Казалось чем-то нереальным так сидеть и слушать, как она рассказывает о Торине и Эндрисе, как если бы она была их матерью, только выглядящей как подросток. Как у нее могут быть отношения с Торинем, когда она относится к нему, как к сыну?

Она улыбнулась и отпила воды.

— В мои времена сначала надо было обучиться на целителя, изучать травы и гадать. Если верховная жрица замечала, что у тебя есть талант, она выбирала тебя своей протее. После более частных уроков, ученица становилась жрицей и, в конечном счете, верховной жрицей, как ее наставница. Лишь немногих делали Бессмертными. Это было высшим признанием, небывалой честью.

— Когда человек становится Валькирией?

— Когда сможет уговорить душу последовать за собой.

Я моргнула.

— Что?

— Ты думаешь, что надо просто стоять рядом, подождать, пока они встанут и пойдут за тобой? Людям не нравится быть мертвыми, особенно молодым и здоровым. Они будут настаивать, что у них их есть незаконченные дела, будут молить дать им больше времени, торговаться с тобой. А когда ничто не подействует, то разозлятся и убегут. Откуда, думаешь, берутся призраки? Глупые души, которые не хотят уходить вместе с Валькириями. Гораздо легче увести больного и старого, чем людей в расцвете своих сил.

— А как же дети?

— Их души идут в чертоги Норн, а потом перерождаются. Задача Норн — найти для них новые тела, поэтому они постоянно ошиваются в больницах. Можешь спросить об этом Торина. Из всех моих деток только у него есть выдержка собирать души детей. Я как-то пыталась, но это было просто ужасно. Они слишком напоминали мне моих братьев и сестер, и мои чувства, когда я была вынуждена покинуть их.

— Где ты выросла?

— В Риме. Я была Весталкой.

— Веста кем?

— Ох, милая, тебе еще многое предстоит узнать. В отличие от других культур и цивилизаций, в которых вся власть принадлежала верховным жрецам, которые не

признавали женщин, верховные жрицы в Римской Империи были очень почитаемы. В каждом крупном городе империи нам строили храмы. Они называли нас Весталками или Вестальскими Девами, потому что мы служили Весте, богине здоровья, домашнего очага и семьи. В разных культурах Весту знали под разными именами. В Греции она была Гестией, у кельтов Бригитой, в Древнем Египте Исидой, у ашанти Асасе Йа, у йоруба Йемайа, в Вавилоне Иштар, у майя Ишчель и так далее. В Вальгалле это Фригг, жена Одина. Моя близкая подруга та, что у кельтов. Она рассказывала, что ее народ также открыто почитал власть верховных жриц. Друиды, как называли их жриц и жрецов, были такими же могущественными, как и Весталки. Всё же, обращение в Бессмертного и, в конечном счете, в Валькирию строго держалось в секрете во всем мире, неважно насколько развита та или иная цивилизация, — она улыбнулась.

Я была поглощена ее рассказом и сгорала от нетерпения, когда она остановилась, чтобы налить себе больше воды в стакан. Зазвонил мой телефон. Я нервно вытащила его, увидела, что сообщение от Кору, и выключила, не просмотрев его.

— Это устройство просто потрясающе, — сказала она, смотря на мой мобильный. — Прогресс, который достигли Смертные...

«Мы, правда, сейчас начнем обсуждать что-то настолько мирское, как современные технологии?» Мне хотелось больше информации. Я с нетерпением ждала, когда она перестанет воздавать хвалу моему мобильному телефону.

— Значит, верховных жрецов и жриц больше не существует?

Она сделала вздох.

— Они есть, просто с появлением новых религий, любой, кто поклонялся богам, считался язычником. Предчувствия, заклинания и чары сейчас считаются чем-то нелепым, а их практика — поклонением дьяволу. Все началось с «судов над ведьмами» и сжиганием верховных жриц по всей Европе, разрушения цикла Ву, если говорить по-китайски, уничтожения культа женщин в Риме и так далее. Да, мы ушли в подполье, но все еще делаем свою работу.

Мы продолжали разговаривать, когда вернулся Торин. Биение моего сердца ритмом напоминало танец рахитика, во рту пересохло. Его волосы были влажные, вероятно, он принимал душ после тренировки. Мне захотелось провести по этим волосам рукой, поиграть с прядями. На лице была легкая небритость, из-за чего он выглядел еще сексуальнее, чем обычно. Наши взгляды пересеклись, и у меня перехватило дыхание. Его глаза потемнели и теперь цветом напоминали океан во время шторма. О чем он думает? Скучает ли он по мне хоть немного?

— Как тренировка? — жизнерадостно спросила Лавания.

Он отвел от меня взгляд, пробурчал что-то неразборчивое и прошел на кухню. Я следила за ним взглядом, пытаясь унять боль в сердце.

Лавания покачала головой.

— Прости за его грубость. Не знаю, что вселилось в него в последнее время. Он стал таким ворчливым, как я здесь появилась, и лучше не становится.

Несмотря на ту чушь, что он нес вчера, я надеялась, что он так ведет себя из-за меня. В кухне Торин открыл холодильник и достал бутылку с водой. Неожиданно он посмотрел на меня, захватывая в ловушку своего взгляда. Я ожидала, что он улыбнется или с издевкой отсалюует, но он всего лишь открутил крышку бутылки и начал пить.

Как можно делать что-то настолько привычное, как пить воду, и выглядеть так

сексуально? Может, дело в наклоне головы? Он вытер тыльной стороной руки губы и снова исчез за дверцей холодильника. Словно издалека, до меня донесся голос Лавании, вынуждая меня сконцентрироваться на том, что она говорила.

— На этой неделе мы попытаемся охватить основы: Бессмертные, Валькирии и главные божества. На следующей — начнем руны. Так как Норны уже здесь, я постараюсь, как только возможно, ускорить твоё обучение.

Я слушала её, но взглядом возвращалась к потрясающему зрелищу, ожидавшему на кухне. Он положил на стойку хлеб, арахисовое масло и джем. Скупыми и быстрыми движениями, Торин сделал себе пару сэндвичей, подвинул стул, сел и начал жевать. Он продолжал наблюдать за мной, совершенно отвлекая от урока. Готова поспорить, он делал это специально.

— ...прекрати уже, — услышала я голос Лавании. — Ты слишком рассеянна.

Кровь прилила к лицу.

— Я, эмм, да. Я обещала родителям вернуться к семи, — я посмотрела на часы. Было пятнадцать минут восьмого.

— Тогда продолжим завтра в это же время.

В другом конце комнаты Торин самодовольно улыбался, тем самым подтверждая мои подозрения. Он специально отвлекал меня.

— Может, завтра начнем пораньше?

Лавания прищурилась.

— Насколько пораньше?

— В часа четыре, и закончим раньше.

— Ладно, — Лавания проводила меня до двери. Я бросила взгляд на Торуна, пока она шла спиной ко мне, и увидела его мрачное лицо. Он, определенно, понял, что означал перенос времени. Тогда занятие закончится к шести, как раз перед тем, как он вернется с тренировки.

Я победно ухмыльнулась. Он, прищурившись, сердито смотрел на меня.

Выкуси!

Улыбаясь, я пошла домой.

* * *

На следующий день Дрю и Кейт стояли у моего класса по математике и разговаривали с какими-то девушками. К тому времени, как я подошла к ним, девушки уже исчезли. Быстро заглянув в класс, я убедилась, что Торуна там нет.

— На следующей неделе у меня будет вечеринка в честь Хэллоуина. Придешь? — спросил Дрю.

— Возможно, — у нас с Корой и Эриком была странная традиция на Хэллоуин. Мы ходили по домам, выпрашивая сладости, затем выворачивали весь мешок на кровать и делили награбленное. Это была самая веселая часть. — Мои друзья тоже приглашены?

— Если среди них есть Кора Джеймсон, то да, — сказал, нахально улыбаясь, Дрю.

Я не успела ответить, по спине пробежали приятные мурашки. Торин.

— Что вы трое затеяли? — спросил он, появляясь у меня за спиной. Он был так близко,

что я чувствовала жар его тела. Разве обязательно стоять настолько близко? Он опять делает это нарочно.

Я сделала глубокий вздох и посмотрела на него, тем самым совершив ужасную ошибку. Его запах, такой простой и мужественный, ударил в голову, и тело предательски ответило. Мне захотелось кренделем обвиться вокруг него, уткнуться носом в шею и выпить его в себя. Торин выглядел шикарно в своей темно-синей футболке под кожаной курткой, она подчеркивала его глаза. Он снова не побрился, но я и не жаловалась. Со щетиной он выглядел еще аппетитнее.

— Язык проглотила? — сказал он, смеясь надо мной.

— Нет, все при мне, — в подтверждение, я высунула язык.

Его взгляд опустился на мои губы. Во рту пересохло, и сердце ускорило свой темп. Когда мы встретились взглядом, я моргнула. «Он еще заявляет, что не хочет меня, хотя бросает такие взгляды?» Мне хотелось ударить его или крикнуть, а потом до смерти зацеловать.

— Мы говорили о моей вечеринке на Хэллоуин, — сказал Дрю.

— Ты ведь придешь, Сент-Джеймс? — спросил Кейт.

Торин даже не взглянул на них и продолжал смотреть на меня своим горячим взглядом.

— Ты идешь?

От его бархатного голоса мне захотелось замурчать, как кошка. Сглотнув, я ответила:

— Да, а ты?

— Разве ты не слишком занята, чтобы ходить на вечеринки? — резко спросил он, выражая свое неодобрение.

Вот так, одной лишь фразой, он развеял все мои романтические мысли. Я натянуто улыбнулась.

— Ради Дрю и Кейта, — я обняла двух парней, — я выкрою время. Так ты идешь?

— Не люблю Хэллоуин, — он нахально ухмыльнулся и медленно прошел мимо меня.

— Трусика, — процедила я.

Он остановился и обернулся. Блеск в его глазах должен был предупредить меня, что он что-то замышляет, и мне это не понравится. Он сделал шаг навстречу мне. Инстинкт кричал мне отойти, бежать. Сказать что-нибудь. Но терьер во мне уже вилял своим хвостом. Он обнял меня рукой за талию и придвинул ближе к себе. У меня сбило дыхание. Ему понравилась моя реакция, и его губы растянулись в ухмылке. Когда наши тела коснулись, я и вовсе перестала дышать. Мне нравилось так стоять, чувствовать его тело, мускулы, жар, хотелось поддаться соблазну.

— Трусика? Я? — иронично сказал он, медленно приближая ко мне свое лицо, смотря прямо в глаза; я должна что-то сказать, не знаю, остановить его?

Мне хотелось как-нибудь съязвить, но во рту слишком пересохло. Когда он носом коснулся моего, я тихо застонала. «Он собирается поцеловать меня. Да!»

В предвкушении, я приоткрыла губы.

— Не стоит играть со мной, Веснушка. Я всегда побеждаю. Всегда, — когда он отошел, меня пробрал холод. Он хлопнул Дрю по спине. — Веселитесь, ребята.

Я смотрела на удаляющуюся спину; мои чувства обострены, сердце громко бьется и губы покалывает. Он был таким... таким Торином. Дерзким. Сексуальным. Неотразимым. Но хуже всего, что он и сам это знает. Он обернулся и подмигнул.

— Что между вами двоими? — спросил Кейт, смотря на Торуна.

Я пожала плечами, чувствуя опустошение. Это я должна была дергать его за веревочки, а не наоборот.

— Ничего.

Но этим мне не удалось отделаться от Дрю и Кейта. Во время ланча они с еще одним парнем сидели с нами за столиком. Коре было все равно. Из-за своего видеоблога половина футбольной команды были в ее приятелях. Эрику такое соседство не очень понравилось, особенно, когда Дрю начал флиртовать с Корой. На другом конце столовой Торин не спускал с нас глаз. Кейт первым обратил внимание на то, как Торин смотрит на меня во время ланча.

— Ничего? — передразнил он меня. Я просто пожала плечами.

Оставшуюся неделю Торин держал дистанцию. Его присутствие отвлекало только на уроках математики и истории. Судя по взгляду, с которым он следил за мной, от страданий он не мучился. Нет, он что-то планировал. Я видела это в его глазах, в его улыбочках, которые он расточал, когда наши взгляды пересекались.

Весь мой план пошел насмарку. Это он должен был ревновать меня. А в итоге это я хочу вырвать глаза этих черлидерш, окруживших его, словно балованные экзотические птички. Все мои чувства отзывались на его присутствие, его голос, запах. Стоило его только увидеть, и во мне зарождалась буря желания. Когда он говорил, его голос проходил сквозь меня, вызывая мурашки на коже и напоминая о том, что между нами когда-то было. Неважно, как сильно я старалась заморозить своё сердце, в нём всё ещё было место для Ториана. Неважно, как часто я говорила себе, что мне плевать на этих черлидерш, мне всё ещё было больно. И неважно, как часто я ловила на себе его взгляды, моё отчаянье не убывало. Мне так хотелось, вырвать его из-под своей кожи, из моего сердца и души. Игнорировать или притворяться, что мне плевать на него, равнозначно признанию, что мне не нужен воздух, чтобы дышать.

Дома я разделила свое время между занятиями с Лаванией и школьными заданиями. Торин не шутил, когда говорил, что не будет мне мешать, когда я у него дома. Он возвращался после семи, хотя мои занятия заканчивались в шесть. Он больше не подходил к своему окну и не заглядывал в мою комнату.

Ненавижу.

* * *

В пятницу, когда я подъехала к школе, Эрик и Кора стояли у джипа Эрика. Они мило смотрелись вместе. Или нет. Они стояли близко друг к другу, но не держались за руки и не разговаривали. Напряжение грузом висело в воздухе. Видимо, их отношения не развиваются так, как я на то надеялась.

Я обняла Кору и затем Эрика. Под его глазами залегли темные круги.

— Хреново выглядишь, — сказала я.

— Да уж, спасибо. Теперь мы можем идти? — раздраженно ответил он и направился в сторону здания школы. Мы с Корой переглянулись и последовали за ним.

Кора вздохнула.

— Спроси у него, все ли с ним хорошо. Он не говорит мне.

Они вдвоем ходили вместе на тренировки по плаванию и больше не ссорились, поэтому

я полагала, что у них все хорошо складывается.

— Слушай, у вас ведь скоро двухдневные сборы намечаются?

— Думаешь, его это беспокоит?

Я пожала плечами. Я заметила, каким уставшим он выглядит в последнее время. Даже по утрам.

— Может и так, а может, дело в чем-то другом. Он упрямый, поэтому просто дави на него, пока не расколется.

— Я пыталась. Даже если бы я голая протанцевала перед ним с табличкой «Эрик, поговори со мной», он бы просто проигнорил меня.

— Я, вообще-то, все слышу, — пробормотал Эрик.

— Ага, мы знаем, — ответила Кора. — Может, я расскажу об этом в моем блоге, и мои фолловеры подкинут пару идей. А на следующей неделе после игры сниму о Торине.

Эрик остановился и посмотрел на нас.

— Если ты выложишь видео обо мне, я...я...

— Что? Не будешь разговаривать со мной? За последние три дня ты мне ни слова не сказал. Ты, видимо, уже взял за правило не разговаривать со мной и не отвечать на мои сообщения. У Рейн, по крайней мере, есть оправдание. Ей надо доделать свои задания.

Эрик ухватился за лямку своего рюкзака и сердито уставился на нее.

— У меня тоже дела.

— Какие же? — спросила она. Эрик скорчил гримасу. — Это значит, что на сегодняшнюю игру ты не идешь?

— Верно мыслишь, — отрезал Эрик.

Он ведет себя, как конченный засранец. Что с ним случилось? Я не осмеливалась спрашивать в присутствии Кору, вдруг это как-то связано с богами-Норнами.

— Давай с нами, Рейн. Мы идем вместе с нашими ребятами из команды, они будут не против, если ты присоединишься, — предложила Кора.

Ну да, конечно. С моего возвращения никто из команды даже не заговорил со мной, значит, я все еще персоне нон грата. Я поморщилась.

— Я бы с радостью, но у меня гора домашки, — я бросила взгляд на Эрика. — Может, сходишь, Эрик. Только подумай, сколько ты сделаешь снимков для газеты.

— Это первая игра с новым квотербеком, и все просто умирают, как хотят на него посмотреть, — добавила Кора. — Я видела его на тренировке. Он просто шикарен.

— Конечно, по-другому ты и подумать не могла, — Эрик ускорился в сторону школы.

Кора смотрела, как он уходит, в ее лице читалось отчаянье.

— Что я не так сказала?

Неужели, я такая же бестолковая, когда дело касается парней? Я взяла Кору за руку.

— Ты упомянула Торина.

— И что?

— И ты всегда... — тут я вспомнила, что Кора не помнит, как часто она восхищалась внешностью Торина.

— Я всегда что? — спросила она.

— Открыто пускала слюни на горячих парней.

Она скривила лицо.

— Это не преступление. К чему ты клонишь?

Я глубоко вздохнула. Она безнадежна.

— Эрик бесится, когда ты так делаешь.

Она широко улыбнулась.

— Правда?

— Ох, вы двое просто ужасны. Он тебе говорил, что мы с ним официально больше не встречаемся?

Кора замерла.

— Нет.

— Из-за всего, что произошло, а потом еще мой отъезд, мы начали отдаляться. Мы все обсудили в понедельник вечером. Поэтому он был у меня дома. Мы решили, что лучше остаться друзьями, почетными братишками.

Кора нахмурилась.

— Он ничего не говорил.

— Ты же знаешь, как он порой молчит обо всем. Теперь ты можешь действовать.

Кора растерянно посмотрела на меня.

— В плане действовать?

— В плане Эрика. Чего ты думаешь, он только что умчался в бешенстве? Ты говорила о Торине, и он приревновал.

— Ага, не смейся, — отмахнулась она.

— Для человека, который утверждает, что разбирается в парнях, ты на редкость бестолковая, когда дело касается Эрика.

Когда мы зашли в школу, она была очень тихой и покусывала нижнюю губу.

— Это не круто встречаться с бывшим лучшей подруги.

Я закатила глаза.

— Кора, мы целовались. До второй стадии мы даже не дошли.

Она скривилась в гримасе.

— Избавь от подробностей, — затем она посмотрела на меня краем глаз. — Правда, не дошли?

— Не-а, — она бросила в меня скептический взгляд. — Не думай, что я не хотела. Ведь я очень хотела, но что-то постоянно останавливало его. Думаю, его чувства отличались от моих, — ох, я королева лжи. Но облегчение в глазах Кору подсказывало, что я все правильно говорю.

— Ты, правда, не против?

Я покачала головой.

— Не-а. Кроме того, я всегда подозревала, что он влюблен в тебя.

Кора притихла, когда мы шли по коридору. Я ловила на себе настороженные взгляды школьников. Они больше не таращились открыто, хотя я все еще получала неловкие улыбки, когда проходила слишком близко от них. Я приняла решение игнорировать их. Даже тот, кто изуродовал наши шкафчики, притаился.

Мы прошли мимо Лавании, Эндриса и Ингрид. Лавания с улыбкой помахала нам рукой. Ингрид, как обычно, сделала вид, что меня нет. Каждый раз, когда я приходила к ним домой, она не выходила из своей комнаты. Эндрис, в свою очередь, продолжал смотреть на меня, словно на насекомое.

— Меня бесит этот парень, — сказала Кора, многозначительно уставившись на Эндриса.

— Почему?

— Он на пару сестрицей прямо раздуваются от высокомерия.

Я засмеялась.

— Ингрид не его сестра. Она выглядит несколько потерянной, так как скучает по сестре, а Эндрис он...Эндрис.

Кора нахмурилась.

— Откуда ты так много о них знаешь?

Упс, я совершенно забыла, что Кора думает, что я знакома с Валькириями только неделю.

— Мы же соседи, глупая.

— Тогда, что ты можешь рассказать мне о Торине? — спросила она, прищурившись. Что-то в выражении ее лица заставило меня покраснеть.

— Ничего. Он тоже сосед.

— Тогда, почему он все время пялится на тебя?

Лицо теперь пылало.

— Неправда.

— Даже его гарем это заметил.

— Его гарем?

— Те черсучки, что...О Боже. Посмотри на это.

Сначала я подумала, что она говорит о Торине, но, когда повернулась, поняла, что она имела в виду наши шкафчики. Кто-то смастерил из пластиковой скакалки две петли и обернул их вокруг замков на наших с Корой шкафчиках. Теперь мне захотелось побыстрее освоить магию рун, чтобы я смогла поймать этого кудесника.

Школьники пробегали мимо, делая вид, что не замечают петель. Другие косились краем глаза, словно выжидали, что мы предпримем. Я сорвала петли и швырнула их на пол.

— Я думала, этот неудачник прекратил свои делишки, — вздохнула Кора.

— У нас просто отстойная охрана, — пробурчала я. — Здесь надо бы повесить камеры слежения, и чтобы работали круглосуточно.

Я увидела, что к нам присоединился Эрик, только когда он поднял с пола скакалку. Он держал ее в руке и, подняв бровь, смотрел на что-то у меня за спиной. Когда он поморщился и покачал головой, я повернулась и увидела, с кем он обменивается взглядами. В конце коридора стоял Торин. Как только он заметил, что я их поймала, то развернулся и ушел.

— Что происходит? — спросила я, пристально изучая лицо Эрика на факт лжи.

— Позже, — сказал он губами, мотая головой в сторону Кору, все еще пребывавшей в шоке. Так как Эрик не мог говорить, оставалось допросить Торина. Я открыла свой шкафчик, закинула туда рюкзак и гобой и взяла необходимые учебники.

— Торин, подожди.

Он не остановился.

— Торин Сент-Джейс, — громко позвала я.

Он продолжил игнорировать меня.

Медленно закипая, я решила действовать творчески.

— Эй, Валькирия.

Он замедлился, но не остановился.

— Люди, хотите увидеть настоящего жнеца душ? — на меня смотрели, словно у меня поехала крыша, ничего нового, но он остановился и страдальчески посмотрел на меня. Я усмехнулась.

— А без этого было никак? — спросил он.

— Ты ведь остановился. Что это было?

Он вздернул брови.

— В смысле?

— Ты и Эрик. Давно между вами лямур-амур?

Он усмехнулся.

— Парни не в моем вкусе. Только красивые девушки.

Я прищурилась.

— Ты знаешь, о чем я. Что происходит? Что вы двое замышляете?

— Ты знала, что твои глаза меняют цвет, когда ты злишься?

Сбитая с толку, я уставилась на него, вспоминая первый раз, когда он сказал мне эти же слова. Тогда он окутал меня туманом из чувств, и мы бы поцеловались, если бы не наши соседи. Мой взгляд спустился на его губы, и тогда я заметила его ухмылку.

Агрх, когда я успела стать такой легкой добычей. Он преднамеренно отвлек меня. Снова.

— Хватит морочить мне голову, Торин. Я хочу знать, что между вами происходит?

Он не успел ответить, так как к нам присоединились несколько качков, среди которых были Дрю и Кейт. Сегодня вечером будет игра в Портленде, поэтому они были на кураже.

— Народ, вы ведь знаете Рейн? — сказал Дрю, обнимая рукой меня за плечи.

— Та самая чертовски горячая ведьмочка, — сказал Джейден Грейнджер, бросая на меня плотоядный взгляд. — Можешь заколдовать меня в любое удобное время.

Мне никогда не нравился Джейден. Он был из тех парней, которые сначала целуют, а потом рассказывают об этом на каждом углу, и еще у него были жирные волосы. К сожалению, многие девушки считали его неотразимым.

— Можешь использовать свои ведьминские штучки, — он пошевелил пальцами, — и узнать, выиграем ли мы сегодня?

На меня накатило раздражение.

— Нет, я не могу предсказывать такое, но, если он, — я ткнула в Торуна, — будет с вами, вы либо выиграете, либо умрете, гм, от стараний.

Торин пригвоздил меня сердитым взглядом.

— Извините нас, — он схватил меня за руку и потянул за собой. — За мной.

— Но я наслаждалась беседой, — вяло запротестовала я.

— Нет, ты ведешь себя, как ребенок.

Ауч. Как ужалил.

— Спасибо за комплимент.

Он тихо засмеялся.

— Я хотела спросить тебя кое о чем. Кого из них ты собираешься отправить в Вальгаллу? Кейта? Дрю? Или обоих? — он проводил с ними слишком много времени, как в прошлый раз с Джесс и ее подругами, а потом они все умерли.

— Никто из них не уйдет в Вальгаллу, — он открыл дверь и затащил меня в подсобку.

Там было темно, но не надолго. Он нажал на переключатель и осмотрелся. Мы были в подсобке уборщиков. Не какой-нибудь подсобке, а в той самой, где обычно целуются школьники, потому что здесь достаточно места, и охранник Рэндольф по какой-то причине редко заходит сюда. Я заулыбалась, вспоминая последний раз, когда я была здесь с Торином.

— Что? — прищурившись, спросил он.

— Воспоминания накатили. Ты ведь знаешь, что к ланчу все будут знать, что мы были в чулане для поцелуев?

Он нахмурился.

— Ты целовалась здесь с каким-то парнем?

В его голосе звучало раздражение. Я широко улыбнулась. В этом чулане я была только один раз, с Торином.

— Мы не совсем целовались. Мы заключили здесь сделку.

Он скривился, словно проглотил протухшее яйцо и открыл дверь, расталкивая своих друзей, которые то ли подслушивали, то ли стояли на стрёме.

— Парни, не возражаете? — огрызнулся Торин, и качки, смеясь, разошлись в стороны. Он шел в кабинет, но я не отставала от него.

— Ты так и не ответил на мой вопрос о вас с Эриком, — сказала я.

— Отвечу на ланче. И у меня есть решение твоей ведьминской проблемы.

Это меня удивило.

— Правда?

— Во время ланча встретимся в фойе. Отойдем кое-куда и все обсудим.

Ошарашенная, я могла только смотреть на него. Почти всю неделю он играл со мной в кошки мышки, а теперь хочет пойти со мной обедать?

— Нет, я не пойду.

— Пойдешь. Если тебе нужна моя помощь, пообедай со мной. Я ненавижу есть...

— В одиночестве, — закончила я, забыв, что решила не упоминать при нем прошлое. Однако он не рассердился, а улыбнулся и медленно прошествовал в класс. Я пошла за ним. Мне было интересно узнать, что им движет. Он такой непредсказуемый.

Глава 8

Всем нужна любовь

Когда во время перерыва на ланч я спустилась в главное фойе, Торин уже ждал меня.

— У тебя, правда, есть решение?

— Ага, — он пошел к своему харлею. — Ты даже не спросишь, куда мы поедем?

— А должна? Ты ведь не собираешься меня похитить?

Он улыбнулся.

— Если бы я хотел тебя похитить, ты бы уже давно лежала у меня в постели.

«Да похитить ты меня уже», — хотелось мне ответить ему.

— Осмотрись. Если ты не заметила, на нас смотрят.

Я развернулась, и, точно, через окна за нами наблюдали студенты. Даже те, кто бежал к своим машинам, оборачивались и смотрели на нас.

— Это и есть твой великолепный план сделать меня менее заметной? Появиться в компании нового кватербека?

Он кому-то помахал рукой.

— Гениально, правда?

Я закатила глаза.

— Конечно, только вот ты еще не выиграл игру.

— Выиграем сегодня, — сказал он, словно все уже было давно решено, и подошел ко мне со шлемом в руках. Я сделала шаг назад и протянула руку. Он уставился на нее, затем перевел взгляд на лицо. — Я всего лишь хотел помочь тебе надеть его.

— Знаю, но лучше не стоит, — я взяла шлем, натянула его на голову и застегнула ремешок; все это время он наблюдал за мной хмурым взглядом, слово что-то беспокоило его. — Что?

— А ты колючая, крошка.

— Не называй меня так. Во мне 1.70 роста. И я не колючая, а...осторожная, — конец фразы прозвучал очень тихо, так как он протянул к моему лицу руку и убрал прядь волос, застав меня этим жестом врасплох. Он не отводил от меня глаз, а его рука задержалась на моей шее. Я вздрогнула и позволила себе ненадолго забыть, насколько ужасны были последние дни. Я не отстранилась от его прикосновения, и потерялась в его превосходных голубых глазах.

Он дотронулся до моего носа.

— Люблю твои веснушки.

Вернувшись к реальности, я отступила назад.

— Не делай так.

— Что не делать?

— Все. Неправляй мои волосы. Не делай комплименты. И, определенно, не смотри на меня так, как смотрел только что.

— И как я смотрел?

— Так, как несколько секунд назад, — его губы искривились в усмешке. — И не улыбайся так тоже. Идем, пока я не передумала.

Он покачал головой, и натянул на глаза свои огромные очки.

— Ты самая противоречивая девушка, которую я когда-либо встречал.

Я одарила его лучезарной улыбкой.

— Спасибо.

— Это был не комплимент. Замени противоречивую на раздражающую.

— А вот это как раз комплимент в моём списочке, — я забралась на байк и обняла его за талию. Наконец-то. Мне нравилось держаться за него, ощущения, словно я вернулась домой. Я положила голову ему на спину и глубоко вдохнула. Я так скучала по этому. По ощущению его тела, его запаху. Его теплу. Он ехал на обычной скорости, значит, мы не собирались куда-то далеко. Поездка закончилась очень быстро.

— Ты там заснула, Веснушка?

— Нет, я люблю кататься с тобой. Будто я летаю... — мое лицо покраснело; я отпустила его, слезла с байка и отошла в сторону. — Идем, я умираю с голоду.

Торин снял очки и, прищурившись, посмотрел на меня.

— Любишь кататься со мной?

— Ты, мой бывший... я же говорила тебе, что у него тоже был байк? — я не осмелилась посмотреть ему в лицо и убедиться, сработало моё хромое объяснение или нет. Вместо этого я сконцентрировалась на ресторане. — «Noodles & Company»?

— Люблю их пасту, но если хочешь пойти куда-нибудь еще, только скажи.

— Нет, все нормально. Здесь вкусные салаты, — он придержал для меня дверь и затем вошел сам.

Ресторан был забит белыми воротничками вперемешку с домохозяйками и их детьми. Торин заказал себе бефстроганов, а я предпочла овощной салат. Мы набрали напитки из фонтана и заняли угловой столик у окна. Он потягивал свою колу и изучал меня с тем самым выражением лица, которое не снимал последние несколько дней.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что ты замышляешь? — спросила я.

Он усмехнулся.

— С чего ты взяла, что я что-то замышляю?

— Твои глаза сами за тебя говорят. В них читается расчет. Самодовольство. Словно тебе не терпится открыть кому-нибудь свой злодейский план. И что происходит между тобой и Эриком? — он молчал, словно продумывал ответ. — Он ничего не скрывает от меня, поэтому ты можешь сказать мне.

— Ты упрямая.

— Нстойчивая.

— Одно и то же, — я вздернула бровь и продолжала ждать.

Он вздохнул:

— Ладно. Последние несколько дней, включая сегодняшний, мы с ним стирали надписи с ваших с Корой шкафчиков. Должно быть, ублюдки, что это делали, повесили петли после того, как я ушел.

Я наклонилась вперед.

— Почему вы не сказали мне? Что они писали?

— Уже неважно. Если они и дальше продолжит, этого уродов будет ждать маленький сюрприз от меня.

— Какой же?

— Ну, это же сюрприз, — строго ответил он.

— Ты собираешься использовать руны, чтобы поймать их в ловушку, так?

Он скривился.

— У тебя дьявольский ум. Ты видела Норн со своего возвращения?

— Ага, в понедельник. Стерва Мардж совсем не изменилась. Лучше бы они не лечили меня, когда я была ребенком, может, тогда у меня не было бы с ними этой особой связи.

Торин еще больше нахмурился.

— Мардж?

— Надоедливая и лицемерная, она у них за главную, все время преследуют меня.

Его глаза загорелись.

— Думаешь, можешь видеть их, потому что они отметили тебя в детстве?

Я пожала плечами.

— А какая еще может быть причина?

— В тебе есть что-то особенное, и они знают что. Им никто не бросал вызов. Ты спасла семь жизней, Рейн. Ты, Смертная девчонка, смогла остановить их.

Тогда почему я не чувствую себя героем? Неважно, что говорили Торин и Лавания, я была лишь орудием. Средством достижения цели. Кем-то, кого Норны хотят использовать в своих интересах, а именно защитить Эрика. Хотелось бы мне знать, почему и что его преследует.

— Может, перейдем к вопросу охоты на ведьм? Не люблю говорить об этих старухах.

Торин состроил гримасу.

— Тогда тебе не понравится мое предложение.

— Какое предложение?

— Призвать Норн и приказать, чтобы они исправили этот ведьмовский хаос.

Я подавилась напитком и закашлялась. Торин наклонился, чтобы похлопать меня по спине. Я вытерла губы и сердито посмотрела на него.

— Кто сказал, что я могу их призывать, не говоря о том, чтобы приказывать им что-то?

— Они послушают тебя, потому что боятся.

Я фыркнула:

— В понедельник, когда они подошли ко мне в столовой, то не выглядели испуганными. Они все также отдавали приказы и ставили ультиматумы. Ненавижу их.

Торин нахмурился.

— Что они от тебя хотели?

— Как обычно. Присоединиться к ним, чтобы защитить Эрика.

Он прищурился.

— Защитить Эрика? От чего?

Я закусила губу, сомневаясь, стоит ли ему рассказывать правду или нет.

— Рейн, скажи мне.

Он был парнем, которого я любила, кем-то, кому я безоговорочно доверяла, хотя он даже не подозревал об этом.

— Все, что я тебе скажу, останется между нами. Расскажешь Эндрису или Лавании, и я тебя так сильно ударю, что... — он вздернул брови, и я покраснела. — В общем, не говори никому.

— Даю слово, — он посмотрел за мое плечо. — Не забывай, о чем мы говорили, наша еда готова. Нет, не двигайся, — сказал он, поднимаясь. — Я заберу.

Я, потягивая свой напиток, следила, как он уходит, восхищаясь видом сзади. Ну, правда, он даже ходит сексуально.

— Рейн Купер? — неуверенно, спросил какой-то мужчина. Я повернулась к нему лицом, и он протянул мне под нос какой-то предмет, оказавшимся диктофоном. — Меня зовут Джерри Фергюсон, я репортер «Кейвилль Дейли Ньюз». Мы пытались связаться с вами, чтобы взять интервью, но ваши родители отказались разговаривать, а школьная территория закрыта. Это правда, что после того, как вы чуть не погибли, у вас развились экстрасенсорные способности? Это из-за них вы узнали, что школьники погибнут?

— Эй! — крикнул Торин. — Оставь ее, — в следующую секунду он поставил поднос с нашим обедом на ближайший столик и направился в нашу сторону. — Я говорил тебе, что если еще раз замечу тебя, ты очень пожалеешь.

— Да ладно, парень. Я всего лишь хочу взять эксклюзивное интервью, — возразил репортер.

— Я дам тебе интервью, — зарычал Торин и схватил мужчину за воротник рубашки.

Люди в ресторане пялились на нас, разрываясь между Ториним, репортером и мной. Я сползла вниз по сиденью, но перегородка была недостаточно высокой, чтобы спрятаться.

— Лоррейн Купер, вы экстрасенс? — выкрикнул репортер, перед тем как Торин вытащил его на улицу. Понятно, что в этом ресторане пообедать нам не удастся. Люди смотрели на нас и перешептывались.

Я поднялась,хватила наш поднос и поспешила к кассе. Две женщины отступили назад, подозрительно глядя на меня.

— Упакуйте это с собой.

Они колебались, не решаясь сделать движение. Как же все нелепо.

— Быстро, — добавила я сквозь зубы.

Женщина слева от меня взяла поднос и ушла. Я обернулась, чтобы проверить, как там Торин, и увидела, что он уже закончил. Репортер, видимо, ушел невредимым, а значит, Торин при помощи рун наложил на него какое-то проклятье или сглазил.

Торин зашел в ресторан, и все тут же замолчали. Он медленно повернул голову и осмотрелся. В его глазах был холод, никто не осмелился сказать или сделать что-нибудь. Все как-то быстро заинтересовались содержимым своих тарелок. Я поймала его взгляд и вздрогнула. Никогда еще я не видела его таким злым. В его глазах была ярость, а лицо напряжено так, словно один неправильный взгляд, и он разнесет весь зал.

— Все нормально? — спросил он тихим, напряженным голосом, приближаясь ко мне.

Я кивнула.

Он взял меня за руку.

— Идем отсюда.

— Наш обед...

Он посмотрел на меня, словно считал сумасшедшей, раз в такой момент я думаю о еде.

— Я голодна, и мы уже заплатили, — упрямо сказала я.

Он прищурился. Затем подал знак женщине, стоящей за кассой. Она кончиками пальцев передала нам пакет с нашей едой, и мы пошли к выходу.

— Он следил за мной? — спросила я, как только мы оказались на улице.

— Не он один, — Торин посмотрел по сторонам и надел очки. — Я нарисовал руны на деревьях в нашем переулке и возле школы, чтобы они не отслеживали тебя и не подходили близко. Пока это работает, — из его груди вырвалось рычание. — О чем я только думал, когда привел тебя сюда?

Я взяла его руку в свою и сжала.

— Все хорошо. Он застиг меня врасплох, но ты был рядом и остановил его. И это главное. Спасибо.

Торин смотрел на наши руки и, когда я собиралась отпустить, схватил сильнее.

— Твоя безопасность важна для меня.

— Да? Почему?

Он освободил свою руку; на его красивом лице появилось хмурое выражение, а глаза потемнели.

— Не знаю. Просто важна. Как и многое другое, связанное с тобой, — он смахнул прядь волос, упавшую ему на лоб, и почесал затылок. Его чувства ко мне были определенно чем-то новым, однако он слишком много анализировал их.

— Ты должен был рассказать мне о репортерах и шкафчиках. Я не смогу защитить себя, если ничего не буду знать.

— Я защищу тебя.

Мило, но очень старомодно.

— Ты не можешь быть рядом со мной сутки напролет, поэтому мне надо уметь позаботиться о себе самой.

Он упрямо прищурился, затем вздохнул.

— Я знаю. Но все же призови Норн и прикажи им исправить этот дурдом, который они устроили.

— Ты, правда, думаешь, они послушают меня?

— Безусловно.

Его уверенность в моих силах немного пугала.

— Я уже угрожала им разоблачением, и им это не понравилось. Может, снова сработает.

— Попытка не пытка, — он посмотрел по сторонам. — Идем, — он положил наши ланчи в седельную сумку, пока я надевала шлем.

Я посмотрела на время. До конца ланча оставалось семь минут.

— Как думаешь, мы можем добраться до школы меньше чем за минуту?

— Конечно, — он странно на меня посмотрел.

Я снова ляпнула не подумавши:

— Мне говорили, что Валькирии могут быстро передвигаться, если активируют определенную руну.

Несмотря на мое объяснение, он все еще хмурился, когда мы отъезжали.

* * *

К школе мы подъехали за тридцать секунд. Я заметила у обочины школьный автобус, в который футболисты загружали свои спортивные сумки.

— Да, ты ведь уезжаешь, — разочарованно сказала я.

— У нас есть полчаса. Хочешь, поедим в автобусе?

— Дрю и Кейт тоже будут там?

В его глазах появились искры.

— Ты же знаешь, что Кейт — гей, а Дрю все еще влюблен в свою бывшую.

Он ревновал. Так мило.

— Все нормально. Сейчас в моем вкусе эмоционально неприступные парни.

Он засмеялся, и его голубые глаза засияли. Мне нравилось смешить его.

— Ты говоришь совершенно безумные вещи.

— Это правда, — на самом деле, я была уверена, что он собирается забрать души Дрю и Кейта. Они были хорошими ребятами. — Давай поедим в моей машине. Она ближе, и это лучше, чем спешить в столовую и пытаться найти свободный столик, — я вернула Торину шлем, и мы пошли к моей машине.

Когда я открыла двери, он проскользнул на переднее пассажирское сиденье. С его присутствием моя машина показалась мне совсем маленькой. Когда мы впервые встретились, то никогда не ездили на моей машине, в основном катались на его байке. Пока мы ели, я краем глаза следила за ним.

— Нервничаешь из-за первой игры? — спросила я.

Он засмеялся:

— Нет. Мы порвем Титанов.

— Ты ведь знаешь, что они на восьмом месте в штате, когда мы...

— Тянемся в конце, — закончил он. — Ты можешь отменить свое занятие с Лаванией и поехать с нами.

— Не могу. Сегодня я получаю свои рунные кинжалы, — я еле сдерживала свое волнение, но потом вспомнила, что ему не очень нравился сам факт моих тренировок. — В любом случае, я приду посмотреть на тебя во время плей-офф через две недели.

На его губах заиграла озорная усмешка.

— Что?

— Ты сказала, что придешь посмотреть на меня.

Я закатила глаза.

— Я имела в виду команду.

— Я и есть команда.

— Боже, если вы проиграете, твое эго никогда не восстановится.

Он усмехнулся, как обычно, очень сексуально.

— Очень вряд ли. Зачем тебе нужно защищать Эрика?

Часы на приборной панели, показывали, что наше время вышло.

— Поговорим об этом позже. Мне надо идти, и твой автобус ждать не будет.

— Без меня они не уедут, — он бросил свою пустую картонную коробку в пакет.

— Но мистер Кью начнет урок без меня, — я открыла дверцу и собралась выйти из машины, но Торин схватил меня за запястье. В его глазах зажглось синее пламя, и я сглотнула, одновременно пытаюсь успокоить свое сердце.

— Торин, не надо, — прошептала я. «По крайней мере, пока сам во всем не разберешься».

Он не отпустил мою руку. Вместо этого он провел большим пальцем по моим костяшкам, затем по ладони, поглаживая ее. По руке пробежали мурашки, но в этот раз я не остановила его. Точнее, не могла остановить. Я скучала по его прикосновениям. Я наслаждалась ими.

— Что в тебе такого, что заставляет меня...?

— Что?

Он вздохнул:

— Чувствовать больше. Желать. Нуждаться. Я знаю, что мне лучше оставить тебя, но...

В груди сдавило, воздух словно попал в ловушку легких.

— Но?

Он не ответил, выпустил мою руку и улыбнулся своей улыбкой, которая выглядела, как насмешка и как вызов одновременно.

— Иди, Веснушка.

Я смотрела на него, желая получить ответы. Сократить пространство между нами и поцелуем привести его в чувство. Он сводил меня с ума.

— Я, эм, увидимся позже?

— Да, хочу узнать об Эрике. Если это как-то связано с Норнами, хорошего ждать не стоит.

Я кивнула и ушла, оглянувшись только, когда перешла дорогу. Он все еще сидел в машине и не отводил от меня глаз. Счастливым он не выглядел. Да, он, определенно, запутался с чувствами ко мне, что не могло меня не радовать.

* * *

— Мисс Купер, — позвал меня мистер Кью, наш учитель английского, и помахал листком бумаги, когда я пробежала мимо его стола.

— Спасибо, — я пробежалась глазами по записке. Тренер Флетчер хотел видеть меня после занятий в своем кабинете. Я нахмурилась. Что ему понадобилось? Надеюсь, это не связано с командой по плаванию. Мне совсем не хотелось туда возвращаться. Я сомневалась, что между школьными заданиями и занятиями с Лаванией у меня найдется время. Или он хочет поговорить со мной о том, что случилось на соревнованиях?

Мысли о встрече не оставляли меня всё время до конца занятий. Я вышла из класса и направилась к шкафчикам. В воздухе чувствовалось оживление, студенты бегали по коридору и разговаривали на пределе своих голосовых связок. Большинство планировали завалиться к кому-нибудь в машину и вместе поехать на игру. Такое оживление я видела только во время домашних матчей.

— Вперед Троянцы! — закричали два парня, прыгая и сталкиваясь грудью.

Я отошла в сторону, пропуская их, и чуть не столкнулась с другим студентом, идущим спиной вперед и разговаривающим об игре со своими друзьями. Я не знала наверняка, был ли причиной всему Торин, новый квотербек, или тот факт, что мы играем с нашим главным соперником.

Кора подошла сзади.

— Жаль, что ты не едешь с нами, Рейн.

— Мне тоже, — я в очередной раз сделала вид, что расстроилась. — Обещай писать мне каждые десять минут. Хочу знать, как там новый квотербек.

— Любая девушка в нашей школе хочет знать, — сказала Кора. Две девушки, идущие мимо, дали друг другу пять.

Я засмеялась:

— Вы сумасшедшие, ребята.

— Ты и понятия не имеешь. Сюда, Эрик. Я получила твое сообщение, — она помахала

ему, но вместо того, чтобы подождать, она подбежала к нему и обняла. Его правая рука обвилась вокруг ее талии. — Ты лучший.

Я удивилась, как она его еще не поцеловала в порыве. Эрик закатил глаза, когда я показала ему два больших пальца. Я закинула на плечо рюкзак, взяла гобой и обняла этих двоих.

— Повеселитесь там. И пишите мне.

Некоторые студенты уже раскрасили свои лица цветами Троянцев — золотым, черным и красным. Несколько совсем отбитых разукрасили свою грудь и без футболок носились по коридору. Впервые, с тех пор как я вернулась, никто, казалось, не обращал на меня внимание. И мне это нравилось.

Я завернула за угол и увидела Эндриса, который стоял, опершись о стенку у кабинета школьного психолога. Он следил за мной глазами и в то же время разговаривал с одним парнем, который, кажется, играл в школьном театре.

— Снова к психологу? — спросил Эндрис, когда я приблизилась.

Удивленная отсутствием враждебности с его стороны, я кивнула:

— Ага. Откуда ты знаешь?

— Ты человек привычки, Рейн Купер. Как по часам ты ходишь сюда каждый день после занятий и уходишь десять минут спустя. Что вы там обсуждаете?

— Не твое дело, — я прошла в кабинет.

— Не собираешься в Портленд на игру? — спросила миссис Андервуд, как только я села.

— Нет. Мне надо доделать еще много заданий.

— Это не значит, что тебе не нужен отдых, Лоррейн. Оставь в прошлом все то, что случилось, и двигайся вперед. Опять же, участвуй в школьной жизни.

Я кивнула.

— Тренер Флетчер хочет увидеться со мной сегодня.

— Отлично. Вернись к плаванию, общению с друзьями, — она поднялась. — Ты можешь больше не ходить ко мне, если не видишь нужды.

— Спасибо, миссис Андервуд. Знаю, что в понедельник вела себя, словно не хотела приходить к вам, но наши разговоры очень помогли мне, — я поморщилась. — Я, эм, даже ждала новых встреч.

Она улыбнулась.

— Поэтому я здесь, дорогая. Просто помни, моя дверь всегда открыта, — она опустила руку на дверную ручку и немного задержалась, прежде чем закрыть. — Мне жаль, что не удалось поймать тех, кто испортил ваши шкафчики. Охранник Рендольф все испробовал, даже прятался в чулане и следил за коридором, но кому-то удалось сделать все незаметно. Какая-то загадка. Мистер Эллиот обо всем знает и планирует в понедельник поговорить с учениками на эту тему.

У меня скрутило живот от всех этих «кто-то как-то». Кто-то, кто может быстро двигаться и становиться невидимым, нарочно напоминал ученикам о том, что произошло. Могли ли это сделать Норны, чтобы перетянуть меня на свою сторону? Я всегда знала, если они где-то рядом, но с понедельника я ни разу не почувствовала их присутствия. Остаются только Валькирии.

Эндрис недолюбливал меня и был достаточно безумным, чтобы пошутить таким образом, потому что Малиина ушла к злым Норнам, и он винил в этом меня. Ингрид всегда

вела себя так, словно ей ни до чего нет дела, но Малиина была ее сестрой. Может, она так зла, что хочет навредить мне или унижить? Лавания была моей наставницей, и я не видела выгоды для нее от моих мучений. С другой стороны, она близка с Торин. Я не видела каких-либо намеков на их более близкие отношения, но ни в чем нельзя быть уверенным. И, наконец, сам Торин. Он бы никогда не навредил мне, однако он был против того, чтобы я становилась Бессмертной. Даже раньше он отказался исцелить меня рунами после того раза. Но одно дело хотеть, чтобы я осталась человеком, и другое — хотеть видеть мои мучения.

Когда я вышла из кабинета, Эндрис все еще разговаривал с тем парнем. Я нахмурилась, увидев, как тот потянулся и дотронулся до серебристых волос Эндриса. Он провел по ним рукой, поднимая кверху. Языком своих тел они напоминали любовников. Может, Кора была права? Теперь Эндрис встречается и с парнями? Зная его, он, скорее всего, играет с бедным мальчиком.

— Рейн, подожди.

Я сделала вид, что не услышала, и пошла в сторону северного крыла.

— Хватит игнорить меня, Смертная.

Я оглянулась. Парень, с которым он до этого разговаривал, с неприкрытым любопытством наблюдал за нами.

— Что ты на этот раз задумал, Эндрис?

— Я? Да я открытая книга. Ты, в свою очередь, сложная девушка. Зачем ты солгала мне?

— О чем солгала?

— О своем любовном треугольнике.

Я вздохнула.

— Чего ты хочешь, Эндрис?

— А ты как думаешь? Большой брат попросил меня побыть твоей нянькой, пока он играет в мячик, а это значит, что мне надо всюду ходить за тобой, когда я мог бы поразвлекаться с Роджером, — он повернулся к своему мальчику-игрушке и жестом сделал знак «позвони мне». — Разве он не милый?

— С каких пор тебе нравятся мальчики?

— С изначальных. Если что-то меня привлекает, я это получаю, и он привлек меня. Он милый, красивый и очень чувственный, а мне как раз нужна любовь и забота. Так, куда ты идешь?

— Никуда. Мне не нужна нянька.

— Жестко. Зачем ты соврала мне? Почему не сказала, что пытаешься помочь Торину вспомнить?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Не было смысла.

— Значит, ты заставила меня поверить, что ты кинула его, позволяла называть различными именами и относиться как к дерьму вместо того, чтобы просто сказать правду?

Я пристально на него посмотрела.

— Ты чувствуешь вину.

Он скорчил гримасу.

— Не дождешься.

— О, да, ты чувствуешь, и тебе это не нравится, — я засмеялась, но потом пожалела об этом. — Не беспокойся. Это были обычные слова, Эндрис. Ты почти всегда что-нибудь говоришь такое, просто чтобы посмотреть на реакцию.

Он усмехнулся:

— Я знал, что ты раскусишь меня.

Я раскусила? Он мог бы быть тем, кто разрисовал мой шкафчик. Я остановилась перед кабинетом тренера Флетчера. Дверь была немного приоткрыта.

— Мне надо идти, — прошептала я.

— Я с тобой. И не качай головой, —

добавил он. — У меня приказ ходить за тобой, как приклеенный.

Я прищурилась.

— Приказ аннулирован. Мной, поэтому жди здесь.

— Почему? Кто там? — в его глазах читалось подозрение, он заиграл бровями. — Новый парень?

— У тебя одностороннее мышление. У меня встреча с тренером, и здесь нет другого выхода, кроме этого, поэтому жди здесь. Я буду через минуту, — отвернувшись, я вошла в кабинет и быстро осмотрела его. — Док?

Тренер Флетчер широко улыбнулся, подскочил со своего места и подошел ко мне. За его спиной стояли трое учеников.

— Проходи, Рейн. Садись. Ты ведь знаешь Джейка, Сондру и Калеба, — они помахали мне и натянуто улыбнулись. — Они новые капитаны команды.

Джейк и Сондра были старшеклассниками, в отличие от Калеба. Джесси и другие капитаны не выжили. Я села рядом с Сондрой, поставила на пол рюкзак и положила на колени футляр с гобоем. Понятия не имею, что здесь происходит. Док сел на свой стол, скрестив ноги. Он то складывал на груди руки, то снова их распрямлял, заставляя меня чувствовать себя не в своей тарелке.

— Рейн, команда нуждается в тебе, — начал он. — Как четвертый капитан ты должна быть впереди...

— Стоп, стоп, Док. Не думаю, что я готова вернуться к плаванию.

— Позволь закончить, Пружинка. Конечно, ты должна сперва вернуться в норму, перед тем как присоединиться к команде.

— Я не это имела в виду, — меня напрягло то, что он назвал меня старой кличкой. Он пытается уломать меня. — Сейчас вся школа думает, что я ведьма, — скорее всего, эти сплетни начали распространять члены команды. — Я сильно сомневаюсь, что команда желает моего возвращения.

— Это неправда, — сказала Сондра и переглянулась с другими, те закивали. — Мы поговорили со всеми и пришли к мнению, что ты можешь вернуться.

— Многим любопытно, откуда ты узнала, но на этом все, — добавил Калев.

— И никто не верит, что ты ведьма, — добавил Джейк. — То есть ведьм ведь не существует.

Если бы это было правдой, за последние пять дней команда могла бы хоть немного меня поддержать. А они вели себя, как все остальные. Может, я вымещаю на тренере и капитанах свою злобу и беспокойство из-за личности, которая изуродовала мой шкафчик, но я не видела того единства, которое всегда ассоциировалось у меня с командой. Да и их слова звучали как-то заученно.

— Я хочу еще кое-что сказать, — продолжил тренер Флетчер. — Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты тогда сделала. Ты спасла много жизней в тот вечер. Если бы мы послушали... если бы я тебя послушал, многие бы выжили. Это теперь мое бремя, — он

сделал вдох и продолжил: — Как Калебу и Люку, твоим товарищам по команде интересно, как ты узнала, но никто не считает тебя ведьмой. Однако мы все согласны в одном. Тогда ты была героем, — он посмотрел на капитанов, и те кивнули. — Я также слышал, что кто-то изуродовал твою машину и шкафчик. Сегодня во время обеда я встретился с директором, и он заверил меня, что виновных поймают.

Только если он или она не Валькирия. Я, правда, не думала насчет возвращения в команду. Между занятиями с Лаванией и школой у меня не оставалось времени на что-либо еще.

— Как скоро ты сможешь вернуться? — спросил Док, словно мое возвращение уже решенный вопрос.

— Ты нужна нам, — сказал Джейк.

— Ты, Кора, Салли Питерс и я станем новой дрим-тим, — добавила Сондра.

Кора была в запасных, несмотря на то, что плавала последние два года. Она бы обрадовалась, но я не хотела возвращаться только из-за нее.

— Могу я ответить позже? Сначала надо переговорить с родителями, — Док кивнул. Я поднялась и вяло помахала на прощание. Возвращаться в команду я не собиралась.

Снаружи меня ждал сердитый Эндрис.

— Я просто фигаю, — он оттолкнулся от стены и подошел ко мне. Пока я соображала, он забрал у меня рюкзак и гобой. — Только не говори, что собираешься вернуться. После того, как они поступили с тобой.

— Тише, они услышат тебя.

— Где они были, когда ты вернулась? Что они сделали, когда остальные относились к тебе как к грязи? Тебе надо было сказать им засунуть их предложение в...

Я закрыла его рот рукой и немного толкнула назад.

Он убрал со рта мою руку.

— В этом твоя проблема, Рейн. Ты слишком добрая. Когда общаешься со Смертными, надо быть жестким. Ты научишься, когда обратишься, — он повернул голову и выкрикнул: — Она не вернется. Слышите меня, эгоистичные придурки?

— Умолкни, Эндрис.

Он усмехнулся:

— Ты, серьезно, собираешься вернуться?

— Возможно, — мы вышли из здания школы. Парковка, за исключением моей машины и байка Торина, была пуста. — Ты поедешь на байке?

— Ага, хочешь прокачу?

Я споткнулась на месте, когда он это сказал. Обычно этот вопрос задавал Торин, только более хриплым голосом, и в глазах его были озорные искры, из-за чего предложение звучало как что-то непристойное.

— Нет, мне надо еще заехать в магазин.

— Да ладно, — запротестовал он. — Ты должна ехать домой, где тепло и безопасно, и не так сыро. Ненавижу такую погоду. Почему мы не осели где-нибудь во Флориде или в Малибу, где тепло и весело, а на пляже резвятся полутолые студенты.

Я засмеялась.

— Я тебе говорила, что не нуждаюсь в няньке, — я открыла машину, положила на сиденье футляр с гобоем и повернулась, чтобы забрать мой тяжелый рюкзак, но Эндрис уже закинул его на заднее сиденье.

— Прости, но ты застряла со мной, — он посмотрел на серое небо и скривился. Моросил дождь. — Проклятая орегонская погода.

Почему-то я сомневалась, что это Эндрис поиздевался над моим шкафчиком. Он слишком прямолинеен и, вероятно, тут же похвастался бы и детально расписал, зачем он это сделал.

— Езжай за мной. И чтоб ты знал, орегонская погода прекрасна.

Глава 9

Артаво

Приехав в город, Эндрис припарковался у машины моих родителей и вслед за мной зашел в «Мираж».

— Можешь осмотреться, только ничего не ломай.

На это он показал мне два средних пальца. Я закатила глаза, развернулась и замерла. За клиентской стойкой с каменным лицом за нами наблюдал мой папа. «Он увидел грубый жест Эндриса?» Обычно за стойкой сидел Джаред, но, судя по всему, он отошел. Посетителей в магазине тоже не было.

— Привет, па, — сказала я. -

Получил мое сообщение?

— Да, — он подошел ближе. — И вам здравствуйте, молодой человек.

Эндрис отвлекся от рассматривания рамы одного зеркала и протянул папе руку.

— Мистер Купер, рад, наконец, с вами познакомиться.

Папа нахмурился, перевел взгляд на меня и только потом пожал руку Эндрису.

— Наконец?

— Я один из ваших новых соседей, ваша жена... — Эндрис посмотрел на меня и ухмыльнулся, — мама Рейн пригласила нас завтра на ужин.

Папино лицо перекосилось.

— Ах, да. Она говорила что-то такое.

Знает ли он, что наши соседи Валькирии? Вчера мама говорила, что расскажет ему о моей подготовке, поэтому он должен знать.

— Где мама?

— Она пошла за продуктами для завтрашнего ужина, — ответил он, продолжая смотреть на Эндриса, который пальцами исследовал руны на рамах.

— А Джаред? — спросила я.

— Пошел за кофе для нас. Мне не хотелось идти под дождем, отправил его.

Я вздохнула.

— Пап, я знаю о Nikos, и что обо мне там думают посетители. Все в норме. Мы вовсе не обязаны туда ходить.

В его карих глазах проскочила злость.

— Подожди меня в кабинете.

— Что за Nikos? — спросил Эндрис, переводя взгляд с меня на папу.

— Одно кафе вниз по улице, -

ответила я, направляясь в кабинет. — Ты должен сходить туда. У них очень вкусные пирожные.

— У них какие-то проблемы с Рейн? — услышала я голос Эндриса.

— Это вас не касается, молодой человек, — строго ответил папа.

Я ухмыльнулась. Забавно, что папа называет Эндриса «молодым человеком». Несмотря на то, что тот выглядит как подросток, он, скорее всего, в раз десять старше моего отца.

— Сэр, все, что касается одного из нас, касается всех.

— Моя дочь не одна из нас, -

процедил папа, тем самым, подтверждая, что знает, кто Эндрис на самом деле.

Я остановилась на полпути и развернулась. Папа пригвоздил Эндриса взглядом. Все очень плохо.

— Пап?

— Как тебя зовут? — спросил папа.

— Эндрис.

— Откуда ты, Эндрис?

Эндрис поморщился.

— У нас нет дома как такового, сэр. Мы проводим время либо в Асгарде, либо в каком-нибудь доме, который выбрали здесь, на Земле. Судя по всему, на следующие пару лет нашим домом станет Кейвилль. Не сказать, что мне нравится, но в этот раз решение не за мной.

Папа сжал губы.

— Я имел в виду, где ты родился... какой век...

— Константинополь, до того как его захватили османы, — ответил Эндрис, а это значит, ему не меньше пяти сотен лет.

В папин глазах проявился интерес. Он любил историю, но не стал развивать тему.

— Рад был с вами познакомиться, молодой человек. А теперь, если не возражаете, я бы хотел поговорить с моей дочерью. Наедине, — и он развернулся ко мне.

— Насчет Nikos, сэр...

— Не вмешивайся, Эндрис, -

попросила я, начиная раздражаться из-за его присутствия. Папа положил на мое плечо руку и повел в свой кабинет.

— Если кто-то беспокоит Рейн, мистер Купер, мы справимся с ним гораздо быстрее, чем вы.

— Неужто? — папа развернулся и прорычал. — Где были вы, когда Норны пытались забрать ее? Она попала в больницу и чуть не умерла из-за вас. Я не позволю вам дурить своей магией людей в моем городе. Я сам обеспечу защиту моей дочери.

Я сглотнула, сердце от страха забилось быстрее. Мне хотелось сказать им, чтобы они прекратили это, но Эндрис не знает значения слова «прекратить», а папа частенько перебарщивал своим инстинктом защитника, когда дело касалось меня.

— Папа, пожалуйста.

— Со всем должным уважением, мистер Купер, — тут же ответил Эндрис, — Вы понятия не имеете, с чем мы столкнулись. Норны спокойно могут сровнять этот город с землей, а Смертные назовут это необыкновенным явлением и будут изучать его следующие лет десять. У нас нет времени успокаивать нескольких недовольных людей...

Папа оборвал его, подняв руку. На двери зазвенел колокольчик, и в магазин, держа в руках два стаканчика кофе на подставке и коробку с пирожными, вошел Джаред.

— Уходи, — губами прошептала я Эндрису.

Он покачал головой. У меня возникло острое желание убить его после этого.

Папа забрал у Джареда кофе и пирожные, поблагодарил его и оглянулся на Эндриса.

— Можешь осмотреться здесь, Эндрис. Если что-нибудь заинтересует, я в кабинете. Джаред, это наш особый покупатель.

— Что значит особый покупатель? — спросила я, следуя за папой в кабинет.

Он подождал, пока я закрою за собой дверь и сказал:

— Валькирия, но для Джареда это всего лишь человек, который заказывает зеркала в

полный рост с необычными рисунками на раме.

Я села, сложив локти на столе, и грела руки о бумажный стаканчик, когда папа пристально изучал меня взглядом. Он отпил немного кофе.

— Он твой парень?

— Нееет. Он просто, эм, друг, — странно называть Эндриса своим другом, но, видимо, теперь это правда. Все, что он делал, после моей встречи с психологом, говорило, что это не он изуродовал мой шкафчик. Или я слишком доверчивая. — Значит, мама тебе все рассказала?

Папа кивнул.

— И ты зол.

Он откинулся на спинку и покачал головой.

— Не на тебя.

— На маму?

— Разумеется, нет. Я знал, что ты будешь особенной еще до твоего рождения. Что однажды ты станешь такой, как твоя мама. Я думал, что у нас будет больше времени подготовиться, что ты хоть немного поживешь нормальной жизнью как...

— Смертная?

Он покачал головой.

— Нет, как обычный подросток. Мальчики, выпускной, аттестат, без рунной магии, порталов и мертвых душ.

От его подавленного вида у меня сжало сердце.

— Если ты не хочешь, чтобы я тренировалась до того, как окончу школу, то я могу подождать.

— Котенок, даже если бы тебе было двадцать или тридцать лет, у меня была бы та же проблема со всем этим бессмертием, но твоя мама сказала, что так будет лучше. Тебя хотят заполучить и Валькирии, и Норны, и, судя по всему, Валькирии здесь лучший вариант, — он поморщился, словно проглотил горькое лекарство.

Я вздохнула.

— Они тебе не нравятся?

— Те, что я встречал, отличаются от твоей мамы. Они напыщенные, высокомерные и ни во что не ставят людей.

Он только что описал Эндриса. Торин был другим.

— Ты всегда мне говорил не относиться к людям с предрассудками лишь из-за пары гнилых яблок.

Папа усмехнулся.

— Так и есть. Видимо, когда дело касается тебя, все правила перестают иметь значение, — он отставил свой кофе, наклонился и взял мои руки в свои. Его лицо стало серьезным. — Ты, правда, этого хочешь, котенок? Стать Бессмертной? И вечность собирать души?

Когда я думала, что у меня есть Торин, мне было все равно. Но сейчас у меня его нет, и, наверное, не будет. Речь идет о защите от Норн. Как Смертная, я слишком уязвима. Они спокойно могут переломить мою шею, как щепку, и отправить прямиком к Хель, и я ничего не смогу изменить. Но как Бессмертная я могла дать им отпор.

— Рейн?

— Да, пап. Я хочу этого.

Он буравил меня взглядом.

— Пообещаешь мне одну вещь?

Я кивнула.

Он наклонился ближе.

— Если ты начнешь в чем-либо сомневаться, пообещай, что ты придешь ко мне. Хорошо?

— Хорошо, пап.

— Отлично, — он поднялся, обошел стол и обнял меня. — А теперь иди домой и этого захвати, — он кивнул головой в сторону двери.

«Он начинает тебе нравиться», — хотелось мне сказать, но я не была уверена, что сейчас ему захочется слышать что-нибудь хорошее о Валькириях.

— Люблю тебя.

— Я тебя тоже, малышка.

Когда мы вышли из кабинета, Эндрис подписывал какие-то бумаги.

— Я договорюсь, чтобы их забрали завтра, — сказал он.

— Конечно, сэр, — сказал, улыбаясь, Джаред.

— Что ты купил? — спросила я.

Ухмыляясь, он указал на огромное зеркало.

— Парочку таких. У нас есть одно, но лучше иметь несколько.

Папа никак не прокомментировал покупку Эндриса и только помахал нам, когда мы выходили из магазина. Мелкий дождь прекратился.

— Тебе говорили, что твой папа — жуткий тип? — спросил Эндрис.

— Не-а, он просто беспокоится за меня.

— Как он может ненавидеть Валькирий, если женат на одной из нас?

— Он никого не ненавидит, — я открыла дверцу машины и села за руль. Вся эта идея с ужином была не очень приятна с самого начала, сейчас же она казалась ужасной.

— Может, у меня получится пропустить завтрашний ужин, — сказал Эндрис, скривившись. — В смысле, он ведь может решить отравить нас.

Я уставилась на него.

— Это глупо и обидно. Мой папа вовсе не сатана. Кроме того, разве вас можно отравить?

— Нельзя, но живот чертовски скрутит, пусть даже это будет длиться пару секунд.

Я не знала, что на это ответить, поэтому просто закрыла дверцу и завела двигатель. Эндрис постучал по окну, и я опустила стекло.

— Ну что еще? — я постаралась вложить в этот вопрос все свое недовольство.

— Сбавь обороты, деточка.

Я закатила глаза.

— Я и не заводилась.

— Во сколько у тебя занятие с Лаванией?

— В пять.

— Отлично. Тогда сразу договоримся. Как только ты окажешься дома, оттуда ни ногой. Никуда не идешь, не предупредив меня. Усекла?

«Он что шутит?»

— Ага, конечно.

Он сощурился.

— И помни, я не Торин.

— Что это должно значить?

— Я без проблем наложу руны на твою дверь и окна, заперев тебя в комнате.

Я засмеялась.

— Что еще, кроме тебя, мне угрожает?

— Рискни и узнаешь, — самодовольно улыбаясь, он развернулся и медленно пошел к харлею.

Скрипя зубами, я сдвинулась с места. Торин — труп. Эндрис ехал за мной всю дорогу домой. Припарковав байк, он вышел на подъездную дорожку и ждал, пока я зайду в дом.

Поднявшись в свою комнату, я взглядом наткнулась на коричневый бумажный сверток. Книга рун Торина. Я взяла сверток в руки и вздохнула. Я еще не была готова с ней расставаться. Скоро. Развернувшись, я подошла к шкафу, открыла ящик и спрятала ее обратно.

* * *

— Проходи. Сегодня весь дом наш, — пригласила Лавания, закрывая за мной дверь. Она всегда такая обходительная. Сегодня на ней было голубое платье без рукавов, подол и вырез которого были вышиты темно-синими украшениями, а талию обхватил широкий блестящий пояс с рисунками рун. Убранные назад волосы, удерживала лента для волос, подходящая по цвету. Руки чуть выше локтей украшали браслеты.

— Классно выглядишь, — сказала я.

— Спасибо. У меня сегодня свидание. Будем праздновать.

«С кем? С Торином?»

— Эндрис ушел?

— Вместе с Ингрид. Они ушли прямо перед тобой. Он хотел взять тебя с собой, — она усмехнулась. — Эндрис всегда такой нетерпеливый.

— Они ушли через портал?

Лавания улыбнулась.

— Как иначе они могли бы уйти? Ну же, пойдем на кухню.

В последний раз я была на кухне этого дома вместе с Эндрисом и Ингрид. Тогда здесь были навалены огромные коробки с вещами Торина. С интересом я осмотрелась вокруг и улыбнулась. В доме, определенно, кто-то любил готовить. На стойках стояло много современной кухонной техники. С противоположной стороны находилась гостиная, в которой стоял секционный диван, а на стене висел большой телевизор с плоским экраном. В голове пронеслись картинки той вечеринки, до того как все пошло к Хель и обратно.

— Сюда, — позвала меня Лавания и жестом помахала в сторону стула. — Садись.

Сама она села с другой стороны стойки, стоящей посередине кухни. Перед ней лежала аккуратно сложенная ткань из коричневой кожи. Она подождала, пока я сяду, и осторожно ее развернула.

Как оказалось, это была не ткань, а что-то вроде кожаного ремня для ножей с шестью карманами. Один за другим, она достала из ножен кинжалы. Все были размером с карандаш, но разного цвета, формы лезвия, рукоятки и гарды. У половины были черные, блестящие

лезвия, в то время как другие были белыми. От рукоятки по лезвию шли руны. Один кинжал напоминал форму серпа, другой был похож на охотничий нож, остальные также отличались толщиной лезвия.

— Их называют артаво, что значит ритуальный нож. В единственном числе будет артавус. Некоторые верховные жрицы называли их артанус, артани или артамэ. Наиболее искаженный вариант, который можно сейчас услышать в магическом мире, — атамэ, — она взяла в руку черный артавус с остроконечным лезвием и гардой. Я уже видела, как Малиина (или это была Ингрид?) использовала похожий кинжал. — Этот называется стилло. Возьми в руку, проверь, удобно ли.

Я обхватила рукой рельефную рукоятку. Она легла в руку, словно была сделана под меня. Само лезвие клинка протянулось примерно на сантиметров 7.

— Легкий, — я дотронулась до лезвия и ахнула, когда по руке начала подниматься боль, и из кончика пальца выступила кровь. Тело охватила слабость. Я ненавидела сам вид крови, особенно своей. Я засунула палец в рот и осторожно положила артавус на стол, словно это была ядовитая змея.

Лавания усмехнулась.

— Ты бледная, как привидение, — она потянулась вниз и достала свой рунный клинок. — Дай руку. Я залечу твой палец рунами.

Я покачала головой. Я еще не была готова к рунам.

— Болеть перестанет, и, если ты не заметила, порез глубокий.

Боль, расходящаяся, от пальца говорила мне то же самое. Медленно, я достала палец из рта и застонала, когда из него потекла кровь. Все очень плохо.

— Не дури, — нетерпеливо настаивала Лавания.

Съежившись, я протянула ей руку и закрыла глаза. Когда она в очередной раз усмехнулась, я открыла один глаз и едва поборолла желание отнять руку. Палец сильно кровоточил, и капли крови падали на стол.

— Расслабься, Рейн.

— Я уже расслаблена, — возразила я ей сквозь сжатые зубы. — Ненавижу кровь, и мне больно.

Она нанесла на тыльную сторону моей руки руны; ее движения были настолько быстрыми, что у меня все размывалось перед глазами. Она оказалась права. Больно было лишь на мгновение, а следы от кинжала оказались вовсе не порезами, скорее ожогами.

Когда на коже проявились розоватые отметки от ожогов, я забыла о слабости и тошноте. Затем отметки потемнели и превратились в красивые узоры, как те, что я видела на руке Лавании, с завитками на концах. Я смотрела на свою руку с мрачным очарованием, но вскоре красивые руны растаяли. Лишь кончики пальцев пощипывало; я перевернула руку. Глубокий порез также закрылся, оставив после себя розоватый след, который вскоре тоже исчез.

Когда Торин исцелял меня в первый раз, я упала в обморок. Во второй раз мою рану от ножа скрыли руны, поэтому я не особо видела, как все произошло. Было как-то сюрреалистично, вот так наблюдать, как сходится кожа, словно ее застегнули на молнию.

— Все не так уж плохо, — сказала Лавания, стирая со стола кровь. Я вернулась к реальности.

— Да, спасибо, — я поднялась, чтобы вымыть от крови руки.

— Тебе придется преодолеть свое отвращение к крови, — сказала Лавания. — Я могу

помочь начать, рисуя руны исцеления своим артавусом, но, в конце концов, тебе придется рисовать самой и создавать связь между ними и тобой. Так как ты не настолько быстра, жечь будет чуть дольше.

— Ну, спасибо, — от одной мысли об этом, мне стало не по себе.

Оно подождала, пока я снова сяду, и сказала:

— Все будет хорошо. Может, Торин поможет.

— Нет, — мне не хотелось, чтобы он видел, как я веду себя, словно ребенок. — Я сама справлюсь. Ну, знаешь, после первой станет проще.

Она улыбнулась.

— Хороший подход. Так на чем мы остановились?

— Ты предложила мне поддержать стилло, — напомнила я.

— Ах да. После того, как ты наладишь с ним связь, никто другой не сможет им воспользоваться, кроме тебя. Обычно эту ошибку делают молодые Валькирии, когда сами пытаются обратить Смертных. Они не знают, что не могут использовать свои артаво. К тому же, у человека, которого собираются обратить, должны быть собственные рунные кинжалы, с которыми надо установить связь и завершить изменение.

Неудивительно, что Торин постоянно говорил Эндрису прекратить обращать Смертных. Могла ли Малиина немного слететь с катушек, потому что Эндрис налажал? Надеюсь, что нет. Это бы значило, что Ингрид тоже в опасности, потому что Эндрис обратил их обеих.

Я дотронулась до одного из белых клинков.

— Из чего они сделаны?

— Черные из особого вида оникса, который добывают в Асгарде. А белые из селенита, его можно найти в царстве богини Фрейи. Помнишь, где оно находится?

— Ванахейм, — сказала я.

— Хорошо. Руны, выгравированные на их поверхности, помогают направлять магическую энергию. Этот, — она указала на черный кинжал, которого я до этого касалась, — используют для начертания первых рун. Он очень силен, и, если использовать неправильно, все изменение может пойти не так. Но ты не беспокойся. Я помогу тебе. Видишь руны на рукоятке и лезвии?

Я узнала наиболее выделяющуюся руну.

— Это символ богини Фрейи.

— Верно. Она твоя покровительница, поэтому на твоих артаво ее символ. Этот называется болино, — она взяла кинжал, напоминающий небольшой цилиндр с иглой сверху. И обхватила рукоять, надавив острием на стол. Когда она раскрыла ладонь, рукоятка уже без лезвия выглядела как деревянный блок, с которым может играть ребенок. — У него убирающееся лезвие, этот кинжал используют для создания порталов. Ты можешь ходить с ним куда угодно, и никто не подумает, что это оружие. Как только активируешь руну на руке, лезвие снова появится.

— Можешь показать?

— Он твой, поэтому на меня не отзовется, — она передала мне безобидную на вид деревяшку и вытащила из-за пояса свой клинок. Его рукоять была темнее и рельефнее, чтобы удобней ложился в руку. На ее руке появились руны, их завитки проходили между ее пальцами и поднимались вверх по запястью, словно невидимый художник рисовал шедевр на ее коже. Они были похожи на узоры хной. Лезвие выскочило из рукояти с резким свистом, и я ахнула. Лавания усмехнулась.

— Он немного запущен из-за редкого использования. Твой будет выходить плавно и легко, практически беззвучно, — руны с ее кожи исчезли, и лезвие снова втянулось.

— Лезвие само втягивается? — спросила я.

— Если можешь контролировать руны, можешь контролировать все. Артаво, порталы, способность быстро передвигаться, становиться невидимой, — она отложила кинжал в сторону и потянулась к другому, выглядевшему как тот, которым я порезалась, разве что лезвие было белым. — Это стилло для создания порталов. Когда ты сначала научишься создавать порталы, вероятно, будешь пользоваться им. Он более простителен к ошибкам в рунах.

— Откуда руны знают, куда ты хочешь пойти, ведь по всему миру множество порталов? Лавания улыбнулась.

— Руны отвечают твоим мыслям. Ты узнаешь об этом чуть позже. Сегодня давай сконцентрируемся на артаво.

* * *

Казалось, прошла вечность, когда она закончила рассказывать, поднялась и потянулась.

— Ох, я умираю с голоду. Останешься со мной на ужин? Парни и Ингрид ушли, и мне придется есть в одиночестве, а я это очень не люблю. Можем поговорить, о чем захочешь. Школа, парни, подружки...

Она выжидающе смотрела на меня, и мне стало плохо, как представила, что дома меня ждет еще больше домашних заданий. Мы могли бы поговорить о школе. Уж точно не о парнях: меня интересовал лишь один, а обсуждать с ней Торины я отказываюсь.

— Рейн?

Я посмотрела на часы. Было почти семь. Родители скоро вернутся домой.

— Я только позвоню маме сначала.

— Отлично. Тогда я приготовлю ужин.

— Ты готовишь?

Она засмеялась.

— Да. Готовка успокаивает меня.

«Девушка с модельной внешностью еще и готовит? Ее идеальность имеет предел?»

Я вытащила из заднего кармана телефон, включила его, нашла в быстром наборе мамин номер и вышла из кухни в гостиную. После нескольких гудков ответил папа.

— Привет, па.

— Как дела?

В его голосе звучало беспокойство.

— Хорошо. Мама рядом?

— Она пошла купить что-нибудь к ужину. Скоро будем дома.

— Я думаю остаться на ужин у Лавании, моей наставницы. Остальные уехали в Портленд на игру, и она совсем одна. Ты не против?

Некоторое время он ничего не отвечал.

— Хорошо. Я скажу маме.

Он не слишком обрадовался этой идее, но я ничего не могла с этим поделать. Несколько

сообщений пришло от Кору и Эрика. Мы выигравали. Я быстро ответила им и вернулась на кухню, откуда уже раздавались звуки готовки.

На кухонном столе уже стояло два салата. Лавания очень быстро передвигалась по кухне. Быстрыми движениями она месила и раскатывала тесто. В ряд перед ней стояло несколько контейнеров с сыром, мясом и овощами.

Я села на стул и наблюдала за ней. Ее мозг работает также быстро, как и руки? Если да, я бы смогла сделать всю свою домашку за день. Поставив противень в духовку и помыв руки, она снова вернулась ко мне.

— Тебе нравится кальцоне? — спросила она.

Я усмехнулась.

— Еще бы.

— Тогда ты не разочаруешься. Вино или сок?

«Вино?»

— Сок.

Мы начали с салатов. Кальцоне, когда она достала их из духовки, были золотистыми и вкусными. В начинке был сыр, различные виды мяса, овощи, включая грибы и свежие травы. На краю тарелки лежали соусы. Не люблю грибы.

Каким-то образом разговор перешел на мое детство, и вскоре мы смеялись над авантюрами, в которые вечно попадали с Эриком. Прежде чем я осознала, мы уже обсуждали мои неприятности с Норами. Я рассказала ей обо всем, что случилось, в том числе о моей травме головы. Она не осуждала Малиину или Эндриса, который, очевидно, обратил ее, когда не должен был. Я не собиралась говорить с ней о моих отношениях с Торином, но она захватила меня врасплох своим вопросом.

— Что у вас с Торином?

Я поперхнулась соком и откашлялась. Надеюсь, она не заметит, что я покраснела.

— Ничего.

Лавания усмехнулась.

— Я не слепая, Рейн. Я никогда не видела, чтобы два человека так старались не смотреть друг на друга, и все же украдкой наблюдать, когда другой не видит. С тех пор, как я здесь, он ни разу не проводил домой девушку, и это несмотря на то, что они вешаются на него и флиртуют, где бы мы с ним не появлялись. Я никогда раньше не видела, чтобы официантки писали свои номера на чеках. Это так глупо.

Меня пробрала ревность.

— Это не смешно, — слова вылетели прежде, чем я подумала. Когда она подняла бровь, я стала вся пунцовая. — Я хотела сказать, эм, это, наверное, слишком раздражает, ты так не считаешь?

Она покачала головой.

— Нет, меня больше беспокоит, почему он им не звонит. Почему каждый вечер он проводит в своей комнате с выключенным светом. Почему он стал таким раздражительным, — она замолчала и пристально уставилась на меня. — Я заметила, как он смотрит на тебя.

— Правда, между нами ничего нет, — настаивала я.

— И я также видела, как ты на него смотришь, Рейн.

Мое лицо уже пылало, я стала защищаться.

— Почему ты хочешь, чтобы он перезванивал тем девушкам? Разве вы, эм, не вместе?

— Что? — она усмехнулась и вскоре начала так покатываться со смеху, что я почувствовала себя идиоткой.

— Забудь. Мне все равно уже пора домой, — я поднялась, но она ухватила за мое запястье.

— Прости, что начала смеяться. Пожалуйста, не уходи.

Я медленно села на место.

— Рейн, я никогда бы не увлеклась кем-нибудь из моих мальчиков. Торин красивый и может быть очаровательным, но... — она покачала головой. — Он мне как сын... Кроме того, у меня уже есть друг. Как ты вообще подумала о нас с Торином?

Я почувствовала себя еще глупее и затрясла головой. Словно зная, что я не хочу обсуждать Торина, она переключилась на Эрика.

— Мне бы хотелось обучать вас обоих. Попробайся убедить его присоединиться к нам. Я могу ему со многим помочь, с чем его родители не справятся.

— Я попробую.

Она хотела еще что-то сказать, но передумала и потянулась за бокалом вина.

— Так как ты настаиваешь, что не заинтересована в Торине, ты не думала встречаться с Эриком?

Я засмеялась. «Плавали — знаем».

— Почему ты смеешься? Он внук бога и очень привлекательный парень. Мы не часто сталкиваемся с богами, поэтому можешь воспользоваться шансом и стать его первым consortом.

— Consortом, т. е женой?

— Женой, другом, партнером, называй, как хочешь. У богов может быть много consortов, но первый будет стоять рядом до скончания веков.

Я затрясла головой.

— Я люблю Эрика, но я никогда не стану его, эм, consortом. Мы, правда, встречались, но решили, что лучше остаться друзьями. Кроме того, ему нравится кто-то другой.

Лавания сощурила глаза.

— Та Смертная блондиночка?

— Да. Ее зовут Кора Джеймисон.

— Она не подходит ему.

Я нахмурилась.

— Ты не можешь этого знать. Кора милая и веселая, и любящая. Они идеальная пара.

— Она Смертная, Рейн. Она никогда не будет достаточно хороша для него, — Лавания говорила спокойно, без насмешки или злости. — Уверена, ты это понимаешь. Поэтому ты не должна позволить этим отношениям дальше развиваться, нужно найти способ их прекратить.

— Почему? Ведь мои родители поженились, несмотря на все трудности. Кто мы такие, чтобы решать, с кем Эрику встречаться и кого любить?

В ее глазах появился блеск.

— Эрик не просто обычное божество. Он внук Одина. Его семья не допустит, чтобы рядом с ним была Смертная.

— Она тебе не нравится, потому что она человек?

— Нет, это нечто больше. Есть что-то в ней, что меня беспокоит, — она наклонилась вперед, теперь ее глаза приобрели странное сияние. — Пожалуйста, попроси его прийти

сюда позаниматься. Я могу помочь ему.

«Поможешь убедить не встречаться с Корой? Так или иначе, почему Лаванию так заботит Эрик?»

— Ладно, я поговорю с ним, но ничего не обещаю.

Со второго этажа начали доноситься звуки, и мы обе подняли головы. Шаги и голоса приближались.

— Пусть только попробуют оставить грязь в моем коридоре, — пробормотала Лавания. Она поднялась с места и подошла к лестнице. Хмурое выражение пропало, и теперь она улыбалась. — Как все прошло?

— Как и ожидалось, — сказал Эндрис. Сначала я увидела только ноги, а потом и всего Эндриса. — Торин захватил все поле. Она думает, что он жульничал, — он ткнул пальцем в Ингрид, стоящую позади него. — Я и раньше видел, как Торин играет, и он не жульничает. У Титанов не было и шанса, — он повернулся и увидел меня. — Еще здесь?

— Не будь таким грубым, — сказала Лавания и отвесила ему подзатыльник, когда он проходил мимо нее. — Было весело, Ингрид?

— Да, — она довольно улыбнулась и с издевкой посмотрела на Эндриса. — Торин жульничал.

— Торин бы никогда так не поступил, — вмешалась я. — Он честный, усердный и благородный. Он лучше проиграет, чем срежет с пути, — после моего всплеска эмоций все замолчали. На меня уставились три пары глаз, в каждой отражалось что-то свое. Лавания была задумчива, а Эндрис светился от самодовольства и веселья, взгляд Ингрид я могла описать только как насмешливый. В очередной раз мое лицо залилось краской. Я поднялась. — Мне пора идти.

— Только не после такой проникновенной речи. Не хочешь узнать, как сыграл твой парень? — спросил Эндрис, останавливаясь у стола и дразняще улыбаясь.

Я съежилась.

— Эм, мы выиграли — это главное.

— Она права, — сказала Лавания. — Я вас оставлю, детки. Вернусь завтра вечером. Не разнесите дом, пока меня не будет. Закатали вечеринку — убрали за собой. Эндрис, напомни брату достать портал и поставить в этой комнате, иначе будете пользоваться зеркалами в душе или на стенах.

— Уже купил два, — сказал Эндрис, гордо ухмыляясь. — Сегодня их заберу.

Лавания сверкнула глазами.

— Здорово, спасибо.

— Я же говорил, что запомню.

— Молодец, — она похлопала его по щеке. — Горжусь тобой.

Эндрис ухмыльнулся.

— Передавай привет старику Белмару.

— Он не старый, но я передам. Ведите себя хорошо. И скажи брату, что я тоже им горжусь. Ингрид, — она бросила серьезный взгляд, — мои мальчики не жульничают.

Ингрид сглотнула.

— Я не это имела в виду. Я просто, ну, знаешь, подкалывала Эндриса. Скажи, что мы просто дурачились, — она с просьбой посмотрела на Эндриса. Он самодовольно ухмылялся, но не ничего не сказал в ее защиту.

— Тогда прощаю, Ингрид, хотя, по-моему, шутка не удалась, — Лавания перевела

взгляд на меня и добавила: — Увидимся в понедельник, но начнем чуть раньше. Я позже скажу время, — она не стала дожидаться моего ответа. Как только она поднялась на второй этаж, я направилась в сторону выхода.

— Воу, куда собралась, Рейн? Останься с Ингрид, подождите, пока Торин вернется, — Эндрис посмотрел на наручные часы. — Или пока вернусь я.

Мне не хотелось оставаться с этой Валькирией. Я ей не нравилась.

— Мне не нужна нянька, — процедила Ингрид.

— Ей нужна, — он указал на меня. — Приказ Торина. У меня сегодня горячее свидание, и я не могу его пропустить, поэтому пока. Не делайте ничего, чего не сделал бы я, — он усмехнулся и ушел в сторону гаража, но я успела заметить боль в глазах Ингрид. Он нравился ей. Малиина раньше хвасталась, как просила Эндриса обратить ее сестру в Бессмертную, только потому что он однажды проявил к ней интерес. Как она сказала? Держи друзей близко, а врагов еще ближе. Ее собственная сестра стала врагом, только потому что на нее посмотрел Эндрис. Не очень из нее сестра.

— Куда идешь? — спросила Ингрид, когда я развернулась в сторону двери.

— Домой. Хорошего вечера.

— Ты же слышала Эндриса.

— Разумеется, но это не значит, что я должна делать все, что он говорит, — я положила руку на дверную ручку.

Она двигалась так быстро, что появилась перед дверью быстрее, чем я успела открыть ее.

— Из-за тебя у меня будут проблемы. Когда Торин приказывает, мы в точности все исполняем. Можешь посмотреть телевизор или почитать что-нибудь. У меня на Kindle загружено много книг.

— Знаешь что? Торин мне не хозяин или кто-то там еще, поэтому я не обязана слушать его и соглашаться со всем, что он скажет, — в моих глазах пылало раздражение, и мне было плохо от того, что поставила ее в затруднительное положение. — Почему бы тебе не пойти ко мне домой? — неожиданно для себя предложила я.

Она подняла бровь.

— Что?

— Пойдем ко мне домой. Мне еще надо сделать домашку, но я могу устроить перерыв. Можем лучше узнать друг друга.

Она сощурилась.

— Зачем мне это?

На какой-то момент, что-то в ее взгляде напомнило мне Малиину. Она, определенно, ненавидела меня. Может это она изуродовала мой шкафчик?

— Я ухожу. Ты можешь пойти со мной или остаться здесь. Тебе решать. Мое предложение еще в силе.

— Не заинтересована. И Рейн, — добавила она, отходя от двери, — только потому что все вокруг горят желанием обратить тебя, не значит, что это правильный выбор. Ты слишком эмоциональна и молода, для того чтобы стать хорошей Валькирией. Может, тебе лучше сделать всем одолжение и сказать, что ты не готова.

«Да ладно, с кем она думает говорит?»

Она посмотрела так, словно мое лицо отражало мысли.

— Не покидай переулок, не предупредив меня.

Я помахала на прощание и ушла. После ее надменной речи, я просто обязана стать Бессмертной, только чтобы ткнуть ее потом носом в то, что я смогла.

Глава 10

Непредвиденная ярость

Спустя несколько часов, за окном замигали огни. Когда раньше моим соседом был Эрик, это был наш сигнал, правда, однажды Торин тоже его использовал. Я подбежала к окну и разочарованно вздохнула, когда увидела, что это свет от джипа Эрика, а вовсе не из окна напротив. Я отошла от окна к балкону и высунулась наружу. Внизу Кора и Эрик махали мне руками.

— Тише вы там.

— Спускай сюда свой зад, — выкрикнула Кора. — Мы победили.

— Давай же, — добавил Эрик. — Мы будем праздновать.

Я жалела, что рядом не было дерева, по которому они бы забрались. В доме через дорогу, миссис Ратледж отодвинула занавеску и выглянула наружу. Еще один крик, и она лично придет и доложит о нарушении порядка. Она ненавидела меня. Так было всегда.

Я посмотрела на часы: было почти десять. Пробравшись обратно в комнату, натянула джинсы и футболку. В спальне родителей все еще горел свет. Я постучала и, когда услышала папин голос, вошла. Он в наушниках что-то печатал на своём ноутбуке. С другой стороны кровати тихо посапывала мама.

— Могу я пойти погулять с Корой и Эриком? — прошептала я. — Они только что приехали из Портленда, и мы выиграли.

Он улыбнулся.

— Я слышал. Разве не поздно для гуляний? — спросил он, проверяя время.

— Всего лишь десять.

Он молчал, и я была уверена, что он скажет, нет.

— Чтоб до полуночи вернулась.

— Спасибо, пап, — я подбежала к нему и поцеловала в щеку. — Спокойной ночи. Люблю тебя, — сказала я и поспешила к двери.

— Рейн, — позвал он, перед тем как я закрыла дверь. Я обернулась. Он смотрел на меня пронизательным взглядом; мягкая улыбка на узком лице. — Не хочешь побегать завтра утром? Я думаю выйти к часам девяти.

У меня возникло чувство, что таким образом он хотел выведать, во сколько у меня занятие с Лаванией. Готов ли он вернуться к пробежкам? Он провел несколько месяцев в коме и все еще выглядел, не знаю, больным.

— Ладно. Готовься глотать за мной пыль.

Он усмехнулся.

— Посмотрим. Повеселись там и будь осторожна.

Я закрыла дверь и нахмурилась. Ему сложно принять все эти дела с Валькириями. Пробежка может вернуть в его жизнь долю нормальности. Папа был триатлетом и пару лет участвовал в нескольких триатлонах. До катастрофы он как раз тренировался для своего первого триатлона «Айронмен». Когда я еще плавала за команду, мы вдвоем часто бегали по выходным и участвовали в местных марафонах на пять и десять километров.

Накрасившись и причесав волосы, я схватила свои права, карточку с деньгами и куртку. Внизу меня встретила и обняла Кора.

— Ты должна была быть там, Рейн. Торин был великолепен.

Я оглянулась на его дом. Там горел свет. Он дома?

— Куда поедем?

— В «Дом на утесе», — сказала Кора.

«Дом на утесе» находился на 14-ой улице и был самым популярным местом среди большинства подростков. В здании находился зал с игровыми автоматами, боулинг и стенки для скалолазания. Я залезла на заднее сиденье машины, а Кора заняла переднее пассажирское.

Забавно, как все поменялось. Я часто сидела впереди вместе с Эриком, еще до того как мы начали встречаться. Кора же всегда сидела сзади. Станные ощущения. Я смотрела на дом Торина, когда мы проезжали мимо, и мне хотелось, чтобы сейчас он был рядом со мной. Отстойно быть третьим колесом.

* * *

Мы припарковались у двухэтажного здания в виде перевернутой буквы «Г» и выгрузились из джипа. Через стекло просвечивались стены для скалолазания с их разноцветными зацепами; огромные, яркие надувные горки в зоне для прыжков; обручи, батуты и сцена для караоке. Посередине, отделяя зону прыжков от стен для лазания, стояли игровые автоматы, дорожки для боулинга и катания на роликах. «Дом на утесе» был огромным, вытягивающим деньги местом для самых отвязных, и я несчетное количество раз тратила здесь половину своих карманных сбережений.

Эрик повесил на шею свой Никон. Он работал в школьной газете и никогда не упускал возможности сделать пару снимков учеников. На парковке почти не было свободного места, а значит, внутри будет много народа.

Когда мы открыли входную дверь, на нас обрушились звуки видеоигр, музыки и детских криков. Люди переходили от одних игровых автоматов к другим, кто с парами, а кто и целыми компаниями. Я не увидела никого из футбольной команды, а значит, Торина здесь нет. Накатило разочарование.

— Мы катаемся на роликах, играем в боулинг, карабкаемся по стенкам или просто продуваем все деньги в видеоиграх? — спросила Кора, помахав какому-то знакомому рукой.

— Карабкаемся по стенкам, — Эрик посмотрел на меня, вопросительно подняв бровь. Я пожала плечами, мне было все равно, чем заниматься. Я наслаждалась тем, что в меня никто не тыкал пальцем и не смотрел, как на испорченные объедки.

Мы оплатили взнос, получили браслеты и направились в сторону арки, ведущей в зал с высоким потолком и стенками для лазанья. Большинство родителей отводили своих детей в зону прыжков, где они прыгали, кувыркались и играли в вышибалу, поэтому у автоматов стояло очень мало детей возрастом младше десяти. Стенки же были популярны среди людей всех возрастов. Я видела, как некоторые вдвое младше меня взбирались по ним, словно гигантские пауки.

Зал встретил нас громким смехом, и вскоре я поняла, откуда он разносится. Большинство столиков были заняты футболистами, их подружками и фанатами; они поедали пиццу и обсуждали сегодняшнюю победу.

Взглядом я нашла Торина, и внутри меня все поникло. Он был звездой вечера, по обе

стороны от него сидели черлидерши и еще две расположились напротив. Он поднял голову, и наши глаза встретились. Он вздернул бровь, словно удивился, увидев меня.

«О да, парень, и тебе здравствуй».

Несмотря на мою браваду, мне было больно видеть его с другими девушками. Дрю и Кейт заметили нас и замахали руками.

— Может, лучше начнем с игр? — предложил Эрик; я знала, что он пытается уберечь мои чувства.

— Нет, стенка так стенка, — мы нашли пустой столик, бросили свои куртки и пошли к парню за стойкой, который проверил наши браслеты. У нас был пропуск на все четыре уровня.

В «Доме на утесе» все уровни отличались по цвету. Оранжевый для новичков и, согласно общепринятой классификации сложности, соответствовал уровням v0 — v3. Зеленый был посложнее, уровень v2 — v5; желтый для продвинутых, v5-v7; и красный для бывалых скалолазов, таких как мои родители. Седьмой уровень они прошли, кажется, вечность назад. Последний раз я лазила на пятерке. Видимо, в скалолазании я не в них пошла. Даже Кора давно меня обошла, а Эрик часто лазил со своим отцом и, наверное, родился обезьяной. И опять же, у него было довольно много практики, когда он по дереву забирался ко мне в комнату.

— Устроим соревнование? — предложила Кора, становясь сбоку от меня...

— И так все ясно. Этот выиграет, — ткнула я пальцем в Эрика.

— А вот и нет, — возразила Кора. — Я много тренировалась.

— Когда это? — спросил Эрик.

— После нашего последнего соревнования. Я хочу реванш, — она поднялась на носочки, заглядывая ему в лицо. — Так что можешь не поддаваться, умник.

— Заключим пари? — тихо проговорил он, так что я едва его расслышала.

Кора кивнула.

— Хорошо.

— Если выиграю я, ты будешь весь день беспрекословно делать все, что я скажу.

Кора сощурила глаза.

— Тогда, если выиграю я, ты тоже станешь моим на весь день.

Мне понравилось, как она это сказала, и я усмехнулась, завидев в глазах Эрика нотки неуверенности. Бедный парень. У него никаких шансов против Кору. Мой взгляд вернулся к футболистам. Торуна среди них не было. «Куда он ушел?» Я начала обыскивать взглядом зал, но отвлеклась на Эрика и Кору и исходящие от них флюиды.

Они двое были спокойны, лица лишь в нескольких сантиметрах друг от друга. Но в следующую секунду они, покраснев, отстранились. «Они чуть не поцеловались и даже не взглянули на меня? Прогресс».

— Мы начнем с зеленой, — сообщила я парню за стойкой.

Он сверился с компьютером, ввел ключ и дал сигнал своему напарнику. Вскоре на нас надели страховочные пояса. Я прошла половину стены, когда почувствовала на себе чужой взгляд. Оглянувшись, я увидела Торуна. Если он и дальше будет смотреть на меня, это заметит его гарем. Все это время Кора и Эрик, казалось, потерялись в своем маленьком мире. Я была счастлива за них и в то же время завидовала.

— Тебе придется подождать, — сказал мне парень, помогавший со страховкой. — Только две дорожки свободны.

— Без проблем, я подожду, — я посмотрела на Эрика, затем на Кору. — Вы идите. Кора качала головой.

— Лучше я, мне нужно передохнуть и выпить чего-нибудь. Эрик?

— Я принесу напитки.

Она уже выдрессировала его. Мило.

— Я пойду к столику, - предупредила я.

Кора с едва заметной улыбкой на губах смотрела вслед Эрику.

— Слюнки пускаешь? — подначила я ее.

— Не могу удержаться. Он такой аппетитный, — она оглянулась и прошептала: — Увидимся за столиком. Мне надо переговорить кое с кем, — Кора направилась в сторону игроков и вскоре раздавала всем «пять» и ударялась кулаками.

— Кора, что нужно сделать, чтобы попасть в твой блог? — спросил Трентон, наш принимающий игрок.

— Всего лишь разрешение Риты.

Все громко захохотали. Даже Рита, девушка Трентона, смеялась. Кора в своем блоге давала личную оценку каждому парню, только переговорив до этого с его девушкой или бывшей девушкой. Те, кто не знает ее, думают, что она встречается с каждым парнем, про которого снимает. Эрик ненавидит ее блог.

Джейден Грейнджер перехватил ее и усадил себе на колени. Она оттолкнула его и вскочила, тут же оглядываясь в сторону фудкорта, где Эрик все еще заказывал нам напитки. Он стоял спиной к нам, а значит, ничего не видел. Она продолжила свой обход. Иногда я забывала, насколько она популярна, что Эрик, кстати, тоже ненавидел.

Как только я села за наш столик, кто-то пристроился рядом. Под кожей пробежали приятные мурашки. Торин. Его запах было так же сложно не заметить, как веснушки у меня на носу; он словно опьяняет. Жар его тела окутывал, наполняя меня таким сильным желанием, что стало сложно дышать.

Сердце забилося, как сумасшедшее. Я повернулась и встретила взгляд его ярких голубых глаз. Я кое-как пыталась унять биение своего сердца. К несчастью, когда он находился так близко от меня, желания моего разума и тела редко совпадали. Я задрожала. Внутри, казалось, все превратилось в желе. А сердце...Ох, мое сердце билось только для него, а желание почувствовать его было теперь превыше всего.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он своим завораживающим голосом.

На миг я позволила его голосу пройти сквозь меня; я тонула в нем. Но, когда он поднял бровь, ко мне вернулся разум. Я сделала равнодушный вид и вздернула бровь.

— Прямо сейчас? Жду, пока Эрик купит напитки, а Кора закончит флиртовать. Нам еще нужно пройти две стенки. Дальше, наверное, покидаем мяч в кольцо. А что делаешь здесь ты?

Уголки его губ приподнялись в улыбке.

— Праздную с ребятами. Мы выиграли.

— Я слышала, — я посмотрела ему за плечо. Его команда следила за нами, а гарем черсучек уже продумывал мою расправу. — Я имею в виду, что ты делаешь здесь, за моим столиком, когда должен получать поклоны своих восторженных фанатов?

Он покачал головой.

— Они не имеют значения. Где Эндрис?

— Я сбежала от него.

Его брови взлетели.

— Почему?

— Потому что он достал меня. Ты не поверишь, что он делал. Ходил за мной по всей школе, как собака сторожевая, оскорбил моего учителя по плаванию, пришел в наш магазин и вывел из себя моего папу, а потом ему хватило храбрости сказать, что это ты попросил его это сделать. Ну, знаешь, присматривать за мной, словно я какая-то беспомощная и слабоумная, и не могу сама о себе позаботиться. Ты бы не стал просить его делать нечто подобное и унижительное по отношению ко мне, ведь так?

— Нет, — покачал он головой; на его губах проскользнула лукавая улыбка. — Никогда.

— Отлично. Иначе, я бы превратила твою жизнь в кошмар.

Он засмеялся.

— Это было бы в высшей степени заслужено.

— Черт, а ты хорош.

— Я знаю.

Я фыркнула.

— В плане, ты хорош врать.

— Это называется чувством самосохранения, — в его глазах плясали огоньки. Он всего лишь склонил голову, и прядь его волос упала на лоб. Мне до смерти захотелось дотронуться до нее и убрать. Борясь с соблазном, я посмотрела на девушек за его столиком. Они все еще злобно следили за нами.

— Говоришь, с какой из этих пустышек ты встречаешься? — чтобы я смогла продумать ее медленную и мучительную смерть.

Он переглянулся через плечо.

— Ни с какой.

— Чего же так?

— Чего-то не хватает, — он улыбнулся Нэнси Карпентер, той девушке, что вечно хваталась за его руку. — Взять, например, Нэнси, ее голос...

— Скулящий и раздражающий, — закончила я.

Его передернуло.

— Большую часть времени мне хочется сказать ей, чтоб заткнулась. Джина постоянно глупо смеется, а Венди всегда со всем соглашается.

Я усмехнулась.

— Мередит идеальна, она как Барби.

— Мне не нравятся блондинки или женщины с внешностью куклы, — он не сводил с меня глаз, и добавил: — Мне нравятся горячие, фигуристые брюнеточки.

«А мне нравишься ты, Торин Сент-Джеймс». Прежде, чем смогла остановить себя, я смахнула с его лба прядь волос; пальцы задержались на теплой, гладкой коже. Он не двигался, в глубине его глаз заиграли искры. Покраснев, я отодвинулась, сжала руку и спрятала ее на коленях.

Торин резко выдохнул, словно все это время он задерживал дыхание.

— Повтори.

Его голос стал ниже и теперь звучал хрипло и сексуально. Я вздрогнула.

— Нет.

— Прикоснись ко мне, Рейн, — прошептал он; в голосе появилась боль.

Мне хотелось дотронуться до него. Поцеловать. Сорвать рубашку и наслаждаться каждым миллиметром его горячего тела. Я опустила взгляд на его руки, сердце громко стучало от возбуждения и предвкушения. Одна его рука лежала на столе, сжатая в кулак, словно он боялся потерять контроль над собой. Другая упиралась в сиденье между нами. Он снял свою спортивную куртку и остался только в рубашке поло с короткими рукавами, обтягивающими его мускулистые руки; через ткань проглядывалась его рельефная грудь и мышцы пресса.

— Пожалуйста, — умолял он.

Он клялся, что никогда не будет умолять меня. Мне захотелось напомнить ему об этом, но сейчас было не время для едких замечаний. Его голос отдавал болью.

Я потянулась к нему и провела дрожащим пальцем по костяшкам его руки. У него сорвалось дыхание, однако, я не осмеливалась поднять взгляд. Набравшись храбрости, опустила ладонь на его запястье, ловя удовольствие от того, как напряглись его мышцы. Добравшись до локтя, я остановилась и убрала руку.

— Давай, уйдем отсюда, — хрипло попросил он.

И снова его низкий голос отправил дрожь удовольствия сквозь меня.

— Но...

— Без «но», — он поднялся и потянул меня за собой. Мой взгляд встретился с Эриком, которой нес наши напитки. Он был рассержен.

«Где Кора?»

Я обернулась в поисках ее, но Торин ухватил меня за запястье и потянул в сторону выхода. Его шаги были слишком большими, поэтому мне приходилось бежать, чтобы успеть за ним.

— Подожди, мне надо объяснить Эрику.

— У него с Корой дел навалом. Увидимся, народ, — попрощался он со своей командой.

Парни засвистели, кто-то кричал и показывал нецензурные жесты. Я старалась не краснеть. Кора удивленно уставилась на меня. Она все еще флиртowała с игроками, и Джейден снова усадил ее к себе на колени, но так как она была полностью поглощена мной, не думаю, что она даже заметила. Позже придется ей все объяснить, но сейчас мне все равно. Шокированное выражение лиц девушек было для меня бесценным.

«О да, он мой».

Когда мы вышли из здания, по коже пополз холодный ветерок, и я вздрогнула, забывла захватить с собой куртку.

— Куда мы идем? — спросила я.

Он остановился и выругался про себя, из груди вырвалось злобное рычание.

— Я забыл, что приехал на автобусе, — выдавил он; в его глазах будто был жидкий огонь, вздымающийся вверх, стоило ему посмотреть на меня. Он взял в руки мое лицо, поглаживая подушечками пальцев мои щеки.

— Забудь о секретности. Я не могу больше ждать.

Он склонил голову, обдавая мою холодную кожу теплом своего дыхания. Губы начало покалывать. В моей фантазии он вынуждал меня ждать, дразнил меня, заставляя желать его прикосновения. Сейчас все происходило на самом деле, и мне не хотелось ждать. Я потянулась к нему, обхватила запястья и поднялась на носочки, встречая его на полпути.

Вкус его губ прогнал из головы все мысли. Каждое дыхание, что я ловила, было пропитано его запахом. Руки опустились на его грудь, сжимая ткань футболки. Он зарылся

рукой в мои волосы, удерживая затылок, другая рука опустилась ниже, обнимая и притягивая к себе, тем самым углубляя поцелуй. С очередной лаской его языка, дыра в моем теле становилась все меньше. Это то, чего я так давно хотела, этой связи, смешения наших душ. Одни яркие чувства сменялись другими; из меня вырвался стон. Торин эхом повторил его, и разорвал поцелуй, прижавшись к моему лбу. Его глаза были закрытыми, а дыхание неровным.

— Мне было нужно это, — прошептал он мне на ухо.

«Мне тоже». Я спрятала лицо у него на груди и крепко обняла руками.

— Сегодня, когда я сошел с поля, я поцеловал Нэнси.

Я сжалась, но его руки только крепче обняли меня. Он зарылся лицом в мои волосы.

— Потом Джину.

Дыра в груди начала разрастаться, на глаза навернулись слезы. «Зачем он мучает меня образами других девушек в его руках?»

— Потом были Венди и Мередит, но все было не то. Я ничего не чувствовал. Мне было нужна ты, Веснушка. Чтобы ты ждала меня, — из легких вырвался воздух, и я расслабилась. Он отодвинулся, в его лице была серьезность. — Мне жаль, что я снова заставил тебя плакать.

Я затрясла головой; в горле еще стоял ком, и я не могла говорить. Он возвращался ко мне. Я обвила руки вокруг его шеи, и мы снова поцеловались. На улице было прохладно, но моя кожа горела. Его губы спустились на мой подбородок. Он покусывал мою кожу, а из меня словно выкачали весь воздух. Его язык заглаживал покусы, вызывая во мне дрожь. Он усмехнулся, и его смех отозвался во мне. Что бы он ни делал, мое тело реагировало, получая очередное наслаждение. Я жаждала его, мне его так не хватало, и он это знал.

— Ты придешь на игру плэй-офф? — спросил он, обдавая мою кожу горячим дыханием.

— А ты хочешь помешать мне?

Усмехнувшись, он поднял меня над землей, и я обхватила его ногами. Через стеклянную стенку на нас пялились мамочки. Одна из них схватила за руку свою дочуру и потащила ее в сторону. Маленькая девочка продолжала показывать на нас пальцем. Я засмеялась, понятия не имела, что мы находимся у Зоны прыжков.

— Мы ужасны.

Его руки крепче сжали меня.

— Нет. Может, я и не понимаю, почему меня к тебе так тянет, но я бы никогда не назвал наш поцелуй ужасным.

Я повернула его голову в сторону.

— Я имела в виду для них.

Он подмигнул женщине, уставившейся на нас, и усмехнулся, когда она вздернула подбородок и развернулась к нам спиной. Однако, я успела заметить улыбку, поддернувшую ее губы, и оценивающий блеск в ее глазах. Ни одна женщина не могла устоять против Ториана.

— Хочешь вернуться? — спросил он плавным и низким голосом; он хотел остаться.

— Нет, — теперь, когда он рядом, мне не хотелось делить его с кем-либо еще.

— Вы приехали на джипе Эрика?

— Да, мы припарковались справа от входа, у деревьев, — меня пробрала странная и знакомая дрожь, но я предпочла не замечать ее. Ничто не посмеет помешать провести мне время вместе с Торинном. Даже Норны. — Можно взять ключ у Эрика.

— Нам не нужен ключ, — он быстро поцеловал меня и, сильнее обняв за талию, понес дальше по улице. Я крепче обвила руками его шею, а ногами талию.

Странное ощущение усиливалось, посылая мурашки гулять по позвоночнику. Оно отличалось от того, что я чувствовала в присутствии Норн.

— Что-то не так.

Торин остановился и осмотрелся.

— Что? Норны?

— Не знаю, — я заерзала, вынуждая его поставить меня на землю. Я посмотрела по сторонам, но на парковке все было тихо. Через стеклянные стены здания я видела, как мамы хватали своих детей за руки, забирали куртки и обувь. Казалось, что они спешат к выходу.

Мы направились к зданию. С чем придется иметь дело на этот раз? Может, обостренные после поцелуя чувства перебили мой радар на Норн. Две девушки выбежали наружу и направились к нам. Я узнала черлидерш еще до того, как они остановились.

— Торин, они там убивают друг друга, — сказала одна с большими глазами. — Я ничего не понимаю. Все было нормально, но через минуту они начали избивать друг друга.

Она еще не закончила говорить, а я уже побежала к входу. Торин остался позади, но я знала, стоит ему активировать руны, и он будет двигаться быстрее любого и снесет все на своем пути. Прорываясь к двери, мы столкнулись с мамами и их детьми. У входа и у стен для скалолазания собралась толпа.

Когда мы пробились сквозь толпу, на нас обрушились звук ударов и крики. Мы попали внутрь, и недоброе предчувствие в разы усилилось, словно порыв арктического ветра, и я вздрогнула.

— Что, во имя Хель, здесь творится? — пробормотал Торин.

Здесь царил хаос. Футболисты били друг друга, словно были заклятыми врагами, хотя несколько минут назад праздновали победу. Их девушки не отставали: таскали друг друга за волосы и выкрикивали ругательства. Некоторые скалолазы пинали один другого, пытаясь сбросить со стены, другие висели на тросах в воздухе, не в силах пошевелить руками и ногами. Те, кому удалось спуститься на пол, даже не заботились, чтобы снять страховочные пояса и сразу нападали на соседа. Даже работники зала дрались. Я пыталась найти Кору и Эрика, но их нигде не было видно. Вероятно, они с другой стороны стены.

Я уже было двинулась вперед, но Торин схватил меня за руку.

— Нет, оставайся со мной.

— Надо найти Эрика и Кору.

— Ты не отойдешь от меня. Что бы это ни было, сначала ему придется пройти через меня, чтобы добраться до тебя.

Меня пробрала дрожь; глаза блуждали по залу. Я не видела среди дерущихся странных женщин, но я знала, что бы это ни было, оно в здании. Я чувствовала его присутствие.

— Это не Мардж и ее подруги. Это чистое зло.

В конце концов, мне удалось найти Эрика. Почему он делает снимки в такое время? Он ухмылялся, словно этот хаос забавлял его. Я замахала рукой, пытаясь привлечь его внимание.

— Эрик!

С жуткой улыбкой на лице он продолжал снимать.

— Что это с ним? — спросил Торин.

— Не знаю, но эта улыбка не хуже джокеровской, — я решила подойти к нему.

— Будь осторожна, стой так, чтобы я тебя видел, — предупредил Торин. Он направился к своим друзьям, оттащил их друг от друга за воротники рубашек и что-то сказал. Не похоже, чтобы это сработало. Как только он разнял их и отошел к другой паре, они снова набросились друг на друга.

Жестокость нарастала, как и гнетущее напряжение. Я добралась до Эрика и схватила его за руку.

— Что ты делаешь? Где Кора?

— Кто? — спросил он, словно не знал, о ком я говорю, и продолжил нажимать на затвор своего фотоаппарата.

— Черт возьми, Эрик. Что с тобой не так? — я потянула за ремешок от камеры, вынуждая его посмотреть на меня. — Хватит снимать.

Он растерянно смотрел на меня. Затем случилось нечто странное. Его янтарные глаза приобрели странное сияние. Я в удивлении моргнула.

— Эрик, твои глаза, — я дотронулась до его щеки.

Сияние начало пропадать, на лице отразилось недоумение.

— Рейн? Что ты здесь делаешь? Я думал, ты ушла.

— Уже вернулась.

Он посмотрел мне за спину.

— Какого черта здесь творится? — я не успела ответить, как он побежал вперед.

Я последовала за ним. Он опустился на пол, вытаскивая из-под стола Кору и обнимая ее. Ее светлые локоны были жутко растрепаны, а на лице сияли царапины.

Все еще пытаюсь понять, что увидела в глазах Эрика, я уставилась на них двоих. Затем произошло что-то еще более странное. Все прекратили избивать друг друга. Словно кто-то нажал на кнопку выключения. Раздались стоны и вздохи, люди начали подниматься из-под столов, отлипая от пола или людей, которых до этого били. У всех было растерянное выражение на лицах, словно они были под чарами, или какая-то странная сила затуманила их разум.

Я закрыла глаза и склонила голову. Странное ощущение пропало. Что бы ни вызвало эту бойню, оно покинуло здание.

— Это было странно, — сказал Торин у меня за спиной. И снова я не заметила, как он оказался рядом со мной.

— Более чем странно, — я посмотрела на Эрика, вспоминая сияние в его глазах. То, что здесь было, подействовало на него по-другому по сравнению с остальными. На всех накатила неожиданная ярость, они потеряли контроль. Эрик же был в каком-то трансе. Смеяться и делать фотографии бьющих друг друга людей было на него не похоже. «Что если он и был целью? Что если это зло выжидало, пока я уйду, перед тем как напасть?»

Торин взял в руки мое лицо.

— Что такое? Ты выглядишь ошарашенно.

— Я должна была защищать его, но я ушла.

Лицо Торина напряглось.

— Ты говоришь о Севилле?

— Да, — Эрик с Корой, как и другие посетители, помогали работникам поставить на место стулья и навести порядок в зале. Он выглядел как обычно. Нормальным. Я подняла стул и поставила его к столу, не сводя глаз с Эрика. — Это нечто ждало, пока я оставлю его, и только потом напало. Мне не стоило уходить.

Торин выругался, и я перевела на него взгляд. Глаза прищурены, лицо напряжено.

— Не вини себя. Ты не можешь присматривать за ним 24 часа в сутки.

— Я должна, — если бы я была Норной, то могла бы. Я всмотрелась в лицо Торина.

Разве я могу быть с Торином, когда я нужна Эрику? — Я должна защитить его.

Торин схватил меня за лицо и заглянул мне в глаза.

— Я хочу знать всё, что тебе сказали Норны. Всё.

Я кивнула. Кора и Эрик уже шли в нашу сторону.

— Сегодня. Наедине. Сейчас мне надо увести его отсюда.

Глава 11

Ночные страхи

Все массово покидали «Дом на утесе», большинство людей получили ушибы подбородков, челюсти или суставов. Я молча шла рядом с Эриком и Корой, слушая разговоры учеников, спешащих к своим автомобилям.

— Это был неожиданный удар, мужик, — сказал кто-то позади нас. — Секунду я разговаривал с Холлингером, затем вспомнил, как он натягивал меня во время тренировки несколько дней назад. Избить его показалось разумным.

— По крайней мере, у тебя была причина. Я не знаю, почему ударил Грейнджера. Я имею в виду, он, конечно, мудака, но это никогда не беспокоило меня раньше, — сказал другой. — Я просто хотел, чтобы он замолчал.

— Извини, чувак. Я видел, как ты улыбался моей девушке, и потерял контроль, — сказал другой наш ученик, когда они перешли улицу к своим автомобилям.

Мы забрались внутрь джипа, и Кора тут же включила подсветку в автомобиле и опустила зеркальце.

— Я не могу поверить, что сучка Коллинса напала на меня, — она изучала свою правую щеку. От её рта до уха протянулись две царапины. Одна была опухшей и красной. — Останутся шрамы.

Она была такой мелодраматичной. Раны были поверхностными.

— Нет, не останутся, — сказал Эрик, проводя пальцами и нежно поглаживая её лицо. — Два дня, и ты будешь как новенькая.

— Ты уверен? -

спросила Кора.

— Абсолютно, — он продолжал гладить её скулы.

Я ненавидела прерывать их в такие моменты, но я должна была знать одну вещь.

— Что там случилось, Кора?

— Я разговаривала с Джейдом...

— Флиртвала, — поправил Эрик.

— Я не флиртвала. Мы обсуждали, как я выбираю парней для моего блога, когда...

— Он посадил тебя на колени, — закончил снова Эрик, не скрывая своего раздражения. — Я видел тебя через зеркало за прилавком.

— Неужели я действительно флиртвала с кем-нибудь сегодня, Рейн? — спросила Кора дрожащим голосом, обернувшись, чтобы взглянуть на меня.

Кора любила флиртвать. Несмотря на то, что она думала, что это безвредно, Эрик всегда ненавидел это и часто сердился.

— Я, ммм...

Эрик фыркнул и завел мотор.

— Сначала я отвезу тебя, Рейн.

Удивленная, что он не предложил сначала отвезти Кору, я села сзади. Тишина во время езды звенела от напряжения. Мои мысли обратились к Торину, и я улыбнулась. Может быть, все получится между нами. Я чувствовала себя немного виноватой за то, что счастлива, когда мои друзья даже не разговаривали друг с другом. Может быть, у них был бы шанс поговорить после того, как они высадят меня.

Эрик остановился возле моего дома, и я взглянула на дом Торина. Он был в полной темноте. Его еще не было дома.

— Поговорим с тобой позже, Рейн, — сказала Кора.

Я кивнула и помахала рукой.

— Позже, — добавил Эрик, но на его лице было написано, что нам нужно поговорить. Он был достаточно умен, чтобы знать, что инцидент в «Доме на утесе» был сверхъестественным, а это означало, что люди были скомпрометированы.

Я направилась к своему дому, когда они умчались. Приглушенный свет был виден через окно в гостиной, и я задалась вопросом, спал ли отец. Он имел привычку оставлять огни лестницы, когда я болталась с моими друзьями поздно ночью. Внедорожник подъехал к подъездной дорожке Торина, и я остановилась. Молодой человек спрыгнул и поспешил ко мне.

— Я просто заходила внутрь, — сказала я.

— Не сейчас, — внедорожник сорвался с места, водитель посигналил. Торин помахал и взял меня за руку. — Нам нужно поговорить.

Я проверила свои часы. Было немного больше одиннадцати, поэтому у меня было время.

— Я должна быть дома к полуночи.

— Я позабочусь о том, чтобы ты легла в постели.

Я улыбнулась визуальному эффекту. Я бы затащила его под одеяло и не позволила ему уйти. Он взял сумку, которую, должно быть, уронил, когда вышел из машины, и мы пошли к нему, пройдя в столовую. Ингрид не выходила из своей спальни, но она, должно быть, убралась, потому что не было никаких намеков на ужин. Пока Торин подошел к холодильнику для напитков, я сбросила куртку и положила ее на стол, наблюдая за ним.

— Содовая или сок? — спросил он.

— Это не имеет значения.

Он схватил две бутылки яблочного сока, побрел туда, где я стояла, взял меня за руку и обнял.

— Пойдем со мной.

— Куда мы идем?

— Наверх в мою комнату. Это личное.

Мое сердце начало сумасшедше отстукивать стаккато, волнение переполняло меня. Я не возражала против предложения пойти в его спальню. Мне понравилось такой подход к делу. Кроме того, я хотела быть с ним, снова заснуть на руках, а не потому, что у меня была краниотомия.

— Мне нужно знать все, что Норны сказали о Севилле, поэтому я должен знать, против чего выступаю.

Мне понравилось, когда он был на моей стороне, хотя его слова не соответствовали застывшему взгляду, или вибрациям, которые я получала от него.

— Разве ты не имеешь в виду, против чего мы выступаем?

— Неважно, как ты это произносишь, Веснушка. Я не позволю, чтобы Норны снова задурили тебе голову или заставили присоединиться к ним, чтобы защитить Севилля.

Норны были девами с нулевым интересом к мужчинам или любви. Я не была настолько благородна. Не сейчас, когда Торин вернулся в мою жизнь.

— Я не собираюсь становиться Норной.

— Хорошо, потому что я не позволю тебе.

— Не позволишь мне? Кто умер и дал тебе ключ к моему будущему?

Он остановился, его взгляд блуждал по моему лицу. Я сглотнула от горя в его глазах. Он отпустил мою руку, потянулся и откинул волосы с моего лица.

— Ты сделала это, когда перебежала мой двор и упала в мои объятия, как будто это было то место, где ты должна быть. Когда ты смотришь на меня со смесью невинного удивления, соблазнительного обаяния и достаточного сопротивления, чтобы заставить человека отступить, — он поднял мой подбородок и провел большим пальцем по нижней губе. У меня перехватило дыхание. Он медленно и сексуально ухмыльнулся. — Когда я прикасаюсь к тебе, и твое дыхание учащается, — медленно, не отрывая взгляда от моих глаз, он опустил голову. — Когда ты забываешь дышать, потому что я собираюсь тебя поцеловать.

Вот именно так мысли об Эрике и Норнах отошли на второй план. Волна дрожи прокатилась через меня. Я потянулась и положила руки ему на грудь, тонкий материал рубашки не создавал барьера против тепла его тела.

— Ты знаешь, как тяжело прошла для меня эта неделя?

Я сглотнула, качая головой, желая, чтобы он прекратил говорить и поцеловал меня уже.

— Хочу тебя, говоря себе, что я не должен. Смотреть, как ты флиртуешь с этими идиотами Дрю и Кейтом. Желание защитить тебя от придурков в школе, и всегда этого мало, — он потерся своей щекой о мою, контакт, передающий тепло, текущее через меня. — Ты не представляешь, насколько я был близок к переходу от класса к классу на суперскорости и помечая всех рунами забывчивости.

Мои ладони сжались в кулак. Ожидание убивало меня.

— Ты защитил меня от журналистов.

— Этого не достаточно. Я планирую сделать больше, — он поцеловал мою скулу, уголок глаза, висок. Медленно, он спустился по моей другой щеке. Мои внутренности стали мягкими в ответ на его нежность, сердце колотилось. Наше дыхание смешивалось, когда он потер носом о нос, и я дрожала.

Почувствовав нетерпение, я сжала его скулы.

— Перестань дразнить меня.

Он усмехнулся, и звук пронзил меня.

— Забавно, ты все время дразнишь меня. Улыбкой. Взглядом. Прогулкой в комнату.

Он потерся губами о мои, целуя верхнюю губу, а затем нижнюю. Я прижалась к нему, потрялась в нем. Его вкус взорвал мои чувства, пока не осталась только одна мысль: Торин. Он стал причиной, по которой я дышала, все мои чувства были настроены на него. Если бы можно было слиться с другим человеком, мы были бы одним целым.

Он поднял меня, просунув одну руку под колени, а другой прижал к себе, наши губы слились в поцелуе. Он что-то пнул, дверь, я предположила, и вошел в свою спальню. Зажегся свет, и дверь за нами закрылась. Он осторожно положил меня на кровать. Сент-Джеймс не дал мне ни минуты, чтобы осмотреться. Не то чтобы мне это было нужно. Раньше это была комната Эрика. Я знала, что она просторная и большая, как та, что находится через коридор. Мое внимание сосредоточилось на лице Ториана. Я услышал звон бутылок сока, которые он принес с собой, когда он поставил их на стол, затем он опустился рядом со мной, и одна нога зацепилась за мою.

Ощущать его тело рядом с моим.... у меня перехватило дыхание. Он осыпал поцелуями лицо и шею, слегка прикусывая, и я задыхалась. Я прижалась к нему, нуждаясь в большем. Глухо рыча, он целовал меня в губы, посылая в водоворот эмоций и ощущений. Я могла

часами сидеть с ним вот так. Навсегда.

Его пальцы скользнули вверх и вниз по моей обнаженной руке, прежде чем остановиться на моей талии там, где рубашка и джинсы оставляли полоску кожи. Он запустил руку под мою рубашку, и я перестала дышать. Ощущать его прикосновения на себе, выходило за пределы моих мечтаний. Я вздрогнула. Можно ли умереть от слишком сильных ощущений? Может быть, забывая дышать.

Я втянула воздух, смяла его рубашку, потянула и, подражая ему, нежно касалась его. Он вздрогнул и попятился. Конечно, я сделала что-то не так, я тоже замерла. Мои глаза смотрели на него. Взгляд Торина пылал, лицо напряглось.

— Не останавливайся, — попросил он глухим голосом. Затем сел и снял рубашку.

Я была как ребенок в кондитерской. Мои глаза пировали на его широкой груди. Золотая кожа. Мучительные мышцы. Тугой пресс. Одно дело — смотреть издали, а совсем другое — приближать его к себе. С моей стороны. Кровь, реющая в моих ушах, мое стучащее сердце угрожало взорваться, я облизнула губы кончиком языка.

Он откинулся на подушку, скрестив руки.

— Двигайся вперед.

Я двинулась. Его кожа была горячей, гладкой, мышцы сгибались под моей ладонью. Несколько раз он задерживал дыхание, рассказывая мне без слов, что ему нравилось. Я осмелела, любя его.

Он поймал мое запястье, когда я добралась до его пупка.

— Достаточно.

— Но...

— Иди сюда, — прошептал он, изучая меня из-под ресниц.

Я поползла по его горячему телу, набросилась на него, как всегда фантазировала, и смотрела ему в глаза. По какой-то причине огонь в них потускнел.

Он откинул мои волосы назад и прижал мою голову, с серьезным выражением лица.

— Расскажи мне, что Норны сказали о Севилле.

Я моргнула.

— Сейчас?

Он усмехнулся.

— Да сейчас. Я должен затащить тебя в кровать к полуночи, и мы... — он посмотрел на часы, — двадцать минут.

Я надулась. Я бы предпочла заниматься делом, чем говорить о Норнах, но по его выражению этого не произойдет. Я вздохнула.

— Во-первых, Эрик не человек. Он сын Балдура.

Торин напрягся.

— Балдура сына Одина?

— Да.

Торин тихо выругался и сел, заставив меня оставить удобное положение на его груди. Он поцеловал меня в губы, спрыгнул с кровати и начал ходить. То, как мышцы двигались на груди и животе, завораживало меня. У него было такое красивое тело. Худое. Жесткое. Мужское, не перекаченное.

— Это все объясняет, — пробормотал он. — Поведение Лавании, почему он выглядел знакомым, когда я впервые увидел его, дерьмо, которое случилось сегодня вечером. У него такая мрачная и страшная сила, что им нужно было спрятать его здесь, — он сел, его

голубые глаза были пронзительными. -

Скажи слово в слово, что сказали Норны.

Когда я закончила, Торин снова стал ходить.

— Скажи что-нибудь, — попросила я.

Он продолжал шагать.

— Ты действительно начинаешь меня пугать.

Он остановился, и прищурился.

— Норны были правы. Ему понадобится защита, пока мы не поймем то, что охотится за ним. Я не знаю, что произошло сегодня вечером, или если что-то повлияло на других... ох, тень. Он действовал странно, почти так же, как если бы наслаждался бойней.

— Это очень странно для того, кто ненавидит насилие. Я думаю, что он был одержим.

Торин сел рядом со мной, удивившись.

— О чем ты говоришь?

— Когда я пошла поговорить с ним, он не узнал меня. Я спросила его о Коре, и он понятия не имел, кто она такая. Тогда его глаза светились как-то странно. Когда он очнулся, то, похоже, был удивлен хаосом. Человек, которого мы видели, ухмылялся и фотографировал, был не тем Эриком, которого я знаю. У Норн есть что-то человеческое?

— Не то, чтобы я знаю, но они никогда не спят, это делает их идеальными сторожевыми псами.

У меня перехватило дыхание.

— Ты хочешь сказать, что я должна быть одной из них, чтобы защитить Эрика?

— Туманы Хель, нет, — он схватил мои руки, его глаза сверкали. -

Никогда. Я говорю, что мы должны найти способ, чтобы защитить его. Ты не можешь взять на себя эту ответственность самостоятельно, и Норны не имели никакого права просить тебя. Мы будем защищать его вместе.

«Мне это нравится». Груз будто свалился с моих плеч, и я вздохнула.

— Ты и я?

— Эндрис тоже. Но сначала мы должны вывести Эрика из его дома и привезти его сюда.

— Его родители захотят узнать почему.

— Предоставь это мне, — он встал и протянул руку.

— Ты уверен, что он будет здесь жить? У вас есть четыре спальни, и все они заняты. Я огляделась. Когда Эрик жил здесь, там был телевизор с большим экраном, игровые приставки и стол с камерами и пачками фотографий. Прямо сейчас в ней находился большой стул, стол с журналами о мотоциклах и полка со спортивными трофеями. На стене, на которой раньше висели изображения Эрика, были плакаты с разными моделями мотоциклов. Некоторые из них были современными, как его Харлей, в то время как другие выглядели так, как будто они были прямо из стимпанк-романа. На противоположной стене были схемы мотоциклетных двигателей. Его роман с мотоциклами, должно быть, начался сотни лет назад.

— Или он может разделить спальню с тобой. Раньше это была его, — добавила я.

Торин поднял меня на руки, злая улыбка тронула его губы.

— Я не делюсь ничем, что принадлежит мне, Веснушка. И я никого не пускаю под свою защиту. Он будет жить с Эдрисом.

— Он бог, — напомнила я ему, обняв его.

Он фыркнул.

— Да, какой-то бог, которому нужна помощь Смертной девушки, чтобы защитить его.

Я высунула язык.

— Промах, я не Смертная девушка, скоро я буду Бессмертной.

Он вздохнул.

— Я все еще не понимаю, почему. Ты отлично себя чувствуешь.

Мои внутренности превратились в желе, но я не могла не задаться вопросом, действительно ли мое обучение было проблемой.

— Ты просто так говоришь, потому что не испытываешь эмоциональную привязанность к маленьким Смертным девочкам.

Он сверкнул суперзлой усмешкой.

— Нет, не знаю. Я использую их тела и двигаюсь дальше, но меня можно убедить искать больше.

— Не смотри на меня. Я все еще жду, когда кто-то убедит меня перестать преследовать эмоционально недоступных парней.

Он усмехнулся и наклонился, чтобы поцеловать меня, но громкий шум где-то в доме прервал его. Мы оба застыли.

— Оставайся здесь, — сказал он и направился к двери.

* * *

Я стояла прямо за ним, когда он открыл дверь. Казалось, что удары и проклятия раздавались со всех концов коридора. Хотя, нет, они доносились из-за закрытой двери спальни Лавании.

— Ты думаешь, она вернулась? — спросила я.

Торин посмотрел на меня через плечо.

— Я сказал тебе остаться.

— Ты не сказал, пожалуйста. Думаешь, она обжимается с мужем?

Он посмеялся.

— Ш-ш, — я схватила его за руку. -

Они могут услышать... Йики, пойдём, — дверная ручка повернулась, и дверь распахнулась. Появился край чего-то, обернутый коричневой бумагой. Эдрис появился следом, таща большой сверток. Черные руны были на его лице и руках, и он, казалось, не напрягался. Угол свертка попал в противоположную стену и оставил вмятину.

— Помоги немного, бро, — сказал он. — Черт побери, это все сбивает с толку.

Торин все еще смеялся, когда пошел помогать ему.

— Что это?

— Портал. Я взял его из магазина семьи Рейн.

— Где мой? — спросил Торин.

— Я похож на человека из службы доставки? — возразил Эдрис. — Твой остался в магазине.

— Напомни мне еще раз, почему я держу только твой портал?

— Потому что ты пытаешься произвести впечатление на свою девушку, — он

подмигнул мне, когда они проходили мимо. Они продолжили обмениваться шпильками на ходу.

Покачивая головой, я заглянула в спальню Лавании. Зеркало от пола до потолка в комнате теперь стало порталом, ведущим к Миражам. Я видела знакомый проход. Что подумал бы Джаред, когда он обнаружил, что зеркала исчезли? Папа наверняка скажет ему, что Эдрис забрал их после того, как Джаред вернулся домой. Я была уверена, что у них есть система, которая защищала его от мира Валькирий.

Я коснулась стены портала. Он был сплошной, хотя это выглядело, как бурление белого облака. Я проверила пол.

— Иди и попробуй, — сказал Торин из-за меня. Он был один. — Он твердый.

— Что случилось с Эдрисом?

— Он осел!

— Спасибо, — сказал Эдрис, спускаясь с лестницы.

Я последовала за ними в магазин. Оба парня направились к своим рунам, которые пылали и освещали темную комнату. Через окно увидела пустынную улицу и проверила свои часы. Пришло время отправляться домой. Я не хотела уходить, но мой отец был бы напуган, если бы меня не было дома к полуночи.

— Я должна пойти домой, — сказала я, наблюдая, как Торин и Эндрис тащат зеркало в его комнату.

— Подожди меня, — сказал Торин.

— Я буду внизу, — я пошла на кухню, чтобы взять пиджак, и пожала плечами. Обернувшись, я увидела Торуна. Он надел рубашку. Вытащив волосы из-под моего воротника, подошел ко мне, погладил мой затылок, как будто не мог остановить себя, и снова поцеловал меня.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — прошептал он.

— Я тоже. Мой папа...

— Я знаю, — он поцеловал меня в нос, затем потянулся и взял меня за руку. Мы пошли к выходу, когда Эдрис вошел в гостиную. Он усмехнулся.

— Посмотрите на себя, влюбленные голубки. Думаю, я не ошибся, — Эдрис ухмыльнулся и снял перчатки байкера. — Я должен летать над вами с луком и стрелой.

Я нахмурилась:

— О чем ты говоришь?

— Игнорируй его, — сказал Торин, открывая дверь.

— Ты должен мне, большой брат.

— Все, что захочешь, — бросил Торин через плечо.

— Твой Харлей, — сказал Эдрис, следуя за нами.

— Бери, — бросил Торин без колебаний.

Я посмотрела через плечо, чтобы увидеть, как Эдрис набирает в грудь воздух.

— Ты действительно собираешься дать ему свой байк?

— Он заслужил это, и сохранит его в целости. Как обычно, он пытается доказать свою точку зрения.

— Что для тебя важнее?

— Что для меня важнее. Это и ежу понятно, — мы спустились вниз по дороге, а затем по тротуару. Было холодно и сыро, а небо затянуто тучами. Холод проник сквозь мою

тонкую куртку, и я вздрогнула. Руки Торина крепче сжались вокруг меня. — Тебе холодно. В следующий раз мы воспользуемся порталом и отправимся прямо к тебе в комнату.

Мне понравилась идея.

— У меня есть предубеждение к порталам, ты знаешь.

— Какое?

— Я не люблю их использовать, если только это не абсолютная необходимость.

— Это очень плохо. Я планировал тайком проникнуть в твою комнату и обнимать тебя, пока ты не заснешь.

Мой желудок свело, но в хорошем смысле. Мне бы понравилось это. Мы остановились у двери.

— Может быть, я изменю своё мнение о порталах.

— Может быть, я сделаю это за тебя, — и он поцеловал меня длинным хочу-сорвать-его одежку поцелуем. Он быстро остановился и прижался лбом к моему. — У тебя есть планы на завтра?

Мой разум был слишком взбудоражен после поцелуя, чтобы понять что-либо. Я не могла думать, не говоря уже о том, чтобы собрать воедино предложение.

Торин усмехнулся.

— Глубоко вздыхай, пока не прояснится голова. Если это не удастся, я сделаю шаг назад и дам тебе пространство. Знаешь, перестать витать в облаках.

От его подколов я вернулась в реальность и игриво ударила его в живот.

— Заткнись.

Он подскочил, смеясь.

— Хорошо, завтра. Хочешь потусоваться?

— О, да. Утром я бегаю с отцом, а после обеда планирую посетить кладбище, — возможно, папа был прав насчет этого.

Торин вздрогнул.

— Зачем?

— Некоторые из моих друзей умерли во время встречи. Я ушла до похорон и, ну... Во всяком случае, я думала, что возложу цветы на их могилы, — его глаза сузились, когда он изучал меня. Я начала краснеть. — Я знаю, это звучит болезненно. Даже папа сказал, что я сделала, хм, достаточно. Ты перестанешь так на меня смотреть?

— Ты потрясающая, — он прижался губами к моему виску. — Нет, это не болезненно, но я начинаю учиться, что это Вы, Лоррейн Купер, делаете. Лучше заходи внутрь, пока твой отец не вышел с дробовиком.

— Папа не верит в оружие, — сказал я. — Доброй ночи.

— Действительно?

Я потянулась и поцеловала его, не торопясь.

— Лучше?

Он усмехнулся.

— На данный момент. До завтра.

Он подождал, пока я войду внутрь.

Наверху я переделалась во фланелевую пижаму, почистила зубы и выглянула в окно, но комната Торина была в полной темноте. Завтра не может наступить достаточно скоро. Я проскользнула под одеяло и расслабилась. И почти заснула, когда зазвонил мой мобильный телефон.

Я нырнула за ним. Эрик. Разочарование накрыло меня. Конечно, Торин не хотел писать мне. Он избегал современных технологий.

«Я приеду», — гласило смс Эрика.

«Сейчас?» Я набрала ответ.

«Да. Мы должны поговорить».

«Завтра».

Тёплый ветерок пробежал по моей комнате, и я села, повернувшись к зеркалу. Оно рябило как вода. Вздохнув, я подвинулась к краю кровати. Когда включила прикроватную лампу, мое зеркало превратилось в крутящийся водоворот облачной массы. Я серьезно нуждалась в том, чтобы переосмыслить наличие зеркала в моей комнате. У него даже не было глупых рун на раме. Вихрь превратился в дверной проем, и Эрик вошел в мою комнату.

— Уже первый час ночи, Эрик. Ты прочитал мое последнее смс?

— Да, но завтра для меня будет слишком поздно. Я не могу спать. Я не спал несколько недель.

Что-то в его голосе подавило мой протест. Я похлопала по кровати.

— Иди сюда. Почему?

Он сел, наклонился вперед и положил локти на колени и вытер лицо.

— Что случилось? — спросила я, придвигаясь ближе, чтобы погладить его руку и спину. Он дрожал. — Эрик?

Он выдохнул воздух и сел.

— Я не знаю, что со мной происходит, но после инцидента в «Доме на утесе» мне нужно поговорить с тобой. Каждую ночь я ложусь спать, и следующее, что понимаю — родители меня удерживают, пытаюсь успокоить. Я просыпаюсь, вспотев, тяжело дыша, как будто бежал, и мое сердце колотится, Рейн. Мои родители говорят, что я вскакиваю с криками.

— Это кошмары?

— Нет. Мама сказала, что это ночные страхи. Я просыпаюсь, испуганный своими выдумками. Можно, я здесь посплю?

— Конечно.

Он встал, разложил раскладушку и схватил дополнительные подушки. Молодой человек знал, где все лежало, потому что часто оставался ночевать. Он плюхнулся на спину, скрестив руки за головой. Торин раньше сделал такое же движение, обнажив свое тело, чтобы я могла его изучить. Мысли о нем заставляли меня вспыхнуть. Я сглотнула и отодвинула воспоминание в сторону, заставив себя сосредоточиться на Эрике, который нуждался во мне.

Я лежала на животе и изучала его. Он выглядел дерьмово. Утром заметила тени у него под глазами, и он похудел, что теперь обретало смысл.

— Когда начались эти ночные ужасы, и как часто ты их видишь?

— Они начались сразу после тусовки, и происходят раз в несколько дней, но они ухудшаются. Кажется, я ударил мою мать прошлой ночью, — он помолчал и нахмурился. — Она, кажется, боится меня.

— Что их вызывает? Я имею ввиду, ты что-нибудь помнишь, когда просыпаешься?

Он покачал головой.

— Не-а. Сегодня вечером я почувствовал такую же сильную панику, пока не уснул. Я не был самими собой в «Доме на утесе», не так ли?

Я кивнула.

— Ты выглядел смущенным, не узнавал меня или Кору, когда я спросила тебя, где она. Вы видели незнакомых людей до того, как это случилось?

Его лицо нахмурилось.

— Ты думаешь, Норны делают это со мной?

— Я бы не стала скидывать их со счетов.

Он покачал головой.

— Нет, я никого не видел. Секунду я наблюдал, как Кора флиртует с каким-то глупым шутником, а потом ты дергала мою камеру и говорила, чтобы я ее вытащил. Я не знаю, что произошло. Когда ты вернулась? Когда в последний раз тебя видел, тебе не терпелось исчезнуть с Сент-Джейсом.

В его голосе слышалась лёгкая ирония, которая говорила, что упоминание Торина все еще остается неприятным.

— Мы были на улице, когда я почувствовала присутствие настолько могущественное, что не смогла игнорировать его. Сначала я думала, что Норны вернулись, но в нем было что-то другое. Это сложно объяснить.

Я рассказала ему все, что мы видели, включая его ухмылку и фотографирование дерущихся людей, а затем его реакцию, когда подошла к нему, увидев, тень в его глазах.

— Это было так, как если бы ты был не собой.

Он закрыл глаза и ущипнул переносицу.

— Может, я больше не я. Сначала ночные ужасы, теперь отключения, и знаешь что? Бьюсь об заклад, это как-то связано с их миром, — он натянул одеяло до пояса и закрыл лицо рукой. — Ты можешь выключить свет? Я больше не хочу об этом говорить.

Мое сердце болело за него. Я наклонилась и потянула его за руку.

— Эй, — пробормотала я, прежде чем опустить руку. — Мы выясним это и остановим кого бы то ни было. Обещаю.

Он хмыкнул.

— Ты не можешь помочь мне, Рейн. Давай спать.

— Нет, ты не понимаешь. Это моя работа, защищать тебя. Норны рассказали мне, когда я увидела их в столовой.

Он сел, оперся на локти, и янтарные глаза сузились.

— Что?

— Я не могла ничего сказать раньше, потому что я, ммм, вроде не верила им. Я думала, они просто пытаются манипулировать мной. Вот почему я спросила Лаванию о тебе, — он нахмурился, я знала, что делаю дерьмовую работу, объясняя. Я начала с самого начала, рассказывая ему, что рассказала мне Мардж и ее друзья, не привлекая к этому Торина. — Я не была уверена, как это преподнести, потому что до сих пор не было причин.

Он покачал головой.

— Что они имели в виду, потому что ты выжила из-за меня?

— Я не знаю. Может быть, они спасли меня, потому что знали, что однажды я остановлю это чудовище внутри тебя.

Он плюхнулся на спину.

— Ты сумасшедшая, так же как и Норны. Ты всего лишь девушка, Смертная. Как ты можешь остановить какого-то сверхъестественного монстра, которого ты даже не можешь увидеть?

Может быть, я должна была стать Норной, чтобы увидеть это, и первым шагом к тому, чтобы стать одной из них, было стать Бессмертной. Эта мысль причинила мне боль.

Глава 12

Игра купидона

Когда я проснулась, было уже восемь утра. Поперек раскладушки, растянувшись на животе, тихо посапывал Эрик. На время сна он снял свою футболку.

Я выскользнула из-под одеяла и вышла из комнаты, осторожно закрыв дверь, чтобы не разбудить Эрика. Внизу мама доедала свой завтрак. Судя по тарелке в раковине и сложенной на столе газете, папа уже позавтракал. Запах кофе прогнал сон из моих глаз.

— Утречко, милая, — сказала мама.

— Утро, — пробормотала я.

— Бурная ночь?

— Поздняя, — на плите стояла сковородка. Я подняла крышку, и губы растянулись в улыбке. Яйца с беконом. На двоих хватит. Я подхватила ломтик бекона, налила себе чашку кофе и добавила сливок. Все это время мама не сводила с меня глаз. Я села на стул напротив ее, потягивала кофе и оперлась головой о руку.

— Ты куда-то ходила вчера вечером? — спросила она.

— Ага. Мы ходили в «Дом на Утесе». Я спрашивала папу, и он сказал, что не против.

— С кем ты была?

— Кора и Эрик, — я поднялась и наложила себе еды, оставляя достаточно для Эрика. — Ты скоро пойдешь в магазин?

Она посмотрела на часы на микроволновке.

— Сегодня открывает Джаред, я подойду к часам десяти. А что? Хочешь пойти со мной?

— Нет. У меня пробежка с папой через, — я сверилась с часами на руке, — пятнадцать минут.

— Неудивительно, что он такой бодрый с утра, — она отпила из кружки. По середине стола стояла упаковка с ромашковым чаем и банка с медом. Мама была чайным маньяком. — Как Эрик?

А еще у нее было поразительное чутье. Наверное, входит в список способностей Валькирий. Она также знала, когда Торин переехал в дом по соседству. Как у нее это получается? Может, у нее осталось достаточно рунной магии, подсказывающей, есть ли рядом Валькирия. Работает ли ее радар на богов или внуков богов, на Эрика? Это объясняет, откуда она всегда знает, когда он у меня в комнате. В голову прокралась еще одна мысль. Лавания говорила, что в их мире мама была знаменитостью. Знал ли Торин, что она Валькирия, когда исцелил меня? Это могло объяснить, почему он говорил со мной о магии и не беспокоился о рунах на моей машине.

— Рейн?

Я сконцентрировалась на маме.

— С Эриком все в порядке.

— Он встречается с Корой?

— Не знаю. Точнее, они ничего не говорили об этом, но все делают вместе.

Мама прищурилась.

— Что, например?

Я закатила глаза.

— То, что делают парни и девушки. Когда, ты говорила, пойдешь в магазин?

— Почему у меня такое чувство, что ты пытаешься от меня избавиться? — ее взгляд переместился на что-то у меня за спиной, и она заулыбалась. Я обернулась, ожидая увидеть там Эрика.

В черных спортивных шортах и такой же майке, с черно-красной курткой к нам подошел папа. В руках он нес четыре пустые бутылки для воды, несколько упаковок энергетического геля и пачку с электролитными таблетками. Он задумал превратить нашу утреннюю пробежку в учебную тренировку. Может, не поздно отказаться? Таблетки нужны были для восстановления солей, которые он потеряет с потом, а гель — для восстановления энергии. На запястье висел браслет, в котором были занесены его личные данные и номера на экстренные случаи. Когда он бежит или ездит на велосипеде на длинные дистанции, то старается предвидеть все. Хотя я все еще сомневалась, готов ли он для такой серьезной тренировки.

— Хочешь одну? — спросил он, потряхивая пачкой с электролитами.

— Нет, спасибо. Я планирую вернуться через час.

Он усмехнулся, складывая все вещи на стол.

— Хочешь бросить меня?

— О да. Полчаса туда, пол обратно. Я же не на марафон тренируюсь, - пока он целовал маму, я вернулась к своему завтраку. Мама встала, помогая папе наполнить бутылки, которые он складывал в карманы на поясе. Несколько пакетов с гелем он поместил в маленьком кармашке. Когда они снова поцеловались, я закатила глаза.

— Я вообще-то здесь ем, — напомнила я.

— Тогда не смотри, — ответил папа.

Я оставила их и пошла к себе, чтобы переодеться. Эрик все еще был в отключке. Я собрала волосы в хвост и проверила свой iPod. Полностью заряжен. У меня еще было время, поэтому я включила свой ноут, чтобы почитать что-нибудь о ночных кошмарах.

Информации по теме оказалось много. На меня выскочили слова, подтверждающие рассказ Эрика.

Неестественно прямая осанка.

Крики.

Чрезмерное потовыделение.

Тяжелое дыхание.

Ускоренное сердцебиение.

Широко раскрытые от ужаса глаза.

Удары.

Взмахи руками и ногами.

Ведут себя, словно пытаются спастись от чего-то.

Сомнабулизм.

Люди с ночными кошмарами могут серьезно повредить себя. Когда просыпаются, растеряны, не могут успокоиться, ни на что не реагируют и никого не узнают. В большинстве случаев срываются на тех, кто их будит, могут физически навредить им. Но хуже всего то, что потом они ничего не помнят. Неудивительно, что Эрик думал, что ударил свою маму.

Я посмотрела на время и поморщилась. Отключив iPod от зарядки, захватив наушники и бейсболку, я побежала к кровати и попыталась разбудить Эрика. Он что-то пробормотал и

отвернулся. Проклятье. Я написала ему записку, прикрепила ее к зеркалу, так как знала, что он воспользуется порталом, и поспешила вниз. Мама все еще была на кухне, мыла посуду.

— Где папа?

— В гараже.

— Пока, ма, — я натянула бейсболку.

— Мне разбудить Эрика перед отходом?

Будь проклята ее валькирская антенна. Скривившись, я развернулась.

— Я тоже буду всезнающей, когда стану Валькирией?

Она усмехнулась.

— Возможно. Как твои занятия?

— Отлично. Я получила свои артаво и на следующей неделе перейду к рунам.

— Вау, быстро ты. Ладно, иди. Я разбужу Эрика перед выходом и прослежу, чтобы он съел весь завтрак.

Я подбежала и поцеловала ее.

— Ты лучшая.

— Ошибаешься. Я планирую показать ему раскладной диван в кабинете и напомнить о нашем давнем разговоре. Я не возражаю, чтобы он ночевал здесь, но не в твоей комнате.

— Все в порядке, мам. Я не против, — и я побежала к гаражу.

— Я и не спрашивала твоего мнения, — услышала я, перед тем как закрыть дверь.

Папа что-то настраивал на своем велосипеде.

— Ты ведь не планируешь кататься на нем сегодня?

Он поднял взгляд.

— Может завтра, если погода будет хорошая. Пойдем.

Я пристально изучала его, когда мы шли по подъездной дорожке. Может, зря я так волнуюсь. Он выглядит бодрым. Из-за занавески за нами следила миссис Ратледж. Папа, видимо, не заметил ее, так как его внимание было обращено на дом Торина, хотя снаружи никого не было. Я помахала миссис Ратледж, и занавеска снова вернулась на прежнее место. Ухмыляясь, прикрепила iPod на руку.

— Ты собираешь слушать это?

— Да, как только обгоню тебя, - улыbnулась я.

Он засмеялся. Я спрятала наушники в карман, так как знала, что он любит поговорить. На улице было теплее, чем обычно, хотя и пасмурно. Не одни мы решили воспользоваться хорошей погодой. В Кейвилле было много дорожек для прогулок и бега. Некоторые бегали по паркам, разбросанным по городу, в то время как другие шли на тропы к востоку от города, недалеко от гор. Мы направились в сторону ближайшего парка, Уиллоу Коммьюнити.

Когда мы шли, а потом бежали, папа не вспоминал Валькирий или мои занятия. Вместо этого он сосредоточился на подготовке к предстоящим местным событиям. Он собирался участвовать в соревнованиях по бегу на 5 и 10 км. Пробежав 2 круга, мы остановились попить воды. Прожевав электролитный гель, он вцепился зубами в энергетический батончик. Мне нравились гели, на вкус они были как желатиновые мишки-гамми.

— Я побегу вниз по Бейкер-Крик-Роуд, а потом обратно по Фокс Ридж.

— Это длинная дистанция, — заметила я, не зная, стоит беспокоиться или нет.

— Три часа, — он покрутил головой и размял плечи.

Даже с электролитами и энергетическими батончиками, у бегунов может свести ноги

судорогой, если они не рассчитают своих сил. Пару раз маме приходилось везти папу обратно домой, когда у него были судороги.

— Мобильный с тобой? — спросила я.

Он усмехнулся.

— Да. Все отлично. Давай.

Я побежала, оглядываясь через раз. Он смотрел на меня, разминаясь на месте. Вскоре я завернула за угол и больше не могла его видеть.

Не прошло и десяти минут, как неожиданно сбоку от меня появился Торин. Я перешла на шаг, удивленная, и с нехорошим настроением. Я выглядела как ходячая реклама пота. Нажав на «стоп» на iPod, я достала наушники.

— Что ты здесь делаешь?

— Бегаю. Не останавливайся из-за меня, — сказал он, разворачиваясь ко мне лицом.

Он выглядел преступно сексуально в своих спортивных шортах и футболке с короткими рукавами, которая оголяла его руки и облегла рельефную грудь. Его руки и лицо блестели от пота, а в глазах, обращенных на меня, отражался оценивающий блеск. Как он может считать меня сейчас привлекательной? Обычно я очень сильно потею, и сегодняшнее утро не исключение. Я уже сняла куртку, чтобы охладиться, завязала ее на талии и сейчас была лишь в обтягивающем топе.

— Ты не видела меня раньше? — спросил он.

— Нет. А должна была? — я подняла козырек кепки и смахнула со лба пот.

Его губы скривились в сексуальной ухмылке.

— Я бежал за вами. Ни разу еще во время утренних пробежек мне не открывался такой вид.

Щеки опалило жаром.

— Передам папе, что у него появился поклонник.

Торин засмеялся.

— Шучу. Побежали.

Я спрятала наушники в карман куртки и снова перешла на бег.

— Пообедаешь со мной? — спросил он, появляясь сбоку.

— Сегодня?

— Да, и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра...

— Если добежишь первым до входа в парк, я вся твоя.

На лице появилась еще одна порочная ухмылка.

— Ты моя.

Бесстыжий.

— Я понял, о чем я. И не жульничать с рунами, — и побежала. Я слышала, как он бежал сзади меня. Оглянувшись через плечо, покачала головой. Он даже не старался. Вместо этого он подмигнул мне, словно покровительствуя. Я переключилась на дорожку и быстро побежала ко входу, но в следующую секунду взлетела в воздух.

Я закричала и ухватилась за шею Торины.

— Что ты творишь?

— Догоняю тебя. Забираю тебя. Ты всегда будешь моей, — он остановился и поцеловал меня. Видимо, ему все равно, потная я или нет. Ох, на вкус он великолепен, соленый и дерзкий. Он склонил голову. — Ланч?

— Да.

Он опустил меня на землю и взял за руку. Так мы шли всю дорогу домой.

* * *

Когда я вошла, в доме было тихо, однако, я все равно позвала.

— Мам?

Нет ответа.

— Эрик?

И снова меня поприветствовала тишина.

Мама не оставила никакой записки, а значит, ушла в магазин. Наверху Эрик убрал кровать и сложил одеяла и подушки. Моя записка исчезла с зеркала, но он не отправлял мне сообщение перезвонить ему после пробежки.

Сперва я приняла душ, высушила волосы и накрутила кончики. Мне нравилось, когда они немного вились. Аккуратно нанесла макияж. Выбранные узкие джинсы обтягивали бедра, а зеленый топ с капюшоном смотрелся сексуально и в то же время прилично. Я обула ботинки и, спускаясь вниз, написала Эрику. Папа еще не вернулся. Я позвонила ему, но он не отвечал. Надеюсь, с ним все в порядке.

Выйдя на улицу, глубоко вдохнула и направилась к дому по соседству. Я была вся в предвкушении, сердце снова ушло в галоп от мысли, что я увижу Торуна. В их дворе я заметила какое-то движение, но это был всего лишь Эндрис. Одетый, как всегда, в черное, не считая растрепанных серебристых волос, он полулежал в кресле-качалке для двоих, сжимая в ладонях кофейную кружку. Кресло было новым. Он пристально следил за мной и, когда я зашла на крыльцо, перестал качаться.

— Милый прикид. Говорит о доступности и не кричит об отчаянии, — сказал он.

— Уверена, где-то здесь кроется комплимент.

Он усмехнулся и похлопал на сиденье рядом с собой.

— Присядь и побудь со мной, милая.

Я перевела взгляд на входную дверь

— Он в душе, но если ты хочешь присоединиться к нему... -
заиграл он бровями.

К лицу подобрался жар. Я не села к нему, а оперлась о перила террасы и начала изучать его взглядом.

— Ты будешь обедать с нами?

— Нее, у меня свои планы.

Прошлым вечером у него было свидание с милым парнем из школы.

— Так, как прошло твоё свидание?

— Прекрасно. Возможно, я влюбился. Или это похоть. Никогда не различал. Что я получу за воссоединение этого счастливого союза?

Я вздернула бровь.

— Что?

Он наклонился вперед, опираясь локтями о колени, из-за чего кресло качнулось.

— Думаешь, в пятницу большой брат проснулся и решил прийти за тем, чего он хочет? Нет, — он ткнул в меня пальцем. — Потому что в четверг вечером мне пришлось вбить в

него немного ума.

Ну да, конечно. Я уже видела, какая разруха остается после их драк.

— Что ты ему рассказал?

— Все, начиная с момента, когда я увидел тебя и подумал, что ты на серьезе готова самоотверженно спасать своих друзей на соревнованиях.

Я не знала, как реагировать на его признание. Я уже пыталась рассказать Торину правду, но он не поверил мне.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты рассказал ему?

— Его хандра уже начинала всех бесить. Был ли он рад услышать о вашем совместном прошлом? Нет, но в присутствии Лавании он не мог приказать мне заткнуться, -

он усмехнулся. — В этом вся фишка. Если хочешь адекватного Торина, подожди, пока рядом будет Лавания.

В памяти всплыл разговор с их создательницей.

— Хочешь сказать, что она была рядом, когда ты разговаривал с Торином?

— Она готовила на кухне, но я уверен, что подслушивала нас. Так что же я получу за роль Купидона?

— Эмм, спасибо?

Он нахмурился.

— По-твоему, он стоит только этого?

Теперь его вчерашний разговор с Торином обрел смысл. Торин отдал ему свой Харлей за то, что тот снова свел нас. Как романтично. Внутри стало тепло от нежности.

— Все, что захочешь.

Улыбка исчезла из его глаз.

— Расскажи про Малиину.

«Его бывшую?»

— Что ты хочешь знать?

— Все, что она совершила, пока я провожал души домой. Это может подсказать, что я делал не так, и не повторил своих ошибок снова. Торин со своими взломанными воспоминаниями мне не помощник, и, эмм, — он потер виски, — я не хочу спрашивать Ингрид. Она всё ещё слишком близко воспринимает исчезновение Малиины.

У меня зазвонил телефон. Это снова был Эрик. Я решила не отвечать и переключилась на Эндриса.

— Ладно. Что именно ты хочешь знать?

— Поговорим позже, — он откинулся на спинку кресла и начал медленно покачиваться. — Заходи в дом. Может, увидишь, как он переодевается, и уже никогда не выйдешь из его спальни.

Пока я слушала его, то приняла решение.

— Ты, определенно, не тот, кто уродует наши школьные шкафчики.

Он фыркнул.

— Ты подозревала меня? Больно, между прочим, — наигранная злость длилась недолго. — Почему?

— Я подозревала не только тебя, а всех Валькирий. Моя психолог сказала, что охранник Рэндольф караулил шкафчики, но все равно кто-то проскочил мимо него и сделал надписи.

А это значит, что тот, кто это сделал...

— Двигался настолько быстро, что человеческий глаз не смог уловить его или ее, — закончил он.

Я кивнула.

— Не беспокойся. Я вычеркнула тебя из списка.

Он уставился на меня.

— Ну, спасибо хоть на этом.

Я ухмыльнулась.

— Всегда, пожалуйста. И, разумеется, Торин бы тоже не стал вредить мне.

— Ага, его тоже вычеркиваем. И остается Ингрид, — Эндрис вскочил на ноги и направился к двери.

— И Лавания, — добавила я, идя следом за ним.

— Она выше этого.

— Говоришь, как преданный сыночек, — пробормотала я.

— Я, вообще-то, все слышу, острячка. Она бы не стала вредить Смертному или будущему Бессмертному, — он открыл дверь и крикнул: — ИНГРИД! Спускай свой милый зад сюда.

— Ты собираешься спрашивать ее сейчас?

— Конечно. И не смотри на меня так, — добавил он. — Я буду аккуратным, — его брови взлетели, когда он увидел Ингрид, одетую в кружевной прозрачный синий топ и в трусиках в тон к нему. — Мило, но не к месту, юная леди. Оденься. Пообедаем вместе.

Ингрид ухмыльнулась.

— И сотри с лица эту ухмылку. Это не свидание, — грубо добавил он. -

Просто оставим Торуна с Рейн наедине.

Ингрид надулась, но развернулась и, сильно виляя бедрами, пошла в сторону своей комнаты. Эндрис потрясенно смотрел на нее. Она, словно знала, что он следил за ней, остановилась и, прежде чем исчезнуть в коридоре, бросила на него через плечо взгляд. Он громко выдохнул и почесал затылок.

— Она тебе нравится, — сказала я, ухмыляясь.

Он уставился на меня.

— Эндрис и Ингрид сидели на дереве, — пропела я детскую песенку и затанцевала. — Ц-Е-Л-У-Я-С-Ь.

Он состроил гримасу.

— Она под запретом.

— Почему?

— Потому что я так сказал, — твердо сказал он таким серьезным и взрослым голосом, что я удивилась. — Ты получишь свой ответ, когда мы вернемся с ланча. Лично я не думаю, что это сделала она. Она не способна на подлость.

Она, действительно, нравилась ему.

— Тогда остается никто.

— Нет, остаются Норны. Подумай об этом. Чем больше тебя гнобят, тем быстрее ты сделаешь то, чего они хотят. Норны стирают воспоминания. Первое, что они тебе расскажут, это как стереть у всех из памяти то, что произошло на соревнованиях.

— У них ничего не выйдет, — сказал Торин, появляясь в гостиной. — Рейн никогда не станет Норной, — он выглядел шикарно в своей синей рубашке, которая оттеняла цвет глаз.

Он подошел прямо ко мне.

Как обычно, в его близости, в животе все будто перевернулось. Он протянул руку и убрал мне за ухо прядь волос, затем медленно наклонился, заставляя меня ждать и предвкушать поцелуй. Ненавидела, когда он так делал, и в то же время любила, когда он доводил свой замысел до конца.

Я закрыла глаза, но он только быстро коснулся моих губ своими и отошел на шаг. Мои глаза распахнулись. Он самодовольно улыбался, словно издевался, а затем сказал:

— Эндрис, ты должен был исчезнуть пять минут назад.

— Чертовски верно, — ответил Эндрис. — Будто мне хочется кататься здесь третьим колесом, пока вы тут милуетесь.

— Не обращай на него внимания, —

сказал Торин, хватая меня за руку. — Он просто ревнует, — он повел меня на кухню. — Присаживайтесь, — сказал он, указывая на стул. — Я приму ваш заказ. Салат или сэндвич, — на столе лежал пучок салата, помидоры, красный лук, хлеб, мясная нарезка и ломтики сыра. Все свежее.

Я улыбнулась.

— Салат.

— Я так и знал, что вы это скажете, — он потянулся за разделочной доской и достал нож. Словно профи, быстрыми и точными движениями, он начал нарезать помидоры. Каждый ломтик получался ровным, как предыдущий.

— Где ты этому научился?

— То тут, то там. У Валькирий полно времени. Когда мы не притворяемся школьниками или студентами, ожидая, пока умрет какой-нибудь бедолага, и не провожаем души в чертоги, стараемся учиться чему-нибудь новому. Я готовлю лучше, чем большинство шеф-поваров, — похвастался он, — могу починить любой двигатель с закрытыми глазами, назвать любой город в любой стране и говорить на всех известных человеку языках, включая пару мертвых, — он взял красный лук и разрезал его поперек. Он крошил первую половинку, даже не проронив слезинки.

— Ладно, ты обязан показать мне, как это делается.

— Иди сюда, — я поднялась и встала возле него. Он привлек меня к себе, так что спиной я упиралась о его грудь, а животом о стойку. Положив подбородок мне на плечо и касаясь щекой уха, он вложил в мою руку нож и сверху накрыл своей, направляя движения.

Не так просто сконцентрироваться, когда его дыхание касается моей кожи, зная, что стоит повернуть голову, и мы поцелуемся, и я отрежу себе пальцы. Он потерся своей щекой о мою, и у меня захватило дыхание.

— Сконцентрируйся, — предупредил он.

— Тогда перестань путать мне мысли, — проворчала я.

Его усмешка была такая завораживающая и сексуальная, что я не заметила, как начала улыбаться в ответ. Каким-то образом ему удалось показать мне, как правильно держать лук, чтобы не порезаться, и нарезать горизонтальными полосками, чтобы при этом не слезились глаза.

— Прекрасно.

Я повернула голову и прошептала ему на ухо:

— Спасибо.

Он простонал и поцеловал меня.

— Один — ноль, — сказала я.

Он отклонился и вздернул бровь.

— Хочешь поиграть?

— Нет, — закачала я головой.

— О, да. Посмотрим, кто кого быстрее соблазнит.

На готовку того, что должно было занять минут 10–15, у нас ушел час, я совершенно забыла о времени. Он показал мне, как мыть листья салата и как выпечь хлеб, чтобы получился сэндвич, от которого потекут слюнки. Наверное, готовить еще никогда не было так весело.

— Расскажи, как мы встретились, — попросил он, после того как мы поели.

— Но Эндрис...

— Рассказал свою приукрашенную версию, в которой выставил меня полным мудаком.

Мне жаль, что я раньше не поверил тебе, Веснушка. Ты простишь меня?

Я кивнула, улыбаясь и пытаясь изо всех сил сдержать слезы. Я прощу ему что угодно, если это значит, что он все вспомнит. Ничего не утаивая, рассказала ему все, начиная с нашей первой встречи и заканчивая его исчезновением. Его глаза потемнели, а челюсть сжалась, когда я рассказывала, насколько опустошенной чувствовала себя, когда он исчез, как искала его на танцах и заключила сделку с Норнами, чтобы вернуть его. Я еще не закончила говорить, когда он притянул меня к себе.

— Достаточно, — хрипло прошептал он. — Мне жаль, что я причинил тебе столько боли.

Не уверена, кому из нас было хуже: мне — оживлять в памяти ту ужасную неделю, или ему — слушать все это.

— Нет, здесь нет твоей вины. Все это сделали Норны.

— Но я позволил этому случиться. Я должен был исцелить тебя, когда была возможность, и встретить последствия лицом к лицу, — он отклонился и провел костяшками пальцев у меня под глазами. Я поняла, что плакала. Он гладил меня по щеке, коснулся кончика носа. — Здесь и сейчас, я обещаю, что никогда не позволю тебе снова пережить такую боль.

Я кивнула.

Его глаза скользили по моему лицу.

— Я хочу вспомнить все. Ты поможешь мне?

— Хорошо, но мама сказала, Норны тщательно стирают воспоминания людей. Папа так и не вспомнил то время, что они провели вместе, пока до него не добрались Норны.

— Твой отец Смертный, а я Валькирия. Я вспомню, — его высокомерие подняло голову, но мне было все равно. — Я хочу вспомнить, как впервые увидел тебя, что чувствовал, когда прикоснулся к тебе первый раз, наш первый поцелуй. Хочу вспомнить, как держал тебя у себя в руках, когда ты спала после операции. Хочу почувствовать ту боль, когда чуть не потерял тебя, чтобы помнить, насколько ты ценна...

В этот раз поцеловала я, вынуждая его замолчать.

— Каждый раз, когда ты целуешь меня, касаешься и даже смотришь на меня, словно первый. Мы можем создать больше воспоминаний.

— Я все еще хочу, чтобы они вернулись, — сказал он упрямо, и я знала, что слышать о том, что было, совершенно не то, что помнить. Он погладил ту часть головы, где у меня остался шрам после операции. — Можно?

Немного смущаясь, я кивнула. Он убрал волосы и провел пальцами по неровной поверхности кожи, нащупывая титановые болты, удерживающие кость, часть которой хирурги заменили титановой пластинкой.

— Тебе больно или неудобно? — тихо спросил он, словно пытался представить мою боль.

— Нет. Я практически об этом не думаю, только когда голову мою, — солгала я. Голова больше не болела, но этот участок был неровным, и иногда мне казалось, что один болт шатается. — Я была у терапевта несколько дней назад, он массажировал шрам. Сказал, что если часто так делать, шрам и кожа быстрее придут в норму.

— Значит, поэтому ты была в больнице, — сказал Торин.

Это объясняло шум мотора Харлея, который я слышала.

— Ты следил за мной.

— Присматривал. Это не одно и то же, — легкими и нежными касаниями он массажировал шрам. Было приятно. — Как насчет того, чтобы в следующий раз тебя отвез я? Так не придется следить за тобой.

Я уставилась на него.

— Ты же не собираешься теперь относиться ко мне как к фарфоровой кукле.

Он крепко обнял меня, наклонил голову и зарылся лицом в мои волосы. Я сидела у него между ног на диване в гостиной, опираясь спиной о его грудь.

— Почему нет? Ты хрупкая Смертная, и я не хочу, чтобы тебе снова было больно. Кроме того, тогда в этом был виноват я.

— Хмм, нужно подумать, —

поморщилась я. — Во-первых, я не надолго останусь Смертной, и тебе надо это принять. Во-вторых, в этом не было твоей вины. В-третьих, ты не пойдешь со мной в больницу. Мой терапевт, наконец, набрался смелости, чтобы упомянуть о том, что случилось на соревнованиях. И у меня предчувствие, что в следующий раз он спросит меня, откуда я узнала, что будет, и я не хочу пугать его и вынуждать думать о худшем. Хочу дать ему спокойный и разумный ответ.

Как только я упомянула соревнования, Торин замер.

— Ладно.

Я повернулась и начала всматриваться в его лицо.

— Это было слишком просто.

— Я простой парень.

— Ну да, конечно, — я развернулась к нему лицом. — Хочу показать тебе кое-что.

Он выжидающе посмотрел на меня.

— Пойдешь со мной на кладбище?

Торин пожал плечами.

— Зачем? Я ненавижу кладбища.

Иногда он такой ребенок.

— И больницы тоже, знаю. И все же после операции ты провел там со мной неделю.

— Одно дело остаться в больнице с девушкой, которая сводит тебя с ума, и другое добровольно идти на кладбище, полное душ, которые настолько тупы, что не понимают, что им здесь больше нечего ловить.

«Я свожу его с ума? Мне нравится».

— Если тебе так страшно, можешь не ходить, — подначила я его и чуть не засмеялась,

когда его глаза злобно сощурились. Я встала с дивана. — Ты можешь просто подождать там, у церкви, для этого мы туда и идем. Может, всплывут воспоминания.

Он подскочил с места, словно я сказала какое-то волшебное слово.

— Ты только что назвала меня трусом?

Глава 13

Это официально

— Не могу поверить, что меня подвезли, — жаловался Торин, когда он припарковал внедорожник возле местного магазина. Это был десятый раз, когда он упомянул об этом, и я не могла не закатить глаза. — После замены и доведения движка до совершенства никогда не будет прежнего Рода.

«Он говорил о поездке или о Роде?»

— Тогда купи ему ещё один, — предложила я.

— Я не могу. Он заслуживает этого, — он выключил двигатель и взглянул на меня. — Ты знаешь, мы прошли через многое.

— Ты и Эндрис?

Он фыркнул:

— Нет. Я говорю о Роде.

Я хихикнула:

— Ты дал имя своему байку?

— Конечно, почему нет?

Я покачала головой.

— Я не знаю.

— Даже твой бывший, который выглядел как я, и ездил на Харлее?

Я усмехнулась, вспомнив ложь, которую я бросила ему, чтобы сохранить лицо.

— О да, ездил. Он не говорил мне, что никогда не расстанется со своим байком.

— Он только что это сделал. Не двигайся, — он спрыгнул вниз, обошел, открыл пассажирскую дверь и протянул мне руку. — Осторожнее, — предупредил он. Он посмотрел на магазин и поморщился. — Почему мы в магазине всё за доллар?

Это прозвучало так, будто магазин был выгребной ямой, где все отвратительно. Хуже того, его голос прозвучал громко, и люди оборачивались, чтобы посмотреть. Он просто смотрел на них, нисколько не извиняясь.

— Я не думаю, что они продают здесь свежие цветы, — добавил он.

— Я не ищу свежих цветов, — я потащила его внутрь и вниз по проходу к полкам с шелковыми цветами. Когда я выбрала несколько желтых роз и повернулась, он недоверчиво уставился на меня. — Это лучшее место, где можно купить дешевые цветы из шелка. Мы возьмем ножницы и катушку с ленточкой, чтобы сделать вечные букеты. Я хочу, чтобы Кора была с нами. Она делает лучшие букеты.

Торин потер подбородок, его взгляд пробежал между мной и цветами в моей руке.

— Знаешь, я могу заплатить за настоящие цветы для могил твоих друзей, как насчёт этого?

— Я знаю.

Спустя сотни лет, он, как и большинство наземных Валькирий, был обеспечен.

— Но на местных кладбищах есть политика относительно того, какие цветы вы можете класть на могилы в разные сезоны. Только шелковые цветы в период с октября по апрель.

Он взял корзинку и настоял на том, чтобы заплатить за цветы. Мы вышли с несколькими громоздкими сумками и направились на север. Баптистская церковь Грандвью была на пересечении 10-й Северной и Фултон-стрит. На территории церкви было кладбище,

но оно было меньше, чем кладбище Нортридж, где похоронены большинство пловцов.

За пределами церкви Торин с любопытством оглядывался.

— Ты и я были в этой церкви?

— Да. Помнишь Кейт, пловчиху, про которую я говорила тебе, она умерла после инцидента в клубе? — я подождала, пока он не кивнет, прежде чем добавить: — Ее похоронили на кладбище Нортридж, но служба была здесь. Пришла вся команда по плаванию.

Он посмотрел в сторону церкви.

— Я заходил внутрь?

Я кивнула.

— Я была на полпути после плохо отрепетированного восхваления, когда ты появился. После этого все стало немного сумасшедшим, и ты отвез меня домой, — глаза Торина сузились, как будто он хотел задать вопрос, но я не дала ему шанса. Я схватила его за руку и потащила к выходу. — Давай. Он всегда открыт.

Я была счастлива, когда он не спросил, почему он должен был отвезти меня домой. Размышление о моем полном фиаско перед всеми, включая его, все еще заставляло меня съеживаться. Я чувствовала себя немного виноватой в том, как я позавидовала семье Кейт. В то время мой отец числился пропавшим, и мы не знали, жив он или мертв. Во время речи меня охватило личное горе.

— Ты стоял здесь, пока я была там, — я оставила его у двери и вышла к амвону¹. Я притворилась, что разговариваю, и сделала глуповатое лицо. Торин закатил глаза. Он стоял на том самом месте, скрестив руки на груди, и поощрял меня с улыбкой всякий раз, когда я вздрагивала. Это было до кризиса. Думаю, это был момент, когда я поняла, что у него есть сердце.

Я сошла вниз и присоединилась к Торину, но его настроение изменилось. Хотя он обнял меня за плечи, и был спокоен, когда мы покинули церковь.

— Ты что-нибудь вспомнил?

Он покачал головой. Я начала волноваться, когда мы сели в машину, и он помог мне сделать букеты, не сказав ни слова. Будто его ум был где-то в другом месте. Когда мы закончили, он настоял, чтобы поехать со мной на кладбище за церковью, что было очень мило.

— Ты уверен? — спросила я.

Он послал мне маленькую улыбку:

— Кто-то должен защищать тебя от блуждающих душ.

Мои ноги дрогнули, холодные мурашки поползли по моей спине. Я не могла сказать по его выражению, серьезен он или шутит. Он мог снова копаться в моей голове.

— Ты хочешь сказать, что на кладбище действительно могут быть призраки?

— Потерянные души. Я дам знать, когда увижу одну или две. Или три. Или...

— Прекрати пугать меня, — сглотнув, я подошла ближе к нему, и его рука сжала мое плечо. — Давай закончим и уйдем отсюда.

Кладбище Грандвью не было заброшенным, как некоторые кладбища, которые я видела вокруг штата. У него росли деревья на окраинах, ухоженная трава между надгробными камнями и красочными шелковыми цветами во встроенных вазах. Я вытащила клочок бумаги с расположением шести могил, обведенных красным. Кора дала это мне несколько дней назад, хотя она не была уверена в точном местонахождении некоторых из них.

— Есть одна, — сказал Торин. Я вскочила и отчаянно озиралась. -

Детское надгробие справа от нас с ромашками. Не смотри прямо сейчас. Она изучает нас, как будто знает.

— Знает, что? — мне удалось пискнуть, сердце колотилось.

— Что мы Валькирии.

— Я еще нет, — запротестовала я.

— Но они могут почувствовать твою связь с нами, — прошептал Торин мне на ухо, со смехом в голосе. Когда я посмотрела на него, он изо всех сил старался не смеяться.

— Это было не смешно, — я ткнула локтем.

— Ты бы видела своё лицо.

— Не могу поверить, что ты пошутил, — дрожала я, — жутко. Я ходила по кладбищам и до сих пор не беспокоилась о призраках, — я попыталась снова толкнуть его локтем, но он отпрыгнул, смеясь.

Мы переходили от участка к участку. Хотя Торин и расслабился, я знала, что мы не одни. Назовите это шестым чувством или чем-то еще, я просто знала. Несколько раз, холодный воздух пронесся мимо нас, и я посмотрела на него, чтобы увидеть реакцию, но он лишь усмехнулся.

— Сколько их было? — спросила я, когда мы вернулись к внедорожнику.

— Пятеро. Четыре мужчины и женщина.

Я содрогнулась.

— Что они делали?

— Женщина была рядом с могилой с ромашками. Мужчины просто плавали вокруг в поисках потерянного. Один выглядел злым. Он был моложе, чем остальные три.

Бедные потерянные души. Я ничего не говорила, пока мы не покинули кладбище и направились к центру города.

— Почему ты не можешь просто собрать их?

Торин пожал плечами.

— Это не моя обязанность. У них был шанс уйти, но они предпочли остаться. Идиоты.

Его безразличие удивляло меня, но я догадалась, что он стал жестче после столетий пожинания душ.

— Значит, они просто бродят вечно?

— Нет. Их будут собирать Гримниры.

— Гримниры?

— Коллекционеры душ Хель. Лицо скелета, черные одежды, огромный артаво или, как их называют люди, коса.

— Мерзкие жнецы? — спросила я.

— Да, холодные и бесчувственные ублюдки. Работа с ними — кошмар. Всякий раз, когда Валькирию наказывают, Хель посылает ее, чтобы помочь Гримнирам.

Он и Эндрис когда-то работали на Хель, я подслушала их разговор. У меня никогда не было возможности спросить его об этом, и я, вероятно, никогда этого не сделаю. На фотографиях Хель выглядела страшно. Одна половина ее лица была похожа на человеческую, а другая половина — на почерневший скелет.

— Я никогда больше не буду даже смотреть на кладбища.

— Ты думаешь, что на кладбище жутко? Попробуй больницы. Они...

Я закрыла уши руками.

— Ла-ла-ла-ла-ла-ла. Я больше тебя не слушаю. Ты все испортил, — он все еще смеялся, когда припарковал машину возле «Крепер». — Что мы здесь делаем?

— Покупаем латте. Нам нужно что-то горячее после кладбища.

«Крепер» — любимое место для студентов, было всего лишь через квартал от нашей школы. Четыре основных группы — спортсмены, ботаны, мятежники и элита — сидели на своих местах, поэтому я не удивилась, увидев Эндриса и Ингрид за столом с элитой.

— Отличная игра, Сент-Джеймс, -

сказал кто-то, как только мы вошли в ресторан. Все обратили внимание на нас.

— Приветствую нового кватербека, — крикнул из своего угла спортсмен, и его друзья застучали кулаками по столу и крикнули: -

ООХ! ХА! ХА!

— Футбол — это жизнь, — заорал тот же самый спортсмен.

— Войди в игру, — закончили слоган его друзья.

— Хастл и сердце... — заорал другой.

— Разлучить нас друг с другом, -

эхом отозвались по комнате.

— Победа — это еще не все.

— Но в этом смысл, — кричали они и барабанили по столам. Торин стукнулся кулаками с теми, кто был рядом с нами.

Взгляды и шепотки проследовали за нами к стойке, где мы сели и сделали наш заказ. Я заметила дерзких девушек с поднятыми мобильными телефонами, фотографирующих нас. «Торин привел меня сюда, чтобы заставить людей говорить о нас?» Как бы это ни было гениально, я была уверена, что не все были впечатлены. Я все еще была злой ведьмой из Кэйвилл Хай.

— Не присоединитесь к нам? — поинтересовался Эндрис, когда мы остановились у их стола.

Я была не против остаться, но Торин ухмыльнулся.

— Нет, у нас другие планы, — он не потрудился понизить голос, давая остальным подслушать. Затем мы остановились у стола команды.

— Рейн, знакомься с бандой. Все, Рейн Купер, моя девушка.

Кивки, улыбки и приятно-познакомиться-с вами пришли от ребят. Меня не волновало, что улыбки девушек стали жесткими, а их лица выражали обиду. Я знала большинство из них с начальной школы, но они вели себя так, как будто мы не дышали одним воздухом, потому что они были популярны. Потом Торин заявил мне, это был идеальный конец нашего сумасшедшего дня. Он улыбнулся и скользнул рукой по моей талии.

Мой мобильный телефон загудел, когда мы выходили из ресторана. Это было смс от Кора.

«Это правда, ты и Торин? Это официально?» - писала она.

Я засмеялась и написала ей в ответ: «Полагаю, это официально.» Я была девушкой Торины Сент-Джеймса. Это было правильно.

— Это Кора, — объяснила я, когда Торин поднял бровь. — Слава бежит впереди нас.

— Не понял.

Как будто он не знал. Я потянулась и поцеловала его.

— Какой ты замечательный бойфренд.

— О, так я твой парень? — его брови поднялись от удивления так высоко, что встретили черную прядь волос.

Я потянулась и отвела челку в сторону.

— Ты вернулся ко мне, поэтому у меня нет выбора, кроме как пожалеть тебя и предъявить на тебя свои права.

— Думаю, мне понравилось твое заявление Лорейн Купер, — усмехаясь, он взял мой напиток, поставил его на капот внедорожника и положил руки мне на талию. Медленно притянул меня ближе, пока наши тела не соприкоснулись, дьявольская улыбка танцевала на его красивых губах. Затем он начал предъявлять права на меня перед посетителями «Крепери», которые глазели на нас через стеклянные окна.

* * *

Джип Эрика стоял у обочины, когда мы вошли в наш переулок. Торин въехал в гараж, прыгнул с сиденья и подошел, чтобы открыть мою дверь. Не то, чтобы я жаловалась, но не была уверена, просто ли он был джентльменом или боялся, что я снова наврежу себе. Я не подвержена несчастным случаям или что-то в этом роде, но я заметила, как он становился нежен, когда его рука приближалась к моему краниальному шраму. Это было мило, но не нужно.

Эрик вышел из своего джипа, но не подошел к нам. Вместо этого прислонился к нему и скрестил руки. Обычно это означало, что он хотел, чтобы я подошла к нему.

— Дай мне минуту, — сказала я Торину и пошла вниз по дороге. Торин пересек внутренний дворик и расположился в кресле-качалке, в которой Эндрис сидел раньше. Чувствуя его взгляд, я обняла Эрика. Он был напряжен. Я отступила назад и изучала его лицо. Он выглядел намного лучше, чем вчера.

— Ты в порядке?

Он кивнул, его взгляд метнулся туда, где сидел Торин, а потом снова вернулся ко мне.

— Я не... просыпался или было что-то еще прошлой ночью?

Я покачала головой.

— Нет. Ты спал как убитый, когда я уходила этим утром.

— Да, это был первый раз, когда я спал всю ночь без... ну, ты знаешь, — он снова взглянул на Торуна. — Он в курсе?

— Конечно, нет.

— Хорошо, — он сунул руки в карманы своей толстовки. — Чем меньше людей знает, тем лучше.

— Я надеюсь, что ты поговоришь с ним.

Эрик нахмурился.

— Зачем?

— Потому что я должна объяснить, почему ты спишь в моей комнате. Я предполагаю, что ты планируешь вернуться.

Он усмехнулся.

— Если мы сможем обмануть твою мать. Сегодня утром она была не слишком счастлива и долго читала мне лекцию о правильном поведении и том, что мы стали старше.

Что ты ей сказала?

— Что тебе было удобно остаться здесь. Она тоже была недовольна мной. Почему ты просто не сказал ей правду?

Он пожал плечами.

— Я сделаю это, когда буду готов, — его взгляд вновь повернулся к Торину, но на этот раз он кивнул и сказал: — Привет.

Я посмотрела через плечо и улыбнулась. Торин шел к нам. Он обнял меня за талию и притянул к себе. Мне понравилось, что он не мог держаться от меня подальше. Или, может быть, он ревновал. Я прислонилась к нему и заставила себя сосредоточиться на Эрике.

— Ты хочешь поболтать с нами или поедешь к Коре?

— Мы с Корой не вместе, — он оттолкнулся от Джипа и выпрямился. — Увидимся.

— Что ты имеешь в виду? -

спросила я, и мой голос задрожал.

— Между нами ничего нет, — он обошел капот своей машины и сел за руль.

— Я сейчас вернусь, — я вывернулась из рук Торина, открыла пассажирскую дверь и скользнула внутрь.

Торин не выглядел счастливым. Когда смотрела, как он уходит, то приняла решение. Он был моим парнем и не должен был быть вторым после Эрика. Возможно, он не мог вспомнить прошлое, но я отодвигала его и раньше, всегда ставя чувства Эрика на первый план. Я отказалась делать это снова.

Я подождала, пока он окажется в доме, прежде чем я повернусь лицом к Эрику.

— Рассказывай.

— Мы можем сделать это внутри? — он кивнул на мой дом. — Я хочу есть.

— Мы можем пойти в дом после нашего разговора. Почему ты отталкиваешь Кору? Она без ума от тебя, и ты без ума от нее.

Он бросил на меня нечитаемый взгляд.

— «Без ума» не то, как я бы это описал.

— Сумашествие, псих.... Неважно, как ты это называешь. Тебе она нравится, и я собираюсь помочь тебе.

Он фыркнул:

— Помочь мне?

— Да, помочь тебе. До тех пор, пока у тебя есть я, чтобы тусоваться, тебе не нужен кто-то особенный в твоей жизни. Мы вместе шестнадцать лет, Эрик. Мы лучшие друзья, и мы, вероятно, будем... — я понятия не имела, как долго живут Валькирии и боги. — Навсегда.

— Но?

— Но теперь у меня есть Торин, и он много для меня значит.

На лице Эрика застыло щенячье выражение.

— Значит, мы больше не будем тусоваться?

Он не был справедливым.

— Мы будем, только не все время. Я очень обидела Торина, когда мы с тобой встречались, потому что знала, что он чувствует ко мне, но была настроена заставить его сотрудничать с тобой.

В его глазах появилось задумчивое выражение.

— Вы вместе?

— Конечно. Я не могу это повторить, постоянно болтая с тобой и скрывая от него

секреты. Нечестность с ним разрушит наши отношения так же, как это разрушит все, что у вас есть с Корой.

Он долго молчал, потом вздохнул:

— Я не хочу, чтобы охотясь за мной, ей причинили боль.

О, это было мило. Это также подтвердило то, о чем я всегда подозревала. Он был влюблен в нее.

— Это имеет смысл, но ты не позволишь причинить ей боль, так же, как я не позволю кому-нибудь причинить тебе вред, и Торин не позволит ничему случиться со мной. Мы все связаны, нравится нам это или нет. Мы все вместе. Если что-то затрагивает одного из нас, это касается всех.

Последовало молчание.

— Хорошо. Я позабочусь об этом, — сказал он. — Мне это не нравится, но я не вижу выхода.

— Хорошо. Надеюсь, она не волнуется.

— Думаешь, я расскажу Коре правду о себе? — он фыркнул, открыл дверь и прыгнул вниз. — Я собираюсь поговорить с твоим парнем. И спасибо, что сказала, чтобы я боролся за нас.

У него не было шанса, как только я встретила Торуна. Я вылезла из джипа и пошла за Эриком, пока он шел к входной двери Торуна. Когда я добралась до крыльца, Торин стоял у двери. Его глаза метнулись от Эрика ко мне, затем вернулись к Эрику.

— Что происходит? — спросил он.

— У нее больше нет секретов, потому что не позволит мне, и она не хочет, чтобы ты пострадал, как раньше, — когда Торин посмотрел на меня и поднял брови, Эрик добавил: — Она лучше это объяснит. Суть в том, что нам нужно поговорить.

Торин отошел в сторону, позволив Эрику войти. Оба повернулись, чтобы удостовериться, что я слежу за ними. Я покачала головой.

— Вы двое разговаривайте. Я позвоню Коре и поговорю, как с маленькой девочкой, поэтому буду у себя дома.

Я повернулась и пошла прочь, прежде чем любой из них смог возразить.

* * *

Я несколько раз писала сообщения Коре, но она не отвечала на них. Я все еще не могла поверить, что Эрик оттолкнул ее. Иногда он мог быть таким упрямым. Я посмотрела на улицу, но у дома Торуна не было движений. Вздохнув, села за свой стол и достала одну из папок с домашней работой, которые дали мне учителя.

Когда я слышала голос Эрика, я помчалась к окну. Он пересекал газон в одиночестве и разговаривал с кем-то на дороге. Мои родители уже были дома? Я проверила свои часы. Было почти пять. Я попыталась привлечь внимание Эрика, но он не поднял головы.

Дверь открылась внизу, и голос папы донесся снизу, смешавшись с голосом Эрика. Папа должен быть дома рано, чтобы приготовить ужин. Я заметила баранью ногу и куриные грудки, которые он оставил в холодильнике. Еще раз я проверила в окне Торуна. Его там не было. Мне хотелось бы, чтобы он смог привыкнуть к современным технологиям и просто

купить мобильный телефон.

Вздохнув, я вышла из своей спальни и спустилась вниз.

— Ты знаешь наши правила, сынок. В этом доме, если вы хотите поесть, вы готовите. Так что хватай фартук, — я слышала, как папа говорил и усмехался. Эрик помогал папе. Это было не в первый раз.

Папа научил его всему: от бритья до смены шины, готовки мерзких гамбургеров, смешивания грязного мартини. Что бы это ни значило. Знал ли он об истинной личности Эрика? Я сомневалась, что это имело значение. Эрик был как сын для моего отца.

Я наблюдала за ними с лестницы, где открывался прекрасный вид на кухню. У папы был фартук для барбекю с надписью «Супер Папа», на груди. Ниже «Тристан, король гриля». Это был подарок на прошлогодний День отца от меня. Я купила его на онлайн-сайте, где персонализировали одежду.

Эрик сказал:

— Настоящий мужской гриль.

Надеясь, что они меня не слышат, я снова поднялась по ступеням и снова проверила телефон, когда дошла до своей комнаты. Кора все еще не ответила. Я схватила свои ключи и спустилась вниз, создавая столько шума, сколько могла.

— Куда ты собралась? — крикнул отец.

— К Коре, — я присоединилась к ним на кухне. Эрик мыл маленькую красную картошку, а папа натирал чесноком баранью ногу. — Она не отвечает на мои звонки, и я волнуюсь за нее, — я прострелила Эрика сердитым взглядом.

Он сделал непроницаемое лицо и преградил мне дорогу.

— Ты не собираешься нам помочь?

— спросил папа.

— Ох, я не собиралась. Я буду только мешать.

— Хорошо, иди. Ужин в семь, так что возвращайтесь к столу.

— Спасибо, папа, — я показала язык Эрику и выбежала за дверь.

Я успела выехать на дорогу, когда Торин вышел и помахал мне рукой. Я замедлила ход и опустила стекло, поворачивая к их подъездной дорожке.

— Как все прошло с Эриком?

— Хорошо. Нам нужно придумать план, чтобы остановить то, что путает его голову, — он сел в машину и заправил мне волосы за ухо. — Куда ты едешь?

— Увидеться с Корой. Я беспокоюсь за неё.

— Ты знаешь, что нельзя заставить двух людей быть вместе, если они оба не захотят.

Я фыркнула:

— Посмотри на меня.

Он усмехнулся:

— Ты упрямая.

— Нет, я права. Они принадлежат друг другу.

— Это чувство вины? Потому что мы вместе, а у Эрика никого нет?

— Эрик, я, ты, Эндрис, мои родители и его родители. Я не уверена насчёт Ингрид, потому что она меня ненавидит, а Лавания — неизвестное лицо. Я сказала ему, что если кто-то из нас не в порядке, мы все не в порядке. Так же, как мы все будем работать вместе, чтобы остановить тень от причинения ему вреда, мы вернем его вместе с Корой.

Торин покачал головой и провел пальцем по нижней губе.

— Ты должна вывесить предупредительный ярлык, Веснушка.

Мою губу покалывало, я обнаружила, что облизываю её.

— И что это за ярлык?

— Шарки, начальник, заноза в заднице? — он отступил. — Увидимся в семь. О, Ингрид тебя не ненавидит. Она просто влюблена в кого-то, кто тоже влюблен в кого-то другого.

«Тоже? Он верил, что Эрик влюблен в меня?» Не желая спорить с ним, я проигнорировала его заявление.

— Не мог бы ты купить сотовый?

Он поднял брови.

— Зачем?

— Я хочу писать или звонить тебе, а не выглядывать в окно, чтобы узнать, не спишь ли ты в своей комнате.

Он усмехнулся.

— Нам не нужны современные технологии для общения, Веснушка. Если я понадобится тебе, я это точно узнаю.

Прекрасно.

— Действительно? Как?

Он коснулся своей груди.

— Прямо здесь. Твоя сущность знает мою, как моя знает твою. Мы все еще можем общаться, когда все наши чувства не срабатывают. Я слышу тебя, если ты молчишь. Чувствую присутствие, не видя тебя. Чувствую тебя, не прикасаясь к тебе, — он подмигнул и ушел прочь.

Глава 14

Тьма Внутри

Слова Торина звенели у меня в ушах. Я усмехалась, как идиотка, пока не свернула на узкую дорогу, ведущую к дому Кору. Ее семья жила в десяти минутах езды от города, на ферме, которая когда-то принадлежала ее бабушке и дедушке по отцовской линии. Ее родители, оба бывшие учителя начальной школы, обучали ее на дому, пока бабушке не диагностировали рак. Кора и я познакомились в средних классах, когда она пошла в государственную школу.

Дверь во внутренний дворик открылась, прежде чем я припарковалась, и мать Кору вышла. Она носила обычную одежду для фермы — комбинезон и галоши. Я никогда не видела ее ни в чем, кроме рабочего комбинезона, даже на фермерском рынке, где она продавала органические продукты, которые они выращивали, включая различные сорта яблок. У нее были светлые волосы, как и у Кору, за исключением того, что уже были тронуты сединой.

— Здравствуйте, миссис Джемисон, — произнесла я.

— Привет, дорогая, — мы обнялись. Ее одежда пахла специями. Она пекла яблочные десерты, которые поставляла в некоторые магазины в Кейвилле. — В последнее время тебя совсем не было видно.

— Меня не было в течение нескольких недель, и, когда я вернулась, мне пришлось догонять школьные занятия, — неловкая пауза, когда она внимательно изучала меня, как будто ожидала, что я скажу больше. — Я знаю, что мне нужно было сначала позвонить, но Кора дома?

— Она в своей комнате. Помогает Джеффу в исследовательской работе, но, кажется, сейчас обновляет свой видеоблог, — она усмехнулась. — Заходи, я уверена, она будет тебе рада.

Кора была серьезным видеоблогером, хотя ее интересы обычно касались парней из школы. Я вошла в дом, ожидая увидеть ее отца в алькове возле их гостиной, постукивающим по клавиатуре. Стул был пуст. Он был новеллистом и держал странные часы.

Я направилась наверх.

Смех Кору прозвучал в коридоре. Она казалась слишком веселой для той, которая недавно рассталась с парнем.

— Я кое-чем занята, мам, — прокричала она, когда я постучала.

Я все равно открыла дверь и сунула голову в ее комнату. Она красила ногти на ногах, разговаривая по телефону. И она, должно быть, только что приняла душ, потому что на ней был лишь халат и полотенце, обернутое вокруг головы. Видя, что это я, а не ее мать, Кора улыбнулась и позвала меня зайти.

— Окей, шесть тридцать, — сказала она кому-то по телефону, и закатила глаза. — Отлично. Скажи ему, что это свидание, — она бросила свой телефон на кровать, а сама подвинулась к краю. — Привет, мисс Популярность. Мне нравятся твоя прическа, и, если ты снова начнешь носить конский хвост, я отрекись от тебя.

Я засмеялась. Она уделяет своим волосам очень много времени, а я изменилась для Торина.

— Мисс Популярность?

— Ты сейчас в тренде друзей во всех социальных сетях, Рейн. Я как раз собиралась позвонить тебе, — она встала, еле проковыляв ко мне из-за покрашенных пальцев, и обняла. — Уф, Кикер может прожжужать все уши, потому что она все хотела знать о тебе и Торине. Когда они встретились? Это было их первое свидание? Бла-бла это и бла-бла то. К твоему сведению, — добавила она, указав на меня, — я распространяю твою славу и на свой видеоблог.

Я, наверное, ожидала, что она будет убита горем. Вы знаете, в ужасных поношенных тренировочных брюках и футболке, волосы немытые... Но, вместо этого она шла на свидание. Свидание! Это взбесило меня. Нет, это более чем взбесило. Я была возмущена тем что она не думала об Эрике.

— В тренде? — спросила я.

— Возьми мой ноутбук, — она махнула рукой в сторону стола. — Торин уже признан лучшим целующимся и любящим парнем века. Все, кто опубликовал фотографию вас двоих, отметили на ней меня. Твоя слава уже сказывается и на мне, — добавила она, усмехаясь.

Да правильно. Она всегда была популярна из-за своего блога. Кроме того, ребята считали ее горячей. Я подошла к столу и коснулась экрана ноутбука. Она вошла на популярный сайт социальной сети, но на ее странице были фотографии Торина и меня, мы шли рука об руку в Крипери. Мы вдвоем разговариваем с Эндрисом. Некоторые даже запечатлели нечеловеческий блеск в глазах Торина, когда он взглянул на меня, прежде чем рассказать всем, кто мог услышать, что у нас есть планы на вечер. Я прокрутила ленту вниз. На большинство фотографий были наши поцелуи. У одного даже был заголовок: «Горячо! Горячо! Горячо!» Комментарии под ним заставили кровь прилить к щекам.

— Людям нужно вернуться к реальной жизни, — пробормотала я.

— Зачем, когда мы живем опосредованно через вас двоих? Ты просто прошла стадии от самой ненавистной девушки в школе до самой желанной, — Кора указала на свой ноутбук. — Вы с Ториним официально самая горячая пара. Если ты перейдешь на вторую вкладку, увидишь, сколько комментариев я получила с момента публикации на моем блоге, — она посмотрела на часы, — час назад.

Я не стала проверять, потому что она была чересчур уверена в этом. Была ли она сосредоточена на нас, для того чтобы справиться с неудачными отношения с Эриком?

— Кора, я бы хотела поговорить об Эрике, — сказала я.

— Забавно, но я не хочу, — она захлопнула свой ноутбук, и в ее глазах блеснула решимость, и, протянув мне правую руку, произнесла: — Можешь помочь мне перекрасить мизинец?

Ярко-красный лак для ногтей был красивым, но это сделало ее кожу еще бледнее. Когда Кора была больна, она часто носила темные цвета. Но красный был слишком ярким. Я взяла средство для снятия лака и ватные шарики, села на кровать и стерла то, что она нарисовала прежде.

— Ну, какие планы на вечер у тебя и Торина? — спросила она.

— Мы пойдем ужинать.

— Дома или где-нибудь по-романтичнее?

Я не хотела дальше обсуждать мои отношения.

— Дома. Эрик рассказал мне, что он сделал.

Кора сердито посмотрела на меня.

— Перестань говорить о нем.

— Я не могу.

— Черт, я ненавижу тебя. Мы пробовали. Но провалились. Конец истории. И я пошла дальше, — она вызывающе посмотрела на меня, как бы спрашивая, что отвечу ей на это. Я было открыла рот, чтобы поспорить, но потом заметила, что ее подбородок задрожал. Ей это было труднее признать, чем она позволяла увидеть.

— Ох, Кора, — сказала я и вздохнула.

— Что ты думаешь о моем маникюре, — спросила она, хотя ее глаза блестели.

— Очень красивый цвет, — произнесла я, смотря на ее накрашенные ногти.

— Этот крутой топ, я планирую надеть сегодня вечером. У меня будет горячее свидание.

— С кем?

— Джейден Грейнджер. Это двойное свидание с Кикер и ее бойфрендом.

Джейден Грейнджер? Боже. Что с ней происходит? Она же ненавидит Джейдена. Но, с другой стороны, она флиртовала с ним всю прошлую ночь. Эрик просто растерялся, когда обнаружил этих двоих. И поделом ему. Кора не из тех испорченных девушек. Она заставит тебя заплатить. Крутиться возле них будет просто ночным кошмаром.

— Я бы хотела, что вы не сдавались с Эриком так быстро, — сказала я.

— Я не бросила его, Рейн, потому что я никогда не была с ним, — спокойно, слишком спокойно, добавила она и посмотрела вниз на свои ногти. — Они уже высохли.

— Почему ты считаешь, что вы никогда не были вместе?

Она закрыла глаза.

— Клянусь, ты как собака с костью. Почему я думаю, что у меня его никогда не было? Потому что Эрик все еще думает о тебе. Он никогда не сдавался насчет тебя. Он волновался все те две недели, когда тебя не было. И я пыталась быть там, рядом с ним, но мне этого недостаточно. Видеть тебя с Торином сейчас, должно быть, убивает его, потому что он стал выглядеть хуже. Теперь, если ты не возражаешь, мне нужно высушить волосы и исправить это, — она указала на свое лицо и резко подняла на меня глаза, — прежде чем я уеду на свидание, -

и она исчезла в своей ванной.

Ее розовый ноготь на ноге снова смазался. Покачивая головой, я прошла к полке с лаком для ногтей, пока не нашла изумрудно-зеленый, который соответствовал моему топу, который я собиралась одеть сегодня вечером. И если бы я не знала о ночных ужасах Эрика, я бы поверила всему, что она сказала о его чувствах ко мне.

Кора по-прежнему сушила волосы, когда я закончила со своими ногтями, поэтому спланировала сделать следующий шаг.

Когда она вернулась в спальню, у меня был план. Ее волосы стали выглядеть потрясающе. Они легко спускались по плечам. Я никогда не видела, чтобы она использовала плойку. Чаще всего, она предпочитала пользоваться своим домашним салоном, который был в углу ее комнаты. У него была профессиональная сушилка и стул.

— Я думала, ты ушла, — сказала она.

— Почему? — я смотрела на свои ногти.

— Из-за того, что я сказала.

Я усмехнулась.

— Пожалуйста, послушай. Если бы Эрик был бы влюблен в меня, а он даже не был, когда мы встречались, он сейчас не был бы так дружен с Торином. Разве ты никогда не

задумывалась, почему Эрик никогда не любил никого из тех парней, с которыми ты встречалась? Или как злился на тебя всякий раз, когда начинала хвалить какого-нибудь парня? А постоянные пререкания между вами? И даже если ты будешь отрицать это, тебе было больно, когда он и я начали встречаться, — Кора скривилась, но я просто проигнорировала ее. — Знаки были там, но я была слишком глупа, чтобы понять это. Это дошло до меня во время встречи, когда я увидела, как он смотрел на тебя, пока ты флиртowała с каким-то парнем у бассейна. Эрик любит тебя, Кора. Очень сильно. Но, кажется, сейчас что-то беспокоит его.

Казалось, она вся вытянулась, когда посмотрев мне в глаза, произнесла:

— Что?

— Я не знаю, — гладко врала я. — Он пока не доверяет нам... тебе, встречайся с тем, кто тебе нравится, и заставь его увидеть, что он потерял. Я всецело поддерживаю тебя.

Она нахмурилась.

— На самом деле, я лично скажу ему, что у тебя сегодня свидание, — убедительно продолжила я. — Куда вы, ребята, пойдете?

— Поужинаем где-нибудь после кино, но мы еще не решили, что это будет за фильм.

— Напиши мне, когда будешь уверена. Может, Торин и я присоединимся к вам.

— Хорошо, — пробормотала она, куда с меньшим энтузиазмом, хотя я знала, что план должен обязательно сработать. Ведь, если ей нравился Эрик, а я уверена, что это так, она не захочет видеть его несчастным.

Притворяясь, что совсем не замечаю ее реакции, я подула на свои почти высохшие ногти. Кора тем временем, сняв халат, надевала джинсовые леггинсы, дополнив образ красным топом, что показывала мне раньше. Он идеально сидел на ней, подчеркивая достоинства фигуры. И, к тому времени, как закончила со своим макияжем, она выглядела потрясающе.

— Джейден не сможет отвести от тебя глаз, — заметила я.

— В этом весь смысл, — и снова ее улыбка казалась вымученной.

Улыбаясь, я обняла ее и направилась к двери. Спускаясь, обнаружила, что ее мамы не было дома, хотя запах свежее испеченных пирогов наполнял воздух. Обычно, в такое время, она отвозила в местные магазины свои яблочные десерты.

* * *

Джипа Эрика не было на обочине. Папа сидел за кухонным столом один, подняв ноги, и держал в руке стакан. Он так и не переоделся из той одежды, в которой обычно готовил. Со своего места он хорошо видел дом Торина, включая подъездную дорожку. Видел ли он нас с Торином раньше? Скорее всего.

— Вкусно пахнет, — сказала я, открывая духовку. Жаркое с хрустящими овощами на верхнем противне, рядом с ним стояла большая овальная форма с картофельной запеканкой, моя любимая, а на нижней полке, запекался красный картофель. — И выглядит хорошо.

— Попробуй суп и скажи мне, что ты думаешь, — сказал папа.

Достав ложку из ящика ниже, я сняла крышку с кастрюли на плите, и зачерпнула ложкой его знаменитый луковый суп — еще одно из моих любимых блюд. Показав ему два

больших пальца, пошла к холодильнику для того, чтобы взять воду в бутылках. Поднос с яйцами, покрытый пластиковой пленкой, занимал среднюю полку. Ничего себе он постарался.

— Накрой на стол на десять персон и позвони нам, когда гости начнут прибывать, — сказал отец, медленно вставая. Потянувшись, он застонал.

— Десять?

— Твоя мама навестила родителей Эрика ранее. Они должны присоединиться к нам.

Ужин потерял свою привлекательность. Должно быть, я кривилась, потому что папа хмыкнул в ответ, но ничего не сказал. Я просто ненавидела обеда с родителями Эрика, хотя их приезд уже был чем-то вроде семейной традиции. По крайней мере, Торин будет здесь вечером.

Я накрыла на стол и поспешила наверх для того, чтобы переодеться. Мама часто настаивала на том, что мы должны переодеваться к ужину.

Изумрудный топ действительно шел мне, и еще мне нравилось, что он сочетался с моими зелеными ногтями. Я сменила свои джинсы на черные колготки и черную юбку, и завершила все туфлями на каблуке. Мои волосы все еще отлично лежали, поэтому мне осталось воспользоваться только тушью и помадой сливового оттенка, и я была готова.

Эрик вошел, когда я спускалась по лестнице. И он выглядел по-настоящему потрясающе. Если бы Кора увидела его сейчас...

— Ты великолепно выглядишь, — сказал он, обнимая меня.

— Ты тоже. Где твои родители?

— Они придут. Ты же знаешь, какие они. Когда им сказали «ровно в семь», они придут в семь и точка. Ни секундой позже или раньше. Он потянул ворот своей рубашки, — почему мы все еще должны одеваться на эти глупые ужины?

— Традиция. Когда мы были маленькими, мы старались есть быстрее, чтобы смыться подальше от наших родителей, которые задерживались за столом, — может, мы скажем, что собираемся в кино после ужина, чтобы скорее улизнуть отсюда?

— Я не настроен сейчас смотреть что-либо, — пробормотал он, и бесцельно прохаживался по столовой, которую мы редко использовали, за исключением наших официальных приемов. — Как там Кора?

О, отличное начало.

— Хорошо, она собиралась на свидание, когда я приехала увидеть ее.

Эрик замер.

— И она выглядела чудесно, — добавила я.

Он стиснул руки в кулаки.

— С кем она идет?

— Джейден Грейнджер.

Эрик поморщился, будто проглотил муху.

Я продолжила его пытку.

— Она должна написать мне название фильма, на который пойдут, и мы можем присоединиться к ним.

В дверь позвонили, и я ушла открывать, не дождавшись ответа. Эрик так и стоял в столовой, наверное, затеяв хаос. Я почувствовала легкую вину. Может, мне следовало подождать конца ужина, прежде чем рассказывать о свидании Кору.

Я открыла дверь и увидела наших соседей во главе с Лаванией, которая выглядела

невероятно красивой, как обычно. Мои глаза устремились на Торуна. Он выглядел великолепно в темно-синем смокинге и белой рубашке. Он не надел галстук, и верхние пуговицы рубашки были расстегнуты. Торин подмигнул мне. Залившись краской, мои глаза неохотно вернулись к Лавании, которая несла упакованную прозрачную миску.

— Добро пожаловать, — сказала я.

— Для ужина, — она передала мне свой подарок, — Это десерт. Его нужно есть холодным.

— Я поставлю это в морозилку. Пожалуйста, проходите.

Я отступила назад и позвала своих родителей, которые уже спускались по лестнице.

Мама была в одном из струившихся платьев, которые доходили ей до лодыжек, ниспадающее свободными линиями. Головной убор на ее голове смотрелся как корона древней египетской принцессы, а черные волосы струились каскадом вниз по спине. Она выглядела потрясающе. Как любил говорить папа, все эти ужины были для нее. Ей нравилось принимать гостей. Папа тоже выглядел привлекательным в черном V-образном свитере поверх светло-синей рубашки. Его курчавые каштановые волосы, которые я унаследовала, отросли и почти достигали ворота рубашки. Я буду удивлена, если ему не понравится Торин.

Папа пристально изучал Лаванию и после того, как они были представлены друг другу, удивил меня, спросив:

— Я надеюсь, моя дочь прилежная ученица?

— Да, мистер Купер, — вежливо ответила она.

— Зовите меня Тристан, — он улыбнулся Ингрид до того, как узнал остальных ребят. — Эндрис, рад снова видеть тебя.

«Серьезно?» Отец не переставал поражать меня.

— Сент-Джеймс, очень рад тебя видеть.

Это ответ на вопрос о том, был ли в сознании папа, когда Торин спас его из больницы в Коста-Рике.

Мама вошла в гостиную перед тем, как пойти за закусками: фаршированными яйцами и козьим сыром с перцем и миндалем. Родители Эрика прибыли тогда, когда мы начали подавать напитки. Было ровно семь. Эрик, наш назначенный бармен, расположился за барной стойкой, а я была официанткой. Мне снова напомнили, что, хотя Торин и его приятели из Валькирий выглядят как наши ровесники, они были намного старше и могли пить алкоголь. Мы с Эриком были единственными, кто употреблял безалкогольные напитки. Эрик взбалтывал и смешивал коктейли, как знаток, и ухмылялся, но улыбка не отражалась в его глазах. И я опять пожалела о том, что рассказала ему о свидании Кору до ужина.

Отец играл в гостеприимного хозяина, и обычно его первой репликой было:

— Откуда ты родом?

Он задал этот же вопрос Эндрису, когда они встретились в первый раз.

Ингрид действительно была из Норвегии, и ей было около двухсот лет. Я заметила, как взгляд Эндриса продолжал скользить по ней, когда она рассказывала о своем городе. Она выглядела красивой в простом черном платье, ее макияж был безупречен.

Пальцы Торуна задержались на моих, когда я вручила ему напиток, его глаза говорили мне, что я выгляжу прекрасно. Мои щеки горели. Я с особой тщательностью готовилась сегодня вечером и знала, что изумрудный топ шел мне, и мне это льстило. Я надеялась, что и мои глаза отвечают ему.

Сегодня он выглядел таким красавчиком, что я хотела остаться там и любоваться им. Он

часто носил джинсы и футболки под кожаной курткой, так что это был первый раз, когда я видела его в чем-то официальном. Оставалась надежда, что мы сядем рядом во время ужина.

Видя Торуна сегодня, мне хотелось медленно таять в его объятиях и наслаждаться моментом.

Эндрис, сидящий на другой стороне дивана, сбоку от Лавании, закашлялся, и я поняла, что слишком долго держу руку с выпивкой Торуна. Эндрис подмигнул мне и сказал:

— Я бы хотел мартини.

Я повернулась, так как почувствовала взгляд папы. Он, вероятно, все еще пытается понять мои, динамично развивающиеся, отношения с этими Валькириями.

— Торин, из какой части Англии ты родом? — услышала его вопрос, когда возвращалась с напитком для Эндриса.

Как только Торин упомянул о крестовом походе, то разговор плавно перешел на времена короля Ричарда I и его достижения.

— Он был благородным человеком и отличным военным стратегом, — сказал Торин, объясняя, как король Ричард ощутил первый вкус битвы уже в 17 лет.

— Он мог говорить на английском языке? — спросил папа. — Об этом нет никаких записей.

Торин ухмыльнулся.

— Свободно, но он не мог писать на нем так же хорошо, как на французском.

— Какого он был роста? — снова спросил отец. — Во многих источниках пишут, что он и его брат были одного роста, в то время как другие, настаивают, что он был подобно великану.

Вопрос-Ответ, продолжался до тех пор, пока мама жестом указала присоединиться к ней на кухне. Нехотя, я встала и последовала за ней.

— Это была замечательная идея, разве нет? — прошептала она. — Посмотри, насколько твой отец доволен.

С кухни мы ясно могли видеть все, что происходило в гостиной. Папа рассмеялся, когда Эндрис назвал короля Ричарда III кретином. Даже родители Эрика казались более расслабленными.

В то время, как они продолжали обсуждать Британскую монархию, мы накрыли на стол.

— Теперь рассадка. Твой отец и я будем сидеть на наших обычных местах в конце стола. По обе стороны от меня будут сидеть Сари и Йохан, а вы с Торин, сядете по обе стороны от твоего отца.

— Может, Торин сядет рядом со мной?

Мама поджала губы, но затем улыбнулась.

— Как обстоят дела у вас двоих?

— Лучше. Мы вместе ходили на кладбище вчера.

Она снова улыбнулась.

— Ладно, ты можешь сидеть рядом с ним, но вам лучше вести себя хорошо. Твоему отцу нужно немного времени, чтобы привыкнуть к твоим тренировкам без обучения, и к тому, что теперь ты встречаешься с Валькирией. Напротив вас я посажу Эрика и Лаванию.

Я покачала головой.

— Нет, Эрик и Ингрид.

Она нахмурилась.

— Но почему не Лавания?

— Он не любит ее.

— Что? Почему?

— Не знаю, — пожала плечами я.

Мама вздохнула и дала мне карточки для рассадки.

— Иди вперед и разложи карточки для рассадки, — она не отпустила их, когда я тянулась за ними. — Посмотри на меня, у меня был долгий разговор с Сари и Йоханом, и я узнала несколько беспокоящих меня вещей. Как долго ты знаешь о ночных кошмарах Эрика?

— Хм, со вчерашнего дня.

— Были ли они у него прошлой ночью?

— Нет, — ответила я, покачав головой.

— Хм, — задумчивость отразилась на ее лице. — Ладно, он может спать на нашем раскладном диване, но будь осторожна, когда его «приступы» повторятся.

— Хорошо, мам.

Эрик никогда сознательно не причинит мне боль, но что если он это сделает? Я не обладала рунической магией, чтобы излечить себя, как его мать. С другой стороны, отказ в возможности ночевать у нас может усилить его уверенность в том, что отношения между нами изменились. Вздохнув, я мысленно отложила этот вопрос на потом.

Моя рассадка была идеальной, чередуя мужчин и женщин, с Эриком и мной, по обе стороны от папы. Эндрис сидел рядом с Ингрид, что, казалось, делало ее счастливой. Мужчины придерживали стулья для женщин, ожидая, пока мы не сядем, прежде чем садиться самим. Я не обратила внимание на разговор, как только мы начали есть, потому что левая рука Торина потянулась за моей под столом. И, судя по взглядам папы, которые он бросал на меня и Торина, мне стало интересно, знал ли он о нас.

Когда на десерт подали замороженное пирожное, которое принесла Лавания, знакомый холодок пополз по моему позвоночнику. Я нахмурилась, признавая, что чувствую себя слишком уверенно. Нет, они бы не посмели прийти ко мне домой. Но, когда мне пришла в голову эта мысль, раздался звонок в дверь. О, это было смело.

— Я открою, — сказала я, сердце забилось сильнее. Глаза Торина задержались на моем лице, вопросительно смотря. Я покачала головой. — Прощу меня простить.

У меня пересохло во рту, когда я поспешила через гостиную и резко открыла дверь. Мои глаза встретились с Мардж. Позади нее стояли Джанетт и Кэти. Разозлившись так сильно, что мне захотелось закричать, я вышла к ним и закрыла за собой дверь.

— Зачем вы пришли сюда? — процедила я сквозь зубы.

Глаза Мардж сузились.

— Увидеть Эрика. Где он?

— Внутри, — большим пальцем указала я на дом позади себя. — Но вы не можете войти в мой дом.

— Мы можем сделать все, что мы захотим, — ответила Мардж.

— Мы не хотели вторгаться, — тут же встряла Кэти. — Но, когда мы перестали ощущать душу молодого Эрика, мы стали волноваться. Он в порядке?

— Да. Что ты имеешь в виду, говоря о его душе?

— Это то, с помощью чего мы контролируем наших подопечных, — объяснила Кэти. — Мы фокусируемся на силе их души. Но что-то следует за Эриком, скрывая его душу от нас. Ты уверена, что он в порядке?

Мои глаза метались между предчувствующей беду Мардж и взволнованной Кэти.

Джанетт повернулась и теперь стояла спиной к дому, словно часовой, поэтому я не могла видеть ее лица.

— У него были ночные кошмары, а прошлую ночь он не помнит.

Они переглянулись.

— Превращение уже происходит, — сказала Мардж.

— Тьма слишком сильна, — добавила Джанетт, содрогнувшись.

— Нет-нет, — отрицала Кэти. — Что-то не так. Семнадцать лет любви и заботы не могут рухнуть так быстро. Кто-то делает это с ним.

— О чем вы говорите? — спросила я.

Мардж пристально посмотрела на Кэти.

— Никто не делает этого с ним. Тьма завладевает им, потому что она, — указала на меня Мардж, — подвела его.

— Это не ее вина, — возмутилась Кэти.

— Она влюбилась в Валькирию и забыла о нем, — добавила Джанетт.

— Я никогда не забывала Эрика, — протестовала я. — Я люблю его, и он знает об этом. Я сделаю все для него.

— Тогда почему тьма поглощает его душу? — спросила Мардж

— Это происходит слишком быстро, — сказала Кэти. — И не без чьей-либо помощи.

— Нет, просто мальчик слишком слабый, — снова вмешалась Джанетт.

— Эрик не слабый! — сорвалась я.

— Ты знаешь, что мы имеем ввиду, — Мардж посмотрела на Кэти с серьезным выражением лица. — Ей придется использовать кинжал, чтобы остановить его.

— Эй! Никто никого не будет закалывать, — пыталась понять я, шутят ли они. — Так ты говоришь, что Эрик одержим тьмой?

Мардж посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

— Нет, конечно. Разве твоя мама ничего не объяснила тебе?

— Отчасти, — Мардж было открыла рот, но я подняла руку в знак протеста, мое внимание переключилось на окно слева. Тень сдвинулась за занавеской, а это означало, что кто-то только что вошел в гостиную. Наверное, мама меня ищет. — Послушайте, я знаю, кто такой Эрик, и почему он был воспитан на Земле. Я также знаю, что ты знаешь о тени или тьме следующими за ним, но ты отказываешься объяснить кому-либо еще, что это такое, точно так же, как не объяснила мне, что имела в виду, когда сказала, что я жива из-за него. Я знаю, что ты могущественна и непобедима, но ты, — мои глаза заглянули в их лица, — хреново поясняешь вещи. Если Эрик действительно в опасности, мне нужно знать, от кого или от чего эта опасность исходит. Если вы играете в какие-то игры разума, и с ним что-то произойдет, я буду считать вас троих ответственными за это. Но, если это продуманный план, соблазнить меня на свою сторону, я стану Норной, для того, чтобы нарушать каждое правило, которое вы считаете священным. Итак, я спрошу снова. Что это за тьма следует за Эриком?

— Тьма не следует за ним. Тьма внутри него, — сказала Мардж.

Я уставилась на нее.

— Что?

— Она идет, — предупредила Джанетт. Огни автомобиля показались за поворотом.

— Пойдем с нами, Лоррейн, и мы все объясним, — произнесла Кэти.

Я колебалась. Несмотря на то, что хотела помочь Эрику, я все еще не доверяла этим

троим. Это может быть еще одна из их уловок, чтобы заставить меня уйти с ними.

— Нет, я не могу сейчас уйти, но могу встретиться с вами где-то, скажем, через час.

Мардж фыркнула.

— У нас нет времени.

— Мы выделим время, — перебила ее Кэти, — Встретимся в «Хабе», через тридцать минут.

Но тридцать минут это слишком мало...

— Мы должны уходить. Она уже здесь, — снова предупредила Джанетт.

Они двинулись к подъездной дорожке и слились с темнотой. До меня донесся стук каблучков по тротуару. Затем оттуда появилась Кора с озадаченным выражением лица.

— Я слышала голоса. Ты с кем-то разговаривала пару секунд назад? — спросила она.

— Нет, просто болтала сама с собой, — сказала я, всматриваясь в тени позади нее, но три Норны уже ушли.

— Так, что ты делаешь снаружи? Нет, дай мне угадать, — добавила она, не давая мне возможности ответить. — Ты, только что, вернулась со своего свидания.

Я кусала губы, все еще размышляя о том, что сказали мне Норны. Тьма внутри него. У всех была светлая и темная сторона, так что это не могло быть так уж плохо.

— Рейн! Очнись. Вы поссорились с Торином?

— Нет, я увидела твою машину и вышла, чтобы встретить тебя, — это прозвучало неубедительно. И, судя по лицу Кору, она тоже не поверила в это. — Разве ты не должна быть на свидании?

Она содрогнулась.

— Самое. Ужасное. Свидание. В жизни. Каким же придурком оказался Джейден. Во всяком случае, я писала тебе, но ты не отвечала мне, поэтому я воспользовалась возможностью и приехала. Ты закончила свой частный ужин с неподражаемыми сучками? Я имею в виду, ты уже можешь идти тусоваться?

— Может позже. Ужин только начался. Мама решила организовать прием и пригласила Торуна и его друзей.

Дверь позади меня открылась, как только я закончила свои объяснения.

— Рейн, что ты...? — голос мамы затих, когда она увидела Кору.

— Что вы обе делаете на улице? Рейн, пригласи ее внутрь, — она потерла свои руки. — Слишком холодно, чтобы держать подругу снаружи.

— Я просто зашла, чтобы узнать, не хочет ли Рейн пойти в кино, миссис Купер.

— Ты можешь спросить ее об это в доме. Заходи же, — она отступила назад, пропуская Кору вперед. — Ты поела?

— Нет. Я ушла прежде, чем подали обед.

Кора и я обменялись улыбками.

Мама посмотрела на нее с неодобрением.

— Ты поссорилась со своими родителями и ушла?

— Нет, миссис Купер. Мои родители и я в порядке. У меня просто было ужасное свидание.

Мама усмехнулась.

— Никогда не считай свидания неудачными, дорогая. Иначе будешь огорчаться еще сильнее. Но однажды ты найдешь того единственного, и вся твоя боль исчезнет, — мама закрыла дверь и потрепала Кору за щеку. — О, бедное дитя, ты совсем замерзла. Рейн,

отведи ее в столовую. А я принесу тарелку.

— Я не очень голодна, миссис Купер.

— Но ты должна что-нибудь поесть. Тристан сделал великолепную баранину и запеченный картофель.

— Правда, я не голодна.

— Тогда, у нас есть десерт, — настаивала мама. — Я принесу.

— Брось, пока не поздно, — прошептала я Коре. — Просто соглашайся на десерт, чтобы мы могли скорее смотаться отсюда. Я должна быть кое-где через тридцать минут.

Я сомневалась, что Кора даже слышала меня. Она замерла, увидев, сколько людей в столовой. Затем она нашла Эрика, и ее взгляд застыл. Щеки покраснели. Он поднялся на ноги вместе с другими мужчинами, и его глаза задержались на ней.

Эрик встал из-за стола, все еще держа спинку стула.

— Можешь занять мое место, Кора.

— Нет, сынок, — сказал папа. — Она может занять мое. Мы уходим в гостиную, — он повел остальных из комнаты, оставив Торуна, Эрика, Кору и меня наедине.

— Один кусочек пирога прибыл, — сказала мама, входя в столовую с десертной чашей. Она поставила его перед Корой. — Ешь, дорогая.

— Мама, мы можем пойти в кино? — спросила я у нее, когда она выходила из комнаты.

Она остановилась, обернулась и взглядом, изучая нас, произнесла:

— Конечно. Как только Кора поест.

После того, как мама вышла из комнаты, Эрик спросил Кору, что она хочет выпить, затем вышел из комнаты, чтобы принести ей напиток. Она взглядом проследила за ним так же, как и я, но совсем по другой причине. Слова Мардж крутились в моей голове. Тьма внутри него.

Мне нужны были ответы. Быстрый взгляд на часы сказал, что у меня есть двадцать минут на то, чтобы придумать предлог и уйти.

Глава 15

Хранитель моего брата

— Что случилось? — прошептал Торин мне на ухо; от его теплого дыхания по коже пошли мурашки. Я улыбнулась, удивляясь тому, насколько хорошо он меня знает.

— Здесь были Норны, — шепотом ответила я. — Это они звонили в дверь.

Глаза Торина сузились.

— Что им нужно?

— Позже объясню. Мне нужно уйти из дома.

— Когда?

— Через десять минут. Мы встречаемся через двадцать.

— Где?

— В «Хабе».

Наш разговор прервал голос Эрика:

— Слышал, у тебя было сегодня свидание.

— Ага, самая худшая идея, во всех смыслах, — ответила Кора, накладывая десерт. — Джейден оказался полным придурком.

— Но ты ведь знала о его репутации, — процедил Эрик сквозь сжатые зубы.

Кора уставилась на него.

— На что ты намекаешь?

— Хочешь, чтобы он относился к тебе, как и к другим девушкам, зачем иначе бы ты пошла?

Она сощурилась.

— Да, всегда хотела узнать каково это, когда тебя лапают под столом во время ужина. Тебе стоит как-нибудь попробовать, Эрик. Может даже преуспеешь в этом, — она поднялась с тарелкой торта и направилась на кухню.

Я посмотрела на Эрика.

— Обязательно было поднимать эту тему? — он пожал плечами. — Иди за ней, — добавила я.

Он покачал головой и откинулся на спинку стула. В бессилии я застонала. Он такой упрямый. Я отодвинула свой стул, поднялась и вышла из комнаты. В проходе, соединяющем гостиную с кухней, я чуть не врезалась в Кору.

— Мы идем или как? — спросила она. — Кино скоро начнется.

— Не терпится Джейдена снова увидеть? — вмешался Эрик.

Кора мило ему улыбнулась.

— Так как мы расстались, с кем я встречаюсь, теперь тебя не касается, — она повернулась ко мне. — Идем.

После ужина мы с Эриком всегда убирали стол, хотя мама нас и не просила этого делать. Судя по тому, как Эрик смотрит на Кору, сегодня он мне в этом не помощник.

— Подожди минуту, я уберу со стола, — сказала я. Торин подскочил, чтобы помочь мне. — Не надо, ты же гость.

— Я не против, — мы оставили переглядывающихся Кору и Эрика в гостиной. — Они всегда такие? — спросил Торин.

— Стало хуже, — с его стороны было милым, помочь мне убрать стол, он даже

превысил свои обязанности, как моего парня, и помог загрузить все в посудомоечную машинку.

— Как одомашнился, — поддел его Эндрис, заходя на кухню. Он сел на стул и оперся спиной о барную стойку. — Ты знаешь, ее старик следит за каждым твоим шагом и продумывает способы, как бы пустить тебя на потрошки.

Я посмотрела в сторону гостиной: папа стоял к нам спиной. Мама, в свою очередь, могла видеть нас. Она подняла свой бокал и усмехнулась, и папа, желая увидеть, что привлекло ее внимание, обернулся в нашу сторону. Его лицо нахмурилось. Я помахала рукой. И снова, у меня возникло чувство, что он пытается понять, в каких я отношениях с этими Валькириями.

— Исчезни, Эндрис, — сказал Торин.

Я пихнула Торуна локтем.

— Не будь грубым. Эндрис, нам надо закончить здесь, а потом мы идем в город.

— Ему не обязательно все знать, — возразил Торин.

Я кивнула.

— Знаю.

— Что будет в городе? — Эндрис передал свой бокал Тору, который схватил его и сделал движение, словно собирается разбить его ему о голову. Эндрис уклонился и самодовольно усмехнулся. Затем взял яблоко из стоящей рядом вазы, протер его о свитер и откусил. На нем был черный с серым свитер с v-образным вырезом на пуговицах и серые брюки. Очень брендово.

— Мы идем в кино, — сказала я. — Хочешь с нами?

— Конечно. Можно взять пару?

Я кивнула.

— Если только это будет Ингрид.

Торин засмеялся. Эндрис показал ему два средних пальца и ушел в гостиную.

Я сверилась с часами.

— Нам пора идти.

— Я за машиной, — Торин посмотрел за плечо, где стоял папа, а потом пробежал костяшками по моей щеке. — Ты изумительна сегодня. Нет, всегда, — его рука обхватила мою, перед тем как отпустить. Я проследила взглядом, как он уходит.

— Хватит пускать на него слюни, — сказала Кора, появляясь с другой стороны стойки. Я не заметила, как она зашла на кухню.

— Заткнись.

— Просто сказала. Готова идти?

— Ага, — она что-то сказала, но я не слушала. Все внимание захватил Торин, прощавшийся со всеми в это время. Я не знала, что он сказал, но папа поднялся и пожал ему руку, а мама обняла. Словно почувствовав мой взгляд, он обернулся и довольно ухмыльнулся.

— Все еще пускаешь слюни, — сказала Кора, когда я отвернулась.

— Да, пристрели меня за это. Надеюсь, ты не против, если мы поедем на внедорожнике?

— Хорошо. Я позже заберу свою машину, — она ушла в гостиную забрать свой клатч, при этом полностью игнорируя Эрика. Всякий раз, когда он взглядом ловил каждое ее движение, его челюсть сжималась.

Я вздохнула. «Это будет долгая ночь».

— Ты идешь?

Он вскочил с места.

— Я поеду за вами на своем джипе. И прослежу, чтобы Джейден даже близко к ней не подходил.

Мне хотелось встряхнуть его.

— Не мне это говори, а ей, — я указала в сторону, куда ушла Кора.

— Зачем? Чтобы она потом мне это бросила обратно в лицо? С ней невозможно разговаривать.

Они оба были невозможными. Я поцеловала папу, обняла маму и попрощалась с родителями Эрика. Должно быть Эндрис, Ингрид и Лавания ушли вместе с Торинном. Снаружи Торин подъехал к нам во двор и открыл дверь переднего пассажирского сиденья. Он также передел рубашку и пиджак, и сейчас на нем красовались футболка и кожаная куртка.

Эрик запрыгнул в свой джип, который припарковал возле дома. Он самым первым приехал к нам на ужин. Я забралась в машину. Сзади уселась Кора, не сводившая взгляд с Эрика. Она выглядела очень расстроенной. По бокам от нее сидели Ингрид и Эндрис.

— Он поедет за нами, — успокоила я Кору.

Она хмыкнула.

— Зачем еще?

— Сама его спросишь.

Эндрис наклонился вперед и, как только Торин тронулся, положил руку на спинку Кориного сиденья.

— Так, значит, вы с Золотым мальчиком встречаетесь?

— Нет, — резко ответила Кора.

— Оу, уж слишком леди возражает, — процитировал он Гамлета из Шекспира. Потом снова откинулся на спинку сиденья и ухмыльнулся. — Думаю, Купидон снова может вмешаться.

А это была неплохая идея.

— Нет, не может, — сказал Торин. — Не лезь в их отношения, Эндрис.

— Эй, но я же хорош. Если я все им устрою, то смогу попросить все, что захочу. Может, несколько веков в Асга...

— Заткнись, Эндрис! — сказал он тоном, который я раньше от него не слышала, и Эндрис замолчал. На Корином лице читалось недоумение. Она и понятия не имела, о чем чуть не проболтался Эндрис.

— Ты говорил ему? — спросила я Торуна.

— Нет. Возможно, Лавания. Я позже поговорю с ним о том, что все нужно держать в тайне.

Торин остановился у «Хаба». Когда он обошел машину, возле нас припарковался Эрик. «Хаб» был видеосалоном, но здесь также продавались книги, комиксы и манга, а также здесь находилось кафе. Судя по количеству припаркованных машин, магазин был переполнен.

— Высади их и приходи за мной, — сказала я. — Я должна справиться за 15–20 минут.

— Я не оставляю тебя одну с ними, — прошептал Торин в нетерпящем возражений тоне.

— Со мной все будет в порядке.

— Я не доверяю им.

— Я тоже, но они также бояться, — я кивком указала на Эрика, — того, что в нем сидит.

Торин упрямо прищурил глаза.

— Нет. Я пойду внутрь и буду ждать неподалеку.

Открылась дверца пассажирского сиденья, и на нас уставился Эндрис.

— Кого ждем?

Торин потряс ключами.

— Ты идешь вперед и берешь нам билеты. Мы придем через пару минут.

— Куда вы? — спросила Кора, выглядывая из-за плеча Эндриса.

— Мне надо купить кое-что, — сказала я. — Подарок для моего, эмм, папы. Мы придем до начала фильма. Обещаю, — она с подозрением прищурилась, однако, кивнула.

Теперь, когда Торин настоял на том, что пойдет со мной, добраться до места назначения казалось проблематично. Какой же он упрямый. Эндрис вышел из машины, закрыл дверцу и сложил на груди руки. Улыбки на его лице больше не было.

— Ладно, вы двое. Либо говорите правду, либо я никого никуда не везу.

Торин прищурился.

— Не веди себя как кретин.

Эндрис ухмыльнулся.

— Я все еще здесь.

Начиная выходить из себя, я закрыла глаза. Иногда Эндрис вел себя как ребенок, а Торин только провоцировал его.

— Хорошо. Ко мне домой пришли Норны, и мы договорились встретиться, — прошептала я, смотря на часы, и добавила: — Прямо сейчас.

Эндрис передернулся.

— Ох, мерзкие ведьмы. Удачи вам с ними, — он подбежал к водительскому сиденью и завел машину.

Торин засмеялся.

— Ты сказала Норны? — спросил Эрик, выходя из джипа, хотя предполагалось, что он поедет за Эндрисом.

— Да, мне надо идти, — я направилась в сторону входа.

— Постой, — позвал Эрик. — Я хочу задать им несколько вопросов.

Я развернулась.

— Нет, Эрик. Держись подальше от них.

Его взгляд говорил, что он все равно пойдет, хочу я того или нет, однако, Торин перехватил его за руку.

— Сначала поговорит она, Севилль. Мы хотим убедиться, что они не собираются использовать свои старые трюки, ты можешь спросить их только после того, как закончит Рейн.

Эрик выдернул руку из хватки Торины и огрызнулся.

— С кем ты думаешь говоришь, Сент-Джеймс?

— Полегче, парень.

Уверенная, что Торин остановит Эрика, я перебежала парковку и вошла в магазин, чуть не врезавшись в парочку, стоявшую близко от двери.

— Извините, — пробормотала я и поспешила дальше. Не зная, где начать искать Мардж

и ее подруг, осмотрелась. Покупатели образовали две очереди. Прямо передо мной одна мать вела с дочерью заведомо проигранную битву за сахарную вату. Рядом с ними хихикала пара девушек, рассматривающих обложку диска своих последних кумиров.

— Вот ты где, — сказала Мардж, появляясь сбоку от меня.

Она была одна. Я ненавидела разговаривать с ней. Лучше бы на ее месте была Кэти.

— Где Кэти?

— Ждет, когда зайдет юный Эрик. Тебе следовало привести его. Иди за мной, — она повела меня в конец магазина, где были выставлены комиксы. В это время здесь никого не было. Она достала из куртки кожаные ножны и протянула мне. — Возьми.

Мой взгляд метался от ножен к ее лицу.

— Что это?

— Особый артавус, о котором мы говорили. Он понадобится тебе.

Я отошла на шаг назад, меня всю передернуло от злости.

— Я хочу поговорить с Кэти.

— Возьми клинок, Лоррейн, — продолжала Мардж, — В юном Эрике сидит тьма, она отравит каждого, кто рядом с ним, и начнется хаос. Его чувства, в разы усиленные, передадутся Смертным. Когда он будет зол, всех охватит ярость. Когда он позавидует, всех наполнит убийственная ревность. Его тьма поглотит этот город.

Я смотрела на нее круглыми глазами. Неудивительно, почему в «Доме на утесе» все с ума посходили. Он заразил всех своей злостью. Только случилось это потому, что я ушла с Торин, или потому что Кора флиртовала с теми качками?

— Если тьма возьмет верх, его нельзя оставлять в живых.

— НЕТ! — крикнула я, и на нас из-за полок уставились несколько человек. Я, не обращая на них никакого внимания, наклонилась к Мардж. — Я никогда добровольно не причиню Эрику вреда. Мне плевать, станет ли он монстром-убийцей или самим дьяволом во плоти. Никогда. Я найду способ, как помочь ему.

— Рейн! С тобой все хорошо?

Я обернулась. В нескольких шагах от меня стоял Торин. Его лицо и руки покрывали светящиеся руны, а глаза сияли. Я кивнула, слишком зла была, чтобы ответить.

Он протянул руку.

— Если хочешь уйти сейчас, идем.

— Не вмешивайся, Валькирия, — резко сказала Мардж.

Его челюсть напряглась, но он продолжал смотреть на меня.

— Рейн?

— Все нормально. Она просто проверяет меня.

Торин не отводил взгляд.

— Ладно, если что, я буду у полок с дисками.

Ряды с дисками находились в конце прохода, и их было видно с того места, где я стояла. Его близкое присутствие немного успокаивало. Мардж проследила за тем, как он уходит. Он остановился у первого стеллажа и оперся о стенку. Руки были скрещены на груди, вся его поза говорила, что он никуда не собирается уходить.

— Глупая Валькирия. Он ничему не научился с тех пор, как мы стерли ему воспоминания. Надо было отправить его в чертоги к Хелль. Может, так и сделаю, если он и дальше будет перечить.

Меня охватила паника, но я ни за что бы ни показала ее этой мелочной и мстительной

ведьме.

— Уверена, он знает, насколько ты могущественна, но прямо сейчас его больше заботит моя безопасность.

Мардж повернула ко мне голову. Она прищурила глаза, словно пытаюсь увидеть во мне хоть каплю неуважения. Под кожу прокрался холод, и я вздрогнула.

— Это не проверка, Лоррейн, — сказала она. — Эрика нельзя спасти. Когда придет время, тебе придется его убить.

— Никогда, — ответила я.

Ее глаза устрашающе засветились.

— Нахальный ребенок. Спасение твоей жизни было нашей самой большой ошибкой. Полная трата времени и рун.

Это было больно.

— Тогда зачем спасли?

— Мы думали, ты спасешь мальчишку, но, как оказалось, ты не справились, — она снова протянула мне артавус. — Возьми.

Я проигнорировала кинжал.

— Как я должна была спасти его? Может, я и сейчас могу.

Она хмыкнула, и на какой-то момент я была уверена, что она откажется говорить.

— Уже слишком поздно, но я объясню. Эрик происходит из очень могущественной семьи.

— Знаю. Он внук Одина.

— Это лишь одна сторона. Я говорю о его матери.

— Кто она?

В ее глазах появился холод.

— Неважно, кто она. И не перебивай меня больше, — проворчала она. — Его мать происходит из темной семьи, и эта тьма у Эрика в крови. Мы видели будущее, где он ведет врагов богов на уничтожение Асгарда и жителей других царств, включая Землю.

— Рагнарёк, битва между великанами и богами, — сказала я прежде, чем смогла остановить себя.

Ее глаза засветились, однако в этот раз она не сорвалась на меня.

— Да. В нашем видении война началась не со смертью Бальдура, ее начал его сын. Мальчик, рожденный для ненависти, вскормленный гневом, и выращенный тьмой. Мальчик, у которого настолько холодное сердце, что даже Норны трепещут в его присутствии.

Неудивительно, что они не пытались увести Эрика. Они боялись его. Она посмотрела мне за плечо и состроила мину. Я обернулась, желая увидеть, что отвлекло ее. Недалеко от нас, не отрывая глаз, стоял Торин. Интересно, сколько он успел услышать.

Они не отводили друг от друга взглядов. В ее глазах появился этот замораживающий жуткий блеск.

— Мы выбрали для мальчика другую судьбу, когда забрали его у матери и отправили на Землю, чтобы он рос среди людей. Мы хотели, чтобы вместо тьмы он был окружен светом. Чтобы вместо ненависти и злости он познал любовь, радость и счастье. А холод в его сердце должен был смениться теплом. Но этого не произошло.

— Неправда, — сказала я; сердце разрывалось от страха. — Эрик самый любящий, добрый и теплый человек, которого я когда-либо знала.

— Однако его темная сущность приглушилась, когда мы впервые связались с тобой.

Может, это из-за Норн Эрик начал меняться. Несмотря на то, что в голове появилась такая мысль, я понимала, что это не так. В прошлом году на английской литературе мы изучали «Бурю» Шекспира и обсуждали, что формирует поведение и характер человека. Значение имели как наследственность, так и окружение. Может, все эти годы тьма внутри Эрика выжидала, чтобы прокрасться потом.

— Как я могу помочь ему?

— Кэти думает, ты сможешь, — сказала она, словно нехотя.

— Кэти также думает, что кто-то помогает тьме.

— Она ошибается, так же как ошибается насчет тебя. Не думаю, что в тебе есть что-то, что сможет помочь мальчику. Ты и твоя мать обе не справились.

Я ощетибилась.

— Моя мама?

— Несмотря на то, что твоя мать любит нарушать правила, она очень добрая женщина. Твой папа также проявил себя как благородный человек. Они должны были стать хранителями для Эрика. Никто бы не стал искать его в доме падшей Валькирии. Но, когда мы прибыли сюда, оказалось, что твоя мама уже беременна и не собирается отказываться от тебя. Если бы ты умерла, они бы не перенесли этого, это бы изменило их и, даже возможно, они бы больше не захотели иметь или любить другого ребенка. Поэтому мы помогли твоей маме с беременностью и позаботились, чтобы вы обе выжили. Мальчика мы отдали паре Бессмертных и дали им понять, что его надо воспитывать как можно ближе к твоей семье. Любовь твоих родителей к тебе должна была естественным образом перейти и на юного Эрика.

Теперь все стало на свои места. И то, что Эрик жил по соседству, и отношения между нашими родителями. Скорее всего, его родители много «путешествовали», чтобы Эрик провел большую часть своего детства у нас дома. А я-то думала, они просто холодные и равнодушные.

— Так и было.

— Тебе виднее, — сказала Мардж.

— Ты не знаешь его, как я, — настаивала я. — У него просто сейчас неприятности, и все. Когда все разрешится, он станет таким, как прежде. А если что-то вытащит эту, эмм, тьму, я буду рядом и помогу ему.

— Не верь всему, что говорит Кэти. Ничего не провоцирует его. Тьма выходит из него, как паучья паутина. Но если ты хочешь помочь...

— То?

— Докажи это, — сказала Мардж.

Я, не понимая, посмотрела на нее.

— Как?

— У тебя есть несколько недель, может месяц, перед тем как его поглотит тьма. Если у тебя не получится, прояви свою заботу, подарив ему быструю смерть, — она схватила мою руку, достала завернутый кинжал и положила его мне в руку. — Это особое оружие, способное уничтожить таких, как он. Воспользуйся им.

«Таких, как он?» Я попыталась вернуть себе руку, но у нее была слишком сильная хватка. «Торин!» Я посмотрела за плечо и увидела, что он уже движется в нашу сторону.

— Не подходи, Валькирия, — процедила Мардж, не сводя с меня глаз. — Ты уверена, что сможешь помочь ему?

— Да.

— Тогда почему боишься взять артавус? — она наклонилась ближе. — Твой страх доказывает, что ты не настолько уверена, как утверждаешь. Ты знаешь, что у тебя ничего не получится, и тебе придется воспользоваться им. А это значит, что ты не веришь, что он хороший.

— Он. Хороший.

— Тогда возьми кинжал, — отрезала Мардж, сверкая глазами.

— Перестань давить на нее, — прорычал Торин.

— Я повторяю, Валькирия, — проворчала Мардж, по-прежнему не отводя от меня глаз. — Вмещаешься еще раз и пожалеешь.

— Оставь его, — в животе все сжалось, моя ненависть к ней грозилась выплеснуться наружу. — Мне не надо что-либо тебе доказывать.

— Как мало ты знаешь, глупая девчонка. Ты уже давно должна была примкнуть к нам, когда я просила тебя, — улыбнулась она, и это была самая холодная и злобная улыбка, какую я только видела. — Ты бы стала сильнее, и тебе было бы проще справиться со всем этим сейчас. Возьми его. Он тебе понадобится.

Торин зарычал. Я обернулась, молча прося его оставаться на месте.

— Не смотри на него. Он не поможет тебе сделать этот выбор. Он всего лишь Валькирия, он ниже тебя и не стоит твоего внимания. Ты была рождена, чтобы стать Норной, и Эрик был бы твоей первой обязанностью. Сейчас его судьба принадлежит тебе. Если тебе понадобится наша помощь... — она затихла и склонила на бок голову, что-то странное отразилось в ее взгляде. Может, страх. К груди подкралось то же холодное, удушающее ощущение, что я впервые почувствовала в «Доме на Утесе».

У входа в магазин раздался громкий грохот, кто-то закричал:

— Вот, что получаешь, когда лезешь вне очереди.

— Я не лез, сукин ты с....

Воздух прорезал глухой стук удара, за которым последовал крик. Голоса нарастали, по всему магазину эхом отдавались крики и топот шагов. Мы с Торинком обменялись взглядами.

— Эрик, — сказали мы одновременно и побежали в сторону входа.

— Мы должны увести его отсюда, пока не стало хуже, — сказал Торин.

Мы бегом просматривали каждый проход, мимо которого пробегали. Волна жестокости еще не достигла конца магазина, но это ненадолго.

— Где ты оставил его?

— В джипе. Я вырубил его. Он оказался гораздо сильнее, чем я думал.

— Конечно, он сильнее, — сказала сзади Мардж. — Он отродье тьмы, пробуждающее в других их самые мерзкие черты. Жены обратятся против своих мужей, дети против родителей. Затем жестокость перейдет на их соседей. И, прежде чем вы осознаете, весь город превратится в хаос. Один город пойдет на другой, штат на штат, страна на страну...

«Она когда-нибудь заткнется?» Я проигрывала в воображении ужасную картину, которую она нарисовала. Неудивительно, что они боялись Эрика. Где бы мы ни пробегали, люди били друг друга и кричали. Кто-то врзался в стеллаж, отправив в полет книги, падающие нам под ноги.

— Не указывай мне, какой фильм выбирать, — кричала женщина справа.

— Я не собираюсь смотреть тупое девчачье кино, только чтобы угодить тебе, — возразил ей мужчина.

— Ты такой придурок, — она дала ему пощечину, и он ответил ей тем же. Я поморщилась.

— Разделимся, — сказала я. — Так мы найдем его быстрее.

— Нет, — Торин преградил мне дорогу. — Будь рядом. Он может заразить тебя или еще хуже — поранить тебя, если ты подойдешь к нему.

— Торин, посмотри на меня. На меня это не действует, как на других. Значит, он не сможет. Кроме того, скорее всего, он послушает меня, чем кого-либо еще.

— Возьми его, — Мардж всучила мне в руку завернутый артавус. — Он тебе понадобится, если ничего не получится.

— Я же говорила тебе, я не...

— Сюда! — с конца прохода закричала Кэти и замахала руками. Рядом с ней появилась Джаннетт. Они обе выглядели напуганными.

Я захотела вернуть Мардж ее кинжал, но ее уже не было. Она появилась снова рядом со своими подругами. Затем, как трусы, они исчезли. Я уставилась на кинжал, словно у меня в руке была змея.

— Я не могу... — прошептала я.

— Тебе и не придется, — Торин взял кинжал у меня из руки и спрятал его у себя под курткой.

— Нет, — потянула я его за руку. — Мы должны избавиться от него. Уничтожь его.

— Уничтожу. Ты больше не увидишь его. А теперь давай остановим это безумие.

Внутри все сжалось и похолодело.

— Я Норна. Неважно, что я говорю или делаю, я одна из них.

— Неправда. Ты уже спасала жизнь Эрика, спасешь и в этот раз. Не потому что ты Норна или даже Бессмертная, а потому что это ты Лоррейн Купер. Тебе не нужна чья-либо помощь или какой-то дурацкий особенный артавус.

Я перестала жалеть себя и кивнула. Торин был прав. Я все смогу.

— Спасибо.

Он ухмыльнулся, что наполовину удивило меня, наполовину разозлило.

— За что? За то, что озвучил очевидное? Теперь двигай свой прелестный зад и останови его, потому что, если он не прекратит, я без проблем воспользуюсь своим артавусом.

— Ты не посмеешь, — я пыталась посмотреть на него по мере того, как мы бежали к месту, где в последний раз видели Норн.

— А ты останови меня. У меня нет времени на это биполярное, божественное, психодерьмо, что с ним творится.

Мы уклонялись от летящих дисков и книг, которыми швырялись люди.

— Как у тебя получается в одну минуту быть таким милым, а в следующую полным засранцем? — процедила я, сквозь сжатые зубы.

— Практика, Веснушка. Именно поэтому я такой неотразимый.

Мы завернули за угол и чуть не врезались в Эрика. Он стоял в центре этого хаоса, его глаза были словно стеклянными, а губы скривились в улыбке чистого наслаждения.

Торин остановился.

— Спокойно поговори с ним, а я обойду с другой стороны.

— Не навреди ему, — прошептала я.

— Не буду, если только он не сделает какую-нибудь глупость.

Я посмотрела на него, но он уже двигался в обход стеллажей. Я сосредоточилась на

Эрике.

— Эрик?

Он смотрел на меня невидящим взглядом.

— Это Рейн.

— Рейн, — повторил он, склоняя голову на бок и изучая меня взглядом. Его глаза на какой-то момент засветились.

Я протянула руку.

— Да, Рейн. Идем со мной, Эрик. Идем домой.

— Дом, — повторил он. Затем резко повернул голову в другую сторону, словно почувствовал присутствие Торина. Его глаза сощурились. — Валькирия, — прорычал он и набросился на Торина.

Сила его атаки отбросила их на другой конец прохода прямо в стеллаж. Он накренился к кафельному полу, зашатался и упал на соседний, вызывая эффект домино. Стеллажи опрокидывались, заключая в ловушку, стоящих рядом людей. Близкое расположение стеллажей, спасло их от угрозы быть расплюснутыми. Люди не прекращали друг друга избивать.

— Приди в себя, черт возьми, — закричал Торин. Он пригвоздил Эрика к полу лицом вниз и заломал ему руки в каком-то странном захвате. У обоих на лицах и руках светились руны. Может, я смогу достучаться до Эрика, пока Торин обездвижил его. Я побежала в их сторону.

— Нет, Рейн. Не подходи, — предупредил Торин.

Не слушая его, я упала на колени и заглянула Эрику в лицо.

— Эрик? Ты меня слышишь? Это Рейн. Пожалуйста, слушай мой голос. Посмотри на меня, — он посмотрел мне в глаза, однако в его взгляде не было узнавания. — Я знаю, что ты там, Эрик. Слушай мой голос. Вернись ко мне. Прошу.

Его глаза снова засияли, и я была уверена, что он узнал меня. Но затем снова стали стеклянными. Он поднялся, почти сбрасывая Торина с себя, и замахнулся свободной рукой. Я пыталась уйти в сторону, но было слишком поздно. Его удар пришелся мне в бок и отправил меня в полет через коридор.

Я обхватила голову руками, оставив бок на милость удара, который, я знала, скоро произойдет. Край стеллажа пришелся на ребра, и по всему телу разлилась боль. Воздух наполнил крик, затем в эхо ему раздалось рычание. В следующую секунду кто-то поднял меня с пола.

Я открыла глаза и увидела перед собой горящие глаза Торина.

— Ты снова поранила голову?

— Нет. Эрик...

— К черту Эрика, — прорычал он. — Я говорил тебе, что не собираюсь мириться с этой хренью. Он сделал тебе больно.

— Он не знал, что делает. Отпусти меня...

Громкий скрежет прорезал воздух, прерывая меня на полуслове. Звук смешался с криками и шумом, которые теперь достигли своего апогея. Затем стеллаж, о который я ударилась, накренился и упал на другой позади него. Они оба упали, и в разные стороны разлетелись товары, стоящие на них. Весь магазин выглядел так, словно по нему пронесся торнадо. Я повернулась, ища взглядом Эрика, но Торин активировал одну из своих ускоряющих рун. Секунду назад я наблюдала обломки, а сейчас меня несут через портал,

сделанный в стеклянном окне.

— Нет, мы не можем оставить здесь Эрика. Он все еще опасен для людей, — я пыталась вывернуться из его рук, но он только усилил хватку, задевая мои ушибленные ребра. Я подавилась криком. Он выругался.

— Я сделал тебе больно, — он остановился, всматриваясь в мое лицо.

— Нет, — соврала я. — Я сказала, чтобы ты поставил меня на место.

— А я сказал, не подходить близко к нему, — он осторожно поставил меня на ноги и дотронулся до моей руки. — У тебя течет кровь. Как твои ребра?

— Я могу стерпеть несколько ушибов, Торин. Мы нужны Эрику.

— Я уже о нем позаботился, — он закатал рукав моей куртки; в его руке был белый артавус. — Теперь твоя очередь. Почему ты никогда меня не слушаешь?

Я попыталась выдернуть руку из его захвата, но резкое движение вызвало приступ боли в груди. Я стиснула зубы.

— Что значит «уже позаботился о нём»? Если ты навредил ему, я кожу с тебя сниму.

Он усмехнулся:

— Сначала тебе придется поймать меня. Если ты не заметила, я гораздо быстрее тебя, новобранец.

— Ненадолго, — я напряглась, готовясь к жжению. Как только лезвие коснулось кожи, я почувствовала жар. словно через артавус мне под кожу пустили энергетический разряд. Он так быстро нарисовал руну, что я почти не заметила ожог. Розоватые и вздутые руны потемнели и спрятались, оставляя на коже лишь след чернил. Затем края подернулись сиянием.

— Только посмотри, — он изучал свою работу. — Красиво, правда?

— Скромности в тебе ни на грамм, — они, действительно, смотрелись красиво. Сияние руны усиливалось перед тем, как совсем исчезнуть, унося вместе с собой боль в руке и боку. Я встретила глазами с Торин. Его взгляд потемнел.

— Я нанес тебе руны своим кинжалом, — сказал он.

Словно в первый раз.

— Да, это что-то особенное? — но потом я вспомнила, почему мы находимся на парковке. — Эрик.

Торин посмотрел мне за плечо, его взгляд помрачнел.

— А вот и он.

Я развернулась: к нам приближался Эрик. Он пошатывался, словно пьяный, на лице выражение, будто он убил кого-то. Я пошла ему навстречу.

— Понимает ли он, насколько ему повезло с твоей любовью и самоотверженной преданностью? — услышала я за спиной Тори. Я остановилась и, шокированная его словами, посмотрела на него круглыми глазами. В его голосе слышалась грусть.

— Рейн, — позвал Эрик.

Сердце сжало. Оба нуждались во мне, однако, по разным причинам. Тори. нужна была моя любовь, которая у него и так была, пусть он даже этого не знает. А у Эрика неприятности, и ему очень нужна моя помощь. Неуверенная, кто нуждается во мне больше, я заколебалась. Я почувствовала странное покалывание, будто за мной следят. Повернув голову, я увидела их — Норны. На меня обрушилась злость. Трусихи.

— Мне так жаль, Рейн, — сказал Эрик; в его голосе чувствовалось раскаяние. — Я не хотел, сделать тебе больно.

— Знаю. Ты был, эмм, в транс. Как тебе удалось прийти в себя?

Он почесал подбородок, посмотрел на Торуна и вздрогнул.

— Я слышал, как ты закричала. Не знаю, что произошло со мной. За этот день меня так вырубало два раза. Ты видела, какой хаос там творится? — он указал на видеосалон.

Я посмотрела туда, и взгляд снова зацепился за Норн. Я повернулась, делая несколько шагов в сторону Торуна. Приблизившись к нему, я обняла его лицо и поцеловала.

— Я люблю тебя, Торин Сент-Джеймс. Но, если ты хотя бы раз засомневаешься в моих чувствах или сравнишь их с моими чувствами к кому-либо еще, тебе лучше бежать так быстро, как ты недавно хвастался, потому что, если я тебя догоню, ты очень сильно пожалеешь, — пока он стоял, уставившись на меня, словно я отравила еще одну голову, я вытащила из его внутреннего кармана кинжал и направилась в сторону Норн. Из магазина начали выходить люди, некоторые извинялись, другие выражали свой шок из-за того, что сделали, но я не позволила им замедлить меня. Впервые страх перед Норнами исчез.

Поравнявшись с Мардж, я посмотрела ей прямо в глаза.

— Держитесь подальше от меня, моих друзей и моей семьи. У вас был шанс защитить Эрика, и вы его упустили. Несмотря на все ваши силы, вы неспособны чувствовать и дарить свои чувства другим, вы не можете любить. А у меня этого хватит на всех. На него. На Торуна. На всех, кого я люблю. Теперь Эрик под моей защитой, и с ним все будет в порядке и без вашей помощи или этого дурацкого артавуса, — я всучила Мардж кинжал, развернулась и пошла к Эрику и Торину.

— Ты дала ей клинок? — услышала я Кэти, но не обернулась посмотреть. Надеюсь, наши дороги больше никогда не пересекутся.

— Могу я теперь с ними поговорить? — взгляд Эрика был устремлен на Норн.

— Тебе не захочется иметь с ними дела. От них одни неприятности. Я сама расскажу все, что тебе надо знать.

Глава 16

Разбитое сердце

Торин сел за руль, нахмурившись. У него было это выражение с тех пор, как я вернулась, переговорив с Норнами.

— Куда? — спросил он.

— В кинотеатр, — ответил Эрик с заднего сиденья.

Эрик редко позволял кому-либо прикасаться к его машине, однако то, что он передал ключи Торину доказывало, что он запутался после превращения в зло. Я вздрогнула, ненавидя, что могла подумать о слове «зло» и Эрике в одном лице.

Я повернулась на переднем пассажирском сиденье, чтобы изучить его.

— Ты уверен? Я думала, ты хотел поговорить.

— Мы поговорим, но я хочу кое-что проверить. Нам не нужно смотреть фильм.

У меня было ощущение, что «кое-что» было Корой. Я посмотрела на Торуна.

— Я думаю, мы пойдем в кино.

Вместо того, чтобы запустить двигатель, Торин сказал:

— Извините, — он вышел из джипа, подошел к моей стороне и открыл дверь. — Пойдем со мной.

Меня охватило волнение. Я сделала первый смелый шаг и призналась в своих чувствах, и он собирался рассказать мне о своих. Когда мы были на некотором расстоянии от джипа, он остановился и нахмурился.

— Ты уверена, что сейчас расскажешь ему правду? Здесь? Он может измениться и начать то, что случилось там, — он указал на Хаб, — все сначала.

Я вздохнула. Он был прав. Эрик может услышать информацию и рассердиться.

— Что ты предлагаешь мне делать?

— Убеди его подождать, пока мы не вернемся на место.

— Возможно, он не захочет ждать.

— Ты можешь убедить его подождать, Веснушка. Ты единственный человек, которого он слушает.

Я вздохнула:

— Хорошо. Я постараюсь, но если он будет настаивать, скажу ему. Ненавижу то, что происходит с ним, и ненавижу скрывать правду от него.

Я ждала, что Торин произнесет то, что я сказала ему, схватит меня за руки и скажет, что любит меня тоже. Секунды тикают. Он пристально посмотрел на меня и потер затылок.

— Ладно, мне этого достаточно, — сказал он и взял меня за руку. -

Давай.

Я размяла ноги.

— Ты выгнал меня из машины, чтобы поговорить об Эрике?

Торин взглянул на меня и нахмурился.

— Да. Было бы грубо обсуждать его в машине, пока он сидит на заднем сиденье.

Разочарование накрыло меня. Чего я ожидала? Что он будет так рад услышать, что я любила его, и что он тоже меня любит? Хах, я была такой идиоткой.

Вернувшись в машину, он убедился, что я села, прежде чем сам проскользнул за руль. Торин бросил на меня быстрый взгляд, но я смотрела прямо вперед, делая вид, что не

заметила. Было больно, что он даже не мог понять, что я ему сказала. Похлопав по спине и «ты просто думаешь, что любишь меня, Веснушка» или «это просто крушение девичьей мечты» было бы предпочтительнее. По крайней мере, тогда у меня был бы повод сердиться, вместо того, чтобы эта пустая пустота распространялась внутри меня.

Слезы выступили на глазах, и я уставилась в окно и сильно моргала, пока мои эмоции не оказались под контролем. Он что-то сказал, но я этого не поняла. Когда он потянулся к моей руке, я повернулась и полезла в карман, чтобы достать мобильный телефон. Его рука повисла в воздухе, прежде чем крепко сжать руль.

Я проверила свои текстовые сообщения. Все они были от Коры. Первые спросили, где мы находимся. К шестому смс она была рассержена тем, что я бросила ее и уехала с Торинном. Даже при том, что я знала, что она выключит свой мобильный телефон во время просмотра фильма, я ответила на ее сообщения. И удивилась, когда она вернула мне сообщение. Я поморщилась. Она никогда не простит меня.

Торин подъехал к кинотеатру, и я выскочила из машины, прежде чем он смог прийти и открыть дверь. Когда он подошел к моей стороне, я открыла дверь.

— Мы догоним тебя позже, — сказала я, вставая рядом с Эриком.

Торин нахмурился, его взгляд пробежал между мной и Эриком.

— Веснушка...

— Просто дай нам секунду.

Торин выглядел не очень счастливым, но он кинул Эрику ключи и направился к кинотеатру. Я смотрела, как он уходит, мое сердце болело от сожаления и тоски. Мне не стоило говорить ему, что я люблю его. Он не был готов. Может быть, он никогда не будет. По тому, как обстоят дела, он никогда не восстановит свои воспоминания, что только сделало одну вещь явно очевидным. Он больше никогда не будет моим.

Мои глаза затуманились, и я моргнула, пытаясь снова остановить слезы. Мне это не удалось.

— Что случилось, Рейн? — спросил Эрик.

Я покачала головой.

— Ничего.

— Ты плачешь.

— Я нет, — я шмыгнула носом и вытерла щеки.

Он потянулся и включил свет на крыше Джипа. Его челюсти сжались, когда он изучал меня.

— Что он сделал?

— Кто?

— Как ты думаешь? Торин! — огрызнулся он.

— Ничего. Он ничего не сделал. И ничего не сказал, — я прижала пальцы к внутренним углам глаз, чтобы остановить слезы, но они продолжали течь. — Все это дерьмо с Норнами, которое доходит до меня. Жаль, что я их не встретила. Я хочу...

Нет, я никогда не могла пожелать, чтобы я никогда не встречалась с Торинном и не узнавала правду о Валькириях. Я прищурилась и сосредоточилась на Эрике. Представила себя на его месте каждый вечер, просыпаясь от страха, не зная почему, затемно, видя хаос, который не имел смысла. Я бы сошла с ума. Кроме того, он ненавидел ложь. Я тоже отказалась хранить от него секреты, но в то же время я ненавидела то, что собиралась с ним сделать.

— Что вам сказали Норны? Это было обо мне?

Я кивнула. Его пораженный взгляд, который пересек лицо, заставил меня отодвинуть в сторону мои личные проблемы. Его проблемы были хуже моих. Я должна была быть сильной для него.

Я подарила Эрику робкую улыбку.

— Прости, что я включила водопровод.

— Нет, не извиняйся, — он потянулся и вытер влагу с моего подбородка. — Просто поделись со мной.

Теперь, когда пришло время сказать ему правду, я не знала, с чего начать. Я закусила губу и мысленно покрутила возможные варианты. Вы говорили кому-то, что любили в нем что-то, что было злым? Я отказалась верить в то, что он был злым. То, что не зависело от него, заставляло затрагивать людей и вызывать гнев в них, находилось вне его контроля.

— Просто скажи мне, — убеждал он. — Я могу с этим справиться.

— Ты был ответственный за игроков, дравшихся в «Доме на Утесе», и людей в «Хабе», — мой язык споткнулся, заторопившись, чтобы всё рассказать и покончить с этим. — Какую бы эмоцию ты ни испытывал, ты заражаешь людей вокруг.

Эрик сел, его янтарные глаза сузились.

— Как? Почему?

Выдохнув, я объяснила то, что сказала Мардж, от его родителей до того, почему мы собрались вместе. Я уставилась в его лицо, чтобы увидеть реакцию, но его выражение было нечитаемым.

— Я должна защищать тебя, кроме того, что я занимаюсь дерьмовой работой...

— Нет, у них не было прав, заставляющих тебя отвечать за меня, — он покачал головой. — Мне смешно это говорить, но ты Смертная, Рейн, а не Норна, — он откинулся на спинку сиденья и потер шею.

— Они настаивают, что я должна стать Норной, и ты моя первая причина.

Он фыркнул:

— Глупые старухи.

Я изучала его в зеленом освещении джипа.

— Почему ты так спокойно относишься к этому? В тебе есть что-то, Эрик. Что-то...

— Злое, — он закончил, и я поморщилась.

— Темное, — поправила я. — У всех есть темная сторона, но мы все находим способ справиться с ней. Ты научишься решать свои проблемы.

Он пожал плечами.

— Полагаю, что так. Я подозревал, что за последние несколько месяцев во мне застрял Халк. Это сводило меня с ума. Теперь, когда я знаю правду, со мной все будет хорошо. Я смогу справиться с этим, — он взглянул на меня и вспыхнул мальчишеской усмешкой. — Все, что мне нужно сделать, это быть счастливым. Это билет на то, чтобы получить все, что я хочу, -

он обнял меня, затем откинулся назад, его рука все еще держала мою. — Спасибо, за честность, Рейн.

Он думал об этом гораздо лучше, чем я думала.

— А что с Корой?

— Да, Кора, — он выглянул наружу в сторону кинотеатра. — Когда заканчивается фильм?

Я посмотрела на часы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Через сорок минут. Кино началось час назад, и Кора сообщила мне, что осталось около сорока пяти минут.

— Думаю, теперь нет смысла смотреть его, но мы можем поговорить с Торин, пока они не выйдут.

Мысль о том, чтобы гулять с Торин, ужасала меня в этот момент. Мне нужно было время, чтобы зализать раны. Придумать оправдание тому, что сказала. Я могла забрать свои слова назад, но откинула эту идею. Любить Торина и отрицать это, все равно, что отречься от воздуха.

— Не возражаешь, отвезти меня домой?

Он нахмурил лоб.

— Но Торин ждёт тебя там.

Я улыбнулась.

— Да, ну, я не в настроении разговаривать прямо сейчас. Встреча с Норнами, как правило, отнимает у меня всю энергию.

— Ты хочешь сказать Торину, что мы уходим?

Я выбрала путь трусов, но мне было все равно.

— Нет. Он не будет возражать. Я с ним увижусь.

Эрик казался нерешительным. Потом кивнул.

— Хорошо.

Мы сели в джип, и я откинулась на сиденье, закрыла глаза и вспомнила сцену возле «Хаба». Я попыталась вспомнить, что сказала, слово в слово, выражение лица Торина. Он выглядел удивленным. Сюрприз был хорош, не так ли? Это означало, что я его ошеломила. Может быть, ему нужно время, чтобы обдумать мои слова. Или, может быть, я просто оправдывалась за него.

— Эй.

Я взглянула на Эрика. И поняла, что джип больше не двигался и остановился. Мы были припаркованы у меня на подъездной дорожке.

— Спасибо за скорость. Увидимся завтра или позже.

Он указал позади меня, и я обернулась. Торин. Он, должно быть, использовал портал, чтобы добраться сюда так быстро. Он пересек наш двор, его глаза сверкали, шаг был целеустремлен. Это было нехорошо.

— Ты хочешь, чтобы я остался? -

спросил Эрик. Я услышала улыбку в его голосе.

— Нет. Со мной все будет в порядке, — я смотрела, как он идёт по подъездной дорожке и уходит, а затем сосредоточилась на Торине. — Что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя. Ты убежала от меня.

— Нет, я этого делала, — сказала я нейтральным тоном. — Эрик привез меня домой в своем джипе.

Торин подошел ближе, его взгляд безотрывно смотрел мне в лицо.

— Почему?

Я сунула руки в карманы пиджака и пожала плечами.

— Я устала. Это был долгий день.

— Я бы отвез тебя домой.

Я вздохнула:

— Чего ты хочешь, Торин?

— Правды.

Он пододвинулся ближе, пока я не почувствовала тепло его тела. Его запах дразнил мои чувства, и желание плакать нахлынуло на меня.

— Ты это имела в виду? — спросил он мягко.

Я сглотнула:

— Я имела в виду что?

— Пожалуйста, не играй в игры прямо сейчас, Веснушка. Ты сказала, что любишь меня, — он выдохнул и потер лоб. — Ты это имела в виду?

Моим первым порывом было соврать. Защитить себя. Сохранить гордость. Но потом я заметила напряжение на его лице, его кулаки сжались и разжались, как будто он готовился к плохим новостям, и я знала, что не могу убежать от истины.

— Да, я это имела в виду.

Он осмотрел мое лицо.

— Тогда повтори это снова.

— Я люблю тебя, Торин Сент-Джеймс.

Он выдохнул, притянул меня в свои объятия и уткнулся лицом в мои волосы. Он дрожал. Я обняла его руками, и мгновение мы просто качались.

— Никогда не переставай любить меня, — прошептал он.

— Никогда, — поклялась я.

Он поднял голову и изучил мое лицо в поисках сомнений.

— Ты теперь моя, Рейн Купер.

Это было не признание в любви, но я должна была довольствоваться этим на данный момент.

— И ты мой, Торин Сент-Джеймс.

Он усмехнулся, опустил голову и поцеловал меня. Это был не страстный поцелуй. Это было мило. Шепот благоговения. Обет беречь. Слезы застилали мои глаза. Когда он поднял голову, он вытер влагу с моих щек и смущенно улыбнулся мне.

— Прости, что всегда заставляю тебя плакать.

— Это слезы счастья.

Он убрал волосы от лица, его прикосновение было таким нежным.

— Когда я не нашел тебя на стоянке, то подумал, что потерял тебя. Я никогда больше не хочу чувствовать это снова.

— И я никогда не хочу ощущать, то, что почувствовала возле «Хаба». Ты действовал так, как будто мои слова ничего не значили для тебя.

Он прикоснулся лбом ко мне.

— Я имел в виду... они означают всё для меня, но я не хотел ничего говорить, потому что есть причина, по которой я вернулся сюда, Веснушка.

— Я думала, что ты здесь, чтобы пожинать плоды футболистов, а Кейвилл собирался быть вашей базой на пару лет.

— Это так, и мы здесь из-за игроков, но что более важно, я должен кое-кому. Я думал, что никому не буду рассказывать, особенно тебе, до тех пор, пока я не исполню долг, — он осмотрел мое лицо. — Но я понял, что я не честен с тобой и с нами. Я не могу потерять тебя. Ты мне нужна. Я тебя хочу. Ты та, о ком я думаю каждую секунду с момента, когда я

просыпаюсь, — крошечная улыбка скривила его губы. — Ты даже вторгаешься в мои мечты. Если это не было признание в любви, я не знала, что было. Я усмехнулась.

— Это не смешно, — сказал он, но углы его губ дрогнули.

— Так что это за услуга, которую ты должен другу?

Он улыбнулся и покачал головой.

— Извини, я не могу это обсуждать.

— Ты тоже раньше не рассказывал мне об этом, и смотрите, где это нас достало.

Он коснулся моего носа.

— Хорошая попытка. Ты не можешь обвинить меня, что я не сказал тебе то, что поклялся хранить в тайне.

Его взгляд переместился, и я проследила за его взглядом. У нас на кухне загорелся свет. Папа, должно быть, слышал джип Эрика.

— Я лучше пойду.

Руки Торина сжались вокруг меня, говоря, что он не хотел меня отпускать.

— Я возвращаюсь в кинотеатр, чтобы убедиться, что Эрик не наделает глупостей. Могу ли я прийти позже и держать тебя в объятьях, пока ты не заснешь?

Я усмехнулась, мне нравилась эта идея.

— Только если ты пообещаешь мне сказать, кому ты обязан.

— Я не могу, но я очень рад, что это наша новая база, потому что я нашел здесь тебя.

Снова.

Мы поцеловались, а затем он проводил меня до парадной двери, ожидая, пока я не отпущу дверь и не войду внутрь.

* * *

Я заглянула в кухню, но никого не увидела. Странно. Тот, кто включил свет на кухне, исчез. Я пошла выключать свет и увидела, как ноги отца торчат из-за шкафа. Что он делал на полу? Наверное, что-то исправлял. Он всегда что-то мастерил в поздние часы.

— Пап?

Его ноги не двигались. Через меня прокатилась паника. Я не могла объяснить, как быстро я двигалась, но через секунду была в дверях, отделяющих гостиную от кухни, а затем смотрела на него сверху вниз.

— Мама! — закричала я и упала рядом с его неподвижным телом. Его лицо было пепельным. — Мама!

Мама вошла в кухню, руны на ее теле были видны через ее белое белье.

— Почему ты кричишь?

— Папа...

Ее глаза расширились, и она практически пролетела через кухню и опустилась на колени рядом со мной. Она подняла его голову и положила себе на колени. Папа застонал.

— С ним все будет в порядке, - спокойно сказала она. — У него шишка, но это не опасно для жизни.

— Он без сознания, мама. Это нехорошо, — мои руки дрожали, когда я потянулась к телефону. — Я вызываю скорую помощь.

— Нет. Руны могут позаботиться о нем быстрее, — несмотря на ее спокойствие, она взглянула на меня, и я увидела тревогу в ее глазах. Она была напугана. -

Позови кого-нибудь из дома по соседству.

Торин. Я направилась к двери, но он вышел из зеркала, когда я пересекла гостиную. Слезы облегчения бросились мне в глаза.

— Как...?

— Я говорил тебе, что всегда знаю, когда нужен тебе. Что-то не так?

Я указала на кухню:

— Папа... без сознания на полу.

Торин последовал за мной на кухню. Он обменялся взглядом с мамой, который я не могла описать, и, не говоря ни слова, встал на колени рядом с папой, в его руке уже было стило. Я вздрогнула, когда он начертил руны на руке отца, всматриваясь в его лицо, чтобы узнать о движении. Жизнь. Что-нибудь. Он не открыл глаза, но его цвет улучшился.

— Почему он не просыпается? — спросила я, повысив голос.

— Он проснется, — сказала мама, подойдя ко мне. — Отнесем его в комнату.

Руны появились на лице и руках Торина. Затем он положил одну руку под колени папы, а другую под руки и поднял, как будто тот ничего не весил. Папа, возможно, был худоват с момента его возвращения, но он был таким же высоким, как Торин.

— Он будет в порядке? — прошептала я.

Мама кивнула.

— Да. Должно быть, он поскользнулся на кухонном полу. Я всегда говорю ему, чтобы он не ходил по кухне в носках. Они скользят.

Мы проследовали за Торином вверх, в спальню моих родителей. Наблюдая, как он осторожно положил папу на кровать, это напомнило, что он спас моего отца. Мама накрыла папу и откинула волосы с лица, ее движения были мягкими.

— Спасибо, — мама взглянула на Торина. — Утром все будет хорошо?

«Почему она спрашивала Торина?»

— И ему будет нужно хорошо отдохнуть, — сказал он, — ему нужно успокоиться.

— Я прослежу за этим. Спасибо, — мама улыбнулась мне, но я не могла подавить чувство, что она больше беспокоилась о папе, чем показывала. — Спокойной ночи, милая. Мы поговорим утром.

— Доброй ночи, — я поцеловала ее в щеку, потом подошла к папе и рассмотрела его лицо. Опустившись, приложила губы к его лбу. — Доброй ночи, папочка.

Я осела у стены, закрыв дверь в спальню. Торин обнял меня и просто держал.

— Ты в порядке? — спросил Торин.

— Нет, — я обняла его за талию. Медленно мы шли к моей спальне. — Мы почти потеряли его раньше, и мысль потерять его снова... Я не знаю, что бы я сделала, если с ним что-нибудь случилось.

Торин поцеловал меня в лоб.

— Ты бы продолжала жить, потому что ты сильная.

Я откинулась назад и нахмурилась.

— Что это за ответ? Ты должен был сказать мне: «С ним ничего не случится», или что-то в этом роде. Он клей, который держит мою семью вместе. Мы едва успели сделать...

Торин приложил палец к моим губам.

— Успокойся, Веснушка, — он толкнул дверь в спальню и закрыл ее позади. — Ты

неправа. Ты клей, который держит вашу семью вместе. Я вижу это в глазах твоего отца и улыбке твоей матери, когда они смотрят на тебя.

— Ты действительно так считаешь?

— Я знаю. Теперь перестань говорить о своем отце. Я вернусь, как только поговорю с Эриком, — он поцеловал меня в губы и пошел к зеркалу; руны появились на его руках и на лице. Зеркало растворилось в портале, пока я не увидела ряд писсуаров. Он подмигнул и прошел через него.

Как только портал закрылся за ним, я пошла в ванную, чтобы смыть макияж с лица и почистить зубы. Я обыскала свой шкаф на предмет нужной пижамы — два кусочка ткани, из кружевного нижнего белья, который Кора заставила меня купить. Она пылилась в задней части моего шкафа. Я надела её, изучила свое отражение и усмехнулась. Забралась под одеяло и стала ждать.

Секунды стали минутами, затем часами.

Я чуть не сдалась, когда в комнату влетел нежный свист теплого воздуха, и появился портал. Торин вошел в мою комнату, его глаза нашли меня. На мгновение время остановилось, улыбка исчезла с его губ. Интересно, о чем он думал. Возможно, у нас были одни мысли. Я хотела сорвать одежду с его великолепного тела и сделать действительно, неприличные вещи для него. Он переоделся в серые брюки и белую майку, которая открывала его мускулистые руки. Серьезно, он мог носить мешок и по-прежнему выглядеть сексуально.

— Как Эрик? — спросила я, садясь.

Глаза Торина расширились. Он покачал головой.

— Он в порядке, но я не могу лечь к тебе, пока ты в этом.

— Что? — я надулась. — Что с этим не так?

— Где ты держишь свою настоящую пижаму? — спросил он.

Я захныкала.

— Ты шутишь, что ли? Она настоящая.

— Это вызывающие вещи, о которых я не должен думать сейчас, — прорычал он, открывая мой гардероб. Он изучал полки с одеждой.

Я достигла своей цели. Я встала на колени на кровати и стала ждать, пока он развернется.

— Так что тебя останавливает?

— Я не сдерживаюсь, когда занимаюсь любовью, Веснушка, и я буду уверен, что ты этого не сделаешь, поэтому это не место и не время, чтобы сделать тебя моей.

Изображения мелькнули у меня в голове, и я усмехнулась. Не могла дождаться, когда стану его.

— Знаешь, это достаточно плохо, я не могу думать, когда ты носишь эту смехотворную пижаму, которую должны объявить вне закона. И не позволяй мне начинать лапать тебя, — он взглянул через плечо и сузил глаза. — Убери эту улыбку с лица и скажи мне, где ты положила свою уродливую пижаму.

Я хихикнула. Не думать? О, мне нравится быть его девушкой. Он еще ничего не видел.

— У меня нет уродливой пижамы, но если предпочитаешь скучные, я кое-что найду.

— Нет, ты останешься. На самом деле, забирайся под одеяло и натяни его до подбородка.

— Ты нытик, — сказала я.

— А ты дразнишься и бесстыдна и... — он изучал меня. — Соблазнительная. Может быть, это не такая хорошая идея.

— Да, это так, — последнее, что хотела бы, чтобы он ушел. Я скользнула под одеяло и подтянула его к подбородку, а затем выдала ему широкую улыбку.

— Пижама лежит на средней левой полке.

Он закатил глаза, потом перевернул мою одежду и достал фланелевую красную пижаму с белыми и черными оленями. Не та. Она была уродливой. Я обычно отдыхала в ней по воскресеньям зимой. Я сомневалась, что даже Эрик когда-либо видел, как я ее ношу.

Торин прижал ее к груди и ухмыльнулся.

— Симпатичная.

— Уродливая, и она слишком теплая.

— Ладно, мы будем спать без одеяла, — все еще улыбаясь, он вручил мне пижаму и откинулся назад. У меня возникло искушение перевернуться, чтобы просто подразнить его, но он пресек мои попытки. Мы не могли ничего сделать, так как родители были дома. Мама, если она еще не спала, вероятно, знала, что он в моей комнате. Я откинула одеяло и встала с постели.

— Мямля, — пробормотала я и ударила его по спине пижамой, когда проходила мимо.

— Ведьма.

— Чудак.

— Симпатичная задница, — добавил он. Я посмотрела через плечо и усмехнулась. Я простила его.

Я улыбалась к тому времени, когда закрыла дверь в ванную. Улыбка исчезла, как только я переоделась и заглянула в зеркало. Агм, пижама превратила меня в ничтожество. Рубаха проглотила меня, и моя грудь выглядела жалко. Выцветший красный цвет был уродливым, но штаны были хуже. Олени смотрели на меня с насмешливым блеском в их глазах-бусинах.

Чувствуя себя троллем, я открыла дверь и посмотрела на Торуна. Он лежал на моей кровати, скрестив руки за головой, и выглядел удивительно красивым и сексуальным. В принципе, я должна была настаивать, чтобы он сменил свою майку. Проблема заключалась в том, что я любила все это, и его голая кожа была в моем распоряжении.

Он усмехнулся.

— Ты выглядишь восхитительно.

— Заткнись, — я легла рядом на живот и изучала его. Я не могла поверить, что он снова мой. — Нет, я забираю это. Скажи мне больше.

Он усмехнулся, гладил мои волосы и изучал лицо, как бы запоминая его.

— Тебя будет невозможно не любить.

— Но я восхитительна. Ты так сказал.

Он поцеловал меня, и я почувствовала улыбку на его губах. Вскоре я потерялась в нем. Его аромат стал воздухом, которым я дышала, его вкус — нектар на моих губах, а его мышцы музыкальный инструмент для моих ласк. Поцеловать его было, как есть запретный плод, и я не хотела останавливаться.

Мои чувства вскипели, от его прикосновений. Когда он обнял меня за шею, я откинула голову, давая место для поцелуев. Горячая лихорадка прокатилась по мне, заставив забыть глупую пижаму. Как будто зная, что мы достигли точки предела, когда назад дороги не будет, он поднял голову и внимательно посмотрел на меня, синее пламя пылало в центре его глаз. Он подошел, выключил прикроватную лампу, плюхнулся на спину и прижал меня к

груди.

— Ложись спать, Веснушка.

— Но...

— Никаких, но. Я хочу тебя с каждым вздохом. Никогда не сомневайся в этом. Но я не собираюсь брать тебя, пока твой отец... — он выдохнул, — твои родители спят дальше по коридору.

— Тогда пойдем к тебе, — прошептала я, обхватив руками его шею.

Он усмехнулся.

— Как только я исполню свой долг, который должен, и ты все еще захочешь меня, я весь твой.

«Еще захочешь меня? Странная фраза».

Ужасное предчувствие окутало меня. Мама однажды сказала мне, что если ты должен умереть, ты не сможешь избежать смерти. Я потянулась к Торину и включила свет. Он прищурился от внезапного света, пока я изучала выражение его лица.

— Долг не связан с пожинанием душ моих друзей, не так ли? Знаешь, Кора, Эрик и люди, которых я «спасла» во время последней встречи?

— Не-ет.

— Хорошо, потому что я никогда не прощу тебя, если вы были здесь, чтобы забрать их души.

— Я знаю, — он снова выключил лампу и поцеловал меня в лоб, обняв меня. — Теперь спать.

Я не могла не думать о том, что его долг имеет какое-то отношение ко мне. Это может объяснить то, что Эндрис имел в виду. Торин все еще жертвовал чем-то ради меня. И я не могла понять чем. Возможно, я спрошу Эндриса.

Глава 17

Водопады

Я проснулась, повернулась и потянулась к Торину, но на другой стороне кровати было пусто. Его запах задержался на подушке и простынях. Я зарылась, туда, где он спал и улыбалась, как идиотка. Торин Сент-Джеймс любил меня. Он, возможно, не сказал этого, но глубоко внутри я знала, что это так.

Спрыгнув с кровати, я подошла к окну и подняла раму. Он сидел на своём подоконнике, словно ожидая меня, с кружкой в руке.

— Доброе утро, — сказала я.

Он поманил меня пальцем.

Качая головой, я указала на свою пижаму. Я отказывалась ходить по нашим лужайкам в этом уродстве.

Он поставил свою кружку и исчез из поля зрения. Через несколько секунд прошел через портал в мою спальню, руны всё ещё горели на его коже. Я влетела в его объятия на утренний поцелуй. Он был изумительным: кофе, смешанный с мятой и его неповторимым вкусом, который мне нравился. Дополнительный протяжный звук пришел от рун, и я подумала, будут ли мои чувства раздуты, когда у меня будут руны.

— Вот как ты говоришь доброе утро, — прошептал он.

Мне понравилось.

— Я могла бы привыкнуть к этому.

— Тебе же лучше.

Он снова поцеловал меня, дольше, глубже. Когда поцелуй ослабел, он изучил мое лицо.

— Хочешь сегодня заняться чем-нибудь забавным?

— Зависит от того, будешь ли там ты?

Он усмехнулся.

— Да. Помнишь водопады, ты говорила, что мы посещали их?

Я кивнула.

— Малтнома-Фоллс.

— Пойдем сегодня.

Это может вызвать некоторые из его воспоминаний. Честно говоря, я уже отказалась от попыток вернуть их. Это уже не имело значения. Мы создавали новые.

— Хорошо.

Он поцеловал меня в губы.

— Хм, кто-то готовит бекон и блины.

— Блинчики из черники, специализация папы, — он, должно быть, чувствует себя лучше. — Хочешь?

Он засмеялся.

— Нет, спасибо.

— Давай. Воскресенье — завтрак в постель у моих родителей. Папа приносит поднос наверх, и они оба часами исчезают в своей спальне, а я ем внизу. Одна, — я надулась.

Он ущипнул мой нос.

— Заманчиво, но нет. Мы с тобой разделим много завтраков, и я буду готовить их только для нас. А теперь иди к отцу. Твоя мать всё ещё спит.

— Откуда ты знаешь? Неважно. Обостренные чувства Валькирии.

Я наблюдала, как он прошел через портал. Торин по-прежнему был одет в серые тренировочные брюки и белую майку с прошлой ночи. Даже в мягкой одежде он хорошо выглядел. Я подождала, пока он доберется до своей комнаты и повернется, прежде чем спросить:

— Когда мы выезжаем?

— Через пару часов. Одевайся тепло. Я не хочу, чтобы ты простудилась.

После закрытия портала я вышла из комнаты и спустилась вниз. Папа стоял перед плитой, переворачивая блины. После ужасной прошлой ночи я была рада видеть, что он выглядит так хорошо отдохнувшим. Он увидел меня, улыбнулся и понизил громкость телевизора.

— Доброе утречко, тыковка. Готова к моим специальным черничным блинчикам и лучшему хрустящему бекону?

— Абсолютно, — я обняла его и отступила. — Как ты себя чувствуешь?

Он бросил на меня острый взгляд.

— Хорошо. Почему ты спрашиваешь?

Не знаю, стоит ли вспоминать о прошлой ночи или нет, так что я продолжила:

— Ты далеко бегал, прошло совсем немного времени, и ты приготовил ужин.

Папа усмехнулся.

— Ты думаешь, несколько миль и готовка нескольких блюд меня утомят? В этих старых костях всё ещё остается энергия.

— Ты не старый, — запротестовала я, вспомнив, как он выглядел лежащим на полу. Как тряпичная кукла.

— Хочешь сосчитать седые волосы, которые появились на моей голове из-за тебя?

— Я идеальная модель дочери, — сказала я и усмехнулась, когда он засмеялся. — Можно мне чем-нибудь помочь?

— Налей мне ещё чашку кофе, а затем начни с чая твоей мамы.

— Она всё ещё спит?

— Как младенец.

Я наполнила его кружку кофе, и добавила ванильные сливки к моему. Он уже поставил поднос на двоих, а середина была пустой. Это было мило, как он заботился о маме. Я посмотрела в окно, пытаясь угадать, что делает Торин. Если папа и заметил, как я смотрела на кухонное окно, он не сказал этого.

На экране телевизора появилась карта погоды. Шанс дождя был пятьдесят процентов, но мне было все равно. Я не могла дожидаться, чтобы пойти на Малтнома-Фоллс с Торинком. Надеюсь, мы возьмем Харлей. Род. Имя было идеальным для мощной машины.

— Возьми поднос вверх, — сказал папа, когда закончил.

Он обычно сам поднимался вверх.

— Ты не идешь?

— Прямо за тобой, дорогая.

Я подняла поднос вверх, прижала его к животу и постучала в дверь спальни, но ответа не было. Осторожно, чтобы не слишком много шуметь и разбудить маму, я повернула ручку двери, открыла дверь и заглянула внутрь. Она все еще спала. Я положила поднос на тумбочку, на цыпочках вернулась к двери и осторожно закрыла за собой дверь.

Голоса слышались снизу. Я узнала голос Торины. Он, должно быть, решил

присоединиться ко мне или пришел, чтобы отменить нашу поездку. Я поспешила на кухню. Как будто он почувствовал мое присутствие, Торин поднял глаза и улыбнулся. Его волосы были влажными, и он переоделся. Я все еще была в своей уродливой пижаме. Жизнь не справедлива.

— Эй, — сказала я, и мой взгляд метался между ним и папой. — Что ты здесь делаешь?

— Не будь грубой, дорогая, — сказал папа. — Торин пришел спросить, может ли он забрать тебя на день.

Это было смело и благородно, но я могла сказать, что папа не был слишком удивлен.

— О!

— Хорошо, я лучше пойду и разбужу твою мать, прежде чем ее чай станет холодным, — он улыбнулся, но его глаза выглядели встревоженными.

Отец похлопал меня по плечу, когда прошел мимо. Я обернулась, чтобы посмотреть, как он уходит. По какой-то причине он выглядел так, словно постарел за несколько последних минут. Валькирии такие страшные, особенно когда вежливые, как Торин? Он поступил правильно. Само благородство. Ребята не спрашивали отцов, могли ли они встречаться с дочерьми. В любом случае, в этом столетии. С другой стороны, Торин пришел из другого времени и не забыл о своем благородном воспитании.

— Ты пришел, чтобы попросить моего папу отпустить меня? — спросила я.

Торин внимательно изучал меня, как будто думал, что ответить. Затем он пожал плечами, смущенное выражение смягчило его выточенное лицо.

— Это было бы так ужасно?

Я рассмеялась и взяла его за руку.

— Нет. Идеально. Что он сказал?

— Ты его маленькая принцесса, и если я тебя обижу, он будет охотиться на меня, как на бешеную собаку, и обезглавит.

Я хихикнула.

— Мой отец не жаждет крови.

Торин усмехнулся.

— Нет, не жаждет, — он посмотрел мне прямо в глаза и добавил: — Ни один человек, Валькирия или божество, никогда не будут достаточно хороши для моего маленького воина, поэтому относитесь к ней с уважением, которого она заслуживает, молодой человек, или я стану душой, которая откажется быть пожатой.

Это звучало так, как сказал бы мой отец.

— Он знает о неупокоенных душах?

Торин вздрогнул.

— Он знает, что я терпеть не могу и издеваться надо мной.

— Я уверена, что он был просто шокирован твоей галантностью.

Я потянула его за руку и добавила с преувеличенным британским акцентом:

— Добро пожаловать, сэр Торин Сент-Джеймс. Ваш завтрак ждет.

— Твой акцент жесток, — сказал он, стараясь не смеяться.

Завтрак стал забавным и занял больше времени, чем мои обычные пять минут. Я ненавидела, когда он уходил, но мысль о том, чтобы провести с ним следующие несколько часов, заставила меня мчаться наверх, чтобы принять душ и переодеться. Я оделась тепло: кофту с рукавом три четверти, длинные брюки и ботинки до колен. Схватила пару перчаток и поспешила наверх. Я не могла дождаться, чтобы узнать, как создавать порталы, чтобы я

могла просто проскользнуть в его комнату за считанные секунды.

Снаружи небо было пасмурным, но до сих пор не начался дождь. Миссис Ратледж что-то делала на крыльце. На этот раз она не перекрестилась и не вернулась в свой дом, как будто я была отродьем Хель. Она даже улыбнулась и кивнула. Я подарила ей крошечную улыбку. Должно быть, она решила, что я больше не зло.

Я направилась по соседству, понимая, что она всё ещё наблюдает за мной. Дверь гаража была открыта. «Мы возьмем внедорожник?» Я не надеялась. Торин появился с другой стороны внедорожника, где он держал свой Харлей, неся шлем под мышкой. Мой шлем. Я узнала красную молнию сбоку.

— Это...

— Мой, — сказала я. — Ты вспомнил?

Судорога эмоций, которые я не могла определить, пересекла его лицо.

— Нет. Я догадался.

Он встал передо мной и осторожно надел шлем на голову. В первый раз, когда он это сделал, я волновалась, что еду с ним. Нервная, но возбужденная.

— Что смешного? — спросил он.

— Просто вспомнила, как мы впервые поехали на твоём Харлее.

Его глаза расшились, и он подтянул мои волосы под шлем. На этот раз я узнала сожаление в его сапфировых глазах. Любое напоминание о прошлом вызывало его.

— Ничего особенного.

Он наклонил мой подбородок, провел большим пальцем по моим губам, разрушив идеально наложенный блеск для губ, а потом поцеловал меня. Это было полное вторжение в мои чувства, и, хотя я приветствовала его и вернула все, что получила, я знала, что что-то не так. Когда он поднял голову, он хмурился.

— Неважно, что ты не помнишь, Торин, — сказала я.

Голубые глаза изучали меня.

— Это то, что происходит со мной. Я чувствую, что конкурирую с собой. С моим другим я.

— Но...

— Я знаю, что это звучит безумно, но воспоминания, которые отняли Норны, являются частью нашего общего опыта, Веснушка, — его глаза вспыхнули с решимостью. — Я хочу, чтобы они вернулись. Все они.

Они так много значили для него? Я поднялась, откинула прядь волос со лба и стала гладить его лицо, мои глаза горели.

— Хорошо. Тогда мы сделаем все возможное, чтобы вернуть их.

Его глаза сузились.

— Ты снова плачешь?

— Нет, не плачу, — я оседлала байк и села. — Итак, Эндрис решил вернуть Рода?

Он усмехнулся.

— Я же сказал, что он меня проверяет. Он может быть задницей, но он неплохой. Он знает, что мы с Родом неразделимы, — Торин сел, взял мои руки и обернул их вокруг талии. — Держись крепко.

— Ты знаешь, куда ехать?

— Эндрис показал мне карту на своем ноутбуке. Это все здесь, — он постучал по голове.

Я прижалась щекой к его спине. Он запустил двигатель и выехал из гаража. Я думала, что видела папу у нашего кухонного окна, но могла ошибаться. Миссис Ратледж всё ещё была снаружи. Она махнула рукой.

Как и раньше, Торин ехал с обычной скоростью, пока мы не достигли трассы И-5 и не отправились на север. Руны появились по всему его телу, и он прибавил скорость, пока пейзаж не расплылся. Двадцать минут спустя, замедлился возле знака к Малтнома-Фоллсу, самым высоким водопадам в штате Орегона, и съехал с шоссе.

Он припарковался, но прежде чем мы смогли начать путь к водопадам, пробормотал:

— Вода падает на две скалы и в пруд на дно второго потока.

— Да, — «Пожалуйста, позвольте ему вспомнить». Я потянула его за руку. — Пойдем.

Он осмотрелся, пока мы следовали маршрутом, который проложили в первый раз, когда подошли к водопадам. Теперь листья полностью изменили цвет, осень была в самом разгаре. Мы прошли проложенной тропой к мосту. Возле ограждений он обнял меня за талию, потянул ближе, и мы уставились на открывающийся вид. Затем отправились бросать монеты в пруд желаний.

Он схватил меня за запястье, когда я собиралась бросить монету.

— Ты загадываешь только одно желание, или разбиваешь первое. Я не знаю, где это слышал, но осталось где-то в подсознании.

Я наклонилась и взглянула на него через плечо. Он помнил.

— Мой папа говорил это, и я сказала тебе, когда мы впервые приехали сюда.

— Странно, я помню, что называл тебя Веснушка, и что ты сказала, что твое имя Рейн с непроизносимым Е, но я до сих пор не помню, о чем мы говорили.

Почувствовав разочарование, я обняла его за талию, когда мы вернулись в домик. Хотелось бы, чтобы я могла что-то сделать, чтобы он все вспомнил. Мы поднялись по лестнице на второй этаж. В ресторане было немногочисленно, поэтому мы нашли хороший стол у окна с панорамным видом на водопад.

— Мы обслуживаем воскресный завтрак до двух часов, — сказала официантка, вручая нам меню.

Их меню было обширным. Вместо предлагаемого завтрака с омлетом Торин отправился на кухню, чтобы поговорить с шеф-поваром. Он убедил их приготовить нам еду из своего обычного обеденного меню — ребра с жареным картофелем и спаржей для него и куриным пирогом для меня. Я была впечатлена.

Мы позавтракали, затем переместились на диван возле камина и просто заблудились в нашем маленьком мире. Позже

спустились вниз в сувенирный магазин. Я сделала ошибку, сказав Торину, что люблю статуэтки пингвинов, потому что он настаивал на том, чтобы я получила статуэтку и выдутое вручную стекло с великолепными цветами, сделанными Glass Eye Studios. Когда я прикоснулась к великолепному пресс-папье с тиснением, он тоже купил его. В описании говорилось, что зола, используемая для изготовления стекла, появилась в 1980 году из-за извержения горы Сент-Хеленс в Вашингтоне.

Пошел дождь, давая нам повод остаться немного дольше. Проводя время между уютным холлом и баром на втором этаже, снэк-баром, кофейной и сувенирным магазином внизу, мы наслаждались обществом друг друга. Посетили даже Ознакомительный центр Лесной службы США. Это не был Музей Колумбийского ущелья, Ознакомительный центр находился всего в получасе езды от водопада, но до него стоило прогуляться. Торин любил

историю и доказывал это, когда задерживался и читал сноски на картинах.

Мы не уходили до самого закрытия в шесть часов.

* * *

Дома Торин проводил меня до двери. Мама открыла ее, прежде чем он успел уйти.

— Эй, вы, двое, — сказала она. — Куда вы исчезли?

— Водопад Малтнома. Мы были бы дома несколько часов назад, но не могли ехать на байке под дождем, — добавила я, когда папа посмотрел на нас, выглядывая сзади. Я знала это выражение его лица. Он волновался.

— Ты благополучно вернулась домой и это главное, — мама отошла в сторону и широко распахнула дверь. — Пройдешь, Торин?

— Нет, миссис Купер. Мне нужно проверить других, — он коснулся моей руки. — Позже, — прошептал он, затем повернулся и пошел к подъездной дорожке.

— Это была экскурсия на целый день, — сказала мама, закрыв за собой дверь. Я не была уверена, была ли это критика или риторическое заявление.

— Ты не хотела, чтобы я помогала тебе чем-нибудь, не так ли?

— Нет, дорогая. Но в следующий раз, когда вы решите исчезнуть на весь день, позвони домой.

— Но Торин сказал папе, куда мы идем, и вы только что сказали, что мы благополучно добрались...

— Не имеет значения, что сказал Торин или я. Ты всегда звонишь домой, чтобы сообщить нам, что с тобой все в порядке, если уезжаешь на весь день.

Я поморщилась.

— Хорошо, — я поднялась по лестнице.

— Не так быстро, — сказал папа. — Вы поели? Я приготовил лазанью, и она всё ещё теплая.

— Мы с Торином ели на базе, пап.

Он и мама обменялись взглядом, который показался мне тревожным. Когда отец ушел в комнату и оставил меня с мамой, я точно знала, что что-то случилось. Я видела корзину в прачечной с того места, где стояла. Мама обычно загружала стирку и составляла ему компанию, в то время как он смотрел игру по телевидению.

— Все в порядке?

— Миссис Ратледж сказала, что она видела, как ты разговаривала сама с собой прошлой ночью. Есть ли что-то, что ты хочешь мне сказать?

Любопытная карга. Я ненавидела ее, но не так сильно, как ненавидела трех Норны. Они, должно быть, были невидимые, что означало, что я выглядела как полный псих, разговаривая сама с собой. Неудивительно, что миссис Ратледж улыбнулась мне. Она, наверное, пожалела меня.

— Ну? — спросила мама.

Вздохнув, я рассуждала, как с этим справиться. Если скажу ей, что Норны пришли в дом, мама будет беситься. Кроме того, я не могла сказать ей, что они говорили с Эриком без подготовки.

— Кора позвонила в дверь, затем она вернулась, чтобы взять что-то из-за ее автомобиля. Миссис Ратледж, должно быть, видела меня, пока я ждала Кору. Почему она всегда сует свой нос в чужие дела?

Мама бросила на меня порицающий взгляд.

— Она одинока. Будь осторожна, когда имеешь дело с ней. Она убеждена, что ты сумасшедшая. Она даже дала мне визитку психиатра, друга ее мужа.

— Я ее ненавижу, — я поднялась наверх.

— Лоррейн Купер. Она старая женщина.

— Это не оправдание. Ее муж тоже стар, но он хороший. Спокойной ночи, мам, — я наклонилась над перилами лестницы и закричала: — Спокойной ночи, папа.

— Едва ли после шести рановато ложиться спать, — сказала мама.

— У меня есть домашнее задание. Я так близка, — указала я пальцем, — чтобы закончить.

Наверху я взглянула в окно. В спальне Торина светились огни. В моей комнате прошелся теплый ветерок, и я повернулась, когда он вошел. Один взгляд на его выражение, и я знала, что что-то не так.

— Что случилось? — спросила я, ловя его взгляд.

— Я должен присоединиться к другим в Олимпийском учебном центре Чила Виста в Калифорнии. В одном из зданий был пожар, и несколько учеников и их инструкторы погибли, — он поцеловал меня в лоб. — Увидимся позже, в зависимости от того, сколько душ мы должны пожать.

— Вы так же пожинаете в Калифорнии? — спросила я, следуя за ним к portalу.

— Только Тихоокеанский Северо-Запад, но Валькирии в Калифорнии нуждаются в нашей помощи, — он повернулся, ухмыльнулся и подмигнул. — Я вернусь.

Остаток вечера я продолжала следить за их домом, чтобы посмотреть, вернулись ли они, но окна оставались темными. Только когда была уже в постели, я поняла, что не слышала ничего от Кору или Эрика. Я отправила им текстовые сообщения.

«Я уезжаю из города. Увидимся завтра,» — отозвалась Кора.

Эрик не ответил на мои сообщения.

Глава 18

Первые руны

Следующим утром я рано встала и не спешила переодеться, прежде чем спуститься в столовую. Моих родителей не было. Я жевала кукурузные хлопья и изучала окна в доме Торина. Но не было никакого движения. Никаких звуков Харлея. «Они всё ещё в Калифорнии? В Валхалле?» Вздохнув, я схватила свой рюкзак и направилась к машине.

Было странно приезжать в школу и не видеть, как Эрик и Кора ждут меня на стоянке. Я надеялась, что они поговорили и разобрались во всем. Харлей Торина пропал со своего обычного места. Это тоже странно. Несколько учеников помахали мне, и я ответила им. Предполагаю, что статус подруги кватербека стер мою репутацию злой ведьмы с Запада.

— Рейн, подожди, — позвал Дрю, прежде чем я дошла до входа в школу, я обернулась. Он был со своим другом Китом.

— Где Сент-Джеймс? — спросил Кит.

— Он пропустил барбекю в доме тренера Хиггинса.

— Он должен был позаботиться о некоторых семейных делах.

Кейт обнял меня за плечи.

— Поскольку ты пропустила нашу игру в Портленде, ты участвуешь в открытии?

— Через две недели, — добавил Дрю.

— С кем мы играем? — спросила я, пытаюсь проявить интерес.

— С Крестоносцами, — ответил Дрю, — избранные... — он взглянул на Кейта, и они оба ухмыльнулись. — Это домашняя игра. Мы только что узнали.

Иезуиты на нашем стадионе? Это было глобально. Крестоносцы были одной из лучших команд в штате. Они прошли в финал четыре раза и выиграли несколько раз. У нас нет шанса победить их. Я изобразила интерес.

— Это здорово.

— Ты будешь в группе поддержки? — спросил Кит.

Я не хотела привлекать внимание.

— Нет. Я буду «болеть» за ребят с трибуны.

— Отлично! Сент-Джеймс обрадуется, если ты будешь там, — добавил он.

Ага, конечно, подружки определяли, кто выиграет игру. Но, девушка игрока имела свои преимущества. Мальчики проводили меня к моему шкафчику. По пути некоторые из их друзей присоединились к нам. Все они хотели знать, почему Торин пропустил барбекю. Я не могла сказать, что он провел воскресенье со мной.

— У вас будет время, чтобы спросить его, — сказала я, а потом застонала, увидев мой шкафчик. Больше граффити. Теперь я заколдовала нового кватербека. У кого-то серьезные проблемы в отношении меня.

— Эй! — Дрю привлек внимание орущих студентов и тех, которые проходили или стояли вдоль шкафчиков. — Тому, кто делает это дерьмо с Рэйн, лучше остановиться или будете иметь дело со мной, — он ткнул пальцем в грудь.

— И со мной, — добавил Кит.

— И со мной, — сказали одновременно несколько качков.

— Вы против девушки Сент-Джеймса, вы против всей команды, — добавил один из них.

Кора подошла, когда они все еще угрожали расчленивать вандалов. Она скорчила мину.

— Их преданность напоминает мне команду по плаванию, прежде чем... — ее щеки порозовели. — Ну, до аварии. Когда ты вернешься?

— Я не знаю.

— Ты действительно должна вернуться. Мы нуждаемся в тебе, — она запихнула свои книги в шкафчик, взяла то, что ей необходимо, и добавила: — Я должна бежать. Увидимся во время ланча.

Я смотрела ей вслед. Она проигнорировала Дрю и Кейта, это было так не похоже на нее. Как правило, она безбожно флиртowała. Я оставила качков и направилась наверх, но Торина не было в классе и Лавании тоже. Это должен быть один из адовых дней.

Эрик появился в коридоре, окруженный несколькими девочками из команды по плаванию. Я махнула, чтобы он подошел. Он обвил одну руку вокруг Эммы Уилер, а другую вокруг Дарби Шоу и полностью игнорировал меня. Что он делал? Кора вела себя странно, теперь Эрик. Раздражаясь, я подошла туда, где они стояли.

— Привет, Рэйн, — поздоровалась Эмма.

— Когда ты вернешься в команду? — спросила Дарби.

— Я не знаю, — я пыталась поймать взгляд Эрика, но он избегал моих глаз.

— Мы слышали о тебе и новом кватербеке. Как тебе это удалось? — спросила Эмма.

Я уставилась на нее.

— А ты как думаешь, Эмма? Я околдовала его. Эрик, нам нужно поговорить, — не обращая внимания на протесты девушки, я отвела его в сторону. — Что ты делаешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Мы не разговаривали с субботы. Ты игнорируешь меня?

— Нет, я окружаю себя любовью, — он помахал девочкам. — Чем больше, тем лучше. Увидимся позже.

Я схватила его за руку и прошептала:

— Я знаю, почему ты делаешь это, Эрик.

Он покачал головой.

— Нет, не знаешь.

— Не верь всему, что сказали Норны. Они манипулируют нами.

— Не Норны причинили боль тебе, Рейн, — сказал он сквозь зубы. — Я сделал это.

Я ждала, пока пройдут несколько школьников, чтобы ответить:

— Торин исцелил меня.

— Это не имеет значения. Как мне убедиться, что это никогда не повторится?

— Поэтому ты не отвечаешь на мои звонки и смс?

— Нет, держусь подальше от тебя и всех, кто меня волнует, — он высвободил руку. — Оставьте меня в покое.

Несколько человек прошли мимо и посмотрели на нас. Они, наверное, слышали его.

— Это глупо, — окликнула я его.

— Отвали, — он вернулся к девушкам, которые наблюдали наш разговор и теперь шептались. К обеду, я уверена, что они бы обсудили услышанное.

Покачивая головой, я пошла в класс, прежде чем прозвучал второй звонок. Место Торина оставалось пустым, как и Лавании. Они не появились во второй занятий и во время обеда. Эрик вновь был окружен толпой девочек-пловцов. Когда Кора села напротив меня, я наклонила голову.

— Что? — спросила она.

— Ты видишь это? — я кивнула в сторону Эрика. Он был все еще в очереди.

Она взглянула на него и пожала плечами.

— Он кажется счастлив.

— Хорошо, что он гуляет с другими девушками?

— Это его выбор. Как и твой, — она указала вилкой на меня, — если ты еще раз бросишь меня, как вы сделали в субботу, я официально отрекись от тебя.

Я скорчила гримасу.

— Извини за это. Так что случилось в субботу? Я думала, что Эрик вернулся в кинотеатр, чтобы увидеть тебя.

Она усмехнулась.

— Больше похоже на унижение Джадена. Это было эпично.

— Что он сделал?

Ее глаза загорелись.

— Он подождал, пока мы выйдем из театра, подошел к Джадену и сказал ему, что если он когда-нибудь снова обратится ко мне с неуважением, он сломает ему обе ноги, — она рассмеялась. — Джаден рассмеялся ему в лицо и отвернулся. Затем Эрик схватил его за ворот и ударил об машину. Я думал, что на машине будет огромная вмятина.

Джаден был на несколько дюймов ниже Эрика, но он шире и массивнее. Мне было бы приятно видеть его униженным. Судя по голосу Кору, ей понравилось.

— Эрик держал его над машиной одной рукой, Рейн, одной рукой, и Джаден не мог вырваться. Я не знаю, как он это сделал, но он был потрясающим.

— Вы вообще разговаривали?

Свет исчез из ее глаз.

— Нет. Он уехал. Я вернулась с Эндрисом и Ингрид.

Я нахмурилась.

— Значит, вы двое не разговаривали с тех пор?

Кора пожала плечами.

— Нет. Так что ты делала вчера?

Как она могла так легко отказаться от Эрика?

— Мы с Торином пошли в Малтнома-Фоллс.

Она сморщила нос.

— Скучно.

Я усмехнулась.

— Главное, не где, а с кем ты. Что вы делали?

— Мы пошли навестить друзей моей матери в Салеме, — она закатила глаза. — Все, о чем они говорили, было органическое то и органическое это. Даже их дочь, которая в моем возрасте, просто возилась с компостами и навозом... Отвратительно, — она вздрогнула, затем подняла глаза, и ее губы сжались.

Эрик сидел напротив нас за другим столом с четырьмя девушками. Взгляд Кору все время обращался на их компанию, даже когда Дрю и Кейт присоединились к нам. Эрик полностью проигнорировал нас. Я хотела подойти к их столу и пнуть его. Мне было так больно за Кору.

Когда я вошла в наш переулок, дверь гаража Торина оказалась открытой. Они вернулись! Ухмыляясь, припарковалась и обдумывала, стоит ли сначала остановиться на своем месте. Когда мысль оформилась в голове, их парадная дверь распахнулась, и вышел Эндрис. Я замахала.

— Подожди, — позвал он и пошел по лужайке.

— Как все прошло?

— Как что прошло?

— Жатва, — прошептала я.

Он пожал плечами.

— Как обычно. «Но я не могу умереть», — сказал он фальцетом. — Ты определенно мертв, но тебе повезло, потому что я провожу тебя в Фольванг, где ты будешь жить в роскоши на протяжении тысяч лет, пока не начнется битва в конце света, — кривлялся он, добавив свой обычный голос. -

«Могу я попрощаться с моими родителями?» — произнес он еще раз высоким голосом. — Они не видят тебя, глупый. Ты мертв, -

закончил он, снова своим обычным голосом. Он покачал головой. — Идиоты.

Я старалась не смеяться. Несмотря на его раздражающее пренебрежение к жизни, рассказ был забавным.

— Не называйте людей именами, — сказала я, направляясь к переднему входу.

Он последовал за мной.

— Они не люди. Это души, призраки. У тебя есть время поговорить?

Поговорить? Хорошо.

— Зависит от того, где Торин?

— Занимается, и Лавании здесь не будет до пяти. Она тоже помогала и все еще находится в Валгалле.

— Хорошо. Входи, — я отперла дверь и отступила, чтобы он зашел.

— Спасибо, — молодой человек сделал паузу, прежде чем войти. -

Разве я не упомянул, что ты выглядишь довольно привлекательно в своем наряде?

Я фыркнула.

— Привлекательно?

— Великолепно?

Я скорчила гримасу.

— Тебе не нужно хвалить меня, Эндрис. Я уже согласилась поговорить с тобой.

Я закрыла дверь, поставив гобой и рюкзак у подножия лестницы. Эндрис посмотрел в сторону гостиной.

— Могу я что-нибудь выпить? — спросил он.

— Конечно, — я махнула рукой в сторону бара.

Он достал стакан из шкафчика над раковиной и налил немного одного из алкогольных напитков моего отца.

— Хочешь? — спросил он, поднимая напиток.

— В холодильнике позади тебя есть содовая.

Он достал одну, даже достал мне стакан. Обычно я просто пила из банки. Эндрис

подошел к стойке и сел на табурет, потом сделал глоток.

— Итак, как в школе?

— Что? Ты пришел ко мне домой, чтобы обсудить школу?

— Нужна дробилка для льда, — он сделал еще глоток, и я поняла, что он нервничал.

Странно.

— В школе нормально. Сколько душ вы принимали на тренировочной базе?

— Двадцать тридцать, я не помню.

— Ты знаешь, сколько футболистов умрет?

— Нет. Не особенно заботит, — он сделал еще глоток.

— Вот почему вы им не нравитесь?

— Гораздо проще сказать кому-то, кто не нравится и не заботиться о том, что они мертвы, поэтому я стараюсь не слишком близко сходить с людьми. Торин, с другой стороны, любит. Это часть его... сущности.

Значит ли это, что Торин не испытывал проблем, сообщая людям, которых он любил, что они были мертвы? Я открыла банку, сделала глоток содовой и подождала, пока Эндрис скажет мне, в чем причина, почему он зашел ко мне. Он все еще колебался, потягивая свой напиток. Может быть, я должна успокоить его, сосредоточившись на чем-то другом.

— Ты помнишь, когда ты думал, что мы с Торином больше не собираемся быть вместе, и ты сказал, что он так много жертвует, и я понятия не имела?

Эндрис нахмурился.

— Я так сказал?

Я кивнула.

— Да. Что ты имел в виду?

Он закатил глаза.

— Ничего. Ты меня знаешь, всегда есть надежда получить ответ.

Я ему не поверила.

— Торин должен кому-то.

— Он должен? Я уверен, что это не так важно, или я бы слышал об этом, — он наклонился вперед. — Давай вернемся к моему вопросу. Ты обещала рассказать мне о Малиине.

Неудивительно, что он был беспокоен. Мое взаимодействие с его бывшей было причиной, по которой та превратилась в зло.

— Что ты хочешь знать?

— Все.

— Ты помнишь нашу первую встречу в парке во время игры фрисби?

Он поморщился.

— Да. Извини, я заставил ее ревновать. Я никогда не должен был флиртовать с тобой.

Я изучала его. Он винил себя за то, что она сделала?

— Не ты сказал ей напасть на меня, Эндрис. Она решила отреагировать так сама.

— Она когда-нибудь рисовала на тебе руны?

Я покачала головой.

— Нет.

Он поставил свой пустой стакан на стойку, встал и стал мерить комнату шагами.

— Это не имеет смысла. Она должна была. Может, ты этого не заметила. Единственный способ, которым Валькирии превращаются в зло, — это когда они наносят плохие руны на

Смертных.

Мои мысли ежесекундно менялись, когда я пыталась вспомнить все, что произошло между мной и Малиной.

— В клубе она подумала, что я вышла на улицу, чтобы встретиться с тобой, и была очень зла. Она нарисовала руны на себе.

Он остановился.

— Я проверил ее книгу рун и не увидел злых.

Я понятия не имела, какие рисунки рун на ней связаны с ее книгой. Затем я вспомнила инцидент в бассейне.

— Она проводила Кору однажды ночью после тренировки.

Эндрис щелкнул пальцами.

— Вот что. После этого Кора стала странной?

— Да. Она почти выкинула нас на обочину по дороге домой.

— Ты заметила что-то новое в ней?

Я покачала головой.

— Нет.

— Интересно, почему Лавания ее недолюбливает?

Я фыркнула.

— Лавания не любит ее из-за Эрика. Она думает, что Кора недостаточно хороша, чтобы встречаться с ним.

— Вот дерьмо. Божество может общаться с любым, кого любит. Смертные, Валькирии, а еще Эльфы, другие божества, — он усмехнулся. — Он мог бы даже встречаться с великанами. Что-то в Коре беспокоит ее.

Мне не нравилось такое отношение к ней.

— Да что угодно, — если плохие руны Малиины, выгравированные на Коре, заставляют ту давать злобные флюиды, обвинять стоит Малиину, а не Кору.

Эндрис нахмурился.

— О чем она думала? Пометив Смертного плохими рунами, Малиина обозначила свою гибель. Она никогда не найдет пути назад.

Эндрис казался таким грустным. Он все равно в нее был влюблен, что было так душераздирающе. Я коснулась его руки.

— Эй. Может быть, она вернется. Ты не можешь знать.

Он покачал головой.

— Нет, не вернется. Спасибо, что сказала мне.

Я проводила его до двери и поднялась наверх, чтобы начать свою домашнюю работу. В глубине души я все время думала об Эндрисе.

* * *

— Сегодня мы начнем с рун, — сказала Лавания несколько часов спустя. Мы снова сидели на полу в гостиной. На столе были кожаный ремень с артаво и две книги из коричневой кожи с рунами на обложке и золотыми застежками. Одна из которых была толще и старше.

— Могу я задать один вопрос, прежде чем мы начнем? -

спросила я.

— Конечно, — Лавания налила воду в свой стакан.

— Ты пообещала, что расскажешь мне о разнице между Бессмертными и Валькириями.

— Как только мы нанесем основные руны на кожу, ты можешь задействовать их, чтобы вызвать особые способности, связанные с ними. Затем мы перейдем к привязке рун, которые являются комбинациями нескольких рун. Они более мощные и специфические. Привяжем руны к скорости, заживлению сломанных костей, защите от дорожно-транспортных происшествий, открытию порталов, остроте зрения, поэтому, когда ты начнешь быстро двигаться, ты все равно можешь видеть вещи, как обычный человек. Когда у тебя будут эти способности, ты станешь официально Бессмертной. Однако, не все Бессмертные становятся Валькириями.

— Почему?

— Как я уже говорила, ты должна убедить души уйти с тобой, чтобы стать Валькирией. Некоторые Бессмертные не имеют этого таланта.

Я вспомнила души на кладбище и вздрогнула.

— Неужели так страшно хотеть быть Бессмертным?

— Нет. Помнишь, я рассказала тебе о Вёлурах?

Я кивнула.

Вёлуры — это Бессмертные, но они настолько редки, что у нас их не было за несколько тысячелетий. Мы обсудим их подробно позже. Прямо сейчас, мы сосредоточимся на других Бессмертных. Они становятся слугами, стареют быстрее, чем Валькирии и боги, и пропускают некоторые из классных вещей, которые могут сделать Валькирии.

Да, сопровождение душ. Юппии.

— Слуги?

— Кто-то должен заботиться о богах. Хранители Эрика, Йохан и Сари, являются Бессмертными. Когда Валькирии падают, как твоя мать, они становятся просто Бессмертными. Все еще хочешь быть просто Бессмертной?

Я скривилась.

— На данный момент.

— Тогда давай превратим тебя в одну из них, — она передала мне книгу, открыла кожаный пояс и дала артавус. Затем открыла вторую книгу. Отдельные руны были аккуратно изображены рядами. Страницы были тонкими, как кожа животных на барабанах.

— Попрактикуйся в нанесении рун, начиная с первой строки. Я расскажу тебе, что они значат, когда их рисуют.

— Я рисую с помощью артавуса?

Она усмехнулась.

— Попробуй.

Ожидая, что его разорвет или оно загорится, я положила кончик стило на страницу и набросала свою первую руну. Вместо взрывов или ожогов у меня была красивая черная руна. Хм, интересно. В течение часа все, что я делала, было эскизом одной руны за другой. Те, которые связаны с главными богами — Одином, Фриггой, Фрейей, Тором, Тивом... Затем мы перешли к добродетелям — мужеству, богатству, здоровью, победе, семье, судьбе, радости...

Мы сделали перерыв, пока она приготовила чай. Затем вернулись в гостиную. Как

только я села и открыла свою книгу, то заметила пустые страницы.

— Что случилось? Я нанесла четыре страницы рун, и теперь они пусты.

Лавания усмехнулась.

— Это потому, что ты только тренируешься.

— Что ты имеешь в виду? Они самоуничтожились?

— В некотором роде. Когда ты используешь артавус для рисования рун в этих книгах, они исчезают через несколько минут. Точно так же, как когда мы рисуем на зеркалах и стенах для создания порталов.

— Но книга Торина имеет руны на своих страницах.

— Так будет и с твоей, как только ты начнешь их наносить на свою кожу. Видишь ли, всякий раз, когда ты используешь свой артавус для нанесения руны на коже, здесь появляется руна, — она постучала по моей книге. — С годами у тебя будет больше рун. Подумай об этом, как о паспорте своего бессмертия. Возьми стило и нарисуй руну Фреи на руке.

Я смотрела на нее. Она шутила?

— Сейчас?

— Да.

Я бросила на нее сомнительный взгляд.

— Будет больно.

— Конечно, это будет больно. Ты должна потерпеть, дорогая, — она встала. — Я собираюсь приготовить еще чая.

Я смотрела на стило, потом на руку и вздрогнула. Этого не произойдет. Дверь открылась, и вошел Торин. Он проанализировал увиденное одним взглядом и ухмыльнулся.

— Первая руна?

— Никаких замечаний в смартфоне, — предупредила я.

Его улыбка стала шире.

Я скорчила мину.

— Твоя первая была болезненной?

— Очень.

— Спасибо, что заставил меня чувствовать себя лучше.

Посмеиваясь, он закрыл дверь, поигрывая мышцами, и подошел к тому месту, где я сидела. Я очень сомневалась, что он заметил Лаванию на кухне. Торин запустил пальцы в мои волосы, обхватил затылок и поцеловал, не торопясь. Артавус выпал из моей руки. Я обняла его за шею, чтобы удержать на месте.

Он прервал поцелуй и прошептал:

— С тобой все будет хорошо.

Его глаза сказали, что он верит в меня. Я сглотнула.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты никогда не позволяешь страху или чему-то мешать тебе идти к тому, что ты хочешь. Можешь теперь отпустить меня? — я сделала это неохотно. Он снова поцеловал меня, встал и взял сумку.

Я схватила артавус. Я могу это сделать... Я могу это сделать... Я могу это сделать... Я подняла глаза, чтобы найти Лаванию и Торина, наблюдавшими за мной с кухни. Я впилась взглядом.

— Вы не против?

Они посмотрели друг на друга и обменялись улыбкой. Секунды тикали, мои глаза пробежали между лезвием и моей кожей, мое воображение работало на ускоренной передаче. Я видела, как кончик касался моей кожи, руническая энергия испепеляла мою кожу, боль стреляла в руку...

— Она не сможет этого сделать, — прошептала Лавания, но я услышала ее.

— Дай ей время, — ответил Торин.

Лавания вздохнула.

— Она не готова.

— Она готова, — настаивал Торин.

Я бы хотела, чтобы они просто заткнулись. Стиснув зубы, положила клинок себе на плечо и вывела руну. Слезы брызнули из глаз, но я не остановилась. Я тяжело сморгнула, сжала кулак и наблюдала, как моя кожа горит. Затем боль потухла. Руна потемнела, концы двигались и скручивались под моей кожей, как будто они были живыми.

Ухмыляясь, я подняла руку и показала ее. Лавания поклонилась. Торин просто ухмыльнулся. Руна светилась, все ярче и ярче. Затем она исчезла.

— Теперь проверь книгу, — сказала Лавания, возвращаясь в гостиную.

Я открыла книгу, и, конечно же, руна Богини Фрей была на первой странице.

— Пойдем со мной.

Лавания отвела меня к зеркалу в другом конце комнаты. Это было зеркало, которое Эндрис привез домой на днях. Я уставилась на наше отражение. Лавания все еще была самой красивой девушкой, которую я когда-либо видела, но я больше не возражала. У меня был Торин, и у меня не было причин завидовать ей.

— Теперь визуализируй руну, которую ты только что нарисовала. Наполни свой разум изображением и не останавливайся, пока оно не появится.

Непросто было визуализировать руну. После часа эскизов она была вытравлена в моем мозгу. Когда изображение заполнило голову, руна появилась на моем лбу. Она становилась все темнее по интенсивности, концы скручивались под волосами, приятные ощущения проносились сквозь меня. И снова она засветилась.

— Отпустите изображение, — сказала она.

Я сделала это, и руна стала тусклой и исчезла. Я засмеялась.

— Это было потрясающе.

— Счастлива, что ты так считаешь.

Мы вернулись к журнальному столику. Я так гордилась своей первой руной, что хотела ещё раз убедиться, что она не исчезла. Увидев ее в моей книге, я почувствовала облегчение.

— Руна Тора следующая, — сказала Лавания.

Я скорчила гримасу.

— Сейчас?

— Да, сейчас, моя молодая жрица. Тор защитник всего человечества, и все мы носим его руну. Ты отлично справилась и не должна останавливаться, — Лавания посмотрела на часы. — У нас есть время.

Мои часы показали почти семь. Занятия заканчивались в семь. Сосредоточившись, я изучала руну Тора. Это было просто, а это означало, что боль будет не слишком большой. Мои глаза метались от Лавании к Торину. Он поднял брови, бросая мне вызов. Я вздернула подбородок и взяла артавус. На этот раз мой взгляд не метался. Я проверила свою книгу, как только руна исчезла. Две руны, еще сотни. Мне повезло.

— Теперь для Одина, — сказал Торин.

— Вы издеваетесь надо мной? — запротестовала я.

Лавания взглянула на Торуна.

— Один? Фрея ее защитник.

— Я хочу, чтобы она тоже имела защиту Одина.

Лавания покачала головой.

— Почему?

— Норны крутятся возле нее. Ей понадобится мудрость Одина, чтобы вести ее.

Выражение лица Лавании стало задумчивым.

— Появлялись ли они на прошлой неделе?

Торин взглянул на меня, но он не ответил. Я поняла, что он ждет моей реакции, чтобы решить, стоит ли говорить Лавании правду или нет. Я не могла. Эрику придется решить, кому рассказать о своих проблемах.

— Нет, они не появлялись, но я знаю, что они придут, — я ухмыльнулась и взглянула на Торуна. Он ничего не сказал, стоя с непроницаемым выражением лица.

— Ну, пока они заняты своими другими обязанностями, мы можем завершить первую часть обучения, — Ооа хлопнула меня по руке и встала. — Увидимся завтра в четыре...

— Ей нужно добавить руну Одина, прежде чем она уйдет, — твердо произнес Торин.

— Сколько рун ты получил в свой первый день? — спросила я, боясь наносить больше рун.

— Десять? Двенадцать? — он взглянул на Лаванию.

— Четырнадцать, но ты был посреди битвы и должен был быстро исцелиться.

Торин взглянул на меня и ухмыльнулся.

— Думаешь, ты сможешь победить?

— Легко, — ответила я.

— Я не знаю, — он потер подбородок. — Я думаю, что пять — хороший стартовый номер для тебя.

— Если вы не заметили, я нахожусь в центре битвы с тремя средними и могущественными Норнами.

Торин фыркнул.

— Каждый день я сталкивался с легионами ящериц, ужасных сарацин, и...

— Дети! — приказала Лавания. — Достаточно! Ты, — указала она на Торуна, — вон! Нет. Иначе. Больше не смей прерывать наши уроки, — Торин выглядел так, будто собирался спорить, но она сузила глаза, и он захлопнул рот. Она повернулась ко мне. — Рейн, тебе не нужно добавлять еще одну руну, если ты этого не хочешь.

Взгляд Торуна говорил, что это важно для него.

— Все в порядке, — я подумала обо всех рунах, которые изучила сегодня. — Я добавлю Одина и его мужество, энергию, контроль, честь, победу, силу и терпение, потому что мне нужно будет иметь дело с некоторыми людьми, — я скосила взгляд в сторону Торуна. Он смеялся. Даже Лавания улыбнулась.

Через полчаса я закончила. Трудно было объяснить, как себя чувствовала. Энергичной. Непобедимой. Возможно, все было в моей голове, но я хотела попытаться заставить руны появиться и исчезнуть. Могу ли я перейти на сверхчеловеческую скорость? Есть сверхчеловеческая сила?

— Десять, ничего себе, — сказал Торин, когда он проводил меня домой. — Я просто

пошутил.

Я остановилась и изучала его.

— Ты не получал четырнадцать рун в свой первый раз?

Он ухмыльнулся.

— Не-а, но тебе пришлось пытаться побить мою запись. В конце концов, я не твой обычный рядовой парень.

Такое высокомерие иногда заставляло меня хотеть опустить его на грешную землю, но временами это было так мило. Как сейчас.

— Выпендриваешься. Так можно ли работать со сверхзвуковой скоростью?

— Нет.

— Суперсила?

— Нет.

— Стань невидимым? — не прекращала я.

Он обнял меня, тихонько усмехнулся.

— У тебя есть основные руны, Веснушка. Нужны привязки рун для дополнительных способностей.

— Тогда почему я так напряжена?

— Новые руны, вот в чем причина. Каждая из них подобна инъекции чистого адреналина. Ты получаешь мужество и чувствуешь, что можешь входить в горящее здание и выходить целой и невредимой. Руны победы заставляют чувствовать себя непобедимым. Но только до тех пор, пока ты не добавишь руны привязки, только тогда ты, на самом деле, станешь непобедимой.

— Это отстойно.

Он усмехнулся и поцеловал меня в макушку, затем помахал миссис Ратледж, которая была на крыльце.

— Добрый вечер, миссис Ратледж.

Она сверкнула сияющей улыбкой, которая могла соперничать с солнцем.

— Добрый вечер, Торин. Я слышала об игре в Портленде. Вы думаете, что троянцы выиграют в этом году?

Торин усмехнулся.

— Я не знаю, но нам будет весело.

— Это хорошо, — затем ее глаза сузились и стали прохладнее. — Как дела, дорогая?

— Намного лучше. Спасибо, что рекомендовали доктора Сайтек.

Она одобрительно улыбнулась.

— Я была рада помочь. Мы все хотим, чтобы ты поправилась.

— Спасибо.

Мы пересекли дорогу и пошли к моей входной двери.

— Красномордая карга, — пробормотала я.

— Будь добрее, — прошептал Торин.

— Я ненавижу ее. Она такая самоуверенная и любопытная и...

— Кто такой доктор Сайтек?

Я отперла дверь, повернулась и заметила, что миссис Ратледж все еще наблюдает за нами через дорогу. Затем ее внимание переключилось. Кора вошла в нашу подъездную дорожку. Со своего места я могла видеть только часть ее машины. Затем незнакомый внедорожник подъехал к тротуару.

— Доктор Сайтек — это врач, которого она рекомендовала моим родителям, потому что она видела, как я разговаривала сама с собой в субботу вечером, — рассеянно сказала я, обращая внимание на машину Кору, ожидая, когда та откроет дверь. Она была не одна, хотя я не мог сказать, кто с ней.

— Зачем ты разговаривала сама с собой?

— Я не разговаривала. Норны были невидимы, когда пришли сюда, — добавила я. Уголки его рта дернулись, и глаза замерцали. — Клянусь, если ты засмеешься, я буду бить по твоей заднице рунами.

Кора, наконец, вышла из машины. Одновременно из передней пассажирской двери показался Кикер. Двери внедорожника открылись, и Джейк, Сондра и Калед, три капитана команды плавания, с которыми я встречалась на прошлой неделе, направились в мою сторону.

Не мечтайте. Они не втянут меня в это дерьмо снова.

Глава 19

Вандал

В прошлом году, когда один из наших лучших пловцов хотел уйти из команды, все капитаны, включая меня, нанесли ему визит вежливости и, сыграв на его совести, заставили вернуться обратно. Этим пловцом был Калерб. Сегодня не самый лучший день, чтобы настаивать на каком бы ни было воссоединение. Мне еще с рунами разбираться, да и за Эрика переживаю с его безумием.

— Привет, голубки, — сказала Кора, как только Торин обернулся и встал рядом со мной.

— В следующий раз я убью тебя за такое, — прошептала я ей на ухо, когда она обняла меня. Я отступила назад и указала на Торуна. — Все, Торин Сент-Джеймс. Торин, Аманда, Джейк, Сондра и Калерб. Они из команды по плаванию.

— Мы можем поговорить? — спросила Сондра.

Было искушение сказать им «нет», но надо все расставить на свои места.

— Конечно. Заходите.

— Увидимся, — Торин быстро поцеловал меня в губы. Он поднял голову, и я заметила дьявольские огоньки в глубине его глаз. Я обожала его таким. Мне хотелось обернуться вокруг него и никогда не отпускать.

— Я не засмеялся, — добавил он.

— Врешь, но в этот раз я тебя прощаю.

Он усмехнулся, развернулся и медленно ушел. Все расступились в стороны, пропуская его и провожая взглядом. Он оглянулся, не обращая на них внимания, и подмигнул мне, кончики губ поднялись в лукавой улыбке, которая так нравилась мне. Я улыбнулась и открыла входную дверь.

Дома парни взяли стулья, что стояли у барной стойки, а девушки разместились на диване. Кора осталась стоять, выжидая, когда я с гневом обрушусь на них.

— Кто-нибудь хочет пить? — спросила я.

Я достала напитки и посмотрела на нее многозначительным взглядом, указывая головой в сторону кухни. Она последовала за мной. Мы прошли в самый дальний конец, где никто из гостей не смог бы нас услышать.

— Ты должна была сказать мне.

— Они подкараулили меня.

— Ну конечно. Где же? Сейчас уже за семь, а тренировка закончилась несколько часов назад.

Она вздохнула.

— Ладно. Когда они пришли, я была у Кикера, он капитан сейчас, если ты не знаешь.

— У Кикера? Вы двое сблизились.

— А чего ты ожидала? Ты полностью запала на одного аппетитного кватербека и ушла из команды. И не смей так злобно смотреть на меня. В прошлом году ты прижала Калерба и убедила его вернуться, сейчас он пришел за реваншем, — она мстительно ухмыльнулась. — Карма та еще сучка. Идем.

Делая вид, что душу ее, я смотрела на ее удаляющуюся спину. Вздохнув, поставила в духовку вчерашнюю лазанью, установила температуру на 250 градусов и последовала за ней

в гостиную.

— Ладно, давайте поговорим, — начала Сондра. — Мы хотим узнать, вернешься ли ты в команду.

— Когда ты вернешься в команду? — поправил Джейк.

— Касси сейчас вместо тебя, но она не ты, Рейн, — вмешался Кикер.

По очереди они пели в мою честь дифирамбы. Даже Кора в этом участвовала. Пару раз я выпадала из реальности. Конечно, я скучала по этому духу товарищества, по зависанию в кабинете Дока перед занятиями, по совместным обедам и осознанию того, что я была частью чего-то классного, но я не собиралась возвращаться.

— Я, эмм, ценю, что вы пришли поговорить, и понимаю, что я нужна команде, но я не могу вернуться. И я не знаю, вернусь ли вообще, — они разом заговорили, но я подняла руку.

Послушайте, сейчас я прохожу физиотерапию, и пока врач не скажет, что я абсолютно здорова, я не могу заниматься спортом, — я приврала, надеясь, что никто не видел, как я бегала в субботу. Судя по выражению их лиц, они не поверили. На самом деле, мне было все равно. Сейчас на первом месте — тренировки с Лаванией. — К тому же, завтра после занятий мне снова идти к врачу.

Дальнейших возражений не последовало, и я была рада, что они ушли. В дом вернулась со своим ноутбуком Кора.

— Ты, правда, ходишь к врачу или просто таким образом нас отшила?

Я была на кухне: проверяла, как там лазанья.

— И да, и нет. У меня не все в порядке с головой, — я ухмыльнулась своей шутке, но Кора не выдавила и улыбки. — Серьезно, у меня там пара титановых болтов. Хочешь потрогать?

Она скривилась.

— У тебя очень странное чувство юмора.

— Думаешь, я шучу?

Она прищурилась.

— Дай посмотреть.

Я убрала волосы, открыв участок кожи. Она дотронулась до нее, ощупывая по краям.

— Станные ощущения, — сказала она и посмотрела на меня. — Еще болит?

— Иногда давит, но я часто массирую это место, — я зачесала волосы как было. — Так ты останешься или поедешь к Кикеру?

Она сморщила нос.

— Могу и остаться. Чем-то вкусно пахнет.

— Папина лазанья. Будешь?

— Я уже поела, — она открыла и загрузила ноут. — Слышала, что произошло в «Хаб»?

В животе все упало.

— Нет, а что?

— Люди с ума посходили и разнесли это место. Несколько часов назад об этом говорили на радио. Им звонили люди, некоторые думают, что это что-то в воде делает всех психами. Другие считают, что это футбольная команда подседа на новые наркотики, так как они были в «Доме на Утесе», когда это все впервые началось.

Нахмурившись, я отложила в сторону тарелку и подошла к Коре. Она отвечала на комментарии в своем блоге.

— Что еще говорят?

— Думают проверить игроков на наркоте. Видимо, кто-то из них был в «Хабе», когда там началась драка.

И думать не стоит, что они могут найти в крови Торина. Годы использования рун должны были сделать что-то с его телом или кровью.

— Они могут сделать такое? Проверить учеников?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Думаю, им нужно только согласие родителей, а кто из них откажется от теста на наркотики?

Открылась гаражная дверь, и до меня донесся папин смех вперемешку с маминым. Мама заметила меня первой и помахала рукой. На папе были велосипедные шорты и футболка, а значит, он снова катался. По-моему, он выглядел еще слишком слабым и ему не следовало бы так напрягать себя.

— Ты разогрела обед. Отлично, мы купили десерт. Привет, Кора, — добавила мама и положила на стол коричневый пакет с логотипом кондитерской Джо.

— Здравствуйте. Готовитесь к октябрьским соревнованиям, мистер К.?

Папа улыбнулся.

— Нет, милая. Не думаю, что еще готов для такого. Как поживают твои родители?

Кора пожала плечами.

— Нормально. Работают.

— Надо мне как-нибудь заехать за свежими травами и фруктами. Может, на следующих выходных.

— Я им передам.

Папа ушел наверх, а мама налила себе бокал вина и устроилась за кухонным столом напротив Кору, изучая ее взглядом.

— Чем ты так усердно занимаешься?

Кора чуть улыбнулась.

— У меня блог. Я отвечаю на комментарии.

— А почему не ешь? — спросила мама.

— Я уже ела, — она закрыла ноут и посмотрела на меня, на ее лице отразилось странное выражение. — Вы слышали о футболистах, которые набросились друг друга в «Хабе» и в «Доме на Утесе», миссис К.?

— По радио говорили о чем-то таком. А что? — мама всмотрелась в наши лица. — Вы были там, когда это произошло?

— Не совсем, — пора убираться из кухни. Я взяла свою тарелку и жестом подогнала Кору. — Нам пора.

— Я была там, — сказала Кора, не сдвинувшись с места. — Все было так странно. В одну минуту все хорошо проводят время, а в следующую набрасываются друг на друга с кулаками.

— Ты тоже там была? — спросила мама.

Я снова замахала Коре, показывая, что нам нужно идти наверх. Она проигнорировала меня и добавила:

— Коллин дала мне пощечину без всякой причины, и я ее оттолкнула.

— Это ужасно, — сказала мама. — Не стоит использовать физическое насилие для решения ваших разногласий, Кора.

Кора смущенно улыбнулась.

— Понимаю. Не знаю, как это вышло. Я ненавижу драки, но на меня накатила эта неконтролируемая ярость. Понятия не имею, откуда она взялась.

Мне нравилось, что Кора нашла общий язык с моими родителями и могла обсуждать с ними все, что угодно, но именно на эту тему мне не хотелось говорить с мамой. Мне придется соврать, и она это тут же поймет.

— Мы пойдем наверх, мам.

— Где ты была, когда это случилось, Рейн? — спросила мама.

— Снаружи, эм, с Торином.

— Люди, звонившие на радио, думают, что игроки принимают наркотики, — добавила Кора. — Я думаю, это бред, ведь я и черлидерши тоже там были. Даже другие посетители посходили с ума.

Я на полном серьезе думала заклеить ей рот клеем. Я схватила ее за руку и потянула.

— Может, в «Доме на Утесе» в напитки подмешали какие-то вещества, которые вызвали такую реакцию, — сказала я. — Или у них с «Хабом» один и тот же поставщик.

— Подмешали вещества? — сказала Кора и засмеялась, когда мы поднялись наверх. — Не оригинально.

Я пожала плечами.

— Единственное разумное объяснение. Как ты думаешь, что случилось?

— У меня несколько теорий, — она показала мне последнюю запись в своем блоге, которая была о случае в «Доме на Утесе». В ней она винила инопланетных захватчиков. Она и понятия не имела, насколько это было близко к правде.

Я в пол-уха слушала ее объяснения, пока ела, периодически посматривая в сторону окна. Мне надо поговорить с Торином. Пока ела, делала домашние задания. Кора присоединилась ко мне после того, как закончила писать в свой блог.

— Ты сегодня разговаривала с Эриком? — спросила я ее после того, как мы все сделали.

— Нет. Во время тренировки он практически не замечал меня. Неважно, — пожала она плечами.

Я посмотрела на нее, удивляясь тому, как она легко все это воспринимает. Вспомнился недавний разговор с Эндрисом. Какой же он глупый. В Коре ничего не изменилось. Действие злых рун, которые нанесла на нее Малиина, закончилось еще в тот вечер. На следующий день она снова стала обычной язвительной собой.

* * *

— Ты ничего не замечал в Коре, что бы говорило, что она находится под влиянием злых рун, которые нанесла Малиина? — спросила я Торины тем же вечером.

— Нет. Я не особо к ней присматривался. Все мысли занимает одна брюнеточка.

Вот так запросто он отодвинул мои переживания о Коре в сторону. Своими дерзкими ласками, крепкими объятиями и языком он завладел моими мыслями, моим телом и самой душой. Мне оставалось лишь вздохнуть и не отставать.

Кончики его пальцев задели кожу, когда верх моей пижамы немного задрался, и меня

захлестнула волна жара. Его рука проскользнула под кофту, даря коже прикосновения, его ласки становились интимнее, и я перестала дышать. Возможно, это глупо, но кому в такие моменты нужен кислород. Я жила и дышала им. Когда его руки сменились губами, он открыл во мне ощущения, о существовании которых я даже не подозревала. Это было ошеломительно, прекраснее всего, что я когда-либо чувствовала.

Мы настолько потерялись в нашем мире, что только после громкого стука, я заметила, что у нас появилась компания. Я замерла. Торин нет.

Одну секунду он был в моих объятиях, и вот — он исчез. Я наклонилась, чтобы включить прикроватную лампу, повернулась и увидела, как он выворачивает Эрику руку. Эрик выглядел испуганным, его глаза блестели, а по лицу скатывался пот.

— Отпусти его, — сказала я, оправляя пижамную кофту.

— Что с ним? — спросил Торин.

— Он ходит во сне, — не отводя глаз от Эрика, я придвинулась к краю кровати. Мне хотелось обнять его и прогнать его кошмары, но я не могла. — Не пытайся разбудить его. Он может напасть на тебя.

С застывшим выражением на лице, и двигаясь неуклюже, словно зомби, Эрик нагнулся и подобрал одеяло, которое достал из моего шкафа и должно быть уронил, когда Торин схватил его. Он прошел вперед, вытянул задвижную кровать, улегся на ней и укрылся одеялом, которое едва полностью его укрывало. Через секунду он уже сопел.

— Туманы Хелль, — пробормотал Торин.

— Сомнабулизм — один из симптомов ночных кошмаров, — я подоткнула уголки одеяла и убедилась, что он полностью им накрыт. — Обычно он приходит сюда, когда не может заснуть. Думаю, моя комната для него словно надежное убежище или что-то вроде того.

Торин переводил взгляд с Эрика на меня.

— Ты не боишься его?

— Нет. Обычно он не ходит во сне. Я впервые его таким вижу, — я не знала чего ожидать и посмотрела на Торуна. Прошлой ночью он держал меня у себя в руках, пока я не заснула. Сегодня мне не хотелось, чтобы он уходил. — Можешь остаться сегодня немного подольше, на случай если он проснется или еще что?

— Могла и не просить, — он выключил свет, и мы забрались в кровать, но я ощущала его напряжение.

— Что такое? — спросила я.

Какое-то время он молчал, и я начала беспокоиться, что он не ответит.

— Я не знал, что у тебя есть выдвижная кровать. Я знал, что он спит здесь иногда, но просто полагал, что вы, эмм, спите вместе.

Я заглянула ему в лицо.

— Спим вместе в плане... просто спим или занимаемся сексом?

— И то, и другое.

Как может человек, в силах которого сделать меня самой счастливой девушкой в мире, повернуться и сказать что-то настолько обидное? «Но ты флиртовала с ним, пока встречалась с Эриком», — посмеивался тихий голосок на задворках моего сознания. Может, отголоски тех воспоминаний вынудили его сказать такие нелепые слова. Наверное, мне следовало прояснить несколько моментов.

Но прежде чем я смогла ответить, за моей спиной раздался шорох, и я мгновенно

обернулась. Эрик сидел и издавал странные звуки, словно он кричал с закрытым ртом.

— Все хорошо, Эрик, — прошептала я. — Ложись спать. Пожалуйста.

Он отреагировал на мой голос. Когда он схватил меня за руку, я поняла, что он услышал меня, и дотронулась до него. Вцепившись в мою руку, он лег и перестал издавать мычащие звуки. Я продолжала говорить, пока его дыхание не стало ровным. Я попыталась высвободить руку, но он только сильнее ее прижал.

— Веснушка, — нежно позвал Торин за спиной.

— У меня не было ни с одним парнем того, что у нас сейчас с тобой, — сказала я. — Пару месяцев назад я встречалась с Эриком, но мы только целовались, больше ничего. До него у меня никого не было.

— И он никогда не прикасался к тебе так? — рука Торина забралась мне под пижаму, лаская мою спину. Прикосновение было легким, словно он боялся, что я разобьюсь.

Я вздрогнула и прошептала:

— Нет.

Он продолжил дальше вдоль позвоночника, перешел на бок и коснулся моего живота. У меня перехватило дыхание, оно стало порывистым, а внутренности словно превратились в желе.

— Тебе нравится? — спросил он.

— Нет.

Я попыталась освободить руку из хватки Эрика, но безрезультатно. И снова я оказалась между парнем, который нуждается во мне, и парнем, в котором нуждаюсь уже я. Это правда, Торин был нужен мне с каждым моим отчаянным вздохом. Если где и существует царство порочности, он был бы там богом, а я его первым consortом.

— А как насчет этого? — прошептал он, поднимаясь выше к моей груди, его ласки доставляли блаженство, а дыхание дразнило чувствительный участок кожи у меня за ухом. Вместо ответа я вздохнула; интересно, он знает, что моя рука зажата в смертельной хватке Эрика.

Торин усмехнулся:

— Это значит «да»? Потому что, если он касался тебя так, я прямо сейчас выбью все дерьмо из него.

Наконец-то, я высвободила свою руку.

— Сделаешь с ним что-либо, и я заставлю тебя заплатить за это.

— Только если ты будешь делать это так, — он укусил меня за плечо. Я громко вздохнула и вздрогнула. Он нежно повернул меня к себе лицом, прижался ко мне ногой, не позволяя двинуться, и в очередной раз довел меня до такого состояния, когда все мысли переставали существовать. и мне было плевать на все, кроме него. Я стала инструментом, а он был моим маэстро.

Спустя некоторое время он прошептал:

— Я рад, что ты ждала меня, Веснушка.

Я усмехнулась.

— Я тоже.

Утром Эрика не оказалось, выдвижная кровать была аккуратно спрятана на место. Когда я выглянула в окно, то увидела на подоконнике Торина, потягивающего свой кофе. Мне хотелось, чтобы однажды я проснулась в его руках, чтобы он не исчезал, пока я сплю. Он поманил меня пальцем, а затем исчез в своей комнате. Я подождала, пока он откроет портал, и присоединилась к нему.

После утреннего поцелуя я простила ему то, что он оставил меня.

— Почему ты ушел?

— Эрик разбудил меня. Бедный ублюдок. Он понятия не имел, как оказался в твоей комнате.

— Я так переживаю за него.

— Он чувствует себя еще хуже. Тебя подвезти до школы?

Я выглянула наружу. Моросил дождь, и, судя по темному небу, это один из тех дней, когда дождь будет лить без остановки.

— Только если у тебя есть руны, которые не позволят нам намокнуть. В чем я сомневаюсь.

— Возьмем внедорожник.

Мне понравилась идея о совместной поездке.

— Ладно.

— Можешь остаться и посмотреть на мою тренировку после занятий.

— Оу, нет. Я не собираюсь околачиваться возле футбольного поля, как какая-то фанатка, — я направилась к выходу, он притянул меня за талию и снова поцеловал. Я повисла на нем. Когда он отпустил меня, я выдохнула: — Ладно. Я приду. Но только на час, мне нужно будет уйти.

Он ухмыльнулся и прошептал мне в губы:

— Куда?

— Мне назначено к врачу на 16:15.

— Отлично. Закончим тренировку раньше, и я смогу отвезти тебя, — я пыталась протестовать, но он заставил меня молчать своим самым лучшим способом, поцеловав меня. — Знаешь, что я люблю делать, когда на улице такая паршивая погода?

— Целоваться, чтобы сбить меня с толку, а потом задавать риторические вопросы?

Он усмехнулся:

— Нет, валяться в постели. Хочешь прогулять школу и присоединиться ко мне?

Это нечестно. Я бы убила, чтобы провести весь день, целуясь с ним. Я представила, как мы будем годами собирать вместе души и нежиться в постели, и ухмыльнулась. Каким бы соблазнительным не было это предложение, я не могла прогулять школу.

— Я не могу.

— Ты и понятия не имеешь, от чего отказываешься. Только мы вдвоем. Чем бы мы могли заняться.

Я ненавидела его за то, что он так меня дразнит. Нехотя, я выбралась из его объятий.

— Ты просто ужасен.

Его губы согнулись в порочной ухмылке, в глазах загорелись искры.

— Ты еще не все видела.

Я затрясла головой и исчезла в портале, приняла душ, переоделась и поспешила вниз. Родители все еще спали. Или мне так показалось. Когда я уже открывала входную дверь, спустилась мама.

— Утро и пока, мам, — сказала я, открывая дверь шире.

— Не так быстро. Сегодня мы идем на ужин.

— Хорошо. Повеселитесь.

Она задержала дверь прежде, чем я успела закрыть ее.

— Притормози. Я еще не закончила. Мы все идем на ужин.

— Во сколько? Моя тренировка заканчивается в семь.

— Знаю. Лавания сказала, что ты можешь уйти пораньше и, если захочешь, продолжишь с ней после ужина. Она сказала, ты быстро учишься.

Я пожалала плечами, выглядывая на подъездную дорожку.

— Она хороший учитель.

— Надеюсь, что так, — она протянула руку и дотронулась до моих волос. — И еще...

— Я опоздаю, мам.

— Не опоздаешь. Торин подождет.

Я заморгала от удивления. Откуда она узнала, что он отвезет меня в школу?

— Ну, ладно, — медленно проговорила я.

— Тебе только семнадцать, поэтому не стоит слишком спешить. У вас двоих целая жизнь впереди, чтобы делать все, что вам захочется, включая секс.

Я скривилась, а лицо запылало. Она знала, что Торин приходит ко мне в комнату.

— Рейн?

Это было меганеловко. Я не могла смотреть ей в глаза.

— Я поняла, мам. Могу я теперь идти?

— Да, — она улыбнулась и поправила один завиток моих волос. — Мне нравится твоя прическа.

— Ага, пока, — я натянула капюшон куртки, чтобы прикрыть волосы. Она все еще смотрела на меня, когда я завернула на подъездную дорожку. Все это более чем странно. Сначала говорит о сексе, и тут же переключается на мои волосы.

Гараж Торины был открыт. Он вышел меня встретить до того, как я дошла до дорожки, забрал рюкзак и взял меня за руку.

— Где все? — спросила я, когда заметила, что в машине никого нет.

— Остальные вышли пораньше, чтобы позаботиться кое о чем в школе.

— Они воспользовались порталом?

— Ага, и он идеально сработал. Эндрис ненавидит дожди, — он завел двигатель и выехал из гаража. — Если бы он принимал решение, наша постоянная база была бы где-нибудь на пляже.

— Я была бы не против.

— Очень скоро ты бы возненавидела это место, — всю дорогу он рассказывал о базах, которые у них были по всему миру. — Тебе понравится бывать в новых местах.

— Ты не скучаешь по старым друзьям?

— У меня нет старых друзей.

Это грустно. Он забрал души всех, с кем успел подружиться. Бедные Дрю и Кейт.

— Через несколько лет тебе придется оборвать все связи со своими Смертными друзьями и больше никогда с ними не видаться. Иначе они заметят, что ты не стареешь.

Забавно, я не думала настолько вперед. Я привыкла считать, что мы с Корой останемся друзьями навечно. Словно почувствовав мою грусть, Торин взял мою руку в свою и поцеловал костяшки.

— Не расстраивайся. Ты сможешь навестить их лет через двадцать и притвориться своей дочкой.

— Это должно было приободрить меня?

— Я тебе говорил, что Валькирии — очень одинокие существа.

Но у меня будет он. Я надеюсь.

— Значит, сейчас ты нормально относишься к тому, что я стану Валькирией?

Он покачал головой.

— Нет, но я понял, что, если ты что-то для себя решила, никто не сможет заставить тебя поменять свое мнение, — он припарковал машину, но не отпустил мою руку. — Что ты сегодня делаешь после своих занятий?

— Иду ужинать с родителями, но могу и не пойти.

— Не стоит. Мы сегодня собираемся командой у тренера дома, поэтому все идеально, — он забрал с заднего сиденья мой рюкзак, и мы присоединились к остальным учащимся, бегущим к школьному входу. Шел сильный дождь.

Попав внутри, девушки направились в уборные поправлять макияж и прическу. Волосы Торина сильно намокли из-за ливня, я не могла удержаться и убрала несколько мокрых прядей с его лба. Капюшон спас меня, и я не выглядела как мокрая крыса. Когда мы пошли в сторону моего шкафчика, я начала искать в толпе студентов Эрика и Кору.

Завернув за угол, мы чуть не врезались в Эндриса и Ингрид.

— Ты сделал? — спросил Торин.

— А то, и мы поймали ее, — сказал Эндрис, самодовольно ухмыляясь. — Твои проблемы решены, Рейн.

— Мои проблемы? — переспросила я. Его ухмылка и злобный блеск глаз Ингрид начали вызывать подозрения. Я решила не обращать на нее внимания и переключилась на Эндриса.

— Мы нашли того, кто уродует твой шкафчик, — сказал он.

— Я же говорил тебе, что позабочусь об этом, — сказал Торин, ухмыляясь.

— А мы помогли, — добавил Эндрис.

— Спасибо, ребят, — я дотронулась до руки Эндриса, и мы с Ториним поспешили к шкафчикам. Я завернула за угол, ожидая увидеть, не знаю, Лаванию, например, так как ее не было с Эндрисом и Ингрид. Однако, единственным человеком, стоявшим перед моим шкафчиком, была Кора.

— Я же говорил тебе, что что-то с ней не так, — сказал Эндрис.

— Это какая-то ошибка, — ответила я. — Это не она.

— Мы использовали нужные связывающие руны, — возразил Эндрис у меня за спиной. — Они должны были приманить того, кто ненавидит тебя, к твоему шкафчику и поймать его в ловушку. Все остальные прошли мимо, но не наша грудастая блонди.

Я уставилась на него.

— Тогда вы использовали не те руны, потому что она не ненавидит меня. Я знаю Кору с начальной школы, она, вообще, не способна ненавидеть кого-либо, — он было открыл рот, но я продолжила: — Не говори ни слова. Сними руны и убери ловушку, — я подбежала к Коре.

Кора была в ярости.

— Я убью тебя, Рейн Купер, — прорычала она сквозь сжатые зубы. — Я знаю, это ты сделала своими ведьмовскими силами. Я не могу пошевелиться уже, дай подумать, целую

вечность. Отпусти меня. Сейчас же, — процедила она.

На моем шкафчике и на полу вокруг нее были нарисованы черные руны. Они не были похожи на те, что Лавания показывала мне. Я посмотрела на Торуна, но он изучал взглядом Кору. Если он собирается поверить своим шизанутым друзьям, я ударю его коленкой туда, где болит сильнее всего.

— Рейн! — резко сказала Кора.

— Обними ее, — прошептал Торин.

Корин взгляд говорил, что она снимет с меня кожу живьем, если я ничего не сделаю.

— Мне так жаль, — сказала я и обняла ее. В это же время Торин прикоснулся ладонью к моему шкафчику. Руны поблекли и вскоре исчезли. Кора отступила, косо смотря на меня. Ее трясло.

— Как ты это сделала?

Я обменялась взглядом с Торинком и пожала плечами.

— Это сложно объяснить.

Она хлопнула меня по плечу.

— Держи свои ведьмовские силы подальше от меня.

— Я хотела поймать того, кто писал надписи на моем шкафчике, Кора, — сказала я.

— Ты, мать твою, поймала меня, — проворчала она. — Это было не смешно.

— Прости. Как долго ты здесь простояла? — спросила я.

— Вечность, — она потеснила меня и прошла к своему шкафчику. — Я пришла пораньше, чтобы поговорить с Доком. Он все-таки хочет, чтобы я участвовала на сборах, но если он продинамит меня... — она бросила на меня еще один тяжелый взгляд, взяла из шкафчика книги и захлопнула дверцу. — Виновата будешь ты.

Я смотрела ей в спину и чувствовала себя ужасно. Я перевела взгляд на Торуна, который молчал с тех пор, как избавился от рун. Эндрис и Ингрид уже ушли. И слава богу. Я бы не вытерпела их смешки.

— Это была не она, — настаивала я, выбирая книги.

— Конечно, нет, — Торин смотрел вслед Коре. — Эндрис говорил, что ты подозреваешь Валькирию, а она, определенно, не одна из нас.

— Точно, и она не ненавидит меня.

Глава 20

Шрамы

Лавания зашла в класс после второго звонка, и миссис Бейтс даже не сделала ей замечание. Забавно, как она стала ее любимицей. Я не хотела подозревать ее, но вся эта неразбериха с Корой и рунами-ловушкой сильно беспокоила меня. Может, это она натравила Эндриса и Ингрид на Кору? Где она вообще была этим утром?

Эрика я увидела только во время ланча. Мы столкнулись с ним, когда он вместе с двумя новыми «подружками» вышел из-за угла. Он что-то им сказал и остановился, в то время как девушки пошли дальше в кафетерий.

— Вы не идете на ланч? — спросил он, избегая смотреть мне в глаза.

— Идем, — сказал Торин, крепче обнимая меня за плечи. — Только не сюда.

— Ох, — Эрик посмотрел на меня. От его лица потерянного щеночка у меня защемило сердце. — Прости за вчерашнее, — сказал он.

— Не извиняйся, — я выскользнула из-под руки Торина, подошла к Эрику и обняла его. Сначала он весь напрягся, но потом расслабился. Он обнял меня и крепко сжал в своих руках. Я отодвинулась и заглянула ему в лицо. — Приходи сегодня вечером. У меня тренировка, а потом ужин с родителями. Вернемся где-то к восьми. Полдевятого максимум.

Он закачал головой.

— Не извиняйся. Приходи... Просто приди, — я отступила и вспомнила вчерашнее. — И то дерьмо, что ты вчера мне наплел, было совсем не круто. Нельзя отталкивать тех, кто любит тебя, Эрик. Это больно.

Он схватил себя за грудь и скорчил гримасу.

— Ауч. Теперь я чувствую вину.

— Заткнись. Сегодня у меня, иначе я сама приду за тобой, — я ткнула в него пальцем и шутливо добавила: — И тебе это не понравится.

— Теперь мне страшно.

Я состроила мину. Иногда он такой придурок. Я скучала по этому.

— Кстати, я писала Коре, но она не отвечает. Если увидишь ее, скажи, что я позже с ней поговорю.

— Хорошо, — он посмотрел на Торина. — Будь пайнкой, Сент-Джеймс. Сделаешь ей больно, — он посмотрел на меня, затем опять на Торина и ухмыльнулся, — и она разорвет тебя на кусочки.

Я закатила глаза. Торин просто смеялся.

— Думаю, справлюсь с ней.

Я простила ему это высокомерное высказывание, потому что во время ланча он был милым и внимательным. Официантки пялились на нас, но я начала привыкать к такой реакции девушек и женщин, сопровождавшей нас, куда бы мы ни пошли. Он совершенно не замечал их, а если и нет, значит, просто игнорировал. В любом случае, мне нравилось это, и мне не хотелось, чтобы этот ланч закончился. Впрочем, как и большинство приятных вещей, но нам надо было возвращаться в школу.

— Так где утром была Лавания? — спросила я, когда мы были на парковке. Торин не ответил, и я толкнула его в плечо. — Она ушла с другими, так?

— Да. Думаешь, она могла сделать что-то с Корой и завела ее в ловушку?

Я остановилась и посмотрела на него внимательным взглядом. Поразительно, как просто он меня читает.

— Да, я беспокоюсь о Коре. Руны поймали ее по ошибке, и сейчас она зла и, вероятно, снова меня боится. Так уже было после того случая на сборах, но, когда я вернулась, она уже отошла. И, да, меня интересует Лавания. Эрик от нее не в восторге, и ей не нравится Кора.

— Знаю. Я говорил ей, что ты хорошо разбираешься в характерах и не стала бы дружить со злым человеком.

Я скорчила мину.

— Спасибо, я полагаю.

— Это был комплимент.

Я надулась.

— За исключением части про злых людей.

Улыбаясь, он оперся руками о стену, заключая меня в ловушку. Приблизился, принося с собой жар и соблазн. У нас было всего несколько минут до того, как зазвенит звонок.

— Знаешь, ты удивительная.

Я обвила руками его талию, задрала подбородок и игриво улыбнулась.

— Знаю.

— И бесстыжая тоже.

Я поморщила нос.

— Я так не думаю.

— Красивая, верная и упрямая?

— Это мне нравится.

На какое-то время мы выпали в наш маленький мир, и он стал хозяином всех моих чувств. Целовать его — словно мчаться на американских горках вниз на сверхзвуковой скорости, дрожать от неожиданной встряски чувств, сердце вырывается из груди, а чувство страха исчезает, настолько непредсказуемым он был.

— Школа предназначена для учебы, а не для ваших предварительных ласк, — голос Кору проник сквозь чувственный туман, сплетенный Торином.

Я почувствовала, что Торин улыбается. Мне не хотелось прекращать поцелуй. Нехотя, я отпустила его и посмотрела на Кору. Она ухмылялась и обмахивала себя руками.

— Всей школе стало жарко. Вы же знаете, что здесь рядом есть чулан для зажиманий, — она указала на запертую дверь.

— Не мог удержаться, — сказал Торин.

Кора засмеялась.

— А ты плохой, в хорошем смысле этого слова, — она посмотрела на меня и добавила: — Я заеду к тебе сегодня вечером.

— Конечно, — слава богу, она больше не злилась на меня. Если я бы могла решить еще проблему Эрика, жизнь была бы идеальной.

* * *

После школы я пошла с Торином на тренировочное поле. Эндрис со своим другом Роджером присоединились ко мне, хотя большую часть времени они критиковали Ингрид и

прыжки черлидерш. Когда Торина задержали, Эндрис с Роджером отвезли меня пораньше домой. У меня был назначен у терапевта прием, который не мог ждать. К счастью, врач не упоминал печально известные соревнования, и я вышла из кабинета со списком всего, что можно делать, и чего нет.

— Я думаю, тебе надо быть более осторожной со своей Смертной подружкой, Рейн, — сказала Лавания, когда я пришла к ней домой. — Она ненавидит тебя.

Она даже не соизволила назвать Кору по имени.

— Неправда. Я знаю ее, Лавания. Мы дружим уже очень давно. И ее зовут Кора.

— С ней что-то не...

— Пожалуйста. Можем мы, эмм, сосредоточиться на уроке?

Два часа спустя Лавания склонила на бок голову и сказала.

— Она здесь.

Я подошла к окну, подняла занавеску и увидела, как Кора заезжает на нашу подъездную дорожку и потом выходит из машины. Я задержала занавеску и повернулась.

— Как ты узнала?

Лавания пожала плечами.

— Просто знала. Я тебе говорила, я странно ее ощущаю.

Я вздохнула, ко мне подбиралась злость, но я смогла взять себя в руки.

— Я пойду, поговорю с ней.

— Нет, она увидит, что тебя нет дома и уйдет, — словно по сигналу, завибрировал мой телефон. Я посмотрела на него, затем на Лаванию. — Скажи, что ты занята, — добавила она.

Я взяла со стола телефон и прочитала Корино сообщение. «Где ты? Твоя машина здесь, но дома не горит свет».

Я не могла решиться: соврать ей о том, где я, или выложить правду.

— Эта Смертная только усложняет твою жизнь, Рейн.

— Сейчас буду, — написала я и посмотрела на печальное лицо моей наставницы. — Я уйду всего на минуту.

Лавания вздохнула.

— Ладно. Будь осторожна с тем, что скажешь ей, — предупредила она. — И не задерживайся. У нас еще час работы.

Агрх, она серьезно начинает меня раздражать. Кора увидела, как я пересекаю лужайку, и вышла из машины.

— Привет. Я прервала вас с прекрасным кватербеком?

— Нет. Торин еще на тренировке. Мне, правда, жаль из-за той ловушки у моего шкафика.

Она пожала плечами.

— Я прощаю тебя, но, если ты еще раз наложишь на меня какое-то заклятье, я публично отрекусь от тебя в своем блоге и удалю из друзей во всех соцсетях.

Мы обнялись.

— Зайдешь? — спросила я.

— Нее, мне надо бежать, — она окинула взглядом дом Торина. — Так, что ты там делала?

— Занимаюсь с Лаванией. У нее проблемы с учебой, и я предложила ей свою помощь, — соврала я, краснея.

Кора скорчила лицо.

— Не верится, что у Мисс Совершенство есть вообще какие-либо проблемы. Не суть когда ты освободишься?

— Полседьмого, потом иду на ужин с родителями. Сегодня просто ужасный день.

— Как насчет пижамной вечеринки, эмм, в пятницу? На следующей неделе. В следующую субботу у нас сборы. Закатим Сверхъестественный марафон и будем наслаждаться видом Братишек Винчестеров.

Я поморщилась. Учítывая, что ко мне посреди ночи может завалиться спящий Эрик, я бы не осмелилась пригласить ее к себе на ночь.

— В следующую пятницу первый тур чемпионата штата, и я пообещала Торину, что приду.

— Ах, послушная девочка, — в ее голосе послышалась нотка зависти. — Я слышала, ты ходила смотреть его тренировку.

Меня передернуло от осуждения в ее голосе. Когда она встречалась с одним футболистом, я дразнила ее по поводу походов на тренировки, а сейчас я сама так делаю.

— Я всего лишь час там пробыла, — сказала я в свое оправдание. — Откуда ты узнала?

— Все, что делаешь ты и Торин, становится новостью.

Я скривилась.

— Можем позависать в субботу вечером. Посидим вечером с парнями.

— Ага, Эрик скорее будет торчать с парочкой пустоголовых девиц, чем проведет время со мной. Разве мы не можем посидеть вдвоем?

Мне нравилось засыпать в руках у Торина.

— Наверное.

Она сощурилась, и я поняла, что ей больно.

— Забудь.

— Это не значит, что я не хочу позависать с тобой. Хочу, просто каждую ночь ко мне в комнату прокрадывается Торин и держит меня в своих руках, пока я не засну.

У Кору отвисла челюсть.

— Это так романтично. Гадость, теперь я неоновозеленая от зависти. Ох, я хочу знать все подробности, — затем она широко открыла глаза. — Вы уже делали это? Боялась, что вас поймут родители?

Я засмеялась.

— Да, но он того стоит. И, нет, у нас еще не было, любопытная.

— Чего ты ждешь? Если бы он был моим, я бы уже давно набросила на него и... Ладно. Ты отмазалась от ночевки, но завтра ты моя, — она посмотрела на дом Торина. — Или ты и завтра с ней занимаешься?

Я поморщилась.

— До семи.

Она снова скорчила мину.

— Надеюсь, она хорошо тебе платит.

Становление Бессмертной бесценно.

— Значит, встретимся завтра после семи. Можем поужинать вместе. Закажем пиццу там или еще что.

— Или сходим куда-нибудь. Нам нужно купить наряды на Хеллоуин.

На самом деле, мне не хотелось идти по магазинам. Я думала спросить Торина, захочет

ли он ходить с нами и выпрашивать сладости, но так еще этого и не сделала. Обычно мы ходили втроем — Кора, Эрик и я.

— Я знаю, кто в субботу устраивает хеллоуинские вечеринки, — сказала она. — Можем сходить на одну-две.

— Дрю нас уже пригласил на свою.

Она ухмыльнулась.

— Обсудим завтра, — она открыла дверцу машины и задержалась, прежде чем сесть. — Ты видела Эрика?

— Я видела его на ланче. А что?

— Он раньше ушел из бассейна. На его спине были странные красные метки. Кто-то заметил и спросил его о них. Он выглядел, не знаю, испуганным, казалось, что ему хотелось побыстрее уйти. Он даже не сказал Доку, что уходит, — она затрясла головой. — Безумно странно. В общем, увидимся завтра в школе, эмм, во время ланча?

Я покачала головой, все еще переваривая то, что она рассказала.

— Торин ненавидит школьные ланчи.

Она закатила глаза.

— Ну еще бы. Тогда позже.

Когда я возвращалась в дом Торина, в голове прокручивались образы спины Эрика. До десяти лет ее покрывали страшные выпуклые отметины. Они были похожи на красноватые родимые пятна, которые иногда можно увидеть у младенцев. Вот только у него они покрывали кожу от плеч до поясицы.

Я не могла сосредоточиться, и Лавания даже не скрывала своего разочарования.

— Твоя связь с этой Смертной...

— Кора. Ее зовут Кора, — сказала я.

— Твоя связь с Корой плохо влияет на твою концентрацию. Тебе необходимо порвать с ней.

— Она моя подруга, Лавания, — возразила я.

— Тогда выбирай, что тебе важнее. Твоя дружба с ней или наши тренировки. Нельзя получить все сразу, — она поднялась. Было только шесть часов. — Закончим на сегодня, — она взяла мою и свою рунные книги и протянула их мне, ее неодобрение было очевидным. — Возьми их и практикуй руны со следующих двух страниц дома. Можешь также взять свои артаво. И смотри, чтобы она их не увидела.

Я остановилась и закатила глаза. Она поступает нечестно и по-диктаторски.

* * *

Когда родители вернулись домой, я все еще была зла, но стоило увидеть папу, как злость пропала. Он был бледен и казался хрупким и слабым, хуже чем вчера.

Я обняла его, отстранилась и всмотрелась в его лицо.

— С тобой все в порядке, пап?

— Да, котенок. Просто голова немного болит.

— Тогда зачем мы куда-то идем?

— Мы и не идем, — сказала мама у нас за спиной, и я повернулась. Она как раз

заходила в дом. В ее руках был коричневый бумажный пакет со знакомым логотипом. — Мы с твоим папой устали, поэтому решили, почему бы не взять на вынос еду из нашего любимого кантонского ресторана. Не стой на месте, — она всучила мне в руки пакет и обняла папу за талию. Вместе они прошли на кухню.

Я пошла за ними, не нравилось мне, как они идут. Больше было похоже на то, что она удерживает на себе его вес. Может, после того, как несколько дней назад я увидела его, лежащим на полу, я себе все воображаю.

Я краем глаза следила за ним, пока доставала тарелки и раскладывала их на кухонном столе. Мама доставала из пакета коробки с едой, в то время как папа упал на стул, откинувшись на спинку и закрыл глаза.

— Может тебе дать таблетку от головы, пап? — спросила я, беспокоясь за него.

Он улыбнулся.

— Не могла бы?

Я подошла к шкафчику, что стоял в коридоре у ванной комнаты, достала аптечку с верхней полки, где мама ее обычно хранит, и нашла ибупрофен. Достав две таблетки, пошла на кухню. Я пыталась услышать разговор родителей, но они говорили слишком тихо.

— Не сейчас, прошу, — сказала мама.

— Уже почти четыре недели, — ответил папа.

— Это слишком мало, — пробормотала мама. — Дай нам еще неделю, — и они поцеловались.

Разговор не имел никакого смысла, и, опять же, они всегда заканчивали предложения друг друга, из-за чего большую часть того, о чем они говорили, было невозможно понять. Я громко затопала, чтобы хоть немного привлечь их внимание.

— Может вас одних оставить? — подразнила я их, когда они продолжили целоваться. — Потому что я могу взять себе еды и исчезнуть наверху.

Папа поднял голову и улыбнулся. На его щеках появился румянец.

— Садись, — он посмотрел на маму и добавил: — Как думаешь, в кого она такая наглая?

— В меня, — сказала мама и усмехнулась. — Она мне нужна против твоего упрямства и нетерпеливости.

Папа засмеялся.

— Любимая, ты же знаешь, что во мне нет ни капли упрямства и у меня ангельское терпение.

Я села, наслаждаясь их беседой. У мамы блестели глаза, и папа выглядел гораздо лучше.

— Ангельское? — она посмотрела на меня. — Хочешь, я расскажу тебе историю, когда мы в первый раз пошли делать УЗИ, когда я была беременной тобой.

— Нет, нет, нет, только не этот день, — запротестовал папа, качая головой.

Слушая их истории, слыша их смех и видя, как они любят друг друга, я откинула в сторону беспокойство касательно папы. Он выглядел нормально, и даже планировал выйти на пробежку завтра утром. Даже когда разговор вышел на мою физиотерапию, я направила его снова на них. Когда час спустя я их оставила, они все еще разговаривали.

Наверху я подошла к окну, но в комнате Торины царил темнота, хотя на нижнем этаже горел свет. Я сделала домашние задания, даже поиграла немного на гобое и начала работать над сочинением по литературе, когда почувствовала теплое дуновение, и зеркало превратилось в портал.

Из него выглядывал Эрик.

— Могу я войти, или ты собираешься в меня чем-нибудь запустить?

Смеясь, я поднялась. Мы обнялись, и затем я врезала ему в живот.

Он согнулся.

— За то, что вел себя, как придурок.

Он ухмыльнулся.

— Я пытался быть героем.

— Тогда негероем ты мне нравишься больше. Ты ел?

Он плюхнулся на мою кровать и вытянулся.

— Ага. Мама приготовила нечто, — он скорчил гримасу. — Что у тебя было на ужин, чтобы я мог подавиться слюнями от зависти?

— Мы никуда не ходили. Мама принесла еды из Сан Танга.

— Мне нравится Сан Танг.

Я склонила на бок голову.

— Они все еще внизу. Можешь посмотреть, осталось ли что-нибудь... Подожди, — он уже подходил к двери. Я ухватила его за футболку, заставляя остановиться. — Сделай мне одно одолжение. Скажешь, если заметишь в папе что-нибудь странное.

— Что ты имеешь в виду?

— В субботу я нашла его на полу без сознания, с тех пор он немного другой.

— Что случилось?

— Не знаю. Мама говорит, что он поскользнулся. На нем были шелковые носки, а на кухонном полу практически нет сцепления, -

я закатила глаза. — Он ударился, но Торин исцелил его. После моей травмы, я любую травму головы воспринимаю серьезно, даже шишку.

— Ты говорила об этом со своей мамой?

— Это она додумалась до объяснения со сцеплением, это полный бред. Знать бы мне, что они скрывают. Прошел уже почти месяц, и папа все еще не полностью выздоровел после Коста-Рики, несмотря на то, что он вернулся к пробежкам и велосипеду.

— А что говорит Торин?

Я пожала плечами.

— Мы еще это не обсуждали.

Эрик задумчиво изучал меня взглядом, словно обдумывая все, что я только что рассказала.

— Ладно. Посмотрим, что я увижу.

Когда мы спустились на кухню, папа с мамой подняли головы. Они не выглядели удивленными, значит, мама знала точную секунду, когда Эрик появился у меня в комнате. Судя по тому, что папа не спросил Эрика, как тот вошел в дом, не позвонив в дверь, он знал о зеркальном портале в моей комнате. Мама указала Эрику на стул и наложила ему тарелку еды.

В основном разговор шел о местных соревнованиях на 5 и 10 км, в которых папа собирался принять участие, о марафоне, который он также надеялся пробежать весной, и о предстоящих сборах по плаванию. Обычный разговор в нашем доме. Папа с религиозным фанатизмом следил за профессиональными и коллегияльными видами спорта, особенно за футболом и баскетболом. До недавних пор он редко проявлял интерес к школе. Возможно, дело в Торине, который сейчас кватербек, или в том, с каким энтузиазмом Эрик

пересказывал прошлую игру.

— Вы должны прийти на плей-офф, мистер К., - сказал он. — Мы будем принимающими.

Папа посмотрел на маму, и она закивала, не скрывая своей радости. Серьезно, должно быть футбольный ген прошел мимо меня или что-то в этом роде.

— Ты пойдешь, Рейн? — спросил Эрик. Мне захотелось пнуть его. Я же сама не своя буду, если рядом будут сидеть родители. Кроме того, я планировала идти с ним самим, Эндрисом и Роджером.

— Да, с Корой и еще парой девочек, — соврала я на случай, если родители захотят пойти со мной.

— Ох, значит, ты не будешь сидеть с нами? — спросила мама и наигранно надула губы.

— Нееееет, — я поднялась и начала расчищать стол.

— Почему? Тебе неловко появляться с нами на людях? — спросила мама, но я слышала смех в ее голосе.

— Конечно. Это же социальное самоубийство, — я посмотрела на Эрика, но он лишь самодовольно улыбался. — Эрик, у тебя ведь сборы в субботу? Мы должны все пойти и подбодрить его, мам, — мои родители всегда посещали наши соревнования, в то время как родители Эрика приходили лишь пару раз.

— Прекрасная идея, — мама дотронулась до папиной руки. — Тебе обязательно утром кататься на велосипеде?

— Могу и вечером.

— Я приглашу Сари и Джона, — добавила мама.

Глаза Эрика сузились, обещая расплату.

— Когда ты вернешься в команду, Рейн? Я слышал, капитаны собирались поговорить с тобой об этом.

Серьезно, он не заслуживает даже безымянной могилы на нашем заднем дворе. Я встала возле него, взяла оставшиеся тарелки, пнула его по голени и довольно заулыбалась, когда он поморщился и закусил губу, сдерживая крик.

— Они уже поговорили, — сказала я и, обернувшись, увидела, как папа нахмурился. Я не была уверена, что послужило причиной: то, что я пнула Эрика, или мой ответ. — Я сказала, что не могу, пока доктор не даст зеленый свет. А он пока не давал.

Папа с мамой переглянулись.

— Мы с твоим папой думаем, тебе не стоит возвращаться к плаванию, пока ты не сможешь контролировать свои руны.

Чувствуя облегчение, я кивнула. В качестве Бессмертной я могла бы активировать руны и двигаться быстрее, чем любой человек. Конечно, я бы никогда не стала бы жульничать, но теперь можно не беспокоиться, что родители будут уговаривать меня вернуться в команду. Раньше они так гордились моими достижениями.

Заметив, что Эрик поднялся, чтобы помочь мне убрать стол, я вернулась к умывальнику. Я знала, что он собирается мстить мне, поэтому метнулась в сторону, оторвала бумажное полотенце и пошла протирать стол.

— Спокойной ночи, пап...мам, — поспешила я к лестнице.

Я смотрела в окно, проверяя, вернулся ли Торин, когда в комнату зашел Эрик...

— Не могу поверить, что ты пнула меня перед своими родителями, — он схватился за ногу и прямо в кроссовках поставил ее на мое золотисто-коричневое одеяло, и задрал штанину. — Она опухла.

С его ногой было все в порядке.

— Я не так сильно тебя ударила. Кроме того, я была в босоножках, плакса. И перестань пачкать мое одеяло. Так каков твой вердикт насчет папы? Он не показался тебе больным?

— Он казался нормальным, — Эрик отошел в сторону, вытащил свою выдвижную кровать, утащил у меня половину подушек и плюхнулся на них. — То есть он все еще худой, но, кажется, здоровым. Где сегодня Торин? — спросил он.

Я в последний раз выглянула в окно, потом упала на свою кровать и скатилась к самому краю, чтобы видеть лицо Эрика во время разговора.

— Сегодня игроки собираются у тренера на ужин.

— Значит, вы уже спали вместе?

— Он ждет, пока я засну, а потом уходит.

— Я имел в виду, ну знаешь, до того как ты заснешь. У вас уже был секс?

Мои щеки покраснели. Поверить не могу, что он просто так взял и спросил меня об этом.

— Это не твое дело.

Он ухмыльнулся.

— Значит, нет. Но он подлизывается к тебе подарками, — он поднял изящную стеклянную фигурку радуги, огибавшей основу, одна часть которой представляла собой северное полушарие земли, а другая каменную гору с высокими зданиями на вершине. Торин удивил меня фигуркой после нашей поездки к водопаду, и она мне очень нравилась.

— Не разбей ее, — я забрала статуэтку из рук Эрика и поставила ее на место. — И ему не нужно ко мне подлизываться.

— Ты знаешь, что это?

— Бифрост, радужный мост, соединяющий Асгард и Землю.

— Нет, я имею в виду, что эта за статуэтка. Мама коллекционирует такие, поэтому я знаю, что они стоят тысячи долларов. Он, определенно, покупает доступ в твои штаны.

— Заткнись, — я ударила его подушкой. Он выдернул ее у меня из рук и закинул себе за шею.

— Как твои занятия с Валькирией?

Я была рада, что он сменил тему, и не сделала ему замечание за то, что он назвал Лаванию Валькирией.

— Отлично. У меня теперь есть руны. Зацени.

Я представила себе руну богини Фрейи и почувствовала, как мой лоб начало покалывать, вызывая хорошее самочувствие во всем теле. Мне необязательно было смотреть в зеркало, я знала, что у меня на лбу появилась руна Фрейи. Я добавила руну Одина на правой щеке, Тора на левой и руну Тира, бога правосудия, на груди.

Эрик сел, выпучив на меня глаза.

— Как тебе? — спросила я.

— Красиво, — он потянулся ко мне и дотронулся до лба. — С ними ты выглядишь, не знаю, неопишимо.

— У меня есть еще, — я сконцентрировалась на рунах добродетели. Красивые завитки оплели мои руки, словно корни гигантского дерева.

— Как много, — сказал Эрик с восхищением.

— Я тренировала их последние два дня. Но надо еще добавить пару из книги, — он смотрел на меня непонимающим взглядом. — Связывающие руны. Ну, знаешь, две или больше отдельные руны совмещаются в одну? Ладно, проехали, — добавила я, когда он по-прежнему непонимающе на меня смотрел. — Они яркие, могущественные, и их используют для различных целей. Лавания реально классная. Тебе стоит тоже с ней тренироваться.

На его лице появилось задумчивое выражение, словно он обдумывал этот вариант. Он покачал головой и снова упал на свои подушки.

— Нет.

Я позволила рунам пропасть.

— Почему она тебе не нравится?

— Когда мы впервые встретились, она была груба с Корой.

— Ты уверен? Кора говорила, что она была милой.

— Кора просто вежливая. Лавания пренебрежительно к ней обращалась и делала это со своей снисходительной улыбочкой. Чему ты еще научилась?

— История Бессмертных, Валькирий, богов и, конечно, Норн, — когда я закончила свои объяснения, он выглядел озабоченным чем-то. — Я показала свои, теперь ты покажи свои, — я села и выжидающе уставилась на него.

Он ухмыльнулся и засунул большие пальцы за пояс джинс.

— Серьезно?

— Ты мерзкий. Я говорила о рунах.

Он засмеялся.

— Обещаешь, что не будешь ревновать?

Я закатила глаза.

— Хватит увиливать.

Сначала они появились на лице. На лбу, как и у Торина, была руна Одина, а на правой щеке богини Фригг, жены Одина, или я должна говорить его бабушки. Еще одна на левой щеке казалась незнакомой.

— Чья она?

— Не знаю. Думаю, моего отца, — пробормотал он, на его щеках появился розовый румянец. Затем, словно потоком, руны разукрасили его руки. Их было так много. Некоторые я узнавала, но большинство были новыми для меня. Некоторые исчезали за воротником, а значит, их у него еще больше.

— Сними майку, — сказала я.

Он окинул меня недоверчивым взглядом.

— Я не сниму майку.

— Я видела тебя без нее тысячи раз, балда.

— Ага, но это было до того, как ты начала встречаться с Мистером Идеальное Тело из соседнего дома, — парировал он.

Я засмеялась.

— Я передам ему, что ты запал на него... Нет, лучше скажу Эндрису, — я заиграла

бровями. — Он бисексуал.

Эрик поднялся.

— Быть не может.

— Может. Он сейчас встречается с одним пареньком. Роджером. Он симпатичный. Носит бриллиантовые запонки, — я вытаращила глаза, когда Эрик снял майку. — Вау, сколько их тут. Ты их все сам наносил?

Он покачал головой.

— Нет. Они просто появились, и каждый день их становится больше.

— Что твои родители говорят об этом?

— Ничего. Точнее, я им не показывал. Как думаешь, боги передают руны своим детям по наследству?

— Возможно.

— Видимо, мои перешли от отца и матери, кто бы она ни была.

Я широко раскрыла глаза, и вовсе не из-за рун. Шрамы, которые у него были в детстве, снова появились, как Кора и говорила. Они были еще уродливее, чем я помнила. Но странным было не только это. Я узнала руны добродетели на его теле, но они были перевернуты либо нарисованы в другую сторону. Я снова всмотрелась в руны на лице и руках. Даже руна Одина была зеркальной. Я должна была сразу это заметить. Что бы это могло значить?

— Ну как? — спросил он.

— Твои руны нарисованы неправильно. Они словно зеркальные.

Эрик поднялся и подошел к зеркалу. Я пошла за ним, представляя свои руны. Когда мы стали у зеркала, они уже покрывали мою кожу. Мы сравнили похожие, что у нас были.

— Почему у меня другие? — спросил он, однако, не выглядя обеспокоенным.

Я начала рассматривать те, что были у него на спине.

— Не знаю. Когда они начали появляться?

— Как раз после соревнований, когда погибли пловцы.

— А шрамы?

— В пятницу вечером.

Вечером пятницы он в первый раз обернулся в свою другую, злую форму. Я поморщилась, мне не нравилось, что я всегда отношусь к его Халк-версии, как к чему-то злему. Мне нравился Халк. Он был моим третьим любимым супергероем после Тора и Железного Человека. Пока я их рассматривала, руны, как и шрамы, начали исчезать, оставляя на спине лишь покраснения. Есть ли связь между рунами и шрамами? Он натянул футболку и направился в сторону кровати, но я остановила его за руку.

— Что? — спросил он.

— Я думаю, мы должны рассказать Лавании о твоих рунах и шрамах.

Глава 21

Отравленный

Эрик выдернул свою руку из моей и издал короткий смешок.

— Хель, нет!

— Эрик, у тебя странные руны. Это нехорошо. Если ты не хочешь поговорить со своими родителями, то...

— Я не буду обсуждать свои проблемы с этой Валькирией, — отрезал он.

— Только потому, что ей не нравится Кора?

— Она относилась к ней, словно Кора никто. Низшее существо.

Я закрыла глаза. Я тоже любила Кору, но он упрямится из-за пустяка.

— Тогда попроси ее извиниться или что-нибудь еще, — он состроил мину, подошел обратно к кровати и сел. Серьезно, иногда он такая заноза. — К чему двойные стандарты? Ты сам большую часть времени не слишком красиво с ней поступаешь, делаешь больно, когда каждый раз окружаешь себя этими пустышками, и все же отказываешься прощать Лаванию.

— Это другое, — он потер лицо и посмотрел на меня. — Я защищаю Кору от себя. Другого меня. Когда все это закончится, я позову ее на свидание, — на его щеках заиграл румянец. — Лавания думает, что Кора недостаточно хороша для меня. Да кем она себя возомнила?

— Могущественной Валькирией с поразительным знанием рун, — я закрыла глаза и выдохнула. А еще ей нужно научиться следить за своим языком. То, что она древняя Валькирия, не дает ей права говорить все, что ей захочется. — Давай, я с ней поговорю. Я не буду упоминать тебя или...

— Нет, — вскочил он, на его теле начали появляться руны. — Это моя проблема, Рейн. Мне с ней разбираться.

— Не ты один в этом замешан. Норны просили меня защищать тебя.

Он кивнул.

— Тогда я освобождаю тебя от твоих обязательств, — он подошел ко мне, довольно улыбаясь. — У тебя новая жизнь Бессмертной. Наслаждайся ей.

— Ты же знаешь, что не могу, когда над твоей головой такое нависло.

— Над моей головой, не твоей.

— Семантика. Ты и я...

— Нет! — зеркало превратилось в портал. Вместо тепла, которое я часто чувствовала, когда Торин открывал портал, по комнате прошелся холодный воздух. Я вздрогнула. — Никому не говори о моих шрамах или рунах. И к твоему сведению, я не пойду на сборы в субботу. Не хочу видеть Кору, у меня от этого крыша едет.

— Тогда поговори с ней. Объясни, почему...

— Нет!

— Ох, как ты меня бесишь, — я на серьезе размышляла пнуть его божественность под зад. — И не смей прерывать меня на середине предложения, или я клянусь... Я люблю тебя, Эрик, но твое упрямство вымораживает меня. Ты — моя семья, а семья держится вместе и в горе, и...

— Семья? — он повернулся ко мне лицом, его глаза сузились. — Только потому, что ты

разбрасываешься такими словами, не делает нас семьей, Рейн. Давай начистоту. Ты Купер, я нет. У тебя двое любящих родителей, которые все для тебя сделают. Моим плевать, что сомной, поэтому меня сбросили сюда. Черт, я даже не человек. Поэтому, да, не лезь в мои дела. Уродство на моей спине и перевернутые руны — это то, что я унаследовал от родителей. Это моя проблема. Моя семейная проблема, поэтому держись от этого подальше, — его взгляд был застывшим, как в те разы, когда он менялся. Губы скривила та же безумная, злая улыбка, он повернулся и прошел через портал.

На меня обрушилась боль. Я стояла на месте и смотрела на него. Портал открылся в его комнату, которая была настолько огромна, что в ней могла бы спать целая команда по плаванию. Он был частью моей семьи на протяжении всей его жизни. Мне всегда было все равно, что он богат, избалован и невыносим, когда он не получал, чего хотел. Он был как брат, которого у меня никогда не было. Надоедливый брат. Как он посмел отречься от меня? Мне было все равно, вышла ли порезвиться на волю его Халк-версия. Я собиралась вlepить ему по самый Асгард.

Я пошла вперед, намереваясь догнать его. Он обернулся и посмотрел на меня тяжелым взглядом. Мне стало холодно. Затем я кое-что заметила. Стеклянная пелена, что покрывала его янтарные глаза, исчезла. Он может контролировать изменение? Я знала, что это не игра воображения.

— Эрик? — портал начал сворачиваться по краям, серая вихрящаяся масса заполнила небольшой коридор, меня обдало холодным порывом воздуха. -

Эрик! — я схватилась за раму зеркала и беспомощно смотрела, как передо мной закрывается проход. Последнее, что я увидела, была его улыбка. Она была грустной. Мне хотелось закричать от отчаяния. Мне нужно научиться создавать порталы. Нет, мне нужен...

Торин. Где он?

В очередной раз открылся портал, принося с собой теплое дуновение, и в комнату вошел Торин.

— Что такое? Что-то случилось?

— Эрик... — горло горело, из-за чего было сложно говорить. Торин обнял меня, и я уткнулась лицом ему в шею.

— Ты дрожишь. Что он сделал? — одной рукой он взял меня под колени и с легкостью поднял. Подойдя к кровати, сел и устроил у себя на коленях. — Бог он или нет, я все равно заставлю его пожалеть за то, что он причинил тебе боль.

Я закачала головой, по лицу скатывались слезы. Не могла поверить, что плачу, но, несмотря на все мои старания, я не могла остановиться. В дверь постучали. Она открылась и закрылась, но, когда я оглянулась, никого не было.

Я вытерла щеки.

— Кто...

— Твоя мама, — Торин вытер мои слезы и с беспокойством всмотрелся в мое лицо. — Что произошло?

— Я ненавижу Эрика, — выдавила я из себя.

— Ты же знаешь, что нет.

— Нет, ненавижу, — я слезла с его колен и прошлась. Он устроился поудобнее, нагромоздил у изголовья подушек и скрестил руки.

Я начала говорить, не прерываясь, пока не закончила:

— Я знаю, что должна радоваться тому, что он может контролировать изменение, но я

сейчас могу думать только о том, что он сказал. Когда это закончится, я заставлю его пожалеть об этом так, что он вечность помнить будет. Но сейчас мне не нужно все это, — к глазам снова подбежали слезы, и я быстро заморгала, чтобы не разреветься. — Папа выглядит так, будто чем-то тяжело болен. Ты вылечил его в тот раз, но ему становится только хуже. И вдобавок ко всему, Лавания заставляет меня выбирать между обучением и Корой. Что за бред? Я думала, она добрая и хорошая, а она, какого-то черта, превратилась в имперскую верховную жрицу-наставницу. Мне нужен...

— Я, — Торин похлопал по кровати. — Иди сюда.

— Нет. Мне нужно подумать, придумать план. Должен быть способ спросить ее о рунах, не вызывая подозрений, и...

— Веснушка!

Я замолчала и уставилась на Торуна.

— Что?

— Мне больно видеть, как ты плачешь.

— Я не плачу. Я зла и в ярости и очень, очень зла, — я вытерла щеки.

— Ладно. Мне больно видеть тебя «злой и в ярости и очень, очень злой». Иди сюда и избавь меня от страданий.

Какой он дурак, но я была рада, что он рядом. Я забралась на кровать, свернулась у него под боком и обняла его. Слезы текли, пока плакать стало уже нечем. Мне хотелось укрыться одеялом с головой и больше никогда не выходить из комнаты.

— Во-первых, я исцелил твоему папе шишку на голове, значит, падение не могло ему повредить, — мягко сказал Торин, будто мы обсуждали что-то настолько обыденное, как погода на улице. -

Во-вторых, Лавания не вправе ставить тебе ультиматумы. Она моя создательница, и я уважаю ее, но она твой наставник, а не надзиратель. Она не может диктовать тебе, когда прекращать дружбу с Корой. У вас в запасе еще есть примерно пять лет. Максимум десять до того, как она поймет, что ты не стареешь. Никто не может их у тебя отобрать.

Я подняла голову и заглянула ему в лицо.

— Ты хочешь подбодрить или сделать меня еще более несчастной?

— Я хочу, чтобы ты была реалисткой, — он поцеловал меня и добавил: — И последнее, у тебя есть я. Может я и потерял свою рунную книгу, но я достаточно знаю, чтобы объяснить значение того, что ты видела. Тебе надо только нарисовать... Куда ты идешь?

— Твоя книга у меня, — я подошла к шкафчику, вытащила полку и потянулась в самый ее конец. — Я собиралась вернуть ее тебе после разговора в пятницу, но со всем этим совершенно забыла.

Он взял книгу и открыл ее.

— Нет, все в порядке. Посмотрим, есть ли здесь руны, которые ты видела у Эрика, — он снова усадил меня к себе на колени. -

Перевернутые или зеркальные руны, которые ты, говоришь, видела, обычно имеют противоположное значение. Вместо храбрости они вселяют обман... щедрость становится жадностью... доброта...

— Злостью. Я поняла. Это может объяснить его стремную улыбку после изменений, словно ему доставляет удовольствие смотреть, как люди быют друг друга, — меня передернуло. Мне хотелось, чтобы вернулся старый Эрик.

Торин кивнул.

— С некоторыми рунами нельзя угадать, обратные они или нет, только по виду. Но все же, они будут противоположны истинной силе рун, как, например, руна Тира. Она представляет справедливость, честность и веру. На обратной стороне трусость, аморальность и обман.

— Там была еще руна Тора.

— Она символизирует защиту, — объяснил он. — Обратная — предательство, муки и ложь.

Я уставилась на него, широко распахнув глаза. Он не хвастался, когда говорил, что знает руны. Что касается Эрика, я могла только представлять, что руны делали с ним. Сегодня вечером он вел себя необычно. Он упрямый, но никогда не был жестоким. Злые руны изменили его. Злость, направленная на него, постепенно исчезала.

Для начала мы с Торином сосредоточились на одиночных рунах. Связывающие руны были сложнее, так как представляли собой комбинацию из двух или более рун и их было сложнее запоминать. Но, все же, используя книгу Лавании, которая была толще книги Торина, мы пытались разобраться.

В дверь постучали, и в проеме показалась голова мамы. Торин подскочил на ноги.

— У вас все хорошо?

— Да, мам.

Она продолжала топтаться у двери, держась рукой за дверную ручку и всматриваясь в мое лицо.

— Где Эрик?

— Мы с ним сильно поссорились, но я планирую поговорить с ним, когда он остынет.

И больше не будет под влиянием злых рун.

Мама вошла в комнату и подошла к кровати, ее взгляд был направлен на две рунные книги.

— Может, я могу как-нибудь помочь?

Мне хотелось рассказать ей все. У нее всегда на все можно было найти ответ, но я пообещала Эрику. Кроме того, вряд ли она могла что-нибудь сделать в этом случае. Ей все еще было нельзя делиться своими знаниями.

— Нет, у нас все под контролем.

— Ладно, постарайтесь не шуметь. Твой папа заснул, и я не хочу его тревожить.

Я посмотрела на часы. Еще не было девяти, слишком рано он пошел спать.

— С ним все в порядке?

Мама улыбнулась.

— Конечно. Он планирует выйти утром на пробежку, поэтому и лег так рано. И вы не засиживайтесь, — она поцеловала меня в лоб и сжала плечо Торина, когда проходила мимо него. Подойдя к двери, она остановилась. — У Эрика еще не прошли его ночные кошмары?

Я вздохнула. Она никогда не уйдет.

— Нет.

— Прошлой ночью он был здесь?

Я кивнула. Я уже не удивлялась тому, что она знала обо всем, что происходит в моей комнате, когда она дома.

— Он ходил во сне прошлой ночью и пришел сюда через портал, выдвинул кровать и тут же завалился спать.

— Хмм, интересно. Он любит тебя и знает, что тебе можно доверять. Поэтому, когда он

напуган, его тянет к тебе.

Здесь онахватила через край.

— Мам, я обещаю, что поговорю с ним. Это не совсем сильная ссора.

Ее взгляд выражал сомнение.

— Ладно. Спокойной ночи, милая. Торин, постарайся сегодня уйти в разумное время.

Вам еще завтра в школу, — она тихо закрыла за собой дверь, и я громко выдохнула.

— От нее ничего не скроешь, — пробормотала я, чувствуя, что краснею.

На лице Торина промелькнула лукавая ухмылка.

— Она собиралась стать Норной, пока не пала, поэтому у нее более острые чувства, чем у обычных Валькирий, — сказал Торин. Он сел на край кровати и нежно погладил мои волосы и плечо; ухмылка на его лице стала шире. — Тебя смущает, что она знает, как ты рук от меня оторвать не можешь?

Я закатила глаза.

— Как раз наоборот.

— Я не стыжусь того, что хочу тебя.

— Я тоже, — я поймала его за руку. — Перестань отвлекать меня. Нам нужно найти способ помочь Эрику.

Торин драматично вздохнул.

— Он мне по гроб жизни будет должен. Ладно, я знаю трех людей, которые могут помочь нам с ответами.

Я сжалась. Норны.

— Не называй их имен. После нашей последней встречи, я больше никогда не хочу их видеть.

— Тогда поговори с той, которую ты считала добрее остальных.

Я села и переползла на край кровати.

— Нет. С ней я тоже не хочу сегодня связываться.

— Необязательно сегодня.

— Или завтра. Или всегда, — проворчала я.

— Просто подумай над этим, — Торин подошел и встал у меня между ног, взял в руки мое лицо и наклонил его. Он изучал меня, и на его лице заиграла нежная улыбка; и я поплыла. Я не могла отказать ему, когда он так улыбался мне или смотрел на меня, словно я самое ценное, что есть у него в жизни.

— Хорошо, — неохотно сдалась я.

— Подумай об этом с другой стороны. Ты делаешь это ради Эрика, а не для себя.

— Сейчас он исключен из списка дорогих мне людей.

Торин усмехнулся, наклонился и коснулся моих губ своими.

— Ты восхитительна, когда дуешься.

Мне нравилось, когда он говорил, касаясь меня губами. Его теплое дыхание вызывало покалывание в моих губах. Наше дыхание смешалось, и мы поцеловались.

— Я не дуюсь.

— Нет, дуешься. Мне нужно идти. Я пообещал сделать кое-что для Лавании прежде, чем она пойдет спать.

— Ты вернешься?

— Конечно, — он пробежал пальцем по моей нижней губе и коснулся носа. — Мне нравится делать тебя счастливой прежде, чем ты уснешь.

Мне тоже нравилось. Меня охватило предвкушение, которое подталкивало воображение.

— А потом слушать, как ты храпишь, — добавил он.

— Я не храплю, — я хотела оттолкнуть его голову, но его волосы были такими мягкими и зазывающими. Я прошлась по ним рукой и убрала несколько прядей, падающих на лоб. Он повернул голову, поцеловал мою руку, наклонился ниже и запечатал мои губы долгим и страстным поцелуем. Затем Торин широкими шагами пересек комнату. На его коже появились руны, и зеркало превратилось в проход. Он остановился, посмотрел назад и улыбнулся. Я уже по нему скучала.

— Возвращайся поскорее, а то я засну, — предупредила я.

— Тогда я разбуду тебя, — пообещал он и исчез.

* * *

Торину не нужно было меня будить. Сна не было ни в одном глазу. Как обычно я заснула, окруженная его теплом и запахом, и проснулась утром, чувствуя себя отдохнувшей. Выдвижная кровать была на месте, как Эрик ее и оставил. Он не бродил по моей комнате, а значит, всю эту ночь спал.

Я оделась, заплела волосы, накрасилась и бодро спустилась по лестнице, едва не повалив папу на пол. Он был уже одет в спортивные шорты и майку.

— Осторожно, — предупредил он. -

Ты по-прежнему мчишься по лестнице, не заботясь о себе и остальных.

— Доброе утро, пап, — я поцеловала его в щеку и проскользнула у него под рукой. — Не хочу опоздать в школу.

— Если хочешь, я сделал овсянку.

Я скривилась. Несмотря на все его усилия заставить меня полюбить овсянку, я все еще ее ненавидела.

— Нет, спасибо. Умру, но не буду ее есть

— Доживешь до моего и передумаешь, — он пошел наверх.

— Даже не надейся, — я заметила на стойке пустые бутылки для воды, с которыми он обычно бежит. Положив замороженные вафли в тостер, я начала заполнять бутылки. Когда он спустился вниз, я уже ела.

— Спасибо, котенок, — сказал он, когда увидел полные бутылки.

— Как далеко собираешься добежать?

— Не знаю, зависит от самочувствия, — он разложил электролитный гель и протеиновые батончики по кармашкам на поясе. Я попусту переживаю. Он выглядел, словно был готов покорять мили этим утром.

— Думаю, кто-то ждет тебя, — сказал он, смотря в окно.

Я проследила за его взглядом и улыбнулась. Перед нашим домом стоял Торин. Он снова собирался отвезти меня в школу. Я поцеловала папу, схватила рюкзак и поспешила на улицу. Сознавая, что папа, скорее всего, наблюдает за нами, я, приблизившись к Торину, обернулась и помахала ему рукой.

— Твой папа? — спросил Торин.

— Ага, — я проскользнула на переднее пассажирское сидение и повернулась. На заднем сидении Эндрис с Ингрид что-то горячо обсуждали, но и в этот раз Лавании не наблюдалось.

Эндрис поднял голову и подмигнул.

— Пойдешь сегодня посмотреть тренировку парней?

— Да, а ты?

Он взял помпоны Ингрид и замахал ими.

— Как я могу пропустить ее фирменные прыжки, — он передразнил кричалку черлидерш: — Скажите Кей... Скажите Ви...

— Заткнись, — девушка ударила его по руке и попыталась отобрать помпоны.

В то время как они спорили, я придвинулась ближе к Торину, который в это время выезжал из нашего переулка.

— Где Лавания?

— Она ушла пораньше проверить кое-что в школе.

— Пожалуйста, только не говори, что это снова не касается Кору.

Торин покачал головой.

— Не знаю. Она не объясняла.

— Касается, — вмешался Эндрис с заднего сидения.

Я повернулась.

— Почему она думает, что Кора меня настолько ненавидит, чтобы уродовать мой шкафчик? Кроме того, охранник Рендольф пытался, но не смог поймать того, кто это делает.

— Ты до сих пор думаешь, что это кто-то из нас? — спросила Ингрид. Обычно она игнорировала мое существование. Даже когда я приходила к ним домой, девушка проходила через гостиную, где мы обычно сидели, кивала Лавании и полностью игнорировала меня. — Мы не настолько мелочные, — добавила она.

Я пожала плечами.

— Я не знаю, что думать.

— Рендольф неудачник. Знаешь, сколько учеников проносят в школу дурь? Скорее всего, он наврал, чтобы прикрыть свою задницу, — сказал Эндрис.

Странно, что я раньше об этом не подумала. Если Валькирии не при чем, значит, это могла быть Кора. В это сложно было поверить.

— Откуда ты знаешь про дурь?

— Моя обязанность — находить порочные юные умы и потворствовать им, — сказал Эндрис. — Знаешь, во скольких старших школах и колледжах мы уже побывали? И как скучно в них?

— Ты, правда, куришь дурь со школьниками? Это так... — я покачала головой.

— Бесстыдно. Это слово ты искала, — закончила Ингрид.

Эндрис довольно улыбнулся.

— Знаю. Вносит в жизнь разнообразие.

— Лучше этого не делать, — добавила Ингрид низким голосом.

— А что? Я здесь, чтобы собирать души, а не спасать их.

Слушая их, я поняла, что, возможно, Ингрид не так плоха, как я о ней думала.

Торин припарковался напротив школы. Первым, кого я увидела, был Эрик. И снова он был с группкой девушек. Если он и увидел нас, то не подал виду.

— Хочешь, я поговорю с ним? — спросил Торин.

— Нет. Он сам придет, — я напряглась, когда мы шли к шкафчикам. Завернув за угол, я ожидала увидеть Кору, пойманную в ловушку рун, но ее там не было. Я облегченно вздохнула. На полу и шкафчиках были нанесены свежие руны.

— Лавания добавила другие руны, — заметила я.

Торин вздохнул.

— Вижу. Не принимай всерьез то, что они с Эндрисом говорят о Коре. Доверься своему чутью.

К сожалению, мое чутье само заставляет меня сомневаться. Я знаю Кору большую часть моей жизни. Она не способна на ненависть. И, определенно, не могла по своей воле сводить меня с ума и портить мой шкафчик. С другой стороны, Кора так боялась меня после тех ужасных сборов, когда погибли наши друзья. Но, когда я вернулась из круиза, она совершенно изменила свое мнение. На самом деле, подруга была даже в восторге от того, что я знала о предстоящей смерти пловцов. Это не значит, что она ненавидит меня, или что она злая. Скорее, свидетельствует о ее непостоянстве.

* * *

На следующий день я задавалась вопросом, нет ли у Кору проблем со мной. Она не пришла ко мне домой, как обещала. Она написала, что у нее появились дела. Худшее оправдание, но я не возражала. Я пошла по магазинам с Торин. Он купил костюм Дракулы с фиолетовым жилетом, который подходил к моему черному с фиолетовым плащу невесты Дракулы. Несколько банально, но мне было все равно. Торин выглядел ужасно сексуально в этом костюме.

В субботу во время соревнований Кора завалила меня текстовыми сообщениями. Они были не слишком доброжелательны, и каждое сообщение отдавалось во мне виной за то, что я ушла из команды. Когда сборы закончились, сообщения прекратились.

Я сказала Торину, что мы, скорее всего, пойдем на вечеринку, и он нормально к этому отнесся, повод для беспокойства исчез. От Кору снова ничего не было слышно. Я оставила ей тысячу сообщений, но она не ответила. Разозлившись, я отправила ей длинное гневное сообщение и пошла выпрашивать сладости в компании Торина, Эндриса, Роджера, Ингрид и двух девушек-черлидерш. Потом мы пошли к Дрю.

Я не видела Эрика, хотя знала, как сильно он любит Хеллоуин. Несколько раз я боролась с соблазном написать ему, но мне пришлось напомнить себе, что это он оттолкнул меня. Несмотря на это, я по-прежнему скучала по нему и Коре. Мы праздновали Хеллоуин вместе еще со средней школы и часто потом объедались конфетами. Если Торин и заметил, как я притихла, то не показывал этого. Он сосредоточился на том, чтобы сделать этот момент запоминающимся.

— Прости за Хеллоуин, — сказала в понедельник утром Кора и крепко обняла меня. — Пожалуйста, скажи, что прощаешь. Мы конкретно облажались. Пятые из семи команд. Пятые! Даже Мустанги обошли нас. Такой позор.

Я пыталась не поморщиться от ее драматичного тона.

— Могу представить. А как парни?

— Третьи. Они могли выиграть, если бы Эрик был там. По крайней мере, так они

говорят. Хочешь, погуляем вместе как-нибудь на неделе? Ужин будет на мне, так как я пропустила шоппинг и Хеллоуин.

— Ладно, — но я не особо рассчитывала на нее. Я знала, что она снова меня кинет. Понятия не имею, что с ней происходит. — Напишешь мне.

Прошла неделя. Никто больше не рисовал граффити на наших шкафчиках, и я вздохнула с облегчением. Я видела Кору на перерывах и иногда утром. Подруга вела себя как прежде — веселая и смешная — но с тех пор, как она попала в рунную ловушку, я чувствовала, как мы отдаляемся.

Эрик тоже держал дистанцию на протяжении дня, но практически каждую ночь приходил спящим в мою комнату и каждое утро задвигал обратно свою кровать. Иногда его покрывали руны, и за ним следовала волна холодного воздуха, но иногда он приходил вместе с теплым ветерком. Как бы то ни было, это меня не беспокоило. Чего нельзя сказать о Торине, который настаивал проводить у меня ночь, чтобы присмотреть за ним.

Мои тренировки становились напряженнее. Мы перешли от одиночных рун к рунам-связкам. Я потратила два дня, чтобы расшифровать несколько связанных рун и затем разобрать их на базовые. Пока я этого не сделала, Лавания не разрешала мне наносить их на кожу. Когда я продвинулась, то нарисовала парочку. Теперь я могла двигаться быстрее. Не так быстро, как Торин, но быстрее чем обычный человек. Я также могла активировать руны и исчезать — становиться невидимой.

Папа продолжал тренироваться, хотя по-прежнему выглядел истощенным. Они с мамой иногда исчезали в портале и вместе ужинали в шикарных ресторанах, в которые ходили до моего рождения. Возвращались в приподнятом настроении. Я не возражала. Я проводила время с Торинем, ела вкусную еду на вынос из мест, названий которых не могла произнести, и получала небольшие подарки.

Шумиха по поводу плей-офф началась в понедельник, несмотря на то, что сама игра пройдет в пятницу. Уже в среду коридоры и кабинеты были украшены флажками и цветами школы.

Мы с Торинем повернули за угол, и внезапно меня окатило холодом. Я остановилась и огляделась. В конце коридора у нас за спиной стояла Кети. Одна. Где остальные Норны?

— Что такое? — спросил Торин.

— Ты не видишь ее?

Торин проследил за моим взглядом и нахмурился.

— Кого?

Кети по-прежнему стояла на месте, а значит, она невидима.

— Милейшую из старух. Пойду спрошу, чего ей надо, — Торин отрицательно покачал головой, нахмурившись. — Все в порядке. Я буду осторожна.

Как бы там ни было, он последовал за мной.

Кети развернулась и пошла в другую сторону. Я побежала, чтобы догнать ее, и увидела, как она исчезла в одной из раздевалок для девочек. Дверь открылась, и оттуда выбежала группка девушек. Я повернулась и, ухмыляясь, посмотрела на Торуна.

— Тебе туда нельзя.

— Я не оставляю тебя с ней наедине, — сказал он.

— Торин, — я всучила ему в руки свои учебники. — Перестань относиться ко мне как к слабой. Теперь у меня есть руны. Кроме того, ты всегда знаешь, когда нужен мне.

Он прищурился.

— Я буду стоять здесь.

Качая головой, я толчком открыла дверь и вошла. Кети была не одна. Они были полным составом.

— Хороший ход, Кети, — я развернулась и направилась к выходу.

— Ему становится хуже, — сказала Кети.

Я остановилась, вспоминая руны. Аргх, мне не хотелось зависеть в чем-либо от этих трех, но мне нужна была помощь с Эриком. Я медленно повернулась.

— Да. Шрамы тоже вернулись.

Они переглянулись и нахмурились.

— Вы же знаете о шрамах, которые были у него в детстве? — спросил я.

— Конечно, знаем, — резко сказала Джаннетт. — Какого они цвета и формы?

— Розовые. Бугристые, — я почувствовала, как они расслабились. Кто-то попытался открыть дверь, мой взгляд метнулся к ней, но она не открылась. Должно быть, Норны заставили кого-то поменять свое решение. — Причем здесь цвет?

— Они станут твердыми и чешуйчатыми, когда его темная сторона возьмет верх, — объяснила Джаннетт.

— Ей это знать необязательно, — вмешалась Мардж и посмотрела на Джаннетт. — Все, что ей надо знать, так это то, что их наличие означает, что мальчик близок к точке невозврата.

Я решила не обращать на Мардж внимание. Как обычно, ее голос жутко раздражал.

— Как могут шрамы, которые были у него в детстве, снова появиться?

— Это не шрамы, — сказала Кети. — Это уродство, которое он унаследовал от своей матери.

Мардж перевела взгляд на Кети.

— Еще один факт, который девчонке знать не обязательно.

Я затрясла головой.

— Ты хочешь сказать, что, когда злая сторона Эрика берет верх, у него появляется что-то вроде дефекта кожи?

Кети с Джаннетт сначала посмотрели на Мардж, а потом кивнули.

— Ты не со Смертным имеешь дело, Лоррейн, — сказала Кети. — Поэтому законы того, что ты называешь наукой, здесь не работают.

Ладно, это пролило хоть какой-то свет.

— Значит, его уродство как-то связано с рунами?

— Какими рунами? — спросила Мардж.

Мне хотелось проигнорировать ее, но что-то в ее голосе заставило меня ответить.

— Те, что на его теле. Они перевернуты, — они приблизились, вынуждая меня отступить назад. — Мне не следовало их видеть?

— У него не должно быть рун! — отрезала Мардж.

— Кети была права, — восторженно сказала Джаннетт.

Кети кивнула.

Мардж сделала вдох.

— Видимо, так. Я была слишком ослеплена тем, в кого он превращался, что не увидела очевидного.

— Хей, — сказала я, привлекая их внимание снова к себе. — Насчет чего Кети была права? И что ты имела в виду под тем, что у него не должно быть рун? Они сделали его

сильнее, и он использовал их, чтобы открывать порталы.

— Этот мальчик — бог, Лоррейн, — выдавила Мардж, словно своими комментариями я пересекла линию глупости. — Ему не нужны руны, чтобы создавать порталы и становиться сильнее. Они внутри него. Как дети учатся ходить, затем бегать, эти способности появляются у него с возрастом.

Внутри поселилось плохое предчувствие.

— Он показывал мне их на прошлой неделе, и они появляются во время его ночных кошмаров.

Они снова переглянулись, словно разговаривали без слов.

— Он говорил, откуда они у него? — спросила Джаннетт.

— Он не знает. Они появились после того, как Валькирии собрали души пловцов на соревнованиях, — они снова посмотрели друг на друга. Меня уже начало раздражать, что они это делают. — Что вы еще от меня скрываете?

— Кто-то рисует руны на Эрике, — сказала Кети. — Он не сам становится злым, Лоррейн. Кто-то принуждает его обратиться.

— Отравляет его злыми рунами, — добавила Джаннетт.

Мардж подошла ближе.

— И если бы ты присоединилась к нам несколько месяцев назад, как и должна была, ты бы это знала.

Я сглотнула, в этот раз ее было сложно проигнорировать. Только тот, кто знает руны, мог проделать такое. Его родители? Или кто-то из Валькирий?

— Найди того, кто это делает, и останови его, пока не стало слишком поздно, — сказала Кети. Она протянула руку Мардж, та вытащила завернутый артавус, который она раньше пыталась мне всучить. Норна предлагала его мне.

Я с отвращением посмотрела на оружие.

— Я уже говорила, что не причиню Эрику вреда.

— Он для того, кто его отравляет, — объяснила Кети. Она взяла кинжал у Мардж.

— Если я это сделаю, Эрику станет лучше? Это состояние обратимо?

Норны в очередной раз обменялись взглядами.

— Боюсь, что нет, — сказала Мардж. — Если он переживет это...

— Он переживет, — перебила я Мардж.

— Я не закончила, — сказала она, сощурившись, — если он переживет, ему придется научиться контролировать эту свою сторону.

— Действие рун нельзя обратить, когда они уже на твоём теле, — добавила Джаннетт. — Сколько рун ты видела на нём?

— Много.

Джаннетт посмотрела на остальных.

— Он гораздо сильнее, чем мы думали.

— Делай, что угодно, чтобы остановить того, кто в этом виновен, и останови его, пока мы навсегда не потеряли Эрика, — добавила Кети.

В голове начали прокручиваться все возможные варианты. За этим могли стоять его родители. У них были возможности и мотив. Они уже давно хотели вернуться домой, но Эрик вынудил их остаться. Или они ненавидели жить здесь все эти годы. По крайней мере, они так себя вели. Чтобы поймать их с поличным, мне надо постоянно следить за Эриком. Даже ночью. Было только одно решение — увести его из дома, заручиться помощью Торина

и по очереди следить за ним.

Я взяла кинжал в ножнах, посмотрела на часы и застонала. Прошла только половина перерыва.

— Я не могу таскать его по школе.

— Тогда спрячь его, — сказала Кети. Зеркало над раковиной превратилось в портал, через который я увидела свою комнату.

— Спрячь его там, где никто не найдет, — добавила Джаннетт. — Даже твой дружок Валькирия.

Я широко раскрыла глаза и посмотрела на Кети, чтобы та подтвердила ее слова.

Она кивнула.

— Она права, Лоррейн. Тот, кто отравляет Эрика, может быть и Валькирией. Тебе никому нельзя доверять. Даже Торину.

Глава 22

Эрик

Торин по-прежнему стоял снаружи, его кожу покрывали светящиеся руны. Он выглядел как какой-нибудь древний бог-воитель. Что он услышал? Голубые глаза стали колючими.

— Что она сказала?

— Точнее, что они сказали. Две другие ждали внутри.

В его глазах проскользнуло беспокойство.

— Чего они хотят?

— Как обычно, — я оглянулась и заметила, что коридор пуст. — Обсудим позже. Иначе мы не просто опоздаем, миссис Бейтс отправит нас обоих к директору за то, что мы пропустили половину ее урока.

— Забудь про математику. Это важнее. Что они сказали?

Мне было необходимо время, чтобы переварить то, что я слышала от Норн, перед разговором с Торин.

— Можешь спрятать руны? Если кто-нибудь нас увидит, то подумают, что я разговариваю сама с собой. Снова.

Он ухмыльнулся и предложил мне свою руку.

— Тогда пойдем куда-нибудь и поговорим.

— Я не прогуливаю школу. Может, ты просто поколдуешь над миссис Бейтс, чтобы она не заметила нас или забыла, что нас не было на уроке?

— Не-а, — он встал посередине коридора и скрестил на груди руки.

Я застонала.

— Знаешь, это твое отношение «будет так, как я скажу» на мне не работает.

Он довольно улыбнулся.

— Без меня ты получишь прогул.

— Аргх, ты такой... — я зарычала, развернулась и промаршировала к двери.

Я получила прогул и предупреждение — еще одно и в субботу меня оставят после занятий. Торин в это время уже сидел за задней партой и довольно ухмылялся. Я представила несколько средневековых пыток, специально модифицированных под него.

В этот раз Лавания была в классе. Она нахмурилась, когда я зашла. Может, за всем стоит она? Она ненавидит Кору, и Эрику она не понравилась с первого взгляда. Плюс, она хотела обучать его, а он отказался. Может, «обучать» подразумевало что-то еще? Может, после отказа она решила преподать ему урок?

Нет. Я не могла представить Валькирию, которой восхищалась и которую уважала, крадущейся в комнату Эрика, чтобы нарисовать на нем руны. Оставался еще Торин.

Наши глаза встретились. Он подмигнул, и его красивые губы изогнулись в самодовольной ухмылке. Я пристально всмотрелась в него. Несмотря на то, что мне хотелось использовать его в качестве мишени, я знала, что он никогда бы не навредил мне. А значит, не навредил бы и Эрику. Я дам ему шанс рассказать мне правду об одолжении, которое он сделал другу, пока я не приписала ему еще чего-нибудь.

— Теперь ты готова рассказать, что они сказали тебе? — спросил он, когда мы шли на следующий урок.

— Они не чувствуют сущность Эрика и знают, что ему становится хуже.

— А руны?

— Они ускоряют его трансформацию. Шрамы тоже часть этого. Когда темная сторона поглотит его, они станут твердыми и чешуйчатыми.

Он вздернул брови.

— Чешуйчатыми?

— Это уродство, которое он унаследовал от матери, — интересно, не русалка ли она. — Ты, случайно, не знаешь, были ли чешуйчатые существа в..., - я подождала, пока мимо нас пройдут студенты, и прошептала, — в Асгарде?

— Нет, но я слышал, что некоторые могут превращаться в змей и животных, — я не знала, серьезно ли он это говорил, но больше он ничего не сказал. После истории я не видела его до самого ланча.

Он был у двери с Дрю и Кейтом, качки ловили каждое его слово. Студенты проходили мимо, оборачивались и улыбались или говорили что-либо. Торин казался таким расслабленным, словно был обычным школьником. Почему он продолжает хранить от меня секреты? Может после того, как он веками сблизился с людьми, чтобы позже забрать их души, лгать не составляло ему никакого труда?

Когда я присоединилась к ним, он притянул меня к себе; губы изогнулись в сексуальной ухмылке, которую я так любила.

— Позже, парни, — сказал он своим друзьям. На улице вместо того, чтобы поехать в ресторан, он направился к востоку от городской площади.

— Куда едем? — спросила я.

— Домой. Я хочу сделать для тебя кое-что особенное.

«Кое-что особенное» часто включает в себя нечто нездоровое и ошеломляющее, что может заткнуть за пояс любую девушку и парня моего возраста. Иметь парня с вековым опытом за спиной может быть выгодным. У меня разгулялось воображение.

— Особенное?

Он усмехнулся.

— У тебя одно на уме, Веснушка.

Он был доволен собой. Я покраснела. Бесит, что он так хорошо может читать меня.

— И чья это вина?

— На мне только часть вины. Твой энтузиазм совпадает с моим, — он обнял меня за плечи и притянул к себе. — Знаешь, у меня есть и другие любимые увлечения.

— Надеюсь, они включают в себя еду, потому что я умираю от голода.

Он засмеялся, продолжая посмеиваться, пока мы не подъехали к его дому. Внутри он указал мне на стул, предложил банку содовой и исчез за дверцей холодильника.

— У тебя есть аллергия на какие-нибудь овощи?

— Нет, но я не люблю грибы.

Он выглянул из-за дверцы.

— Как, вообще, можно не любить грибы?

— У них странный вкус, — я скривилась.

Смеясь, он вернулся за стойку и разложил на столе мешки с замороженными овощами, включая свежие грибы шиитакэ.

— Видишь это? Они лечат язву, высокое и низкое кровяное давление, печень... — продолжая перечислять целебные свойства грибов, он нырнул в холодильник и вернулся с готовой пастой.

— Что бы ты ни говорил, грибы отвратительны. Неприготовленные, они на вкус, как... картон. А приготовленные, как слизь.

— Я заставлю тебя передумать, — он достал разделочную доску и нож.

Я с восторгом смотрела, как он нарезает овощи. Затем он сбавил темп и начал готовить. Я присоединилась к нему. Понятие не имею, какие специи он добавил. Это и неважно. Он был, как поэзия в движении, а еда пахла превосходно. Вот только у меня пропал аппетит, и внутренности скрутило от нервного напряжения.

Обычно мне нравилось быть с ним наедине, когда все остальное переставало иметь значение. Сегодня я чувствовала себя обманщицей. Предателем. Кто в здравом уме будет подозревать любимого человека в чем-то злом? Часть меня хотела открыться ему, что было бы правильным, когда любишь кого-то и доверяешь ему. Нет, любовь к нему вредит моему рассудку. Я, по меньшей мере, должна разозлиться на него за то, что он что-то скрывает от меня. К моему несчастью, стоило ему улыбнуться, и я была готова простить ему, что угодно. Гадость, я у него под каблуком.

— Ты не ешь? — спросил он.

Я пыталась, но, когда глотала, горло сдавливало и желудок грозился взбунтоваться. Я возила креветку по тарелке, словно шайбу на катке; совесть охватило чувство вины.

— Тебе не нравится, как я приготовил? — спросил он, его глаза метались между моим лицом и тарелкой.

Бунт в животе нарастал.

— Нет, не в этом дело. Я беспокоюсь о...

— Об Эрике, — закончил он, опустив вилку.

Это тоже, но в данный момент я больше переживала о нем самом и о том, как онотреагирует на то, что я собиралась спросить. Выбрав путь труса, я насадила креветку на вилку, запихнула ее себе в рот и, не чувствуя вкуса, прожевала.

— Очень вкусно.

Он закатил глаза.

— Теперь она льстит мне.

— Правда, вкусно.

— Ты только что съела гриб.

Я потянулась за бумажным полотенцем, чтобы выплюнуть это, но искры в его глазах говорили, что он дразнит меня.

— Ты придурок.

— Я тоже тебя люблю, — он вернулся к своей тарелке, словно только что не признался мне в любви. Он никогда не говорил, что любит меня, даже до того как потерял память. Спросить его, действительно, ли он это имел в виду, или лучше сосредоточиться на том, что Норны рассказали об Эрике?

Мысли о Норнах только все испортили. Я ходила кругами. Торин уже ел вторую порцию, в то время как я еле осилила половину своей. Закончив, он откинулся на стул, потягивая напиток, и изучал меня вопросительным взглядом. Я заерзала. Меня раздражало, когда он смотрел на меня так, словно может читать мои мысли.

— Ладно, Веснушка. Выкладывай.

Я ощетинилась.

— Что выкладывать?

— Что у тебя на уме.

— Сегодня я получила прогул из-за того, что ты отказался мне помочь, — сказала я и надула губы.

— Ты можешь быстро двигаться, исчезать и рисовать руны забвения. Тебе больше не нужна моя помощь.

— Я только начала учить все это, Торин. Я не могу практиковаться на учителе.

— Почему нет?

— Потому что... потому что она мой учитель, и я могу сделать что-нибудь не так, и у меня не было с собой артавуса.

Он вздохнул.

— Не беспокойся о миссис Бейтс. Я уже позаботился об ее воспоминаниях. И поговори с Лаванией о ношении артавуса. Тебе нужно два: один для кожи и один для порталов, — он посмотрел на часы и наклонился вперед. — У нас мало времени. Скажи, что на самом деле тебя беспокоит.

Я сделала глубокий вздох и набралась решимости.

— Ты говорил, что вернулся, потому что был должен одному другу.

Он прищурился.

— Да.

— Что это за одолжение?

Он покачал головой.

— Я не могу говорить об этом.

— Это как-то связано с Эриком?

Торин нахмурился.

— Эрик? Конечно, нет.

Я всмотрелась в его лицо. Он, казалось, был искренне удивлен, а значит, это не он вредит Эрику. И все же...

— Почему ты не можешь мне сказать?

— Прекрати, — он поднялся. — Я дал слово и не могу его нарушить.

— Даже ради меня.

Он потер глаза.

— Никогда не проси меня нарушить обещание, Веснушка. Я бы не был тем, кем являюсь, если бы делал так.

Черт возьми! Он прав. Я опустила взгляд на свои руки и покраснела.

— Не знаю, что произошло в перерыве между утром и ланчем, но у меня чувство, что с этим как-то связаны Норны. Я готов выслушать, если тебе нужно поговорить или...

Я фыркнула.

— Значит, это нормально делиться с тобой, в то время как ты держишь от меня секреты? Ты же знаешь, как я ненавижу двойные стандарты. Это полный отстой.

Он вздохнул.

— Знаю, прости, но я не могу сейчас объяснить все.

Я поднялась, чувствуя усталость и готовность расплакаться.

— То же самое ты говорил несколько месяцев назад, Торин, и мы чуть не потеряли друг друга.

— Я никогда не позволю этому снова произойти, — он встал и взял меня за руки. — Никогда.

— Ты не можешь этого знать. Пока продолжаешь хранить секреты, возможно все, — я

развернулась и направилась к двери.

— Веснушка, стой!

Мне хотелось проигнорировать его. Сердце вступило в дуэль с моим разумом. Выиграло сердце. Неважно, сколько раз он сделает мне больно или разочарует меня, мое сердце всегда будет принадлежать ему. Я остановилась и повернулась. Он подошел ближе, в глубине его глаз горело синее пламя.

— Ты все для меня значишь, — он заправил локон моих волос за ухо, его взгляд ожесточился. — Я не собираюсь потерять тебя из-за этого.

Я всмотрелась в его лицо и увидела правду. Я должна была понять, что любить Валькирию не так-то просто. И все же по-другому не могла. Взяла его руки и приложила к своему лицу.

— Разумеется, не потеряешь. Я просто не понимаю.

— Это одолжение личного характера. Ты все поймешь, когда узнаешь правду. Дай мне пару дней, хорошо? Неделю максимум. Прошу. Ради нас.

Как я могла отказать такой просьбе? Я потянулась и коснулась его губ. Его красивые, словно вылепленные губы. Он мог заставить меня согласиться с чем угодно, стоило ему только включить свое обаяние.

— Хорошо.

Он ухмыльнулся.

— Расскажешь, что тебе сказали Норны?

Я засмеялась.

— Ты очарователен, Торин Сент-Джеймс, но не настолько. У тебя свои секреты, у меня свои. Я вернусь в школу на своей машине, — повернулась и открыла дверь.

— Почему?

— У тебя футбол, а у меня дела после школы.

— Моя тренировка продлится всего лишь час.

— Мне надо заехать к родителям в магазин и затем нанести визит одному божеству. Одной, — добавила я, когда его глаза неодобрительно сузились.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

— Я разберусь с Эриком, — Торин вышел со мной, продолжая возражать, и наблюдал, как я иду домой. Когда я проезжала мимо, он по-прежнему стоял на крыльце, выражая своим видом недовольство. Я улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй.

* * *

Если утро было напряженным, обед выдался просто пыткой. Я не слышала ни слова, о чем говорили учителя, и продолжала прокручивать в голове, что собираюсь сказать Эрику. Он не отвечал на мои сообщения. Когда пыталась поймать его в перерывах, он постоянно был окружен своими фанатками. Я никогда не думала об Эрике, как о магните для телочек или как о раздражающем, высокомерном придурке. Сейчас он был воплощением обеих сторон. Я не собираюсь соревноваться за его внимание.

После школы я заехала в магазин. Джаред удивился, увидев меня.

— Что нового, малышка?

— Ничего. Думала заехать и проверить, как они, — я кивнула в сторону кабинета.

Он сверился с часами.

— Они с минуту на минуту должны вернуться с ланча.

— Ланч? Куда они пошли? На северный полюс?

Он усмехнулся.

— Домой. Я обычно закрываюсь, когда они устраивают поздние ланчи.

Ланчи? Значит, они не просто тайком уходили поужинать наедине. Их ужины на самом деле были затянувшимися ланчами. Мысль, что родители тайком проводят вместе весь день и вечер была... странной. И снова я нашла на холодильнике записку, что они вернуться домой поздно.

Следующей остановкой был дом Эрика. Большинство домов в их районе были огорожены. По крайней мере, ворота его дома были открыты. Пока я парковалась у его джипа, меня охватило напряжение. Теперь он не сможет убежать от меня, если только он не привел к себе домой тех девиц, с которыми я его видела.

У двери меня встретила его мама; она улыбалась мне. Впервые. Видимо, обучаясь на Бессмертную, я стала кем-то, кому стоит улыбаться.

— Какой приятный сюрприз, Лоррейн, — сказала она и обняла меня.

Это тоже было что-то новое. Я стояла, удивленная и зажатая, пока она меня не отпустила и не отошла назад.

— Ты не приходила к нам с тех пор, как началось твое обучение.

И задолго до этого. Я избегала приходить сюда, как чумы, несмотря на то, что у них был идеальный дом, с крытым бассейном ко всему прочему. Они были холодны и неприветливы.

— Да, Лавания многого требует, и еще школа. А Эрик дома? — конечно, он был дома, но ее радушный прием был стремным и заставил меня понервничать. А когда я нервничаю, то начинаю невнятно говорить.

— Он у себя в комнате. Как твое обучение? — спросила она, запирая за нами дверь, и провела меня через роскошный холл с винтовой лестницей, ведущей на второй этаж, и мраморным полом.

— Отлично, — в арочном проходе, ведущем в гостиную, появился ее муж и заулыбался, когда увидел меня. Он не был таким высоким, как его жена, но у него были цепкие и холодные глаза цвета стали, которые ничего не упускали из виду. Если его жену я могла терпеть в небольших дозах, то от него меня часто бросало в нервную дрожь. — Здравствуйте, мистер Севилль.

— Йохан, пожалуйста.

Ладно, теперь я знаю, что родителей Эрика подменили двойники или пришельцы. Дурацкое заключение. Они и были пришельцами из другого мира. Или они могли скрывать что-то, например то, что отравляют Эрика.

— Так ты уже начала учить руны? — спросила мама Эрика.

Она собирается проводить меня до самой комнаты Эрика? Я могла чувствовать, как за нами следят глаза ее мужа.

— На прошлой неделе. Я сейчас на связывающих рунах.

— Так скоро?

— Лавания сказала, что они сложные, и ими трудно овладеть, поэтому она хочет, чтобы я изучала их вместе с простыми рунами.

— Думаю, так будет лучше. Что же, — она остановилась и указала на дверь в

комнату, — он здесь. Было приятно с тобой пообщаться, милая. Ты должна приходить к нам почаще.

Ага, конечно.

— Конечно, миссис Севилль.

— Пожалуйста, зови меня Сари.

Я улыбнулась уголками губ и, прежде чем постучать в дверь, подождала, пока она уйдет. Я слышала приглушенные звуки. Громко постучавшись, открыла дверь и заглянула внутрь. Он лежал на своей кровати и крепко спал, игра на экране телевизора стояла на паузе.

Зашла в комнату и закрыла за собой дверь. Его комната была огромной. С одной стороны стоял плазменный телевизор, диван, несколько игровых кресел и новейшие игровые консоли. На другой стороне стоял стол с камерами и линзами. Пробковая панель, которая занимала большую часть стены, была увешана фотографиями и медалями по плаванию. Большинство фотографий были с изображением меня и природы. На некоторых была Кора, он снимал ее, пока та не видела.

Я подошла ближе к кровати и посмотрела на Эрика. Он выглядел таким невинным. Милым. Совсем не тем злым человеком, который швырнул в меня те убийственные слова. Я слегка толкнула его по колену. Он что-то пробормотал и свернулся в калачик.

— Ну же, Эрик, — я потянула его за пальцы ног. Он отдернул свои ноги. — Посмотрим, как тебе понравится это, — я промаршировала в его ванную, огромную и отделанную синим мрамором, взяла бумажный стаканчик и налила немного воды. Достаточно, чтобы вернуть его в сознание.

— Если выльешь на меня это, то пожалеешь, — предупредил Эрик, когда я подошла к кровати. Он по-прежнему лежал, свернувшись, с закрытыми глазами и намерением игнорировать меня.

Я подняла стакан и наклонила его, вылив воду на его лицо, футболку и волосы.

Он выругался и подскочил.

— Да что с тобой?

— Это за те обидные слова, что ты мне вчера наговорил, засранец.

Он встряхнул волосами, и сощурил свои янтарные глаза.

— Ты такая с...

— Договаривай! Ну же! — крикнула я в ответ.

— Сука! — на его коже появились руны.

— А у тебя дерьмо вместо мозгов, — он обошел кровать, и впервые за все время во мне появилась неуверенность. Ладно, возможно, я зашла слишком далеко. Я собралась с силами. — Эрик?

— Ты, действительно, думала, что придешь в мою комнату, сделаешь этот дурацкий трюк, и тебе сойдет это с рук?

— Ты не посмеешь навредить мне.

— Правда? — его глаза остекленели.

В меня, словно через прорванную дамбу, влился страх.

— ТОРИН!

Эрик приближался, его губы искривила злобная усмешка, которую я ненавидела.

— Его здесь нет, чтобы спасти тебя.

— Это нелепо, Эрик. Я и раньше выливали на тебя воду, и ты никогда не реагировал так... так... — я сглотнула. Еще больше злых рун появилось на его руках. Я дошла до двери

как раз в тот момент, когда зеркало превратилось в портал, и из него вышел Торин.

Эрик остановился. К сожалению, он стоял между нами, поэтому я не могла дойти до Торины.

— Что такое? — Торин посмотрел на меня. — Ты в порядке?

Я начала кивать, а потом отрицательно покачала головой. Следом за ним в комнату вошли Эндрис, Ингрид и Лавания. Позади меня открылась дверь, и мама Эрика спросила:

— Что здесь происходит?

— Что ты сделал? — спросила Лавания. Она в ужасе уставилась на Эрика.

Эрик перевел на нее взгляд.

— Я ничего ей не сделал. Просто хотел напугать, чтобы она ушла.

— Я говорю не о Рейн, — Лавания прошла мимо Ингрид и Эндриса, которые уставились на него с ужасом и восхищением. Торин стоял возле меня, хотя я не заметила, как он оказался рядом. — Руны. Откуда они?

Эрик посмотрел на свои руки, и руны начали исчезать. Те, что покрывали лицо, еще было темными. Он пожал плечами.

— Не знаю.

— Как это понять, не знаешь? — обрушился его отец у меня за спиной.

— Это ты их нанес? — спросила Лавания, бросая на отца Эрика скептический взгляд.

Эрик состроил мину.

— Думаешь, я сам их нарисовал? Конечно, нет.

Лавания перевела взгляд прищуренных глаз на родителей Эрика.

— Вы! Вы посмели сделать это? На кого вы работаете?

— Мы бы никогда не сделали с ним такого, — резко ответила мать Эрика, ее взгляд метался между Лаванией и Эриком. Мы с Торинотом отошли в сторону, пропуская ее с мужем вперед.

— Как вы смеете обвинять нас в этом... зверстве? — прогремел отец Эрика. — Мы все время были преданы мальчику.

Все повернулись и уставились на Эрика. Но не я. Я всматривались в лица присутствующих. Они все выглядели потрясенными, и все же кто-то из них нарисовал эти руны. Кто же? Реакция Лавании казалась искренней, но так ли это на самом деле? Шок на лицах остальных доказывал, что они поняли, что это злые руны.

— Эрик? — нежно позвала его мать.

Он пожал плечами.

— Они просто появились!

— Руны не могут просто появиться, молодой человек, — сорвался его отец. — У тебя их, вообще, не должно быть. Хуже того, что они перевернуты, а еще хуже то...

— ДОВОЛЬНО! — комнату прорезал голос Лавании. — Не смейте разговаривать с ним в таком неуважительном тоне.

— Мы его родители, Валькирия, — возразил отец.

— Вы его хранители. Бессмертные, которые подчиняются законам Бессмертных.

В другом конце комнаты раздался смех, и все повернулись в ту сторону. Эрик сидел на подлокотнике дивана, ноги широко расставлены, руки на коленях, а янтарные глаза смеялись. Что смешного? Неужели его злая сторона снова берет верх?

Он покачал головой.

— Это все, конечно, очень весело, но, я думаю, вам всем нужно уйти. Мам, пап, вы

тоже, — он посмотрел на меня и нахмурился. — Рейн может остаться.

— Как ты не понимаешь? — сказала Лавания, приближаясь к Эрику. — У тебя не должно быть этих рун.

— Да, у меня есть странные руны, большое дело. У меня также есть злая сторона, которая выпускает нечто наружу, и все вокруг начинают сходить с ума. Теперь у нас появилась тема для обсуждения, в которую мы все могли бы вцепиться зубами. Вот только я не в настроении, поэтому вон.

Никто не двинулся.

— Злая сторона? — прошептала его мать.

— О чем ты говоришь, сын? — добавил его отец.

— Что за злая сторона? — добавила Лавания.

Эрик посмотрел на меня, словно удивился тому, что я никому не рассказала. Я покачала головой. Он вздохнул, поднялся и подошел к своей матери. Он взял ее за руку и всмотрелся в ее глаза.

— Мам, со мной все в порядке. Я справляюсь с изменениями...

— Ты не должен меняться, Эрик, — сказала мама. — Твои силы всегда были с тобой. Тебе только нужен кто-нибудь, чтобы помочь направить их, — она посмотрела на своего мужа, и он быстро подошел к ним. — У нас с Йоханом нет для этого необходимых знаний.

— У меня есть, — сказала Лавания.

— Ты не можешь работать с ним, пока мы не получим указания, — ответила мать Эрика.

— Чьи указания? — спросила Лавания.

— Норн, — ответил отец.

Норн? Я обменялась взглядом с Торинем и отложила эту информацию на потом.

— О какой злобной стороне ты говоришь? — спросил Эндрис.

— Что значат перевернутые руны? — спросила вместе с ним Ингрид.

Я продолжала смотреть на Эрика. В то время как другие начали забрасывать его вопросам, и шум в комнате нарастал, в его глазах появилось выражение загнанного в угол. Он близок к тому, чтобы снова потерять контроль.

— Простите, — я повысила голос. Все продолжали говорить. Я отошла от Торина и направилась к Эрику. — ХЭЙ! — крикнула я, размахивая руками, чтобы привлечь их внимание. — Думаю, вам стоит сделать так, как просил Эрик, и уйти.

Все замолчали и тут же начали разом говорить. Его родители настаивали на том, что хотят поговорить с сыном. Лавания не скрывала своей злости на них. Могу поспорить, что она думала о них, как о грандиозном провале. Эндрис и Ингрид осаждали с вопросами Торина. Он ухмылялся и игнорировал их. Скрестив руки, он по какой-то причине не сводил с меня глаз.

— Эрик поговорит с вами, когда будет готов. А сейчас ему нужно побыть одному, — никто не сдвинулся. Я перевела взгляд на Эрика в надежде, что он поможет мне, но он смотрел в пустоту. — Эрик!

Он посмотрел на меня, затем на остальных.

— Делайте, как она говорит. Не сейчас, мама, — добавил он, когда его мать собиралась возразить ему. — Пожалуйста.

Она кивнула и направилась к выходу. Впервые я заметила в ее глазах нечто, что не видела раньше, — любовь. Она продолжала оглядываться, и я могу поклясться, что ее глаза

блестели непролитыми слезами. Валькирии удивили меня тем, что последовали за ней вместо того, чтобы воспользоваться порталом. Торин не двинулся с места.

— Со мной все будет в порядке, — заверила его я.

Его взгляд переметнулся на Эрика, затем опять на меня.

— Я позову тебя, если что.

Он кивнул и затем сказал:

— Эрик.

— Я ничего ей не сделаю. Разве что кину в бассейн для урока, — он подождал, пока уйдет Торин, посмотрел на меня и добавил: — Перевернутые руны. Злая половина. Я в заднице, да?

— Вовсе нет. Утром я говорила с Норнами, и они все объяснили, — это привлекло его внимание. — Кто-то делает это с тобой, Эрик.

Он нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

Я все рассказала, начиная со шрамов. На половине моего рассказа, он встал и начал ходить по комнате.

— Значит, кто-то из них делает это со мной?

Я кивнула.

— Но я исключила Торуна из возможных подозреваемых.

— Почему?

— Потому что я спросила его. Он порой раздражает, касательно некоторых вещей, но он честен. Даже когда у него есть секреты от меня, он говорит об этом и объясняет, почему не может мне рассказать. Как сейчас. Он что-то скрывает от меня, но это никак не связано с тобой.

Эрик скривился.

— Рейн, которую я знал, никогда бы не отстала от парня с секретом.

Я изменилась.

— Я как бы понимаю сейчас. То есть иногда обстоятельства не позволяют делиться всем. Я ведь тоже ему не сообщила, что мне сегодня сказали Норны, потому что я поняла, что это не от меня зависит. Я подумала, что это ты должен решать, кому рассказывать после того, как мы вместе все обсудим.

Эрик пристально на меня посмотрел и кивнул.

— Спасибо.

— Мы должны узнать, кто за этим стоит, — я взяла его за руку. — Как ты учишь руны? Еще ты говорил, что использовал артавус, чтобы открыть портал ко мне домой. Кто тебе его дал?

Он посмотрел на наши переплетенные руки, и на его щеках начал появляться румянец. Странная реакция.

— Эрик?

— Я идиот, — он выпустил свою руку, пошел в ванную и ополоснул лицо.

Я пошла за ним.

— Не говори так. Тебе родители дали артавус?

Он издал короткий смешок.

— Во-первых, я даже понятия не имею, что за фигня этот артавус. Несколько недель назад я увидел, как папа открывает портал какой-то штукой, похожей на нож, и позже

спросил у него об этом. Он сказал, что это стилло.

— Стилло — это разновидность артавуса, — объяснила я. — Значит, твой папа...

— Он не давал мне свой, эм, артавус. Если думаешь, что за этим стоят мои родители, забудь. Они этого не делали. Они не могли. Я не учил руны, Рейн. Я просто сказал тебе это, чтобы отвязаться от занятий с Лаванией, которая, вероятно, и делает это со мной.

Я все по-прежнему верила, что это была не она. Даже ее реакция на увиденные перевернутые руны казалось искренней.

— Я не знаю, виновна Лавания или нет. Она, правда, хорошая. Как ты создал портал, если не рисовал руны?

Он потер глаза и вздохнул.

— Мне не нужны руны. Я стоял перед зеркалом и думал о тебе. Помнишь, когда я узнал, что вы с Торином, эмм, виделись друг с другом, когда мы встречались. Я был зол и думал о том, что скажу тебе, когда открылся портал в твой дом, — его губы изогнулись в небольшой ироничной улыбке. — Я испугался. Я не знал, что делать или как закрыть его. Потом я услышал твой разговор с Лаванией. Вы обсуждали меня. Если помнишь, я тогда был без обуви. Когда портал закрылся, я понятия не имел, как его снова открыть, поэтому притворился, что забыл стилло. С тех пор я просто мысленно фокусировался на тебе, когда хотел, чтобы портал открылся к тебе, и он появлялся. А когда думал о своей комнате, он приводил меня обратно.

— Я только начала учить руны, открывающие порталы, но, вау, они были правы насчет твоих сил. Они работают не так, как рунные.

Эрик пожал плечами, но он выглядел задумчиво, словно мыслями был где-то не здесь. Он направился к двери.

— Я найду того, кто за этим стоит.

Я пошла за ним.

— Как?

— Спрошу их, — он остановился у двери, развернулся и подошел ко мне. Он притянул меня к себе и крепко обнял. Молодой человек дрожал. Я обвила его руками и крепко сжала, на глаза набежали слезы.

— Спасибо тебе, Рейн.

— Тебе не нужно меня благодарить.

— Ты всегда была рядом, а я вел себя как полный придурок по отношению к тебе, — он отступил и вздохнул, когда увидел мои слезы. — Я не знал, как могу тебя защитить, поэтому решил, что лучше оборвать связь между нами.

Я ударила его в грудь.

— Никогда так не делай. Попробуешь снова, и я не буду такой милой, как сейчас, а надеру тебе зад.

— Можешь попробовать.

— Бог или Халк, я буду грязно сражаться и выиграю, — уголки его губ дернулись, но он не улыбнулся. Я скучала по его солнечной улыбке. — В любом случае, тебе придется загладить свою вину за этот раз, сделаешь все, что я захочу...

— Все, что угодно.

— Хочу самый последний iPad, на 32 гига, и все серии «Сверхъестественного» на iTunes, чтобы я могла пускать слюни на братьев Винчестеров всегда и везде.

Он усмехнулся, отошел назад и открыл дверь.

— Меня удивляет, что ты сейчас можешь шутить.

— Кто сказал, что я шучу? — я поспешила за ним. — Ты назвал меня сукой.

Он засмеялся.

— И ты собираешься поймать с этого.

— Насколько возможно, — на самом деле, мне не нужен был iPad или сериал, чтобы залипать на главных героев, Сэма и Дина. Торин был сексуальнее их вместе взятых, и мне также не нужно мечтать о нем. Ведь он уже мой. Все же я заставила Эрика смеяться.

— Забили, iPad и «Сверхъестественное», — Эрик схватил меня за руку. — А теперь помолчи, и давай найдем предателя.

Глава 23

Секреты

— Не так быстро, — я схватила его за рубашку. — Нам нужен план.

— У меня есть план. Ты скажешь им, что сообщали Норны, а я понаблюдаю за ними, чтобы увидеть, кто виноват.

Он лишь пытался прочесть людей. В противном случае он знал бы, что я была с Торинном, пока мы с ним еще встречались. Я уперлась пятками и заставила его остановиться.

— Я думаю, что должна рассказать им о Норнах и о том, что они говорили о твоей стороне Халка, но мы не должны упоминать, что кто-то отравляет тебя. Таким образом, человек, делающий это, подумает, что он или она справляется с этим, успокоится и попробует снова. Помнишь, что Норны сказали еще немного, и ты присоединишься к темной стороне.

Эрик вздрогнул.

— Я видел последствия своей темной стороны, и это некрасиво. Если мы отбросим Торуна, Лаванию и моих родителей, останутся Эндрис и Ингрид.

Его родители все еще были в моем списке. Эндрис мог это сделать? Несколько недель назад он был зол, что я вернулась с Эриком. Но мог ли он навредить Эрику? Это не походило на братскую любовь. Я просто не могла видеть, как он это делает.

— Эндрис делает что-то плохое, когда ему скучно, но он хвастался бы этим, не показывая ни капли раскаяния. У него искривленное чувство правильного и неправильного.

— Ингрид?

— Она обвиняет меня в том, что случилось с ее сестрой, но причинить тебе боль, чтобы добраться до меня... я не знаю.

Он покачал головой.

— Это не дает нам ничего, Рейн. Ты похожа на Кору. Вы отказываетесь видеть зло в людях. Я говорю, один из них виноват.

Я все еще полагала, что у его родителей были средства и мотив. Возможно, не его мать. Из того, что я увидела чуть раньше, она могла бы действительно любить Эрика. С другой стороны, его отца было трудно понять.

— Ну? — спросил Эрик.

— Я чую нутром, но могу ошибаться. Единственный человек, которому я доверила свою жизнь, — это Торин, — Эрик закатил глаза. — Не делай так. Лавания, Эндрис, и Ингрид считают, что Кора была единственной, кто мог разворотить мой шкафчик.

— Что?

— Забавно. Правда? Они использовали руны ненависти и заманили ее. Сказали, что она ненавидит меня.

— Но это глупо. Ее шкафчик рядом с твоим, и вы дружите.

— Спасибо. Торин не повелся на эту глупую небылицу. Он сказал мне, чтобы я доверилась своей интуиции. И он единственный, кто поверил моим словам, что Кора не может меня возненавидеть или сделать что-либо, что навредит мне.

Эрик кивнул.

— И, черт, он был прав.

Я улыбнулась.

— Именно поэтому, я знаю, что он не причинит тебе вреда.

— Так что теперь?

— Последуем моему плану, а ты пока поживешь у меня, до тех пор, пока мы не поймаем человека, сделавшего это с тобой.

— Ни за что. Я не буду убегать от этого ублюдка. Пойдем.

Дойдя до прихожей, мы слышали голоса, спорившие о чем-то. Я узнала их, один принадлежал Лавании, другой, более низкий, отцу Эрика. Мы переглянулись с Эриком и ускорили шаг. Они умолкли, как только мы вошли в комнату, но напряжение все еще висело в воздухе, словно влажное одеяло.

Его мать кинулась к нам.

— Эрик, ты должен рассказать нам обо всем, что происходит.

— Рэйн расскажет, — он приобнял ее и усадил обратно на место.

Шесть пар глаз уставились на меня. Выдохнув, я начала:

— В понедельник, после нашего путешествия, ко мне в школу приходили Норны и попросили присмотреть за Эриком. Они сказали, что он в опасности, и я должна его защитить.

— В опасности? — переспросила мать Эрика и схватилась за руку мужа, глаза метнулись к сыну в немом вопросе, но тот был занят, присматривая за Ингрид и Эндрис.

— Почему ты не рассказала мне или своей матери? — спросила Лавания.

— Потому что я не доверяю Норнам. Они и до этого манипулировали мной, и я уверена, что они вернулись к своим старым фокусам. Я не знала, кем именно является Эрик, так что сосредоточилась пока на этом.

— Значит, именно поэтому, ты хочешь узнать все о нем?

Я кивнула.

— Рэйн, ты должна была рассказать нам о том, что Норны сказали тебе. Ты ребенок, и едва ли именно тот человек, кто может взять на себя такую ответственность, — добавила Лавиния.

— Норны сказали, что я должна была стать Норной, и Эрик был бы моим первым подопечным.

Лавания издала короткий смешок.

— И ты им поверила? Ты только начинаешь раскрывать свой потенциал, и ты будешь присматривать за божеством?

— Перестань, — властно произнес Торин и окинул ее холодным взглядом. — Ты понятия не имеешь, через что прошла Рэйн будучи в руках этих Норн, так что не принижай ее способности и не говори с ней так, как будто она не понимает, о чем речь. Дай ей договорить. Пожалуйста.

В комнате воцарилась тишина. Если бы я уже не любила его, то влюбилась бы прямо сейчас. Выдохнув, я объяснила инцидент, произошедший в Хабе и в Доме на Холме, во время моего изучения о раздвоении личности Эрика, и недавнюю встречу с Норнами.

— Норны сказали, что руны на его теле дают выход его второй сущности. Но и они не знают, откуда те появились.

Последующие вопросы задавались в основном Эрику. Его родители сидели тихо, как бы ожидая, чтобы все ушли, прежде чем начать расспрашивать его самим. Вопросы задавали Лавания, Эндрис и Ингрид, в то время как Торин спокойно сидел на своем месте. Он удивленно смотрел на меня с легкой улыбкой на лице, словно видел в первый раз. Несколько

раз, пересекаясь с ним взглядом, я вопросительно поднимала бровь. Но его улыбка лишь стала шире, как будто он веселился от своей собственной шутки. Было некорректно вести себя так, в то время как Эрика расспрашивали, будто преступника на допросе.

Я вздохнула с облегчением, когда пришло время уходить.

— Напиши мне, — бросила я Эрику.

Он кивнул и вжался в свой стул. Настал час встретиться лицом к лицу с родителями. Наедине. И судя по прищуренному взгляду его отца, я ему не завидую. Через портал мы прошли в комнату Торина.

— Рэйн, у нас не будет занятий, пока я не вернусь, — быстро сказала Лавания, как только портал закрылся. — В мое отсутствие займись расшифровкой и рисованием большего количества связывающих рун, Торин, ты пойдешь со мной, — она повернулась и дотронулась до руки Эндрис. — Предупреди тренера Торина, что его не будет на игре в пятницу.

Эндрис кивнул. Торин лишь поджал на это губы. Что, никто не будет возражать? Ни слова протеста? Он не может уйти. Он мне нужен.

Лавания направилась к выходу.

— Торин, уходим через пять минут.

— Он не может. Он нам нужен. Он нападающий, — запротестовала я, используя футбол как оправдание. Я не хотела, чтобы он уходил.

Лавания уже дошла до лестницы и взялась за поручень, но обернулась.

— Что, прости?

— Торин не может пропустить игру. Команда нуждается в нем, — я глянула назад и увидела, как Эндрис закатывает глаза. Торин предупредительно покачал головой, а Ингрид нахмурилась еще больше. — Без него мы не выиграем.

Лавания отошла от лестницы и подошла ко мне.

— Моя дорогая наивная протее. Мы здесь... Они, — она кивнула на Торина, Эндриса и Ингрид, — здесь исполняют поручения Валькирий. Игры в футбол, плавание, или даже черлидерство, — ее взгляд упал на Ингрид, — это средства для достижения цели. Торин это знает. Они все это знают. Дела Валькирий на первом месте.

— Но почему он должен уходить сейчас? Что, где-то люди умирают? Еще один несчастный случай?

Лавания выдохнула, и, должна сказать, она прилагала усилия, чтобы оставаться спокойной.

— Рэйн, с Эриком что-то происходит. Ты это знала уже несколько недель и ничего нам не сказала. Мы лишь сейчас это обнаружили. И, естественно, мы должны рассказать его родителям о том, что происходит. Пришло время отправиться ему домой.

— Что? Эрик не может уйти, — я посмотрела на Торина, но тот молчал. Это и есть тот секрет, который он хранил? Я повернулась назад к Лавании. — Зачем вы это делаете?

— Делаем что?

— Забираете Торина, не позволяя ему играть в пятницу, угрожаете забрать Эрика от меня?

— Солнышко, — Лавания покачала головой, глаза были полны жалости. — Дело не в тебе. Игра для нас ничего не значит, конечно же, если Норны не рассказали тебе то, чего мы не знаем. Они сказали тебе что-то? — она вгляделась в мое лицо.

Я покачала головой.

— Нет.

— Тогда это не имеет никакого значения. Что же касается Эрика, то он не твоя забота. И никогда не был, что бы там тебе Норны не наговорили. Оставить его жить здесь, было для его же безопасности, но тьма, которой мы опасались, все же нашла его. Никто не знал, что она в нем самом, — Лавания потянулась ко мне и погладила плечи, затем взялась за них и пристально посмотрела на меня. — Эрик должен оставаться со своим родом. Ему нужно быть в окружении своей семьи.

Слова застревали в горле.

— У него есть семья, здесь. Мы... — из глаз брызнули слезы. Я заморгала и подняла подбородок, чтобы остановить их. — Мы его семья. Мы всегда были рядом с ним, а они нет. Его хранители могут вернуться туда, откуда пришли, если хотят, а Эрик может остаться с нами. Мои родители не будут против. Мама любит его, а папа обращается с ним, как с сыном.

— Твой отец... — она вздохнула, слегка похлопала по плечам и отступила. — Эрик вскоре вернется домой, Рэйн. Ему здесь не место.

Нет. Я покачала головой, горло сдавило.

Лавания ступила на лестницу, остановилась и обернулась.

— Да, чуть не забыла. Я знаю, что ты чего-то не договариваешь. Надеюсь, это не имеет отношения к Эрику.

Я моргнула.

Она вздохнула.

— Почему вы, ребята, думаете, что можете скрыть что-то от меня? Я достаточно взрослая, чтобы понять, когда мне врут или же скрывают что-то от меня, — ее взгляд упал на Торуна. Она знала его тайну? — Если с Эриком что-то случится из-за того, что ты недоговариваешь мне, ты ощутишь сполна на себе гнев богов.

Я сглотнула, паника завладела мной.

— Не говори с ней так, — произнес Торин, подходя ко мне и встав рядом, взяв меня за руку и обняв другой рукой за талию. Я прильнула к нему, ища поддержки. — Ты ее пугаешь.

— Это хорошо, — глаза Лавании вспыхнули. — Она продолжает забывать, что Эрик — божество, тот, кого надо защищать любой ценой, — она прищурилась, глядя на меня. — Что ты скрываешь от нас?

Я хотела рассказать ей правду, но что-то удержало меня. Что если она была той, кто причинил вред Эрику, и что это лишь уловка, чтобы вытянуть из меня признание? Нерешительность съедала меня. Живот свело, и накрыло ощущение неминуемого рока. Объятия Торуна стали крепче.

— Мы с Эриком рассказали вам все.

Она тряхнула головой.

— Отлично. Можешь оставить свой секрет при себе. Идем, Торин, — в ожидании, она стояла на месте.

Я не могла отвести от нее глаз. Торин повернул меня лицом к себе. Я начала рассматривать его лицо, запоминая каждую прекрасную черточку его лица: ровные скулы, красивые губы, изумрудные глаза, светящиеся любовью, хоть даже он и не говорил никогда этого. Я попыталась сглотнуть, но во рту пересохло. Сердце забилось, готовое разорваться.

— Ты вернешься?

— Да.

— Когда?

— Я не знаю. Получить аудиенцию у богов занимает время, — он взял в руки мое лицо. — Но я вернусь, Веснушка.

Он не стал бы мне лгать. И все же...

— Что мне сказать Дрю и Кейт, когда они спросят, где ты?

Он состроил гримасу.

— Не волнуйся за них или за игру. Как сказала Лавания, они не имеют особого значения. Позаботься об Эрике, — он посмотрел направо, где Эндрис и Ингрид негромко переговаривались. — Эндрис! Повторяю еще раз, я вверяю тебе самого дорого человека в моей жизни. Не дай Бог с ней случится что-то опять.

Эндрис ехидно улыбнулся и поклонился, но по глазам видно было, что он воспринял его слова всерьез.

— Я буду защищать ее ценой своей жизни, спать в ее комнате, если...

— Нет, — мы с Торинном ответили в один голос.

Эндрис хмыкнул. Он взял за руку Ингрид, и оба отошли подальше. Затем то, что Торин произнес было записано.

— Опять?

— Мои воспоминания возвращаются, — он самодовольно улыбнулся. — Они начали приходить, когда ты выкрикнула мое имя раньше в комнате Эрика. Я ощутил твой страх. И вспомнил ту ночь, когда ты лежала в больнице, Веснушка. Тогда я тоже ощущал твой страх.

Той ночью мы впервые поцеловались, и он признался мне в своих чувствах.

— Ты вспомнил все?

— Не совсем, но память восстанавливается довольно быстро, — он провел пальцами по моему подбородку и коснулся губ, глаза излучали тепло. — Я вспомнил наш первый поцелуй, тебя в моих руках, страх от возможной потери тебя. Я бы не хотел испытать это снова.

— Я тоже, — хотя я как раз испытывала это сейчас и не могла объяснить почему.

— Я вспомнил, когда увидел тебя в первый раз. Ты открыла дверь и посмотрела на меня с...

— Охх, — сказала я, и неожиданно для себя рассмеялась, несмотря на происходящее.

Торин тоже усмехнулся и коснулся моего носа.

— ...разочарованием. Ты волнуешь меня даже тогда, когда ругаешь или унижаешь. А несколько минут спустя, смотришь, словно хочешь сорвать с меня...

Я закрыла его рот рукой, покрываясь румянцем.

— Торин! — позвала Лавания с лестницы.

Он убрал мою руку, обхватил мое лицо и посмотрел в глаза, улыбка исчезла с его лица.

— Веснушка, ты для меня все. Без тебя моя жизнь не имеет смысла, — его глаза потемнели, он всматривался в мое лицо, запоминая черты. — Я вернусь. Не из-за игры. Не из-за душ. А из-за тебя. Я вернусь, чтобы провозгласить тебя своей, Рэйн Купер.

Он опустил голову. Я остановила его на полпути, обняла за шею, и мы поцеловались. В его поцелуе было что-то другое. Казалось, он сдерживался раньше. На этот раз плотина сломалась. Губами он дал мне представление о мире, который собирался подарить. Барьеры между нашими душами исчезли, поскольку моя совпадала с его. Две половинки целого объединяются и дополняют друг друга. Я думала, что слышала, как зовет Лавания, но ничто не могло проникнуть сквозь чувственную дымку, которую мы создали.

— Сейчас, Торин, — подошла Лавания.

Мы остановили поцелуй, оба тяжело дыша.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

— Всем сердцем, — закончил он.

— О, ради богини, — огрызнулась Лавания. — Позовите, когда закончите.

Мы оба подняли глаза, когда она вернулась обратно. Она переоделась в одно из своих длинных домашних платьев.

— Она злится на меня.

— Нет, она беспокоится об Эрике и, может быть, немного ревнует, что он доверяет тебе, а не ей, — он коснулся своих губ. — Я не хочу оставлять тебя, веснушка, — мы снова поцеловались, все глубже, дольше. Я тоже не хотела, чтобы он ушел, но я знала, что он должен.

Прежде чем он смог поднять голову, я прошептала:

— Норны сказали, что кто-то нарисовал руны на Эрике и заставил его превратиться в зло. Это то, что я забыла сказать, — я откинулась назад и проверила его реакцию.

В его глазах мелькнула паника. Он взглянул наверх, где исчезла Лавания, словно искал Эндриса. Он тихо проклинал его.

— Это плохо. Доверяй Эндрису. Поговори с ним. И, пожалуйста, не делай ничего, пока я не вернусь.

Я кивнула. Еще один затяжной поцелуй, и он ушел, быстро двигаясь, пылая рунами по всему телу. Мои глаза следовали за ним по лестнице, мое сердце уже скучало по нему. Я задержала дыхание и прижала нижнюю губу, чтобы не дрожала. Чувство плохого предчувствия усилилось. Он вернется. Почему же тогда я почувствовала, что больше никогда его не увижу?

— Он вернется, — сказал Эндрис, обхватив меня за плечо. — Торин один из немногих Валькирий, которых я знаю, кто держит слово. Злобно-высокомерный-и-вообще-боль-в-моей-заднице, но очень надежный, это его второе имя.

Ему лучше вернуться. Я не могла представить жизнь без него.

— Это имя труднопроизносимое.

— Хотя это ему подходит. Итак, что ты хочешь сделать? Болтаться, заказать ужин, и...

— Я иду домой.

— О, пошли, — он схватил за плечи и посмотрел на меня. — Я понимаю, что хочешь поплакать в одиночестве и обнять подушку с его запахом, но это только сделает тебя более несчастной. Тебе нужно чем-нибудь заняться.

— Обнять подушку с его запахом? — спросила я, стараясь не засмеяться, слезы все еще угрожали потечь. — Ты такой романтичный для циника.

Он ухмыльнулся.

— Я знаю. Мой уровень сложности впечатляет даже меня. Но, серьезно, неужели ты собираешься смотреть на меня таким тяжелым взглядом?

— Нет, Эндрис. Ты главный, и я буду уважать это. Я пойду домой, чтобы изучить руны связывания, а Кора придет ко мне в семь. Пожалуйста, никаких смешных комментариев о ней, — добавила я, когда он скорчил лицо. — Она мой друг, и вы, ребята, должны это принять. Она также займёт меня, поэтому я не буду беспокоиться о других вещах. Или о Торине, — я сняла руки Эндриса со своих плеч. — Я обещаю сказать тебе, если пойду куда-нибудь.

Его глаза сузились.

— В самом деле? Почему ты так дружелюбна и вежлива?

— Потому что Торин сказал, доверять тебе, — я направилась к двери, но Эндрис указал на портал.

— Домашнее правило номер один: вы проходите через портал, вы покидаете дом через портал.

* * *

Совсем стемнело, пока я работала над привязками к рунам. Пыталась и терпела неудачу. Ветер засвистел и загремел стеклянными окнами. Надвигалась буря, и это соответствовало моему настроению. Я не могла сосредоточиться и постоянно проверяла окно Торина, хотя знала, что он не вернулся. Эрик тоже не ответил. Я все еще хотела, чтобы он спал у меня. Его присутствие рядом облегчит мои страдания. Сосредоточение на нем мешает мне думать о Торине.

Я достала кинжал, который Норны дали мне, вытащила из его ножен и изучила. Все было черным и имело рунические маркировки. Ручка имела четыре ребра, которые облегчали захват. Я провела пальцем по лезвию, коснулась кончика и вздрогнула. Кровь собралась на подушке моего пальца, где я ее уколола. Капля медленно уменьшалась, когда мое тело возвращало ее обратно. Порез зажил, не оставив следов.

Я была Бессмертной, но я никогда не была такой несчастной и одинокой.

Убрав кинжал, я схватила мобильный телефон и проверила сообщения. Нет ответа от Эрика. Я села на подоконник и снова отправила ему смс. Я размышляла над следующим шагом, когда подъехала Кора. Она увидела меня и помахала рукой. Надеюсь, ее непрерывная болтовня отвлечет меня от всего.

Я помчалась вниз.

— Бррр, сегодня холодно, — сказала Кора, входя в дом, ее ноутбук прижат к груди, рюкзак на плече. Она толкнула дверь ногой, уронила рюкзак и обняла меня. -

О, ты такая теплая и вкусная.

Ее руки и ноутбук холодили мою кожу.

— А ты человеческая сосулька, — я попыталась оттолкнуть ее руку, когда она попыталась пробраться мне под рубашку. Она всегда это делала. — Ик! Убери это! — я отбежала к кухне, чтобы оторваться от нее.

— Мне нужен горячий напиток, прежде чем я смогу функционировать, — сказала она, следуя за мной.

— Чего ты хочешь? Кофе, горячий шоколад или яблочный сидр?

— Фуу. Ты же знаешь, что я терпеть не могу яблочный сидр, — она положила ноутбук на стол и подышала на руки, — или яблочный пирог, яблочные пирожки, яблочный чизкейк, яблочный кремный торт, яблочное пирожное, баварский яблочный торт, яблочное вино...

Я постаралась не рассмеяться. Из головы вылетело, что ее семья выращивает яблоки, и ее мать печет и продает яблочные десерты в местные магазины. У них столько сортов яблок, что я всегда с нетерпением ожидаю какие бы выбрать, когда прихожу к ним в гости.

— Кофе подойдет, — добавила Кора, закончив список ненавистных яблочных продуктов. — Есть время, чтобы помочь мне с задачей по математике?

Я рассмеялась. Ее математическая проблема обычно означала больше одной задачи.

— Конечно. У меня тоже есть домашняя работа, и я уже заказала пиццу.

— Начинка?

— Бекон и ананас.

— А по бокам?

— Палочки корицы.

— Объедение. Как в старые времена. Блин, почему я не надела перчатки, — она села на руки и рассмеялась. Она всегда так делала, когда замерзала, но сомневаюсь, что это помогало. Это лишь перекрывало кровоток к ее рукам.

— Что случилось с твоей машиной? — спросила она.

Я уставилась на нее, а затем вспомнила, что я приехала в дом Эрика, но вернулась через портал.

— Она сломалась недалеко от дома Эрика, но я надеюсь, что он все исправит, — я отвернулась, чтобы достать банку с кофе и две кружки из шкафов, прежде чем она могла заметить мое покрасневшее лицо. -

Растворимый кофе подойдет?

— Все кроме сидра. Эрик и ты снова вернулись к дружеским отношениям? — спросила она.

В ее голосе мелькнула ревность.

— Нет, — снова соврала я. — Мама попросила меня с кое-чем помочь им. Я написала смс, но он не отвечает на мои сообщения, — пока я нагревала воду в микроволновой печи, достала ванильные сливки из холодильника. — Так что ты задумала?

Она пожала плечами и открыла ноутбук.

— Как обычно. Школа, плавание, видеоблог. Значит, Эрик пригонит твою машину?

— Надеюсь, что да, — я взглянула на нее и нахмурилась. — Это будет проблемой?

— Нет, — она набрала что-то на своем ноутбуке. — Я просто хочу, мысленно подготовить себя, понять, что я перестала существовать в его мире.

— Это не правда.

Она пожала плечами.

— Все нормально. Он тоже не имеет значения.

Я хотела сказать, что это ложь. Мы взяли наши напитки наверх, и Кора сразу же заметила фигурки из стекла.

— Безумно красивая. Где ты их нашла?

— Водопад Малтнома-Фоллс, Торин купил их.

Она изучала один орнамент за другим, затем подняла одну из пресс-папье. Внутри были водопады, захваченные осенью. Это всегда напоминало мне наш первый раз. Но моим фаворитом был мост Бифраст. Кора нашла его и изучала его с любопытством. Она положила его, не комментируя. Вероятно, она не знала, что это.

Мне удалось привлечь Кору к выполнению домашней работы. Сидя у окна, она продолжала смотреть наружу, вероятно, ожидая прибытия Эрика. Независимо от того, что она сказала, она все еще думала о нем. Я притворилась, что не замечаю, хотя мои глаза тоже блуждали к окну Торина. Мы были двумя горошинами в стручке, мы обе ждали тех, кого любили, но мы не могли признаться друг перед другом. Как же это было жалко.

— Пицца здесь, — сказала она, прежде чем раздался звонок в дверь. — Я оплачу.

— Нет, все в порядке.

— Я была плохим другом, поэтому позволь мне это сделать, — она толкнула мне двадцатидолларовую купюру.

Я дала парню доставки дополнительные чаевые, потому что шел дождь, и бедный парень промок. Вернувшись наверх, я обнаружила, что Кора копается в моем мобильном телефоне. Может быть, я не должна была упоминать Эрика.

— Сообщение от Эрика? — спросила я.

— Нет, просто восхищаюсь этим, — она повернула телефон и показала мне фото Торина. Я сняла его у водопадов. — Он действительно красив.

Он был, и будет моим.

— Я знаю.

Она бросила мой телефон на кровать, подошла к столу и выбрала два ломтика пиццы, прежде чем вернуться к окну.

— Он собирается присоединиться к нам?

— Нет, — я отложила свою домашнюю работу и смотрела на нее. — Он думает, что у нас должна быть только ночь для девочек.

— О, как мило. Но он будет здесь позже, верно? — она приподняла брови.

Желание плакать охватило меня. Он только ушел, и я уже скучала по нему. Вспомнив флирт с ним. Смех. Бои. Позже вечером, я буду скучать, по его сердцебиению, когда он засыпал рядом.

— Рейн?

— Да. Я увижу его сегодня вечером, — во сне.

— Он самый лучший парень на свете, — Кора мелодраматически вздохнула и откусила пиццу. Проглотив, добавила: — После игры в Портленде, я написала статью о нем на моем видеоблоге, и ответы... фух. Комментарии были горячи. Лучше привяжи его к себе. Есть девушки, которые не могут дождаться, когда ты оступишься.

Я рассмеялась.

— У них не будет шанса.

— Ты так уверена?

— Я знаю, что он ко мне чувствует, — он не сказал, что любит меня, но он имел это в виду. По крайней мере, это звучало именно так. Я достала два ломтика пиццы и села на кровать. Мы ели и разговаривали, но Кора всегда возвращала разговор к Торину.

— Он в восторге от игры?

Меня не волновала игра. Я просто хотела, чтобы он вернулся.

— Да, он в восторге, — вяло ответила я.

— Видела, что они запланировали митинг в пятницу? Это масштабно.

У меня был занят рот, поэтому покачала головой.

Она закатила глаза.

— Ты замкнулась в своем маленьком мире. Это было на сайте. Я покажу тебе, — она открыла свой ноутбук и набрала что-то одной рукой. — Дрю сказал, что некоторые из игроков, болельщики, и Кайвеес сделают флеш-танец толпы. Они даже попросили других студентов присоединиться к ним.

Я впиалась взглядом.

— Спасибо, что испортила сюрприз.

Она сморщила нос.

— Пожалуйста. Не похоже, что ты обратила внимание. Я точно знаю, что Торин этого

не сделает, но мы надеемся, что он добровольно отправится в кабину для поцелуев.

Мой напиток попал не в то горло, и я закашлялась.

— Что?

— Эй, не бросай на меня таких взглядов. Когда я сказала «мы», я имела в виду моих последователей в журнале. Видишь? — она повернула свой ноутбук и показала мне еще одну запись.

Название ее записи гласило «Кабинка для поцелуев и Горячие парни». Я прочитала первую страницу комментариев и закатила глаза. Даже ребята хотели знать, кто из них будет в кабинках. Теперь я была счастлива, что Торина не было рядом.

Ожил мой мобильный телефон. Я прочитала текст и с облегчением вздохнула.

— Эрик в пути. Он поможет прикончить пиццу.

Кора вскочила и скрылась в ванной. Зазвонил звонок, и я направилась вниз. Было почти восемь, но мои родители все еще не вернулись. Я не знала, стоит ли начинать волноваться. Я открыла дверь и моргнула. Эндрис, Ингрид и Роджер стояли на моем крыльце, а не Эрик.

— Эй. Что происходит? — спросила я.

— Просто проверяю вас, ребята, -

сказал Эндрис. — Можем ли мы войти?

— Конечно, — я отступила. Кора спустилась вниз, волосы распущены, блеск для губ. Эндрис увидел ее и застонал. — Веди себя хорошо, -

предупредила я шепотом, потом добавила громче: — Кора, ты знаешь Эндриса и Ингрид, а это Роджер, друг Эндриса.

Кора разбавила разговор с Валькириями, никогда не думала, что она им не нравится. Мы собрались вокруг бара, разговаривая и смеясь, когда прибыл Эрик. Он услышал голоса, доносящиеся из моей гостиной, и нахмурился.

Он уронил ключ от машины мне в руку.

— Я планировал использовать зеркало, чтобы вернуться домой.

— Ты все еще можешь. Входи, — я схватила его за руку и потянула, но он не сдвинулся с места.

Он покачал головой.

— Я пойду к Торину.

— Никого нет. Торин и Лавания исчезли, а остальные здесь. Проходи и пообщайся с нами всего несколько минут. Пожалуйста.

— Эй, чего остановились ребята? — крикнула Кора, и эффект на появление Эрика был мгновенным.

Он усмехнулся.

— Ты не сказала, что она здесь. Пошли.

— Придурок, — прошептала я, когда он последовал за мной.

— Заткнись.

В течение часа мы просто болтались, как обычные подростки. Эрик и Кора даже вернулись к их игривым подколкам и флирту. Когда она ушла в девять, она улыбалась.

— Где твои родители? — спросил Эндрис, прежде чем уйти.

— Они могут вернуться в любую минуту.

— Мне не нравится оставлять тебя одну, — сказал Эндрис.

Я скорчила мину.

— Мне семнадцать, Эндрис, а не пять. Кроме того, он собирается побыть, пока они не

вернутся, — я кивнула на Эрика. Он был на кухне, рыскал в поисках остатков пиццы.

Эндрис колебался, но выдал мне еще одну лекцию о том, чтобы никуда уходила, не сказав ему. Я закрыла дверь и направилась на кухню, чтобы позвонить родителям. Они не отвечали. Теперь я действительно волновалась. Я написала им, и мы поднялись наверх.

* * *

Прошел еще час, прежде чем с нижнего этажа раздались звуки.

— Они вернулись, — я побежала вниз. — Где вы были? Я звонила и писала вам ребята, как... — папа выглядел усталым, а глаза мамы были красными, как будто она плакала. — Мама? Что случилось?

Она улыбнулась, но ее губы дрожали.

— Иди сюда.

Мы обнялись. Но когда к нам присоединился папа, я знала, что что-то не так.

— Вы меня пугаете. Что происходит?

— Садись, тыковка, — сказал папа, обняв меня за плечо. Мама взяла меня за руку. Вместе они привели меня на диван.

Переводя взгляд от мамы на папу, я изучала их лица. Предчувствие беды, которое я раньше испытывала, вернулось.

— Что происходит? Это о Торине? Что-то случилось с ним?

— Нет, дорогая, — сказала мама. -

Это не о Торине. Это о твоём отце, — ее голос дрогнул.

— Что с папой? — я изучила его лицо, бледность, которая, казалось, ухудшилась. — Ты болен, не так ли?

Он кивнул.

— В начале прошлого лета врачи диагностировали опухоль четвертой стадии в моем мозгу.

Нет. Мысленно я кричала слова, которые не могла сформулировать. Мои глаза впились в него, тяжесть сдавила грудь.

— Они провели тесты и подтвердили, что опухоль слишком глубоко расположена и слишком обширна, — продолжал папа. — Они не могут помочь, и химиотерапия была бы бесполезной.

— Почему вы мне не рассказали? — выкрикнула я.

— Мы с твоей мамой решили подождать, пока не используем все варианты, прежде чем рассказать. Когда поставили диагноз, мне позвонила специалист с Гавайи, онколог, специализирующийся на радикальном лечении, используя вирус. Вирус убивает только раковые опухоли мозга, не трогая здоровые. Именно поэтому я отлучался на Гавайи все это лето. Обычно мы использовали порталы, проходя через зеркала, но в этот раз мне пришлось лететь, так как ее люди ждали меня в аэропорту.

Это объяснило полет на Гавайи.

— И что сказал специалист?

— Она начала мое лечение. Мне нужно было появляться каждый месяц, но мой самолет разбился. И опухоль выросла.

Я покачала головой, слезы покатались градом.

— Нет. Нет. Я отказываюсь в это верить.

— Ты должна, — папа вытер мои щеки. — Во время путешествия, когда мы останавливались в Гонолулу, я выходил, чтобы увидаться с ней. Сегодня я получил подтверждение. Опухоль пустила метастазы и уже не поддается лечению.

Я тряхнула головой.

— Нет, это не может быть правдой. Должно быть что-то, что мы можем сделать, — я посмотрела на маму. Она тихо плакала. — Мы ведь можем использовать руны, можем, мам? Мы исцелим его. Сделаем его Бессмертным.

Мама покачала головой.

— Руны исцеляют раны, а не мутированные клетки. Это уже необратимо, милая.

— Тогда мы используем их, чтобы поддерживать его жизнь, — я повернулась к отцу. — Я не сдамся, папочка. Я не потеряю тебя снова.

Он вздохнул и обнял меня. Не знаю, сколько времени я проплакала, прежде чем до меня дошел смысл его слов.

— Милая, ты должна меня отпустить. Тебе придется. У нас было семнадцать лет, и у нас будут еще недели в запасе... месяцы...

— Нет! — я отпихнула его руки. Он попытался крепче меня обнять, но я не дала ему этого сделать. Я извивалась, пока он не отпустил меня. Я подскочила, задев коленом кофейный столик, и даже не почувствовала боли. — Я не сдамся! Не сдамся! Я найду нужные руны, нужных врачей!

— Если бы я зависел от врачей, меня бы пичкали лекарствами, и я не мог подняться с постели. Руны ослабили мою боль в последние недели, — сказал папа.

— Я создам новые. Торин мне поможет.

Мама покачала головой.

— Он не может.

— Он сможет!

Она вздохнула.

— Милая, я не могу убрать боль папы. Торин мог, он знает намного больше о рунах, чем любая Валькирия, которую я знаю.

Это и есть тот секрет, который они скрывали от меня? Болезнь папы? Он здесь, чтобы забрать его душу?

— Он вырвал меня из лап смерти, найдя после крушения самолета, — ответил папа. — Он уже достаточно сделал.

— Тогда настала моя очередь, — я посмотрела на отца, его лицо было худое, глаза мерцали от слез. Я знала, что он болен. Я просто не хотела это принимать. -

Я люблю тебя папочка. Не проси меня сдаться и принять все так, как оно есть, потому что это полный бред. Я найду способ, как все исправить.

Глава 24

Гримнир

С текущими по лицу слезами, я вошла в свою комнату. Эрик прекратил ходить из стороны в сторону, его глаза были красными, словно он плакал.

— Ты слышал?

Он кивнул.

— Да.

Мы встретились посередине комнаты, находя в руках друг друга поддержку и утешение.

— Он не может умереть, Эрик. Я не отпущу его.

— Знаю, — он поднял меня так же, как вчера это сделал Торин, и отнес к кровати. Отчасти мне хотелось, чтобы на его месте был Торин; но также я знала, что Эрик лучше понимает мое переживание. Он тоже любил моего отца. Больше он ничего не говорил, просто держал меня, пока я не заснула. На следующее утро, когда я проснулась, он по-прежнему был рядом.

— Я не хочу идти в школу, — пробормотала я и глубже зарылась в одеяло.

— Придется. Твоему отцу лучше не станет, если ты проваляешься в кровати. Скорее всего, он будет чувствовать себя виноватым за то, что все рассказал тебе. Я думаю, поэтому они ничего не сказали тебе с самого начала. Они знали, что ты будешь тонуть в жалости к себе и... — он отпрыгнул с траектории моего удара.

— Я не тону в жалости к себе. Я думаю, — мне было жаль себя. Я не могла потерять отца.

— Отлично, подумаешь по дороге в душ. От тебя пахнет, и твои волосы выглядят, будто ты не мыла их уже... — он увернулся от подушки, которую я в него запустила, и исчез в портале.

— Ненавижу тебя, и от меня не пахнет, — я заставила себя пойти в душ и переодеться. Через несколько минут я уже выходила из комнаты. Я собиралась постучать в спальню родителей, когда услышала их голоса, раздающиеся с первого этажа.

Папа готовил завтрак в то время, как мама в слух читала газету. Сцена выглядела такой обыденной, что я не смогла сдержать слез. Мне хотелось злиться на них за то, что ничего мне не рассказали, но, пока был шанс на то, что я могу помочь, я должна думать только об этом. У меня был план. Только для начала мне надо было выбраться из дома.

Я закашляла, и родители подняли на меня взгляд.

— Я помогу с завтраком.

— Нет, не нужно, — возразил папа. — Готовка, бег и катание на велосипеде — те вещи, которыми я собираюсь насладиться, как можно дольше, поэтому сядь.

Я было открыла рот, чтобы поспорить, но мама перехватила мой взгляд и покачала головой. Я села и начала следить за ним на наличие каких-либо признаков, не знаю, усталости или закатывания глаз. Его падение на прошлой неделе теперь имело объяснение. Скорее всего, рак как-то повлиял на его координацию. Зачем он бежит и катается, если в любую секунду он может упасть и умереть? В этом не было смысла.

Если бы я не знала правду, родители, обсуждающие и смеющиеся над газетными статьями, выглядели бы совершенно обычно. Я не могла расслабиться, не говоря о том, чтобы смеяться и подтрунивать над папой. На самом деле, такое их беспечное отношение

раздражало. Я не была уверена, чего от них хотела. Чтобы они блуждали с грустными лицами? Боролись?

— Вы должны были сказать мне, — сказала я, когда они замолчали.

— Милая...

— Нет, мама. Вы уже давно знали, и с тех пор, как Торин нашел папу, прошли недели, — теперь я понимала, для чего поздние ланчи и ужины. Я разозлилась. — Вы проводили больше времени вместе, зная, что он может умереть в любую минуту, в то время как я... — мой голос задрожал и оборвался. — И на прошлой неделе он хотел рассказать мне, но ты попросила еще одну неделю. Вы должны были мне рассказать!

— Рейн, — мама взяла меня за руку, — я хотела, чтобы вы проводили вместе время, и болезнь не стояла бы между вами. Подумай обо всем, что вы делали. Как веселились во время круиза, бегали и катались по субботам, ваши беседы...

— Мне все равно, — резко сказала я, снова чуть не срываясь в плач. — Вы должны были мне рассказать, — я выскочила из-за стола и пошла прочь. Я чувствовала на себе их взгляды, пока не вышла из дома. Эндрис пытался привлечь мое внимание, но я притворилась, что не заметила его. Я не была настроена на разговоры с кем-либо.

Я сидела на парковке напротив школы, смотрела на студентов, проходящих мимо, и боялась выйти из машины. Три недели назад я боялась выходить из машины из-за того, что случилось на сборах. Сегодня я жалела, что у меня не было способности предсказывать будущее, чтобы знать, сколько еще осталось жить папе. На глаза навернулись слезы.

Торин. Как мне хотелось, чтобы он был здесь. Я отправила сообщение Эрику и снова уставилась на студентов.

Я подпрыгнула, когда открылась передняя дверь пассажирского сиденья, и в машину проскользнул Эндрис.

— Привет, ты в порядке?

— Да, — я вытерла щеки.

— Ты плачешь.

— И?

— Ты же не такая. Я знаю, что ты скучаешь по Торину, но это... - он махнул рукой в мою сторону, — сентиментальная, жалкая пародия на Бессмертную не...

— Эндрис, — я оборвала его своим разгневанным взглядом. — Уйди. Сейчас же. Я хочу побыть одна.

— Хорошо. Тебе не обязательно повторять это дважды. Я заткнусь. И вообще, притворюсь, что меня здесь нет, — он поудобнее устроился в своем сидении. Мне хотелось выругаться, накричать на него, но потом я вспомнила, что сказал Торин. Я могу доверять Эндрису.

Смотря перед собой, я старалась говорить ровно.

— Вчера вечером я узнала, что мой папа умирает от рака мозга, и никто не сказал мне об этом. Я зла. И если ты снова когда-нибудь назовешь меня жалкой, я врежу тебе.

— Извини меня.

Я повернулась и посмотрела не него. Кажется, он раскаивался.

— За что?

— Что твой отец болен, что назвал тебя жалкой и приставучей. Хотя ты должна признать, что сентиментальна.

Впервые я не считала его извращенное чувство юмора смешным. Я вышла из машины и

захватила рюкзак. Мы молча пошли в школу. Я взвыла, когда увидела в холле Дрю и шайку качков. Мне не хотелось общаться с ними или видеть воодушевленные лица студентов. Эта дурацкая игра даже не сегодня, но, куда бы я ни посмотрела, везде были флаги и красные, черные и золотые украшения.

— Где Сент-Джеймс, Рейн? — спросил Дрю, попеременно смотря то на меня, то на Эндриса.

— Мы похожи на его нянек? — грубо ответил Эндрис и поволок меня мимо них. Впервые я была благодарна за его грубость. Больше никто нас не беспокоил.

Я подождала, пока никто не смог нас услышать, затем повернулась и улыбнулась Эндрису.

— Спасибо. Я не могу разговаривать с ними. Не сегодня. Ты передашь тренеру сообщение Лавании?

— Да. Хочешь пойти со мной?

— Нет, спасибо, — он провел меня до моего шкафчика и исчез. Рядом стояла Кора и говорила с какими-то девушками о завтрашней игре. Они уже были на взводе, хотя игра будет только завтра. Мне было глубоко плевать. Захлебываясь в своем несчастье, я едва обращала внимание на то, о чем она говорила. Она даже не заметила, как я ускользнула и пошла к лестнице.

Вместо того чтобы пойти в кабинет математики, я открыла дверь чулана для зажиманий и включила свет. Он был пуст, и достаточно большой, чтобы в нем поместилось четыре человека. Не уверена, что сработает, но я должна попробовать.

— Кети! Мардж! Джаннетт!

Я подождала. Никто не появился. Я закрыла глаза и попробовала снова. КЕТИ. МАРДЖ. ДЖАННЕТТ. СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА СЕЙЧАС ЖЕ.

Я открыла глаза и начала ждать. Ничего не изменилось. Торин ошибался. Я не могу призывать Норн. Когда я вышла из чулана, прозвенел первый звонок. Люди странно на меня косились, когда пробегали мимо. Пускай поразмышляют, зачем я была в чулане. Мне было все равно.

Кабинеты математики и истории казались пустыми без Торина. Положению папы делало его отсутствие еще больше болезненным, или, может, наоборот. Я не могла сказать. Я была несчастной и сердитой. Когда закончился третий урок, я увидела у двери Эрика, поджидающего меня.

— Где ты был? — спросила я.

— Не мог заснуть вчера, поэтому пошел домой и напился. Как держишься?

Я пожала плечами.

— Пыталась связаться с Норнами, но они не появились.

— Что? Зачем?

— Хочу заключить с ними сделку. Я добровольно примкну к ним взамен на жизнь моего отца.

Он остановился посередине коридора.

— Нет, ты не можешь. Что скажет Торин?

Горло сжало.

— Это мое решение. Он поймет.

— Не поймет. Это то же самое, что стать монашкой, Рейн. Я не позволю тебе это сделать.

— Я не спрашивала твоего разрешения. Лучше бы я тебе не говорила, — я прошла мимо него.

— Рейн!

— Я ожидала твоей поддержки, Эрик. Я думала, что из всех именно ты понимаешь, насколько важна семья. Видимо, я ошибалась, — студенты, проходившие мимо, оборачивались и смотрели на нас. Затем я увидела в конце коридора Норн и поспешила к ним.

— Кафетерий в другую сторону, -
сказал Эрик.

— Я не голодна, — они уходили прочь, и я побежала их догонять.

— РЕЙН! — крикнул Эрик.

Я проигнорировала его, повернула за угол и увидела, как Норны исчезают в музыкальном классе. В прошлый раз я здесь же заключила с ними сделку. Я, тяжело дыша, ворвалась через двери и тихо их закрыла за собой. Сердце вырывалось из груди, а глаза метались с одного лица на другое. Температура в комнате понизилась, но меня это больше не беспокоило.

— Как смеешь ты призывать нас? -
потребовала Мардж.

— Полегче, Мардж, — Кети подошла ближе. — Зачем ты звала нас, Лоррейн?

— Ты поймала того, кто отравляет Эрика? — спросила Джаннетт.

Я покачала головой.

— Нет, но я найду. Я хочу заключить сделку. Если я стану одной из вас...

— Сделку? — спросила Мардж, и я практически могла чувствовать ее предвкушение.

— Разве наши прошлые отношения тебе ничему не научили, юная Смертная? —
спросила Джаннетт. -

Мы не заключаем сделок. Мы Норны. Мы творим судьбы.

— И все же, я по-прежнему изменяю свою, — резко ответила я. — Это значит, что я либо одна из вас, как вы все время это утверждаете, либо я что-то другое, — в их глазах промелькнуло беспокойство.

Последовало молчание, шок в их глазах говорил, что я иду в нужном направлении.

— Кто такая я? Почему я так отличаюсь? Почему вы так отчаянно хотите, чтобы я присоединилась к вам?

— Мы спасли тебя, и именно поэтому теперь ты одна из нас, -

сказала Мардж, но я знала, что она лжет. Затем что-то, что несколько недель назад говорила Лавания, промелькнуло у меня в памяти.

— Я могу видеть вас, какую бы форму вы ни приняли, в то время как другие не могут, я чувствую ваше присутствие, могу призвать вас, но, что еще лучше, я могу помешать вам, по крайней мере, вашей злой группке, забирать чужие жизни.

— Тебе повезло, — сказала, фыркнув, Джаннетт.

— Тогда мне и в этот раз повезет. Если я, как вы говорите, одна из вас, я хочу быть ответственной за две судьбы, Эрика и моего отца.

— Твоего отца? — переспросила Кети. — Твой отец уже мертв, Лоррейн. Мы не имеем дела с мертвыми.

— Он не мертв, — процедила я.

— Согласно нашим записям, душу твоего отца забрали несколько месяцев назад; ее

отправили в чертоги к Хель, — добавила Джаннетт.

— Твой отец до сих пор жив? — прищурилась Мардж.

Я сглотнула, ко мне начало подкрадываться беспокойство. Неужели я сделала ошибку, придя к ним для переговоров?

— Да. И что с того?

— Значит, кто-то дал ему жизнь, — Мардж подошла ближе и начала медленно обходить меня. — Кто-то, кто должен был забрать его душу, отпустил его. И кто же сделал это для тебя, Лоррейн?

Торин. О, нет. По позвоночнику поднялся холод.

— Кто бы изменил чью-то судьбу без нашего разрешения на то?

На меня накатило головокружение. За спиной распахнулась дверь, и в класс вошли Эрик, Эндрис и Ингрд и осмотрелись вокруг.

— Ты здесь одна? — спросил Эрик.

Они не видят Норн. Отлично.

— Да.

— Фуф, — издал Эндрис. — Мы думали, ты здесь заключаешь очередную сделку с Норнами.

Губы Мардж и Джаннетт исказились в легких улыбках, которые так и кричали об их победе. Кети выглядела раздраженной. Я не была уверена, зла ли она на меня, на своих старых сестер или на Торуна. Чем он рисковал, вернув ко мне моего отца? Сейчас, в своей горе, я решительно осуждала его. Но хуже того — моего отца на вечность отправили в чертоги Хель.

— Нет, я просто зашла за своим гобоем, — я сделала несколько шагов вперед и забрала с полки свой футляр с гобоем.

— Я не знал, что ты будешь играть в оркестре для поддержки завтра, — сказал Эндрис, когда мы вышли из класса.

— Я не буду. Я собираюсь пораньше уйти домой и попрактиковаться немного.

* * *

Мне хотелось свернуться на кровати и плакать, пока не засну, но я не могла себе этого позволить. Слишком большая роскошь для меня. Я облажалась, и сейчас у Торуна неприятности. Должен быть какой-нибудь закон против сбора душ. Я провела весь день, просматривая руны, соединяя одиночные руны и создавала новые. Я должна найти руну, которая исцелила бы моего отца.

Как только приехал Эндрис, я сбежала вниз и дошла до их гаража до того, как он успел закрыть дверь. Он был с Роджером, Ингрид рядом не наблюдалось.

— Привет, Роджер. Эндрис, нам нужно поговорить.

— Серьезно? Сейчас? У меня планы.

— Это не займет много времени, — я подождала, пока он откроет дверь для Роджера, и мы пошли ко мне домой. Он направился напрямик к бару и налил себе выпивку. — Ты знал, что Торин должен был забрать душу моего отца?

Его глаза сузились.

— Кто тебе такое сказал?

— Неважно, откуда я узнала. Мой папа умирает, и Торин помогал ему справиться с болью. Норны сказали, что он должен был умереть еще несколько месяцев назад.

Он прищурился.

— Когда это ты разговаривала с Норнами?

— Сегодня в обед в музыкальном классе.

Он еще больше сощурился.

— Они были...

— Там, когда вы приходили, да. Я предложила им сделку. Они отдают мне в руки судьбу папы, а я добровольно становлюсь Норной.

— Туманы Хель, Рейн!

— Я не позволю своему отцу умереть, когда я могу все изменить, Эндрис. В чем смысл учить руны и иметь способности, если я не могу помочь людям, которых люблю?

Эндрис вздохнул.

— Мы имеем дело с мертвыми, милая, а ты хочешь оставить своего отца в живых. Это абсолютно разные вещи. А что до сделки, то она не сработает. Ты не можешь стать Норной. Торин не отпустит тебя.

Я знала это.

— Норны упомянули, что моего отца отправили в чертоги Хель. Папа спортсмен. Он бежит и катается на велосипеде. Он принадлежит Вальгалле, а не холодному залу посреди туманов.

Эндрис осушил стакан.

— Думаю, это план Торины.

Я вздернула бровь.

— План? Какой план?

— Торин не должен был забирать душу твоего отца, Рейн. Когда он попал в больницу на Коста-Рике, твой отец умирал и его душу ожидал Гримнир. Злобный Гримнир и по совместительству «заноза в заднице» по имени Эхо. Торин пошел с ним на сделку. Я не знаю деталей, и, когда мы говорили, оказалось, что Торин из-за своих стертых воспоминаний их тоже не знает.

— Тогда как ты узнал об этом?

— Эхо сам мне хвастался, этот идиот, — он скорчил гримасу. — Тебе надо встретиться с ним, чтобы понять, почему я не переносу его. Я рассказал об этом Тору, когда мы говорили о тебе и вашем любовно-морковном прошлом. Согласно словам Эхо, Торин вернул твоего отца домой, чтобы дать ему шанс провести больше времени с тобой и твоей матерью и больше времени подготовиться. Если бы он умер в больнице, то отправился бы напрямую в чертоги Хель. Сейчас... — он усмехнулся.

Все стало на свои места. Если бы папа умер во время бега или катаясь, Торин забрал бы его душу в Вальгаллу. Это и был его план. Теперь это невозможно. Норны знают, что папа жив. Тошнота скрутила мои внутренности.

— Они знают, — прошептала я.

— Кто?

— Норны знают, что мой папа жив, и что Торин помог ему. Какое наказание для Валькирии за изменение чьей-либо судьбы?

Эндрис покачал головой.

— Не знаю, но мы должны рассказать Торину, что происходит, как только он вернется. Хей, — он сжал мое плечо, — все не так плохо. Ты всегда можешь сказать, что это ты спасла своего отца.

— О чем ты говоришь?

— Ты спасла жизни семерых пловцов и изменила их судьбы. Норны никак не наказали тебя за это. Наоборот, теперь они хотят тебя еще больше.

— Они стерли воспоминания Торины.

Он с издевкой усмехнулся.

— Велика проблема. Он вернул их обратно. Что-то в тебе пугает их, Рейн. Используй это, как свое преимущество. Делай, что у тебя лучше всего получается. Задай им жару.

Может, в чем-то Эндрис и прав. Я подскочила и обняла его.

— Спасибо.

— Я могу и привыкнуть, — проворчал он, сжимая меня.

Смеясь, я выкрутилась из его рук и отошла назад. Я приняла решение. Когда мы шли к их дому, я рассказала ему о происхождении рун Эрика.

— Торин сказал доверять тебе. Поэтому если ты будешь нужен мне, ты будешь рядом?

Эндрис состроил мину.

— А ты как думаешь? Дать тебе номер своего мобильного?

— У тебя есть телефон?

— Разумеется. Я не такой варвар, как некоторые наши знакомые, — он продиктовал номер своего телефона и заставил его повторить.

Вернувшись к домой, я написала ему сообщение и получила язвительный ответ. Потом я написала Эрику и отправилась готовить. Ничего сложного, пожарю курицу с рисом. Лица папы, когда они вернулись домой, того стоило. Ужин этим вечером прошел спокойно. Несмотря на все, я все еще была зла на маму за то, что она скрывала от меня папино состояние. Она заставила его скрывать от меня.

— Не хочешь покататься в субботу, пап? — спросила я, прежде чем уйти наверх.

Они с мамой обменялись взглядами, и затем он кивнул.

— Конечно, котенок.

И снова, когда я вышла из кухни, я чувствовала на себе их взгляды. В комнате я готовилась ко сну и изредка поглядывала в окно Торины. Мне хотелось, чтобы он уже вернулся. Это ужасно идти в кровать, не зная, что произойдет завтра. Меня будут искать Норны? Вернется ли Торин прежде, чем они до него доберутся? Я так по нему скучала.

Я уже засыпала, когда открылся портал и по комнате прошелся теплый ветерок. Торин. Я села и включила прикроватную лампу. Эрик. Меня накрыло разочарование.

— Не обращай на меня внимания, — сказал он.

Добрый Эрик — теплый воздух. Злой Эрик — холодный воздух. Надо будет запомнить.

— Где ты был? Я писала тебе насчет ужина.

— Я подумал, тебе захочется побыть наедине со своими родителями. Ну, знаешь, поговорить там.

Я фыркнула.

— О чем тут говорить? Он умирает, и она не позаботилась мне об этом рассказать.

— Ты зла на свою маму?

— А ты как думаешь?

— Это нечестно.

Вместо того, чтобы ответить, я натянула на голову одеяло.

Он потянул его на себя.

— На кого ты на самом деле злишься, Рейн? На своего отца за то что он заболел? На маму за то что скрывала от тебя его болезнь? На Торуна за то что ушел, когда ты больше всего в нем нуждалась? Или на себя за то что не заметила, что твой папа болен?

Когда он закончил, я уже ревела. Я не могла придумать язвительный ответ или запустить в него подушкой. Он сел рядом со мной и, снова, держал меня, пока я плакала. Успокоившись, я прошептала:

— Все вышеперечисленное.

— Прости, что был жестоко честен.

— Все нормально, — я скучала по рукам Торуна. Руки Эрика тоже неплохи. Просто они не Торуна.

Я провалилась в беспокойный сон. Несколько часов спустя, я задрожала. Эрик. Он снова превратился в зло? Я пошевелила рукой, чтобы найти его, но в кровати, кроме меня, никого не было. Я подняла голову, проверить достал ли он свою лежанку, и краем глаза заметила какое-то движение. Эрик подошел к выдвижной кровати и склонился. Я улыбнулась. Должно быть, он решил вернуться на свое место.

Я открыла рот, чтобы пожелать ему спокойной ночи, но слова замерли в горле. Когда он успел переодеться в худи? Нет, не худи. Плащ с капюшоном, как у смерти. В животе все упало, когда ко мне пришло осознание, сердце ушло в галоп. Это не смерть. Это был Гримнир. Он мог появиться у меня дома только за тем, чтобы забрать душу моего папы. Что он делает в моей комнате?

Меня обуяла злость. Наблюдая, как Гримнир склонился над Эриком, я осторожно дотянулась до нижней полки шкафчика, где спрятала кинжал, который мне отдали Норны. Я медленно его открыла и потянулась внутрь. Рука коснулась стенки полки.

Кинжал пропал.

Начиная паниковать, я пошарила рукой вокруг в отчаянных попытках найти его. Должно быть, Гримнир услышал меня и замер. Я тоже замерла, сердце громко стучало. Затем из-за кровати появилось сияние. Такое знакомое. Сияние свежих рун. Я попыталась использовать свет, чтобы разглядеть его лицо, но из-за капюшона не смогла. Я заметила артавус в его руке. Зачем Гримниру рисовать на Эрике руны?

Вместо того чтобы искать кинжал, я потянулась и включила свет. Он залил всю комнату. Я успела заметить лицо и светлые волосы под капюшоном прежде, чем Гримнир пересек комнату на суперскорости и исчез через портал в зеркале.

Нет, этого не может быть.

Я перебралась через кровать и села на колени перед Эриком. Руны исчезли, но его кожа была еще розовой, отображая контуры рун. Пока я смотрела, розоватость тоже пропала. Я уставилась на зеркало, через которое исчез Гримнир. Должно быть, горечь ударила мне в голову, потому что... я закрыла рот трясущимися руками, начиная реагировать.

Как такое могло случиться, чтобы тем, кто отравляет Эрика и выдает себя за Гримнира, оказалась Кора.

Глава 25

Почему Кора?

— Я получил твои сообщение, — сказал Эндрис, подходя ко мне. — Все десять. Куда мы идем в такую рань безбожную?

Было полседьмого утра. Первый урок начнется только в семь сорок.

— К Коре. Возьмем мою машину.

Он остановился.

— Могу я спросить, зачем мы идем домой к девушке, которая пыталась превратить твоего лучшего друга в чудовище?

— Я хочу знать, с кем она работает.

— Зачем? Это не сделает ее менее виновной.

— Знаю. Давай. Просто. Сходим.

Он скорчил мину.

— Ладно, только поедem на внедорожнике, — он забрал с заднего сиденья мой рюкзак. Я закрыла дверцу и пошла за ним через лужайку. Родители все еще спали. Эрик ушел рано утром, но я еще не рассказала ему о том, что видела ночью. Он не поверит мне. В его глазах Кора не может сделать что-то плохое. Если... и это очень большое если, она виновна, ему будут нужны доказательства. Мне нужны доказательства. Я все еще не могла поверить, что она Бессмертная. Была ли она всегда такой, или это Малиина что-то сделала и начала процесс? Ее родители тоже Бессмертные?

Я села на переднее сиденье и поняла, что сзади сидит Ингрид.

— Она все знает, — объяснил Эндрис. — Можешь ей доверять.

Всмотревшись в ее глаза, у меня в голове возникло воспоминание, но тут же исчезло, прежде чем я смогла ухватиться за него. Я покачала головой, пытаюсь понять.

— Почему ты трясешь головой? Ты мне не доверяешь? — оскорбленно спросила Ингрид.

— Нет, не в этом дело.

— Я не моя сестра, Рейн, — сказала Ингрид, повышая голос. — Я не манипуляторша и не злая, я бы никогда не отравила Эрика. И для ясности, я не виню тебя за то, что с ней произошло. Раньше возможно, но не сейчас. Я знаю, что она сделала тебе и Коре, и как манипулировала Эндрисом, чтобы он обратил меня в Бессмертную.

Я вздохнула. Мне и без того дерьма хватает.

— Я не говорила, что не доверяю тебе, Ингрид. Идет? — я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Нет смысла выплескивать на нее мое отчаянье. Я повернулась вперед, еще более озадаченная, чем сегодняшней ночью. Однако, меня что-то беспокоило касательно нее и прошлой ночи. Когда я посмотрела на Эндриса, он только пожал плечами.

Он завел машину и выехал из переулка.

— Идет, рассказывай. Что ты думаешь насчет происходящего?

— Я не знаю, что думать. Кора нанесла на Эрика руны и двигалась как Бессмертная, но Кора, которою я знаю, никогда бы не причинила вреда Эрику. Не по своей воле, по крайней мере. Кто-то заставляет ее делать это.

— Ты рассказала Эрику, что видела? — спросил Эндрис.

— Ни за что. Мы не можем пока ему все рассказать. Во-первых, он не поверит. Во-

вторых, если он подумает, что кто-то вредит Коре, он разозлится, а когда он злится...

— Его темная сторона берет верх, — закончил Эндрис.

— Доказать, что это она, можно только поймав ее с поличным. Можешь нарисовать руны вокруг моей спальни, чтобы поймать ее, на случай если она вернется?

— Конечно. Хотя Лавания использовала сильные связывающие руны, которых я раньше не видел.

— Я помню их, — сказала Ингрид. — Если хотите, я могу их нарисовать.

Я повернулась и улыбнулась.

— Спасибо, Ингрид. Это очень поможет.

— Так зачем мы едем к Коре? — спросила она.

— Чтобы проследить за ней. Я уже имела дело с Норнами, и во всем этом чувствуется их вмешательство. Они решительно настроены переманить меня. Если она работает с ними, у нас будут доказательства, чтобы противостоять им, — и рычаг давления, в случае если они пришли за нами.

— Они отравят внука Одина, чтобы добраться до тебя? — спросил Эндрис. — Довольно радикально.

Я покачала головой.

— Я уже говорила, что не знаю, что происходит. Единственное, в чем я уверена, это то, что Кора не стала бы этого делать по своей воле. Помните, я говорила вам о кинжале, который Норны пытались мне всучить?

— Тот, которым ты должна убить Эрика, если он изменится? — уточнила Ингрид.

— Да. Я взяла его.

— Что? Зачем? — в один голос спросили Эндрис и Ингрид.

— Я сделала это, чтобы остановить того, кто отравляет Эрика, а не чтобы использовать его на Эрике. Норны сказали, что он может убить ее. Он пропал. Моя комната не была разгромлена тем, кто украл его, а значит, он точно знал, где искать. Только Норны видели, куда я его прячу, — мысли о старухах только выводили меня из себя. Должно быть, Кора забрала его ночью. — Скорее всего, они не думали, что я использую его. Готова поспорить, это все часть продуманной аферы, чтобы манипулировать мной и заставить примкнуть к ним.

— Каким образом? — спросила Ингрид.

— Чтобы я могла помочь Эрику, я должна взять его под свою ответственность. Чтобы это произошло, его жизнь должна быть под угрозой.

— Ты же понимаешь, что это всего лишь догадки, — сказал Эндрис. — Тебе по-прежнему нужны доказательства.

— Или мы можем просто заманить Кору в ловушку и заставить ее сознаться. У нас появится шанс избавиться от Норн раз и навсегда. Я только удивлена, что они хотят превратить Эрика в монстра. Он ведь будет вечно жить с этими рунами.

— Кто тебе такое сказал? — спросил Эндрис.

— Норны. Они сказали, что они навсегда останутся с Эриком и ему придется научиться подавлять их, — мой взгляд метался от Эндриса к Ингрид. — Что если они соврали?

Мы замолчали, переваривая эту информацию. Если они солгали, с Эриком все будет в порядке. Пожалуйста, пусть с ним все будет хорошо.

Я показывала Эндрису направление, пока мы не выехали на дорогу к ферме Кору. Он подъехал к дереву, откуда был отличный обзор на дом и амбар. Машины Кору не было у

крыльца. Я так надеялась, что она будет там и Ингрид сможет нанести на нее руны-ловушку.

Чем больше я думала о Коре, тем больше злилась. Девочка, которую я знала все эти годы, не могла причинить вред Эрику или мне. Предположим, что она всегда была Бессмертной. Она добровольно во всем этом участвовала или была лишь безвольной пешкой? Захочет ли она нам помочь? Надеюсь, что наша дружба что-то для нее значила.

— Смена плана, езжай к дому, — дала я инструкции Эндрису.

— Рейн...

— Я поговорю с ней.

Эндрис повернулся и посмотрел мне в лицо.

— И что ты собираешься ей сказать?

— Не знаю. Сымпровизирую.

Его бровь взлетела.

— Сымпровизируешь? Как? «Привет, Кора, я знаю, что ты злобная Бессмертная, но, так как мы лучшие подружки, помоги мне остановить трех самых могущественных существ в мире, которые хотят разрушить мою жизнь». К тому же, Норны хотят тебя. Остальные для них — расходный материал. Они могут стирать нам память и ломать наши судьбы, даже глазом не моргнув, лишь бы получить то, чего они хотят. А хотят они тебя. Подумай хорошенько, что собираешься сказать их маленькой игрушке, потому что им станет все известно.

Я сглотнула, злясь на себя от мысли, что могу поставить под угрозу его и Ингрид.

— Когда приедем, оставайтесь в машине, чтобы она не увидела вас.

Эндрис скривился.

— Что? Я что похож на труса? Торин оставил меня за главного, а значит, куда ты — туда я.

— Серьезно? — я перевела взгляд на Ингрид.

— Не смотри на меня, — сказала она, изгибая в улыбке губы. — Он надоедливый сгусток противоречий.

Эндрис надавил на газ, проехал вниз по узкой дороге и припарковался у дома. Дверь амбара открылась еще до того, как он заглушил двигатель, и наружу вышла мама Кору. Она, как обычно, была одета в рабочие брюки, галоши и теплую куртку. В руках она несла две корзинки с яйцами, которые собрала в курятнике. Я вышла из машины и помахала рукой.

— Кто это? — спросила Ингрид. Только когда она заговорила, я поняла, что она вышла из машины.

— Оставайся в машине, — но это было то же самое, что говорить самой с собой. Она с Эндрисом стояли рядом, когда я подошла к маме Кору. — Вам помочь?

— Нет, — она крепче ухватилась за корзинки. — Что ты здесь делаешь, Лоррейн?

Ее тон был холоден. Обычно она была милой и приветливой.

— Я приехала за Корой. Ну, знаете, сэкономить время и подвезти ее до школы. У нас сегодня плей-офф.

— Она еще не готова вернуться в школу, — она холодно посмотрела на Эндриса и Ингрид. — Поэтому тебе с друзьями лучше уехать, — она прошла мимо нас.

Я обменялась озадаченными взглядами с Эндрисом и Ингрид.

— Миссис Джеймисон...

— Лоррейн, — резко оборвала она и повернулась. — Пройдет еще немало времени, прежде чем она полностью выздоровеет, а, когда это произойдет, мы переведем ее на

домашнее обучение. Я думала, что все объяснила в сообщении, которое отправила в четверг сразу, когда мы пришли домой, — она покачала головой, серые глаза прищурились. — Я говорила Джеймсу, что нет смысла сообщать тебе, что Кора дома, но он настоял. Он всегда видит хорошее в людях, даже когда этого нет.

Я сглотнула, не понимая ее враждебность и то, о чем она говорила.

— Я не получала ваше сообщение, миссис Джеймсон. И мы с Корой друзья.

Она вздохнула и, прищурившись, наклонила голову на бок.

— Тогда где ты была, когда ее приняли в ИПП. Я понимаю, что тебе через многое пришлось пройти после того, как ты потеряла друзей во время тех соревнований, но и Коре пришлось. У нее были кошмары, в которых она видела светящихся людей, как ты и твоя мама проходите сквозь стены. Прошли недели, прежде чем она приняла, что увиденное ею, вызвано горем, что ничего этого не было, — она вздохнула. — Мне разбило сердце, что ты так и не позвонила спросить, как она или можно ли ее навещать, ведь вы были так близки. Последние несколько недель, когда мы навещали ее, она постоянно о тебе спрашивала.

Меня охватила паника, я пыталась ничего не упустить из фактов, которыми она меня забросала. Институт психиатрии Провиденса, или ИПП, являлся психиатрической лечебницей, расположенной в Салеме. Если Кора была там, то кто тогда выдавал себя за нее в школе?

— Клянусь, я не знала, что Кора была в больнице, — сказала я.

— Правда? В это сложно поверить. Я вас не понимаю, дети. Вы живете моментом и цените ваш социальный статус выше, чем друга, — она вздохнула. — Пожалуйста, езжай в школу, Лоррейн. Коре нужно окружение ее семьи и людей, которые заботятся о ней. Я не позволю, чтобы кто-либо поставил под угрозу ее выздоровление, — она широкими шагами прошла мимо нас к дому.

Я смотрела ей вслед, горло сдавило. На меня накатило ощущение, что за нами следят, и я посмотрела в окно Кориной комнаты. Мне показалось, что увидела чье-то лицо, но я могла ошибиться.

— Идем.

— Что за ИПП? — спросил Эндрис, когда мы отъезжали.

— Институт психиатрии Провиденса. Кто бы ни притворялся Корой, это наверняка Норна.

— Норна? — спросила Ингрид.

— Да. Они могут выдавать себя за других людей. Кети, Мардж и Джаннетт постоянно так делают. Странно, что я могу чувствовать их, но не смогла понять, что Кора ненастоящая. Может, я слишком эмоционально близка с ней. Она вела себя как Кора, ее манерность, что ей нравится, а что нет... — я усмехнулась. — Но это отлично. Кора не пыталась навредить Эрику. Все это время... — я прикрыла рот. — О Боже.

— Мне было интересно, когда до нее, наконец, дойдет, — пробормотала Ингрид.

— Мне тоже, — сказал Эндрис.

— Я худший в мире друг. Она была в психиатрической лечебнице, и я ни разу к ней не пришла. Она, наверное, подумала, что я оставила ее, что мне все равно, — я уставилась в окно и пыталась сдержать слезы. — Не удивительно, что ее мама была так холодна и сердита. Я подвела Кору.

— Ты слишком сурова к себе, — сказал Эндрис.

— Нет, я должна была знать, что это не Кора. Она была слишком счастлива, когда я

вернулась с круиза, и еще она завивала волосы плойкой. Кора бы никогда не сделала такого со своими волосами. Она использует бигуди и термошапки. Большой и толстый красный флаг. И еще она ненавидит Джейдена Грейнджера с его жирными волосами. Еще один красный флаг, который я проигнорировала. И она бы не променяла время со мной на Кикер и ее подружек. Мы всегда были очень близки, она пропустила шоппинг со мной на Хеллоуин, хотя больше всего любила уговаривать меня купить неподходящие, жуткие костюмы. Потом выпрашивание сладостей, наша с Эриком традиция, которую мы никогда не пропускали. И Кора бы никогда преднамеренно не стала вызывать бы у Эрика ревность. Хотя нет, стала бы, потому что плевать она на остальных хотела, — я должна была понять.

* * *

Эндрис припарковался у школы, и мы направились в здание.

— Что ты теперь собираешься делать? — спросила Ингрид.

— Буду ходить хвостом за фальшивой Корой, но нам надо установить ловушку для нее у меня дома. Если она снова подойдет к Эрику... — затем я кое-что вспомнила. — В спортивном зале во время выступления групп поддержки будут стоять будки для поцелуев. Эндрис, будешь следить за Эриком. Он обычно звереет, когда Кора флиртует с парнями, Мы ведь не хотим повторения того, что случилось в «Доме на Утесе» и в «Хабе»

— Где Торин? — кто-то закричал, когда мы появились в холле. Как и вчера, Эндрис ответил что-то грубое. Я пыталась объяснить.

— Это правда, что он не будет играть? — спросил кто-то справа.

— Я получила твит, что он пропал, — выкрикнул голос позади.

— Продули.

— Мы проиграем.

— Как мы можем пропустить игру?

Должно быть, тренер сказал игрокам, что Торуна не будет на плей-офф, а плохие новости быстро распространились по школе. Хуже всего было то, что все думали, что это моя вина. Когда мои объяснения их не успокаивали, я просто пожимала плечами. Пускай винят меня. Плевать. У меня есть проблема поважнее — Норна, притворяющаяся моей лучшей подругой.

Фальшивая Кора стояла у шкафчиков рядом с Кикер и группой парней и девушек из команды по плаванию. На них были надеты форменные футболки и толстовки со слоганом «Наш пот, наша кровь, наши слезы». Так как я больше не в команде, на мне красовалась футболка с надписью «Я встречаюсь с музыкантами». У нас также были толстовки со слоганом «Если духовой оркестр был проще, его бы назвали футболом», но сомневаюсь, что кто-то был настолько глуп, чтобы надеть такую сегодня. В целом, у каждой спортивной команды были свои футболки, толстовки или куртки. Студенты, не занимавшиеся спортом и не входившие в какой-либо клуб, носили обычные футболки с цветами Кейвилльской школы. Кейвис, наша группа черлидерш, расхаживали в своих мини-юбках и приводили всех в восторг. Волнение было заразительным.

Фальшивая Кора заметила меня и помахала. Я приклеила на лицо улыбку. Она подбежала, чтобы обнять меня, играя свою роль настолько идеально, что, не зная я правду,

никогда бы не подумала, что это Норна. Мне хотелось придушить ее, выцарапать ей глаза.

— Это правда насчет Торина? — спросила она.

Я поморщилась, симулируя грусть.

— Да.

— Ты уже говорила с ним? У него получится прийти на игру? — спросила она.

Остальные студенты подошли ближе, чтобы услышать мой ответ.

— Да, он придет, — солгала я. И он поможет мне поймать твою жалкую задницу, добавила я. Если бы я знала руны-ловушки, я бы сама все сделала. Я еще никогда так никого не ненавидела, как эту Норну. Она даже обошла Мардж в моем списке ненависти.

— Дай знать, как только увидишь его, чтобы я твитнула, — она достала свой телефон и начала печатать.

Если послушаю ее еще одну секунду, я закричу. Я взяла книги и направилась к лестнице, но затем вспомнила, что должна присматривать за ней.

— Увидимся на ланче, Кора.

— Конечно. Если меня не будет, займи мне место в спортзале. Я хочу проверить, кто из качков будет в будках для поцелуев, — другие девушки захихикали.

Надеюсь, после поцелуя с кем-нибудь она подхватит моноклеоз. Наверху Эрик делал снимки черлидерш. На нем была куртка команды по плаванию, хотя он оставил ее еще неделю назад. Часть меня хотела предупредить его о Мисс Фальшивке. Он будет подавлен, когда узнает, что Кора была в психлечебнице, и он ни разу ее не навестил.

Уроки сократили на десять минут, чтобы дать больше времени на выступление группе поддержки, поэтому утро прошло быстро. Мысли продолжали возвращаться к Коре и подсказкам, которые указывали на ее двойника. Настало время ланча. Я сидела рядом с ней и друзьями из команды, симулируя интерес к предстоящей игре, еще больше извинялась по поводу отсутствия Торина и сдерживала себя, чтобы не бросить ей в лицо еду каждый раз, когда она говорила что-то, что бы сказала настоящая Кора. Я была счастлива уйти из кафетерия.

В последние пятьдесят минут школы студенты высыпали из классов и бегом и с криками направились в спортивный зал. Зал был украшен в золотых, алых и черных цветах. Были поставлены столы для тех, кто хотел, чтобы раскрасили их лицо, живот или грудь. Фальшивая Кора с подружками смеялись, когда присоединились ко мне.

— Мы видели парней в будке для поцелуев, Рейн, — сказала Кора, обнимая меня за руку.

Да, укуси меня.

— Превосходно. Сколько за поцелуй?

— Пятьдесят центов. Это для благой цели, для Кейвилльского гуманного общества. Ты пойдешь туда?

Мне хотелось врезать по ее похожему на Корин носу и потаскать ее за похожие на Корины волосы. Откроет ли она свое истинное лицо?

— Рейн? — позвала она, когда я не ответила.

— Ни за что, — я вздрогнула от мысли. Меня совершенно не интересовало целовать какого-либо парня, кроме Торина. — А ты?

— Я положила глаз на Дрю, — она посмотрела влево, где сидел Эрик, и ухмыльнулась.

— У черлидерш тоже будет четыре будки, — сказала Кикер по другую сторону от Кору. — Один мудака говорил о ласках языком с Оливией Данн.

Оливия Данн была той черлидершей, что просила меня прочесть ее будущее. Большинство парней ее боялись и восхищались одновременно.

— Скорее всего, она его откусит, — сказала Фальшивая Кора.

— Или Джейк побьет бедолагу до полусмерти, — добавила Кикер. Джейк входил в команду по борьбе. Я отключилась на время, когда услышала, что кто-то объявляет о начале выступления группы поддержки.

Кейвис представили пару своих танцев. Затем с импровизированным танцем выступили пятеро футболистов и школьный талисман, что заставило толпу смеяться и свистеть. Я свистела и хлопала вместе со всеми, но внутри меня нарастало напряжение. Затем последовали речи. В последнюю очередь должен был идти флешмоб танец, во время которого проходит сбор средств в будках для поцелуев.

Я написала Эндрису.

«Выводи Эрика отсюда после речей».

«Я уже пытался», — написал он в ответ.

Жаль, здесь нет Торина. Он бы просто вырубил Эрика. Что мне делать? Вдохновение пришло ко мне, когда речь практически закончилась. Если Эрик останется, двойнику Кору придется уйти.

Я подумала об отце, какой станет моя жизнь без него. Глаза наполнили слезы. Драгоценные воспоминания о вещах, которые мы делали вместе, всплыли в моей голове, каждое из них было словно удар ножа по сердцу. Из меня вырвался всхлип, моя боль больше не станет средством манипуляции Норны, что сидит рядом со мной. Это по-настоящему мучительно. Мой папа умирает.

Я закрыла рукой рот, чтобы остановить всхлипы, и поднялась.

— Извините.

— Что-то не так? — спросила Кора, поднимаясь.

— Я не могу... Мне надо идти, — я начала спускаться вниз по трибунам. Люди смотрели на меня и уступали дорогу. Я ступила на пол как раз, когда тренер завершал свою речь. Ученики начинали терять терпение, и четверо футболистов в красных будках для поцелуев нервно прохаживались у входа.

— Привет, — сказал Дрю, когда увидел меня.

Я покачала головой и пошла дальше.

— Рейн, подожди, — позвала меня Кора.

— Что с ней? — услышала я вопрос Дрю.

— Не знаю, — ответила она. — Наверное, Торин.

— Помни, ты должна мне поцелуй, — напомнил ей Дрю, но я не расслышала ответ. Я быстрым шагом пересекала парковку, отделяющую спортивный комплекс от здания школы, когда она схватила меня за руку, вынуждая остановиться.

— Что такое? Ты пугаешь меня.

— У моего папы опухоль головного мозга и... и... ему недолго осталось.

Она обняла меня, и я инстинктивно сжалась. Если она и заметила, то не показала этого.

— Когда ты узнала? Почему не рассказала мне?

— Я узнала два дня назад, — как она может выглядеть и вести себя как настоящая Кора, и быть такой злой.

— Хочешь, я отвезу тебя домой? — спросила она.

Ага, да я больше никогда не впущу ее к себе. Я выбралась из ее объятий, и она опустила

руку.

— Нет. Не стоит.

Она прищурилась.

— Ты знаешь, ведь так?

— Знаю что?

— Правду. Кто я на самом деле, — она засмеялась. — Ты понятия не имеешь, как часто я хотела это сделать, — ее глаза изменились и стали голубыми. Волосы посветлели, и черты лица начали меняться, словно скульптуре придавали новую форму и меняли ее структуру. В следующую секунду передо мной стояла Малиина. — У Норн есть свои преимущества. Я могу выбрать себе любую форму, какую захочу, делать, что хочу, устраивать хаос, и мне все сойдет с рук. Весело, правда? И это только начало.

— Ты сучка! — я сжала ладонь в кулак и занесла его, но она перехватила мое запястье.

— Осторожно. Эрику не понравится, если ты ударишь его драгоценную Кору, — ее черты изменились, и она снова стала Корой, завершив превращение серыми глазами.

Теперь я поняла, почему при взгляде на Ингрид в моей голове всплыло воспоминание. У Кору были серые глаза. А прошлой ночью они были голубыми. У Малиины и Ингрид был одинаковый цвет глаз.

— Мне плевать, что Эрик...

— А не должно. Он идет сюда.

Я повернулась и увидела, как он с Эндрисом и Роджером идет к нам.

— Что происходит? — спросил Эрик.

— У ее отца опухоль мозга, — сказала Фальшивая Кора, игнорируя остальных и смотря только на Эрика. — Ты знал?

— Да, — Эрик посмотрел на меня. — Хочешь пойти домой? Я могу отвезти. Выступление все равно уже закончилось, остались только дурацкие будки для поцелуев. Судя по этим парням, любая достаточно тупая девушка, согласившаяся целоваться с ними, вернется с мононуклеозом.

Эндрис засмеялся. Он бы не смеялся так, если бы узнал о Малиине.

— Я не хочу домой. Скоро начнется игра, и нам останутся отстойные места, если мы уйдем. Эндрис, могу я поговорить с тобой?

— Ой, да ладно. Не сейчас. Мне так жаль твоего отца, Рейн, — Фальшивая Кора обняла меня и прошипела в ухо. — Если ты расскажешь ему, кто я, и испортишь мои планы, я превращу твою жизнь в кошмар. Не волнуйтесь за места, ребята, — добавила она громче. — Дрю позаботится, чтобы нам остались передние трибуны.

Мы группой пошли в сторону поля. Несколько раз я пыталась поймать взгляд Эндриса, но Малиина позаботилась, чтобы я близко к нему не подходила.

Глава 26

Повестка Дня Норн

Мы проигрывали крестоносцам, но игра меня совершенно не интересовала. Не в первый раз нас унижали на нашем же поле, однако, как и раньше, это не погасило энтузиазм черлидерш, не сбило ритм оркестра или испортило настрой студентов. Если бы я не хотела убить одну конкретную Норну, я была бы поглощена всем этим разом, начиная с парней без рубашек, оголивших свою бледную разрисованную грудь и живот, и заканчивая криками с задних трибун.

С левой стороны от меня сидели Эрик, Эндрис и Роджер, с другой - разместились Кикер и новые друзья Малиины, с боку от которой я была зажата. Я пыталась отодвинуться от нее, чтобы сидеть рядом с Эриком и Эндрисом, но она потянула меня за руку, чуть ли не выдергивая ее из сустава.

Я подождала, пока немного спадет уровень шума, и спросила.

— Какая из Норн притворялась мамой Кору, когда я была у нее дома на прошлой неделе?

Она ухмыльнулась.

— Это всё была я. Превосходно, не правда ли? Когда ты написала, что приезжаешь, я прямиком направилась на ферму и убедилась, чтобы ее родители не помешали. Я встретила тебя снаружи, притворившись матерью, а потом через портал попала в ее комнату до того, как ты туда зашла.

— Значит, ты теперь злая Норна, работающая с хорошими Норнами? — спросила я.

— Норны есть Норны, Рейн. Твои, их, хорошие или плохие, просто слова. У нас всех одна цель.

— Портить жизнь людям?

Она радостно усмехнулась.

— Нет, поддерживать баланс. Следить, чтобы круг жизни не прекращался. Мы не можем жить вечно. Норны, с которыми ты имела дело, направляют Смертных, чтобы вы жили своими очаровательными жизнями, а мы, их злые двойники, делаем все возможное, чтобы сделать ваши жизни более, эм, интересными. Жизнь без неудач и боли скучна, — она послала Дрю воздушный поцелуй и посмотрела на Эрика, убедиться смотрит ли он. Он не смотрел. — Эндрис, правда, встречается с этим мальчиком?

Испугавшись того, что она может сделать, я проигнорировала вопрос.

— Что ты задумала, Малиина?

Она рассмеялась.

— Это мое первое задание в качестве Норны, и я собираюсь сделать так, чтобы никто его не забыл.

Я сжала кулаки.

— Эрик тоже часть твоего задания? Он умрет? Поэтому ты забрала мой кинжал?

— Ты просто оставила его в ящике. Такое могущественное оружие, — она приложила кончику руки и закричала: — Вперед, Дрю! Вуу-хуу! — потом она продолжила, словно не отвлекалась; ее взгляд не отрывался от игроков. — Я увидела кинжал в твоей полке два дня назад, когда ты пошла платить за пиццу. Я поняла, что должна забрать его, пока ты не натворила чего-нибудь глупого.

— Я не собиралась использовать его на Эрике, — возразила я. — Он был предназначен для тебя.

Она довольно улыбнулась.

— Тогда мне повезло, что я взяла его. Это одно из немногих оружий, известных мне, которое может убить Валькирий, Норн и богов. Очень привлекательное оружие, — она вскочила и начала с остальными подбадривать игроков, затем снова села. — Что до Эрика, — продолжила она, — не беспокойся за него. Никто не тронет его сегодня или потом. Ему нечего опасаться.

Я не верила ей.

— Что тогда тебе от него надо? Зачем ты постоянно пытаешься заставить его ревновать?

Она усмехнулась.

— «Хаб» и «Дом на Утесе» были лишь проверкой убедиться, что мои руны работают. Видишь ли, Эрик идеальная пешка в игре между тобой и Норнами. Или, лучше сказать, между тобой и теми, кто хочет иметь тебя на своей стороне?

— Зачем кому-то хотеть меня?

Она пристально всмотрелась в меня.

— Ты ведь не можешь быть настолько наивной. Ты должна знать, зачем ты нужна Норнам.

— Да, я могу остановить их, — сказала я.

Она засмеялась.

— Это нечто большее, чем спасение кучки Смертных. Ты можешь их видеть, чувствовать и, вероятно, слышать, если прислушаешься, и это их бесит. Тупые старухи.

— Тебя это, кажется, не беспокоит, — возразила я.

— Потому что у меня есть план, — она снова довольно улыбнулась. — Я не собираюсь оставаться одной из них надолго. Я нахожусь под защитой кого-то гораздо могущественнее. Поэтому ты не можешь чувствовать и видеть меня через мою маску. Я не собираюсь задерживаться здесь надолго, поэтому ты не можешь решить и мою судьбу.

Я затрясла головой.

— О чем ты говоришь? Как я могу решить твою судьбу?

— Не только мою, Норн, богов и девяти царств. Ты дашь первый сигнал, который послужит началом.

Я абсолютно озадаченно уставилась на нее.

— Началом чего?

— Ты, правда, ничего не знаешь? Почему, думаешь, Норны так боятся тебя? Ты провидица, Рейн. Могущественная и необычная провидица. У них для тебя даже есть особое имя. Ты можешь увидеть точное время, когда начнется битва богов. Кто будет контролировать тебя, тот получит преимущество перед соперниками: будь то богами, великанами, кровожадными ублюдками Хель или Норнами? Норны не собираются все оставить на волю судьбы. Нет, они намерены выжить, продолжить управлять новыми мирами, и ты поможешь им в этом.

Могущественная провидица? Я покачала головой.

— Я не верю ни одному твоему слову.

— Зачем мне придумывать такую красочную историю?

— Потому что ты злобная лгунья.

Она рассмеялась.

— Ох, маленькая запутавшаяся Смертная девочка. Можешь верить, а можешь нет. Мне все равно. Ты принадлежишь Норнам. Без их защиты, ты не продержишься и... — конец ее фразы проглотили крики болельщиков. Нам чуть не забили тачдаун. Заиграл оркестр. В голове все закружилось, и на меня накатила паника. Могущественная провидица, способная предсказать день, когда начнется Рагнарёк? Я? Нет, я отказываюсь в это верить. Малиина пытается манипулировать мной.

Мне показалось, что я услышала рев Харлея, но музыка играла слишком громко, чтобы сказать наверняка. Я склонила голову и прислушалась. Ничего не было слышно, но я знала, что Торин вернулся. Я чувствовала его. Сердце громко забилося, и я начала подниматься.

Малиина крепко сжала мою руку и крикнула в ухо:

— СИДЕТЬ!

Если она думает, что может остановить меня на пути к человеку, которого я люблю, то она глубоко ошибается. Я активировала руны силы и скорости. По коже под одеждой словно прошли маленькие разряда тока. Я ждала, пока на ладонях появятся узоры. Малиина не осознавала моего намерения, пока я не схватила ее руку и согнула запястье.

Она задушила крик.

— Как ты...? — она увидела руны на моих руках. — У тебя не должно быть их.

— Не у тебя одной есть секреты, Малиина. И чтобы ты знала, я никому не принадлежу, — я вскочила и побежала к парковке у стадиона. За спиной уже начали скандировать.

— Торин! Торин! Торин!

Оркестр начал играть футбольную “Hey Song”.

Я увидела Торуна, как только спустилась с трибун. Он уже переоделся в футбольную форму. К глазам подкатили слезы облегчения. Смеясь и плача, я побежала и бросилась к нему. Он поймал меня, поднял на руки и, целуя меня, закружил. Меня всю пронзили чувства.

Кто-то выкрикнул его имя. Мы нехотя оторвали губы друг от друга и повернулись. Несколько игроков махали ему руками.

— Иди. Я рада, что ты вернулся, но ты им нужен там.

— Я бы ни за что не пропустил бы такого, — сказал он, ухмыляясь и вытирая мои слезы.

— Ты уже пропустил половину.

— Я не об игре. А о нас. Нашем начале. Не уходи, пока я не вернусь с поля, Веснушка, — он украл у меня еще один поцелуй и ушел.

Все еще улыбаясь, я смотрела, как он уходит. Наше начало. Мне нравится, и я не позволю откровениям Малиины что-либо испортить. Я услышала смешок и резко обернулась, ожидая увидеть Малиину. Но это была Лавания.

— Спасибо, что вернула его, — сказала я.

— Игра важна для тебя, а он не хотел разочаровывать тебя. Узнала что-нибудь новое, пока нас не было?

Я не знала с чего начать.

— Во-первых, я, эм, я хочу извиниться за то, что не рассказала тебе о том, что кто-то рисует на Эрике руны. Мы просто не знали, кому доверять.

Она прищурилась в замешательстве.

— О чем ты говоришь?

Торин не рассказал ей? Я вкратце объяснила то, о чем умолчала у Эрика дома и почему, и рассказала, что узнала о Коре и Малиине.

— Ты была права, ей нельзя доверять, и мне жаль, что я думала, что ты ненавидишь ее, потому что она человек.

Лавания взяла меня за руку.

— Тебе не нужно извиняться. На ошибках учатся, а доверие нужно заслужить. Надеюсь, сейчас ты можешь мне доверять.

— Могу.

— Хорошо. Я тоже хочу доверить тебе информацию, которую никому нельзя рассказывать, — она всмотрелась в мое лицо. — Эрик отправится домой. Нет, не качай головой. Он вернется, когда сможет, но отныне его дом — Асгард.

Я потеряю отца, а теперь и Эрика. Это нечестно. Я боролась со своими слезами.

— Сколько времени у меня осталось?

— Пара часов, — она подтолкнула меня к трибунам, где кричала толпа. — Видишь, это только вопрос времени, когда его найдет мать.

— Кто она?

Ее лицо искривила гримаса.

— Это еще одна новость, которую никому нельзя рассказывать. Торин знает, потому что был рядом, когда мне сказали, — она сделала паузу, а потом прошептала: — Эрик внук Локи. Сын Хель.

У меня закружилась голова. Я остановилась, согнулась вдвое и опустила голову. Теперь все стало ясно — его злая сторона, шрамы на спине. У богини Хель часть лица была как у мумии. Ее братья и сестры, другие дети Локи, предпочитали свои звериные обличья. Бедный Эрик. Какая ужасная родословная.

Лавания погладила меня по спине.

— Ну же. Соберись. Ты нужна Эрику сильной.

Я выпрямилась и вытерла щеки. Лавания посмотрела на меня и покачала головой.

— Так не пойдет, — она достала из-под платья артавус, нарисовала что-то у меня на щеке и улыбнулась. — Ну вот. Гораздо лучше. А теперь выше голову.

— Я должна еще кое-что тебе рассказать, — сказала я и выложила ей все, что говорила мне Малиина. По мере моего рассказа ее глаза становились все больше и больше. Когда я закончила, она схватила меня за руки, словно зажала в тиски.

— Ох, бедное дитя. Я должна была догадаться, что это как-то связано с Рагнорёком. Это событие, которого боги боятся больше всего. Неудивительно, что Фрейя послала меня помочь тебе, — ее хватка усилилась. — Посмотри на меня.

Я беспомощно посмотрела на нее.

— Тебе не стоит об этом волноваться. Норнам не победить. На твоей стороне боги. Запомни это.

Я кивнула, чувствуя облегчение. Совсем небольшое.

— Хорошо. Давай разберемся с этой невыносимой маленькой Норной.

Когда мы вернулись на поле, Малиины уже не было.

— Где Кора? — спросила я Кикер.

— Только что ушла, — она не отводила от игроков взгляд. — Не понимаю, почему ей захотелось пропустить такое. У нас осталось только пять минут.

— Она пропала, — прошептала я Лавании.

Она погладила меня по руку.

— Не переживай, мы найдем ее.

Чувствуя, как бремя упало с моих плеч, я отодвинула мысли о Малиине в сторону и начала болеть за Торина. Толпа поднялась и устрашающе притихла, полностью сосредоточившись на игре. Табло показывали, что мы идем в ничью с крестоносцами, и у них был мяч. Я не понимала футбол. Я знала только, что их целью было захватить мяч. Крестоносцы могли победить. Разбить нас на нашем же поле. Это была бы вершина унижения.

В борьбе за мяч, Торин перехватил его и побежал, лавируя между крестоносцами, в то время как наша защита расчищала ему дорогу. Весь стадион взорвался. Родители решили следить за игрой дома, и мне было жаль, что они не пришли. Торин был великолепен, и последняя игра была самой запоминающейся в истории футбола. Ну ладно, в моей жалкой и короткой истории просмотров футбольных игр.

Когда Торин забил последний тачдаун, толпа сошла с ума и, словно в массовом бегстве, спустилась с трибун на поле. Я схитрила, воспользовавшись рунами, и встретила Торина раньше других игроков.

— Ты был превосходен, — прокричала я.

Весь потный, он сгреб меня в охапку. Мы все еще целовались, когда его друзья по команде подхватили нас и оторвали друг от друга. Я пыталась поймать его руку, но две группы расходились в стороны. Я забыла о своих проблемах, о Малиине, состоянии папы и о том, что Эрик уходит, и засмеялась, наслаждаясь моментом. О Малиине я расскажу ему позже.

Затем я почувствовала знакомое скребущее ощущение, царящее в воздухе. Оно было сильнее, чем раньше. В игру собирался вступить внук Локи.

Я начала искать Эрика как раз, когда везде началась драка. Игроки из нашей команды набросились на Крестоносцев, болельщики начали избивать друг друга. Даже черлидерши не остались в стороне.

— Торин! — он уже стоял на земле и бежал в мою сторону. — Отпустите меня, — закричала я студентам, несших меня, но они не слышали.

Торин выхватил меня прямо из их рук.

— Найди Кору. Что бы она ни делала, она причина этому. Я выведу отсюда Эрика.

— Это не Кора, а Малиина. Настоящая Кора еще с прошлых сборов была под присмотром психиатров. Позже объясню, — затем я увидела Малиину. Она забралась на Дрю, ее ноги обвили его талию, руки запутались в его волосах, а губы не отрывались от его губ. Эрик с застывшим взглядом смотрел на них с трибун. Эндрис и Ингрид пытались достучаться до него, но безуспешно. — Вот он.

— Вижу. Я уведу его отсюда.

— Я найду Малиину!

— Активируй руны, — скомандовал Торин на бегу, используя толпу в качестве прикрытия, и стал невидимым.

Повторяя за ним, я нырнула в толпу и одновременно задействовала руны. Одна за одной они быстро промелькнули у меня в голове. Сила. Скорость. Охрана. Защита. Из-за людей к Малиине было сложно пробиться, но, когда мне это удалось, я выдернула ее из рук Дрю. Он выглядел шокированным, когда она упала на спину. Я нависла над ней, уперев кулаки в ее грудь. Земля вокруг нас затряслась.

Она выкрикивала ругательства и ударила меня в подбородок, чуть ли не выбивая мои зубы. Силой ее удара меня отбросила назад на Дрю, сшибая его и еще нескольких учеников на землю. К тому времени как я поднялась, она уже убегала.

Кто-то схватил меня за руку и вытащил из толпы. Я встретилась глазами с Лаванией, чье лицо было полностью покрыто рунами.

— Убери руны и снова активируй их в порядке трансформация и регенерация, охрана, сила, защита, скорость.

В мгновение я снова была покрыта рунами. Ни фиги себе! Через меня словно пропустили волну электричества.

— Иди за мной, — скомандовала она.

Я послушалась, боясь, что все вокруг станет размытым, и я буду врезаться в людей, однако способ, которым глаза обрабатывают образы, изменился. Как будто время замедлилось и все находилось в замедленном действии, в то время как я двигалась с обычной скоростью. Я все отчетливо видела и могла обходить людей и препятствия. Теперь понятно, как Торин ездит на своем байке, словно сама Хель гонится за ним, и при этом никого не сбивает.

* * *

Мы остановились в уборной внутри спортивного комплекса. Это была та же уборная, в которой я впервые увидела, как Ингрид открывает портал. Зеркало изменилось и открыло проход в гостиную Эрика. Откуда-то из дома раздавались голоса.

— Они здесь, — сказала Лавания.

Я проследовала за ней в комнату. По стене пришелся глухой удар, и фотографии на ней затряслись. Из-за двери выглядывали родители Эрика. Лавания указала им оставаться на месте, когда еще несколько ударов сотрясли дом.

Мы пошли на звуки в холл, который был больше похож на зону военных действий. Стены и мраморный пол были покрыты трещинами и вмятинами, словно здесь прошелся шар для сноса. Пол был усеян разбитым стеклом и рамками для фотографий. В одной стене было пробито несколько дыр, через которые я могла видеть бассейн.

Я увернулась, когда прямо мне в голову полетел бюст Александра Македонского. Эрик и Торин все еще дрались, но в комнате, помимо них, были и другие. На парадной лестнице стояли Мардж, Джаннетт и Кети. Они наблюдали и, как обычно, бездействовали. Эти трусихи никогда бы не замарали руки. В другой стороне зала у зеркала стояла Малиина. В руке она держала кинжал, который Норны отдали мне. Судя по ее запачканной одежде, она тоже дралась с Торином.

— Идем, Эрик, — умоляла Малиина. — Он того не стоит.

— Он никуда не пойдет, — прокричала я.

Эрик перестал отрывать от стены кусок гипсокартона, который он, видимо, собирался использовать в качестве оружия, и склонил на бок голову. Его взгляд по-прежнему был застывший, но он отреагировал на мой голос.

— Рейн?

— Я здесь, — сказала я и направилась к нему, осторожно обходя осколки.

— Она здесь с Лаванией, Эрик, — сказала Малиина, как можно лучше имитируя голос Кору. — Они заодно. Лавания не хочет, чтобы мы были вместе, — Эрик повернулся к ней.

— Продолжай заговаривать ее, я пойду за твоей мамой, — прошептала у меня за спиной Лавания и исчезла.

Зачем ей сейчас понадобилась моя мама?

— Это не так, Эрик, — сказала я. — Я хочу, чтобы ты был с Корой. Настоящей Корой. Она была больна, и сейчас находится дома. Она не Кора. Это Малиина, — я быстро замахала рукой, подзывая Торуна.

— Не слушай ее, — сказала Малиина. — Помнишь, как мы целовались после того, как ушли из «Дома на Утесе». Ты сказал, что без ума от меня, и мы не можем быть вместе. Но мы можем сейчас. Мы уйдем к твоей матери. Ты же хочешь встретить свою маму? Она тоже хочет тебя увидеть, Эрик.

— Моя мама? — спросил Эрик.

Значит, вот какой у нее план. Отвести Эрика к его матери. Должно быть, Хель и есть тот покровитель, которым она раньше хвасталась. Я перевела взгляд на Норн. Меня развеселил вид их шокированных лиц. Их тоже обыграли. Их превзошла одна больная ученица, которую они считали пешкой. Так им и надо.

— Это не работает, — сказал Торин, подходя сбоку, пока я была отвлечена. — Убери ее, а я позабочусь о нем.

— Не надо, — я сосредоточилась на Эрике. — Не слушай ее, Эрик. Твоя мама оставила тебя. Она ни разу за семнадцать лет не навестила тебя. Ты принадлежишь мне и Коре, людям, которые любят тебя, — Торин был прав. Это никуда нас не приведет. — Нам нужна Кора.

— Отличная идея. Дави на его чувства к ней; она его слабое место, — сказал Торин и ушел в гостиную, где, вероятно, воспользуется порталом. Эрик стоял в середине холла и выглядел совершенно запутавшимся.

— Эрик. Мне больно. Пожалуйста. Помоги мне, — он повернулся ко мне; его глаза мерцали. — АУЧ. Больно.

— Нет, не слушай ее, — завизжала Малиина, отходя от зеркала. Мне не понравилось то, как она ухватила за кинжал. Она навредит Эрику, несмотря на то, что работает на его мать? Когда Эрик сделал шаг ко мне, она последовала за ним и занесла кинжал.

Я рванула через холл, кожу начали разукрашивать руны. Я на полной скорости врезалась в нее, но она быстро оправилась и ударом ноги отправила меня в полет. Я ударилась спиной о стену, по всему телу прошла резкая боль. Я приземлилась на четвереньки и тут же налетела на нее. Она, используя мой вес и инерцию, закружила меня, однако я крепко ухватила за ее руки и не отпускала.

Мы покатались по полу, пока она не прижала меня. Малиина занесла надо мной кинжал и опустила его. Я перехватила ее за запястья, не позволяя ей вонзить кинжал мне в грудь. Если этим клинком можно убить богов и Норн, он, определенно, может укоротить и мою жизнь. По ее лицу стекал пот, а глаза сузились, как у сумасшедшей. Я затрясла головой, чтобы пот не капал мне в глаза.

— Тебе не победить меня. У меня руны Норны, — похвастала Малиина, прерывисто дыша.

Она была сильнее, но я была зла. Я уперлась ногами о пол и попыталась спихнуть ее с себя.

— Ты собиралась его убить, тварь.

— Всего лишь следую инструкциям. Вернуть Эрика домой или покончить с ним...

Кто-то сбросил ее с меня и отправил в полет. Она врезалась в стенку и сползла на пол. Я глазами встретилась с Торином. Он снова спас меня от Малиины. Он протянул мне руку и поднял в свои объятия.

— Рейн, ты как? — спросил Эрик, привлекая мое внимание. Его глаза снова были ясными, а руках он держал Кору, склонившую голову на его плечо. Наверное, Торин принес ее, пока я сражалась с Малииной.

— Она спит, но я нанес на нее руны, в случае если она проснется, — объяснил Торин.

— Мне кто-нибудь может объяснить, что здесь происходит? — взревел мой папа. Он стоял возле зеркала рядом с мамой и Лаванией. Для умирающего у него довольно сильные легкие.

— Да, и почему здесь две Кору, — добавил Эрик.

Торин подошел к Малиине, которая лежала, словно тряпичная кукла, ее руки и ноги были согнуты под странными углами. Он поднял кинжал и спрятал его за пояс, затем склонился над Малииной и нарисовал своим артавусом руны на ее руках. Ее черты начали меняться, пока она не стала собой. Лицо Эрика выражало шок.

— Рейн, не объяснишь? — спросила Лавания.

— Вообще-то, я думала, лучше пусть они, — я махнула в сторону лестницы, где стояли Мардж, Кети и Джаннетт, — объясняют, — непонимание на лицах Валькирий и папы подтвердило мои подозрения. Норн были невидимы. — Все хотят видеть вас.

Норны не выглядели счастливыми, однако, снова стали видимыми.

— Мы ни перед кем не отчитываемся, — сказала Мардж.

— Тогда я объясню, раз вы не в силах, — я пересказала все, что мне рассказала Малиина, и подытожила: — Малиина решила, что лучше доставит Эрика Хель чем оставит вам.

Норны ничего не ответили, по их лицам нельзя было что-либо сказать. Эрик выглядел озадаченным, в то время как Торин и родители Эрика, которые вошли в зал, уставились на меня, словно впервые увидели. Судя по маминой улыбке, Лавания рассказала ей о том, что я провидица. Почему она решила сделать это, пока я дралась с Малииной, осталось для меня загадкой.

Последовавшее молчание пугало. Первым его нарушила мама.

— Моя маленькая девочка — провидица, — сказала она с гордостью, подошла ко мне и взяла за руку; ее глаза были влажными, словно она боролась со слезами. — И не обычная провидица, — затем повернулась лицом к Норнам. — Вы знали. Вы трое... — она покачала головой. — Я не знаю с чего начать. Вы увидели будущее и решили изменить его. Понятно, зачем вы отметили ее, когда она родилась, пытались манипулировать ей, чтобы она присоединилась к вам и спасла Эрика от Хель. Я лично расскажу богине Фрейе о том, что вы спланировали и через что заставили пройти моего ребенка.

— Тебе нельзя в Вальгаллу, — сказала со смешком Джаннетт.

— Один шаг туда — и тебя прямиком отправят в чертоги Хель, — добавила Мардж.

— Не отправят, не после того, как боги узнают, что ее дочь не какая-нибудь обычная провидица, — вмешалась Лавания. — Она Вёльва, та, что видит и слышит все.

Мама ухмыльнулась.

— Та, чью судьбу вы не можете контролировать, вы злобные старые ведьмы, и за чьи

действия не можете наказывать.

— У нас уже давно не было таких, как она, с изначальных времен, — Лавания посмотрела на мою маму, и они обменялись улыбками. Когда Лавания повернулась к Норнам, улыбка на ее лице исчезла. — С этого момента Рейн под защитой богов. Троньте ее — и почувствуете их гнев.

Ярость в их глазах была незабываемой. Я не могла сдержать ухмылку, хотя в голове все еще не укладывалось, что я одна из Вёлур, провидиц могущественных настолько, что даже боги приходили к ним за советом. Лавания рассказывала о них, когда мы проходили жителей Асгарда. Именно Вэльва рассказала Одину о том, как были созданы миры, как они будут уничтожены во время Рагнарёка, кто из богов погибнет, а кто выживет, и как новые миры будут вновь заселены. Норны могли контролировать судьбы любого, даже богов, но судьба Вёлур им не подвластна, что объясняет, почему они так сильно хотели заполучить меня.

— Что ж, покончим с этим, — сказала Лавания, взяв положение в свои руки. — Эрик, отнеси Кору домой.

Эрик крепче сжал ее в своих руках.

— Нет.

— Да, — настояла Лавания. — Когда ты вернешься, она будет здесь. Она никуда не уйдет, — она кивнула Торину. — Отведи Рейн домой и возвращайся на стадион. Поможешь Эндрису и Ингрид.

В животе все упало. Значит, кто-то сегодня умер. Сколько на этот раз?

— Торин никуда не уйдет, — зал прорезал голос Мардж. — Он должен принять последствия своих действий. Он изменил его, — она указала на моего отца, — будущее, когда заключил сделку с Гримниром, который должен был забрать его душу. Ни одна Валькирия не может безнаказанно изменять судьбу души.

Реакция моих родителей открыла что-то новое для меня. Они не знали, что Торин сделал. Мама смотрела на него с благодарностью, а папа...каких бы сомнений у него ни было насчет Торины, сейчас они все развеялись.

— Я могу, — сказала я, и все взгляды обратились на меня. Норны были, определенно, удивлены. — Это я сказала Торину найти моего отца и привести его домой. Я, а не он, изменила его судьбу. Поэтому, если хотите кого-то обвинить, вините меня. Не его. Если тронете его, снова сотрете его воспоминания или даже подумаете о том, чтобы отправить его куда-либо, будете иметь дело со мной.

Теперь их лица выражали не шок, а ярость. Их тела, одежда и волосы изменились и приняли их истинную форму. Древние лица, покрытые морщинами, глаза светились, тонкие платья ниспадали до пола — во всем их виде было нечто первобытное. Забавно, что страх перед ними исчез.

Они проплыли вниз по лестнице и подошли ко мне. Не представляя, что они задумали, я следила, как они подходили все ближе и ближе. Слева от меня встал Торин, справа — моя мама. Лавания присоединилась к ней. Папа, чувствуя себя совершенно не в своей тарелке, следил за нами с другого конца зала. Даже Эрик отвел взгляд с лица Кору и смотрел на нас. Его родители по-прежнему сохраняли дистанцию.

— Может, ты и можешь видеть будущее любого, но ты не можешь увидеть свое, Лоррейн, — сказала Мардж, ее голос жутко отдавался эхом у меня в голове. — В этом и будет твоя смерть.

— Большинство вёлур — Норны. Пусть они и не такие могущественные, как ты, но если

бы ты присоединилась к нам, они бы направляли тебя, — добавила Джаннетт.

— Будь осторожна, Рейн, — сказала Кети. — Может ты и под защитой богов, но не все боги хорошие, как ты могла понять сегодня. Поэтому если тебе понадобится наша помощь или помощь других вёлур, позови нас, — другие уставились на нее, но она продолжила: — И ты ее получишь.

Я кивнула и смотрела, как они подходят к бессознательному телу Малиины, холодный воздух следовал за ними, словно хвост кометы. Они подняли ее и исчезли.

Я зарылась в грудь Торина. От него пахло потом, кровью и грязью, но мне было все равно. Я никогда его не отпущу. С ним я в безопасности. Этот их мир запустил в меня крученный мяч, и я больше не знала, что и думать. Должна ли я вообще становиться Валькирией?

— Что они сказали, — спросила мама.

Я посмотрела на нее.

— Вы их не слышали?

— Нет, — ответила она.

Торин тоже покачал головой.

— Ты кивала, поэтому они, наверное, что-то сказали.

Лавания, Эрик и его родители смотрели смотрели на меня с ожиданием услышать ответ. Мне не хотелось все им пересказывать, поэтому я передала только предложение Кети.

— Они сказали позвать их, если мне когда-нибудь понадобится их помощь.

Мама засмеялась.

— Они никогда не отступятся? Ты никогда не пойдешь к ним за помощью.

— У тебя есть мы, — добавила Лавания. Даже Торин кивнул.

Я не могла предвидеть мое будущее, поэтому только они могут защитить меня от Норн. Ну и боги, конечно.

— Отнеси Кору домой, Эрик, — сказала Лавания. — Когда вернешься, я объясню тебе и твоим родителям несколько моментов. Торин, ты знаешь, что делать.

Я взглянула на маму, которая отошла от меня и теперь нежно разговаривала с папой, они обнимали друг друга. Я там лишняя. Я была рада, что они узнали, что Торин сделал для нас. Он выглядел, словно на него упала тонна кирпичей. Нет, как гигантский небоскреб из арматурной стали, так как уверена, что тонну кирпичей он бы выдержал.

— Иди же, — прошептала я и потянула его за руку.

Я впервые использовала свой артавус, чтобы открыть портал к себе в спальню. Когда портал закрылся, Торин взял в руки мое лицо и с восхищением посмотрел на меня, уголки его губ поднялись в улыбке. Такой взгляд не шел ему. Мне нравилось, когда он был дерзким и самоуверенным.

— Не смотри на меня так, — предупредила я.

— То, как ты защищала меня там перед Норнами... — он ухмыльнулся.

— Что же, думаю каждому хоть раз в жизни можно вывести их из себя.

— Ты сделала это дважды.

Я вздрогнула.

— И надеюсь, это был последний раз.

— Они больше не помешают тебе. Ты Вёльва.

— А ты Валькирия, поэтому мы отлично подходим друг другу.

— Даже близко не стоим. Ты советуешь богам. Я советую душам. Ты ужасно

могущественна, а я...

— Должен заткнуться и поцеловать меня.

Смеясь, он поцеловал меня, не торопясь, доказывая мне, что наши силы не определяют, кто мы есть. Наша любовь выше этого. Сила его поцелуя, нежность в его прикосновениях и биение его сердца являлись тому подтверждением.

Он ослабил поцелуй и с нежностью посмотрел на меня.

— Я люблю тебя, Веснушка.

Наконец-то!

— Всем своим сердцем, — шепотом повторила я слова, которые он сказал мне несколько дней назад.

Мы поцеловались, и затем он отступил.

— Мне надо идти. Жди меня.

— Всегда, — он должен собрать души и проводить их в Вальгаллу. Это может занять несколько часов или дней, но я знала, что он вернется. Ради меня. Ради нас. — Я никуда не уйду.

Эрик пришел спустя несколько часов после того, как я зашла в свою комнату. Горло сдавило от грусти, и мне пришлось прочистить его, прежде чем говорить.

— Ты выглядишь слишком мрачно для того, кто скоро вернется домой и увидит свое семью.

На его лице появилась печальная улыбка.

— Не люблю уходить, когда ничего не улажено.

— Ты о себе и Коре?

Он кивнул.

— Мы должны были знать, что она была в той больнице. Наверное, она думает, что мы бросили ее.

— Знаю, но думаю, она все поймет, когда ты объяснишься с ней.

В его глазах появилась решимость.

— Я расскажу ей все, когда вернусь. А ты пока попытайся наладить с ней отношения.

— Мог и не просить, — у меня начало резать глаза. — И ты сделай мне одно одолжение: присмотри за моим папой, когда он окажется в Вальгалле.

— Ты тоже могла не просить, — улыбнулся он; в его глазах появился игривый блеск. -

Посмотри на нас, говорим о Вальгалле, как о поездке в Портленд. Ты могущественная провидица, а я сын злобной богини, — его голос изменился, стал испуганным. — Фраза «отродье Хель» только что приняла новый смысл.

Я подошла и обняла его.

— Ты Эрик, а я Рейн. Лучшие друзья навсегда. Остальное для меня неважно.

— Для меня тоже, — прошептал он и отошел на шаг. Он потер руки о свои штаны, показывая свою нервозность. — Мы уходим через пару минут.

— Они полюбят тебя там, наверху, и никогда не захотят отпускать... — мой голос задрожал и оборвался.

— Не надо. Клянусь, если ты заплачешь, я... я только вернусь проведать Кору, — его глаза стали ярче.

— Попробуй, и почувствуешь мой гнев. Не забывай, я вёлва.

— Да, ты видишь будущее. И что? Я могу превратить этот город в мертвую зону, — смеясь, мы обнялись. — И не выбрасывай мою выдвижную кровать. Она мне понадобится, когда я вернусь.

— Обещаю.

Я не заплачу... Я не заплачу...

Он исчез в портале, и из глаз полились слезы. Я сидела на подоконнике, представляя свою жизнь без него и папы, когда в комнату вошел Торин. У меня по-прежнему был он. Он поднял меня на руки, сел на мое место и устроил у себя на коленях, крепко обняв руками. Мы долго так просидели. Иногда он целовал мои волосы или лоб и стирал с лица слезинки.

— Сколько сегодня погибло? -

шепотом спросила я.

— Четверо. Один чужой. Трое наших, среди них одна черлидерша.

Неудивительно, что Ингрид затесалась в лагере.

— Дрю и Кейт?

— Дрю в порядке. Он сказал, что-то повалило его и группу парней, и он подвернул лодыжку. Он похромал с поля. Это спасло ему жизнь. Ты же к этому не причастна, да?

— Малиина отбросила меня на него, а так как на нас были руны...Кейт не смог выжить?

— Нет.

Так грустно и трагично. Я вздохнула.

— Мне очень жаль, что я не смог рассказать тебе о болезни твоего отца. Я дал ему слово.

— Все нормально. Спасибо, что дал нам время попрощаться. Я не знаю, как долго он еще пробудет с нами, поэтому хочу по полной использовать это время, — я поменяла позу, чтобы увидеть его лицо. — Что ты пообещал Гримниру за то, чтобы он не забирал его душу?

— Эхо? Ничего. Я просто попросил его отвернуться. Мне с ним повезло.

Я всмотрелась в его лицо. Гримнир работал на Хель, и сейчас она может прийти за мной, учитывая, что Малиине не удалось вернуть ей Эрика.

— Не ври мне, потому что я не могу позволить себе потерять и тебя тоже. Эрик ушел, и папа скоро уйдет. Если ты ему пообещал что-либо, скажи мне, Торин.

— Я ничего ему не обещал и я никуда не уйду, Веснушка. Никогда. У нас с тобой целая вечность. Но для начала нам надо превратить тебя в Валькирию, — он ухмыльнулся в предвкушении. — Вёлур, если хочешь знать, прохлаждаются целыми днями, в то время как Бессмертные прислуживают им, а боги соперничают за их внимание. Я хочу, чтобы мы были вместе. Здесь. Всегда.

Мне хотелось сказать что-нибудь язвительное, потому что идея собирать души мало меня привлекала, но я просто улыбнулась. Ради Торины Сент-Джеймса я научусь собирать души, потому что вечность с ним звучит прекрасно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Конец

[←1]

Амвон — (от др. греч. «возвышение») — это место, с которого священник читает Святое Писание или проповедь. (прим. ред.).